Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

В.Н. Винокуров

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНИМАНИЕ, ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И СИСТЕМА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Красноярск
СибЮИ МВД России
2018

УДК 343
ББК 67.408

Рецензенты: Н.А. Егорова – доктор юридических наук, доцент (Волгоградская академия МВД России);
Т.А. Плаксина – доктор юридических наук, профессор (Барнаульский юридический институт МВД России)

.

Монография подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом В.Н. Винокуровым.

Винокуров, В.Н.
Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система Особенной части УК РФ / В.Н. Винокуров. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – 344 с. – ISBN 978-5-7889-0263-0.

В монографии рассматривается такое сложное и многогранное понятие, как «объект преступления». Для этого объект преступления рассматривается как объект уголовно-правовой охраны, как элемент состава и как объект реально совершенного деяния. Также общественные отношения, выступающие объектом преступления, рассмотрены как обезличенные социальные связи между обезличенными субъектами и как совокупность типизированных устойчивых связей. Это позволило автору не только критически проанализировать существующие концепции понятия «объект преступления», но и рассмотреть учение об объекте преступления в прикладном аспекте, показать значение объекта преступления для конструирования норм Особенной части УК РФ и квалификации деяний.

ISBN 978-5-7889-0263-0

В.Н. Винокуров, 2018
Сибирский юридический институт МВД России, 2018

Оглавление

Введение 1
Глава 1. Общественные отношения как социальная категория, предмет правового регулирования и объект преступления 9
1.1. Понятие, признаки, структура и аспекты понимания общественных отношений 9
1.2. Причинение вреда общественным отношениям как основание общественной опасности преступления 19
1.3. Уровни объекта преступления и квалификация деяний 27
1.4. Место интересов субъектов отношений в структуре объекта преступления и их значение 35
1.5. Социальная связь как непосредственный объект преступления и применение уголовного закона 43
Глава 2. Вопросы понимания объекта преступления и его значение 51
2.1. Аспекты понятия «объект преступления» и его значение 51
2.2. Человек в системе общественных отношений и критерии построения Особенной части УК РФ 63
2.3. Понимание объекта преступления и толкование уголовного закона 79
2.4. Объект преступления в структуре предмета уголовно-правового регулирования 89
2.5. Непосредственный объект преступления и его место в классификации объектов преступлений 107
Глава 3. Предмет отношений как видовой объект преступления. Классификация предметов отношений и её значение 114
3.1. Предмет отношений как видовой объект преступления. Способы его установления и конструирование норм Особенной части УК РФ 114
3.2. Классификация общественных отношений и её значение 125
3.3. Увеличение объема обеспечивающих отношений и эффективность норм уголовного права 136
3.4. Виды отношений и применение норм уголовного права при причинении вреда двум и более потерпевшим 143
3.5. Правовая и фактическая включенность субъектов отношений, как установление границ объекта преступления – совершенствование законодательства и квалификация деяний 155

3.6. Вопросы квалификации при воздействии на объект преступления специальным исполнителем 168
Глава 4. Последствия как форма выражения и закрепления объекта преступления в законе 176
4.1. Соотношение преступного вреда и последствий преступления 176
4.2. Способы закрепления последствий преступления в диспозициях норм Особенной части УК РФ 180
Глава 5. Потерпевший от преступления: указание на объект преступления и его закрепление в законе 194
5.1. Признаки потерпевшего в уголовном праве 194
5.2. Вред, причиненный потерпевшему, и его виды 199
5.3. Непосредственность причинения вреда потерпевшему: конструирование норм и квалификация деяний 203
5.4. Отношение к причиненному потерпевшему вреду 210
Глава 6. Предмет преступления: указания на объект преступления и его закрепление в диспозициях норм Особенной части УК РФ 216
6.1. Признаки предмета преступления, его место и значение в системе состава преступления 216
6.2. Значение отграничения предмета преступления от предмета совершения преступления 234
6.3. Классификация предметов преступления. Квалификация деяний и конструирование норм Особенной части УК РФ 245
6.4. Классификация предметов совершения преступления и квалификация деяний 265
Заключение 273
Список литературы 299

ВВЕДЕНИЕ

Последнее время характеризуется осмыслением изменений в УК РФ и практики применения его положений в свете доктрины уголовного права. Важность исследования объекта преступления обосновывается тем, что его характер определяет общественную опасность деяния. Согласно указанию Верховного Суда РФ, при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред.[1] Объект преступления определяет систему Особенной части УК РФ, на его основе происходит установление границ преступного поведения и признаков, раскрывающих содержание объективной и субъективной сторон состава преступления, а также субъекта. В законе необходимо отразить и закрепить сферу отношений, поставленных под охрану уголовного закона.

Однако установление и описание в законе признаков, характеризующих сферу отношений, функционированию которых преступление причиняет вред, представляет сложность ввиду абстрактности и неосязаемости такого явления, как общественные отношения. Это привело к не имеющим практического значения спорам о том, что является объектом преступления. Уголовное право – наука прикладная, и как наука для науки без выхода на законодательство и практику обладает низким коэффициентом полезного действия[2], поэтому необходимо выработать способы конкретизации общественных отношений как объекта преступления и закрепления их в законе.

При этом неизбежно возникают две противоположные тенденции. Признание общественных отношений непосредственным объектом приводит к неоправданно широкому применению норм уго-

---

[1] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58.

[2] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 304.

ловного права и нарушению принципа законности, проблемам установление момента окончания преступления и определения размера причиненного ущерба. Детальное описание тех явлений, на которые воздействует преступление, порождает казуальность изложения запретов и на первый взгляд облегчает применение норм уголовного права, но увеличивает количество статей. Кроме того, в этом случае значительная часть общественных отношений, от нормального функционирования которых зависит развитие личности, общества и государства, со временем не будет охватываться уголовно-правовой охраной.

В последние десятилетия объекту преступления были посвящены докторская диссертация Г.П. Новоселова и кандидатские – Э.В. Георгиевского, О.К. Зателепина, О.А. Мотина, В.А. Краснопеева, И.П. Семченкова, Е.А. Корякиной, характеризующиеся критикой учения об объекте преступления в советский период и механическим переносом на современную действительность идей правоведов досоветского периода. Их единственным достижением является то, что им удалось обратить внимание на дореволюционное наследие науки уголовного права и вовлечь его в орбиту современной научной дискуссии, что привело к расширению кругозора и увеличению вариативности теоретических предпосылок учения об объекте преступления[1]. Кроме этого теоретические исследования свелись к дискуссии о том, кому – человеку или общественным отношениям – преступление причиняет вред. По всей видимости, это объясняется, во-первых, тем, что 90-е годы XX века и начало XXI веков характеризуются нигилизмом, как гипертрофированно выраженным сомнениям в известных ценностях и принципах при отсутствии какой-либо позитивной программы, когда все и вся переосмысливалось, осуждалось и отвергалось. С одной стороны, нигилизм имеет очистительную функцию, а с другой – побочные последствия, так как сплошной поток негатива сметает и позитивные итоги[2]. Во-вторых, учение об объекте преступления стали рассматривать через призму положений Конституции РФ о приоритете личности над обществом и государством. В-третьих, недостаточным уяснением общественных отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны и предметом правового регулирования как неосязаемого явления и абстрактного понятия. Это послужило причиной отказа от

[1] Бочкарев С.А. Квазиценность современного учения об объекте преступления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3(4). С. 125-126.

[2] Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 208.

концепции «объект преступления – общественные отношения», отрицания наработок теории советского уголовного права, положения которой сформировались под влиянием идеологии, упрощенного подхода к общественным отношениям как объекту уголовно-правовой охраны, а также основания для рассмотрения в качестве объекта преступления человека, интересов и правовых благ.

Большое количество публикаций, посвященных объекту преступления, привело к значительному расхождению мнений о том, что следует признавать объектом преступления: личность, человека, общественные отношения, правоотношения, интересы, блага. Необходимо выработать понимание объекта преступления, отвечающее положениям Конституции РФ, пригодное для законодателя и правоприменителя, что представляет сложность вследствие многоаспектности этого явления.

Усложнение имущественных отношений, изменение в обществе роли информации, включение в товарный оборот объектов экологии, размытость границ уголовно-правового регулирования отношений в сфере общественной нравственности и здоровья населения порождают необходимость совершенствования формулировок уголовно-правовых норм.

С развитием теории уголовного права, социологии, изменения взглядов на предмет правового регулирования уголовного права назрела необходимость определиться с пределами уголовно-правового реагирования на отношения, не регламентированные иными отраслями права, возможностью уголовно-правовой охраны неправомерных интересов субъектов, установления пределов правомерного причинения вреда, местом понятия «интерес» в структуре общественных отношений, соотношением понятий «предмет отношений» и «предмет преступления». Также следует решить вопрос о соотношении понятий «вред» и «последствия преступления», определить момент окончания преступлений и вопросы квалификации совокупности преступлений, вопросы дифференциации ответственности в зависимости от степени воздействия на объект и количества потерпевших.

В работе исследованы правотворческие и правоприменительные аспекты объекта преступления, анализируются положения теории уголовного права и законодательства досоветского и советского периодов, практика его применения, положения зарубежного законодательства с целью конкретизации, установления и описания объекта преступления в законе.

Для решения вопроса о соотношении понятий «предмет отношения» и «предмет преступления» общественные отношения рас-

сматриваются как совокупность типизированных устойчивых связей, что имеет значение для системы законодательства и формулировок норм Особенной части УК РФ, и как индивидуальные обезличенные (не персонифицированные) социальные связи между субъектами, что учитывается при квалификации деяний и назначении наказания.

Для устранения разногласий в теории объект преступления рассматривается в трех аспектах: аксиологическом – как объект уголовно-правовой охраны, правовом – как элемент состава преступления, имеющий наибольшее значение, материальном – как объект реально совершенного деяния.

На основе исследования структуры общественных отношений выделены условия их существования (человек и экология) и развития (государство). Предложена система Особенной части УК РФ.

Потерпевший рассматривается как уголовно-правовое понятие, характеризующее объект преступления, что позволило разрешить вопросы о видах причиняемого преступлением вреда, пределах его правомерного причинения и установлении причинной связи.

Разработана классификация общественных отношений как объекта преступления, а также предметов преступления. Предложено понятие «предмет совершения преступления», при совершении действий с которыми возможна малозначительность деяния.

ГЛАВА 1
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ, ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. Понятие, признаки, структура и аспекты понимания общественных отношений

В теории уголовного права до недавнего времени доминировала позиция о признании объектом преступления общественных отношений. Но в последнее время таковым предложено признавать блага, интересы людей, выступающих как отдельные физические лица либо как множество лиц[1].

Это обосновано тем, что, во-первых, при анализе конкретных составов объект преступления описывается не как общественные отношения, а как «государственный строй», «личность», «жизнь и здоровье человека», «интересы правосудия», что не является общественными отношениями.

Во-вторых, категория «общественные отношения» более абстрактна, чем любая другая категория уголовного права. В философии под общественными отношениями понимают устойчивые, а в уголовном праве – любые связи, в том числе и индивидуальные. Понимание общественных отношений в философии и уголовном праве различно, их сложно интерпретировать для правоприменения.

В-третьих, не понятно, что происходит с общественными отношениями после преступления, которое всегда их нарушает. Но это не составляет сущности общественной опасности. Преступление причиняет вред определенным ценностям (благам), а через них –

[1] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 149; Пашковская А.В. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 202; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60.

личности, обществу, государству, для охраны которых и существует уголовный закон. Признание объектом преступления общественных отношений не позволяет объяснить, как преступление может причинить физический, моральный, материальный вред, и рассматривать потерпевшего как субъект уголовно-правовых отношений, что исключает его влияние на возникновение и прекращение этих отношений при причинении вреда его собственным интересам. Поэтому интересной представляется концепция «объект преступления – правовое благо – охраняемая ценность»[1].

Рассмотрим первый довод о том, что при анализе конкретных преступлений объект рассматривается не как общественные отношения, а как *государственный строй, личность, жизнь и здоровье человека, интересы правосудия*. Учитывая, что преступление причиняет вред разнообразным отношениям, например разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) угрожает территориальной целостности и экономической безопасности Российской Федерации, в целях экономии места в диспозиции статьи Особенной части УК РФ объектом преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, признают обороноспособность государства. Если толкование нормы, в которой объект указан через последствия, предметы преступлений либо потерпевших, позволяет его установить, то об объекте не упоминают[2]. Отсутствие в диспозициях уголовно-правовых норм указания на объект преступления как на общественные отношения объясняется приемами законодательной техники. Так, в определении Верховного Суда РФ от 12 мая 2011 г. № 67-Д11-10 отмечено, что объектом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является здоровье населения. В то же время Конституционный Суд РФ указал, что непосредственным (видовым – *прим. авт.*) объектом преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, выступают отношения по соблюдению порядка образования и функцио-

[1] Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права : межвуз. сб. научн. трудов. М., 1994. С. 15; Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 24; Расторопов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств. СПб., 2006. С. 238. С. 40; Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 30; Сидоренко Э.Л., Карабут М.А. Частные начала в уголовном праве. СПб., 2007. С. 79.

[2] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 147-148; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 117; Ковалев М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву. Свердловск, 1987. С. 71.

нирования вооруженных формирований на территории РФ, а непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, – общественная безопасность в сфере обращения с оружием[1]. В теории отечественного права досоветского периода объектом преступления признавались конкретные отношения, вещи, состояния лиц или вещей, охраняемые законом под страхом наказания и именуемые для краткости правовыми благами[2].

Исследуем второй довод, заключающийся в том, что в уголовном праве понятие «общественные отношения» имеют иной смысл, чем в философии. Категория «отношения» является более сложной и абстрактной, чем «вещь» и «свойства», которые можно видеть и чувственно воспринимать. Отношения же чувственно не воспринимаются. Но если независимо от нашего сознания существуют материя и вещи, то независимо от него существуют и отношения, которые можно определить через вещи объективного мира[3]. В философии под отношением понимают опосредованную связь объектов (явлений) без указания на её промежуточные звенья[4]. «Связь» и «отношение» – это однопорядковые понятия, различающиеся тем, что связь выражает *механизм взаимодействия вещей*, а отношение – *результат их взаимодействия,* отражающий существующую возможность связи и взаимодействия вещей, их наличие. Отношение характеризуется общими, устойчивыми и повторяющимися моментами, которые интегрируют и придают целостность множественности актов, а связь – единичностью, дискретностью и конкретностью проявления. Поэтому общественные отношения – это одна из форм всеобщей связи и взаимодействия и высший тип отношений[5].

В таком же аспекте рассматривают связь и отношение и в теории права. Становление общественного отношения – это процесс «движения» от социального характера связи между отдельными

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тазауркаева Ахмеда Сайдуловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 208 и частью третьей статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 896-О-О.

[2] Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 132-133.

[3] Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 50-51; Кучевский Б.В. Анализ категории «материя». М., 1983. С. 43.

[4] Свидерский В.И., Зобов Р.А. Отношение как категория материалистической диалектики // Вопросы философии. 1979. № 1. С. 90.

[5] Кучевский В.Б. Указ. соч. С. 43; Кривуля А.М. Диалектика общественных отношений и человеческой деятельности. Харьков, 1988. С. 30; Андреев Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985. С. 45.

субъектами к фактическим, первоначально единичным отношениям, а от них – к общественным (значимым для общества)[1]. В уголовном праве общественные отношения – это результат множества разнообразных социальных связей большого числа людей. Их нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять индивидуальным отношениям, формирующимся под влиянием общественных факторов, а общественные – воссоздаются личными отношениями, которые являются общественными, включая в себя момент типизированного. Перерастая в общественные, отношения отделяются от своих индивидуальных качеств, приобретая самостоятельность. В основе общественного отношения лежит не единичное отношение, а их определенный тип[2].

На обобщенном уровне общественные отношения: возникают между людьми, наделенными социальными свойствами; носят безличный и нормативный характер, существуют до появления конкретного человека и устойчивы вследствие их повторяемости; являются результатом деятельности людей, направленной на удовлетворение их интересов. Поэтому общественные отношения – это устойчивые, типизированные интегративные социальные связи, возникающие между субъектами на основе их совместной деятельности[3]. Индивидуальные отношения (социальные связи) выступают в качестве единичного, а общественные отношения – общего[4].

В то же время признание охраняемых общественных отношений объектом преступления дает лишь общее представление о нем, которое абстрактно и «оторвано» от насущных проблем[5]. Для использования понятия «общественные отношения» правоприменителю необходимо более конкретное его описание в законе. Это возможно посредством системно-структурного анализа общественных отношений и их элементов. Категории системного подхода «элемент», «функция» и «структура» идентичны первичным категориям

---

[1] Гревцов Ю.И. Правоотношения – разновидность общественных отношений // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 51.

[2] Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 95, 102.

[3] Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 28; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 37; Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 14-15.

[4] Каиржанов Е.К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, 1973. С. 19.

[5] Тоболкин П.С. Указ. соч. С. 91.

«вещь», «свойство», «отношение» и отличаются от последних тем, что они спроецированы на объект как систему[1].

В доктрине уголовного права, основываясь на разработках философов[2] и структуре правоотношений, выделяют такие элементы отношений, как их субъекты, социальную связь или взаимодействие между субъектами (общественное отношение в собственном смысле слова), интересы, как возможность действовать определенным образом или пребывать в определенном состоянии, и определенные факторы, опосредующие возникновение этой взаимосвязи, повод для установления и существования социальной связи между людьми, к которым относятся предметы материального мира (вещи, документы и т.д.), духовные ценности (честь, убеждения и т.п.), политические факторы (независимость государства, равноправие и т.п.) и др.[3] Следовательно, структуру общественных отношений составляют такие элементы, как их субъекты, предмет отношений – то, по поводу чего они сложились, и взаимосвязь между субъектами по поводу этого предмета[4].

Законодатель, используя структуру общественных отношений, выделяет определенные элементы, закрепляет их в диспозиции статьи Особенной части УК РФ с учетом их функций, указывая объект преступления. В зависимости от того, с какой стороны законодатель стремится поставить их под охрану, они выступают как государственные или общественные установления, субъекты отношений, интересы субъектов и лежащие в основе этих интересов материальные, политические и т.п. ценности[5]. В диспозициях статьей Особенной части УК РФ непосредственный объект преступления чаще всего обрисовывается не как соответствующие отношения, а как элемент, непосредственно подвергающийся преступному воздействию[6].

Включение в общественные отношения как совокупности социальных связей предметов материального мира основывается на

---

[1] Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 37.

[2] Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 23-69.

[3] Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 165-167; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 10-11.

[4] Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика) : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1997. С. 11.

[5] Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1974. С. 59; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 167.

[6] Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 165-167; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 10-11.

том, что концепция «объект преступления – общественные отношения» складывалась, когда теорию общественных отношений еще не разработали в социологии. Однако использовалось понятие «правоотношение» – как урегулированное нормами права отношение между конкретными субъектами, структура которого была механически перенесена на общественные отношения[1]. Учитывая, что правоотношения – это отношения между конкретными субъектами по поводу определенных предметов, о включении предметов материального мира в их структуру следует говорить лишь на уровне социальной связи. Включение в общественные отношения предметов материального мира как формы их выражения делает их «осязаемыми», т.е. конкретизирует. Вследствие отождествления социальной связи между конкретными субъектами и типизированными связями, сложившимися в обществе, предметы материального мира рассматривают в качестве предмета отношений. Действительно, то, по поводу чего субъекты в конкретном случае вступают в отношения, является их предметом, но для общественных отношений, складывающихся в результате повторения типичных социальных связей, предметы материального мира выступают лишь формой их выражения и при воздействии на отношения выступают предметом преступления.

Обладая определенными качествами, элементы структуры обуславливают особенности отдельных видов общественных отношений. Их анализ позволяет выявить специфику охраняемых отношений и установить непосредственный объект преступления[2]. Посредством выделения элементов структуры общественных отношений устанавливается *фактический вред* объекту преступления, выражающийся в последствиях преступления. Для оценки *социального вреда* элемент структуры, которому причинен вред, следует рассматривать в связи с другими элементами отношений. Структура отношений – это не просто сумма составляющих его частей, а система взаимосвязанных и взаимодействующих элементов[3]. Анализ общественных отношений через структуру как форму их содержания – деятельности участников отношений, позволяет конкретизировать видовой объект преступления. Законодатель, описывая эле-

[1] Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 34.

[2] Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. СПб., 1992. С. 209.

[3] Глистин В.К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979 С. 53. Таций В.Я. Указ. соч. С. 16-17.

менты структуры общественных отношений в диспозиции нормы Особенной части УК РФ, указывает на эти отношения.

Помимо субъектов отношений и отношений «самих по себе» Б.С. Никифоров включал в их структуру и условия существования и функционирования установлений, к которым он относил обеспеченную человеку законом возможность жить как условие существования общества, использовать имущество по своему усмотрению и передавать его от собственника другому лицу только по воле собственника[1]. Другие авторы под условиями функционирования установлений понимают условия нормальной деятельности государственного аппарата, условия выпуска в обращение денежных знаков только в плановом порядке[2].

Как считал Е.А. Фролов, поскольку ни в философской, ни в юридической литературе условия реализации отношений (условия функционирования социальных установлений) как структурный элемент не выделяют, их можно рассматривать как особый структурный элемент отношений при конструировании отдельных составов. Так, вымогательство фактические отношения собственности непосредственно не затрагивает, но угрожает условиям их существования (возможности управомоченным лицом беспрепятственно сохранять имущество)[3].

Представляется, что условиями существования общественных отношений выступают люди, жизнь которых представляет наиболее ценное социальное установление. По мнению Е.В. Благова, сравнивающего общественные отношения с полем, существующим между двумя магнитами: без магнита поле отсутствует, но поле и магнит – это относительно самостоятельные по отношению друг к другу реальности[4]. Однако общественные отношения – это явление социальное и бестелесное, представляющее собой социальные связи между

---

[1] Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 29-30, 118. Условия реализации (обеспечения) общественных отношений включали в их структуру также Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л., 1965 С. 53; Михлин А.С. Указ. соч. С. 10-11.

[2] Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону, 1977. С. 80; Энциклопедия уголовного права. Т.4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005. С. 118-119.

[3] Фролов Е.А. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Вып. 10. Свердловск, 1971. С. 191-198.

[4] Благов Е.В. Механизм причинения вреда объекту преступления // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения : межвуз. сб. научн. трудов. Красноярск, 1989. С. 64.

субъектами, поскольку бессубъектных отношений не бывает[1]. Человек как субъект отношений выступает их основным структурным элементом и условием существования. Условиями существования и функционирования установлений также является природная среда, обеспечивающая жизнь человека, и государство, устанавливающее и поддерживающее правовые институты, в частности право собственности как условие развития общества.

Разумеется, что общественные отношения не могут быть беспредметными, и поэтому может возникнуть вопрос: почему предмет отношений, то есть то, по поводу чего возникают отношения, не рассматривается как условие существования общественных отношений. Дело в том, что субъекты отношений все же первичны по отношению к предмету, поэтому условиями существования общественных отношений следует признавать субъектов отношений.

В философии общественные отношения рассматривают в двух аспектах: статистическом (закрепленное положение его участников) и динамическом (их деятельность). Эти аспекты диалектически связаны и соотносятся как форма и содержание, где отношения – это общие условия, предпосылки деятельности, так и ее результаты. Взаимодействуя, они дополняют друг друга[2].

В уголовном праве общественные отношения также рассматривают, как: 1) определенное положение людей по отношению друг к другу, соотносимость определенных позиций участников; 2) их деятельность (фактическое поведение); 3) то и другое одновременно[3]. Соотношение аспектов «объект – общественные отношения» и «объект – деятельность» выражается в том, что уголовное право, охраняя общественные отношения, защищает и определенную деятельность, в которой они реализуются[4]. Общественные отношения как объект преступления могут быть как в форме динамических

[1] Свидерский В.И. О диалектике отношений. ЛГУ, 1983. С. 33; Прохоров В.С. Указ. соч. С. 40-45; Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Традиционные представления о механизме преступного посягательства // Проблемы совершенствования законодательства на современном этапе : межвуз. сб. научн. трудов. Свердловск, 1985. С. 20.

[2] Перфильев М.Н. Общественные отношения. Методологические и социальные проблемы. Л., 1974. С. 107; Общественные отношения. Вопросы общей теории / под ред. П.А. Рачкова. М., 1981. С. 26-27; Петрова Г.О. Норма и правоотношения – средства правого регулирования. Н. Новгород, 1999. С. 73.

[3] Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 64; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 143–144; Каиржанов Е.К. Указ. соч. С. 26.

[4] Кремнев И.Н. Объект уголовно-правовой охраны (спорные вопросы теории) // Деятельность юрисдикционных органов по охране прав личности : сб. науч. трудов. М., 1994. С. 65-57.

(деятельность участников отношений), так и в форме статических связей (результат деятельности, взаимное положение субъектов). К первому виду относят деятельность по охране общественного порядка, ко второму – отношения собственности[1]. Непосредственным объектом могут быть: а) социальная возможность определенного поведения; б) возможность определенного состояния участника общественного отношения. Так, хищение посягает на возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, а убийство – на возможность физического существования участника отношений[2]. Собственность как объект уголовно-правовой охраны также рассматривают в двух аспектах: как статическую фиксированную определенность, содержанием которой выступает связь между субъектами по поводу принадлежности материальных благ; и как динамическую – выражающуюся в процессах, сопряженных с использованием, воспроизводством имущества (как деятельность). Отношения собственности в статическом аспекте охраняются нормами гл. 21 УК РФ, а в динамическом – нормами гл. 22 УК РФ[3].

Общественные отношения в статическом аспекте выражаются через субъектов преступления и потерпевшего, предметы материального и явления нематериального мира, воздействие на которые причиняет вред отношениям. В динамическом – посредством специальных признаков субъекта и предметов материального мира, совершение действий с которыми характеризует процесс преступления.

Указывая в диспозиции статьи Особенной части УК РФ признаки субъектов деятельности, законодатель изменяет объем отношений, охраняемых уголовным законом. В теории обоснованно предложено увеличить объём отношений, охраняемых ст. 302 УК РФ, указав в диспозиции на такого участника уголовного процесса, как переводчик[4]. Указание на потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ, – беременная женщина или женщина, имеющая детей в возрасте до трех лет, необоснованно сужает сферу действия статьи. Её диспозицию следует дополнить формулировкой «иного лица, воспитывающего указанных детей без матери»[5].

---

[1] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 193-194.

[2] Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 51.

[3] Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 14-15.

[4] Бунев А.Ю., Бунева И.Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний. Красноярск, 2001. С. 15.

[5] Качина Н.В. Уголовно-правовая охрана права на труд лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспита-

Увеличение объема отношений, выступающих объектом преступления, возможно и посредством указания и на других лиц, не являющихся субъектом или потерпевшим. Так, незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) возможно только после возбуждения уголовного дела, когда появляются *подозреваемые* и *обвиняемые.* В теории предложено сформулировать диспозицию данной нормы как «освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, при отсутствии оснований и условий, указанных в законе»[1], либо указать на заведомо незаконный отказ прокурора, следователя, дознавателя от уголовного преследования или его прекращение[2]. Тем самым преступлением будут признаваться ситуации, когда совершение преступления определенным лицом известно сотрудникам правоохранительных органов, но они не принимают мер для его привлечения к уголовной ответственности, что аналогично прямому освобождению от неё путем вынесения постановления о прекращении уголовного преследования[3].

Таким образом, общественные отношения как объект преступления следует рассматривать на двух уровнях. На индивидуальном – это единичные индивидуализированные социальные связи между субъектами. На обобщенном – это совокупность типизированных устойчивых социальных связей между субъектами отношений, проявляющихся в статическом и динамическом аспектах. Для конкретизации общественные отношения следует рассматривать через их структуру, состоящую из субъектов, предмета отношений и взаимосвязи между субъектами по поводу этого предмета. Реализация общественных отношений возможна лишь при наличии их субъектов и природной среды, а развитие – правовых институтов, устанавливаемых государством.

нием ребенка. М., 2011. С. 65; Дядюн К.В. Регламентация объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ: вопросы совершенствования законодательного подхода и правоприменения // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 76.

[1] Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 94-95.

[2] Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 137.

[3] Горелик А.С. , Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 175-176.

1.2. Причинение вреда общественным отношениям как основание общественной опасности преступления

Рассмотрим третий довод непризнания общественных отношений объектом преступления и выясним, что происходит с ними после совершения преступления и чем характеризуется причинение или создание угрозы причинения им вреда[1].

К формам нарушения функционирования общественных отношений при совершении преступления относят причинение фактического вреда, выражающегося в воздействии на субъект отношений (потерпевшего), их основного элемента, в исключении субъекта отношений из их системы посредством невыполнения им своих обязанностей (ст. 285, 293, 313 УК РФ), в воздействии на предметы материального (ст. 158-162 УК РФ) и явления нематериального мира (ст. 272 УК РФ), объекты экологии (ст. 250-251 УК РФ). Воздействие на любой из структурных элементов общественных отношений нарушает их функционирование как системы взаимосвязанных и взаимозависимых элементов и лишает субъектов определенных возможностей либо затрудняет их реализацию[2].

Создание угрозы причинения вреда выражается в изготовлении и перемещении в пространстве оружия (ст. 222-223 УК РФ), наркотических средств (ст. 228-228.1 УК РФ), порнографических материалов (ст. 242 УК РФ) и др. Эти и другие нормы устанавливают наказание за угрозу причинения вреда в будущем, обладают двойной превенцией и направлены на предотвращение других, более тяжких преступлений[3].

Последствия преступления выражаются на двух уровнях. На первом уровне преступление производит фактические изменения в социальной действительности (вредоносность как содержание общественной опасности), на втором – создает угрозу качественного изменения условий существования всего общества (прецедентность

---

[1] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 60.

[2] Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 148-149; Фролов А.Е. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 31-33. Таций В.Я. Указ. соч. С. 29-30; Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1992. С. 30-34.

[3] Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией в системе мер предупреждения преступности // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2016. С. 201.

как возможность повторения преступления в будущем)[1]. Учитывая это, законодатель дополнил ст. 228.1, 242, 242.1, 242.2 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как «использование средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей». Конспирация при совершении преступления снижает риск привлечения к уголовной ответственности и формирует отрицательную ценностную ориентацию на безнаказанность и продолжение преступной деятельности, т.е. создает угрозу повторения подобных преступлений в будущем[2]. На основании этого думается, что такие формы хищения, как присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ), более опасны, чем кража (ст. 158 УК РФ). Факт присвоения и растраты выявляют не сразу, а через определенное время, и виновный продолжает совершать хищения. Не исключает общественной опасности фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ) при декриминализации деяния, по факту совершения которого проводилось расследование в рамках уголовного дела[3], поскольку субъект в будущем может вновь сфальсифицировать доказательства. Поэтому целью уголовного наказания является исправление преступника для устранения угрозы в будущем, для чего и существует институт судимости[4].

Анализ причиненного общественным отношениям вреда основывается на разграничении общественных отношений и социальной связи как их первичного элемента, когда связь может измениться при воздействии на взаимодействующие стороны, а отношение – нет[5]. Преступление, разрывая социальные связи, причиняет субъектам фактический вред, лишая либо существенно затрудняя возможности реализовывать свои права.

Кроме причинения фактического вреда конкретным субъектам на уровне социальной связи преступление причиняет вред на уровне общественных отношений – политический вред государству и мо-

[1] Шеслер А.В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сборник научных трудов. Вып. 5. Красноярск, 2002. С. 31.

[2] Смолин С. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступления // Уголовное право. 2014. № 4.С. 63.

[3] Метельский П.С. Фальсификация доказательств по уголовному делу: трудности квалификации // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 43.

[4] Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия. СПб., 2005. С. 67; Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 705.

[5] Тоболкин П.С. Указ. соч. С. 95.

ральный обществу[1]. Объем вреда, причиняемый преступлением, нельзя ограничивать рамками конкретного состава преступления, поскольку общественная опасность является категорией социальной, а не уголовно-правовой, и ее необходимо искать за пределами уголовного права как совокупности правовых норм[2]. Преступление, нарушая упорядоченность системы общественных отношений социально-психологического (порождает недоверие к государственной власти) и индивидуально-психологического (возникновение страха за собственную безопасность) характера, подает пример неустойчивым членам общества, усматривающим в его совершении способ удовлетворения своих потребностей за счет других лиц, общества, государства. Это подрывает авторитет права, препятствует функционированию и развитию общества[3]. Следовательно, нарушаются не сами общественные отношения, а механизм их функционирования как системы. Преступление представляет собой преобразовательную деятельность, производя в объекте определенные изменения или создавая предпосылки деструктивных изменений, отрицательно сказывающихся на функционировании человека, общества или государства[4].

Не все ученые учитывают прецедентность при определении общественной опасности преступления. Так, по мнению Т.Д. Устиновой, общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, заключается в том, что непогашение кредиторской задолженности влечёт причинение реального имущественного ущерба на сумму, подлежащую возврату, и лишение кредитора положенных ему процентов за предоставленный кредит, а также на-

[1] О двойственном характере вреда свидетельствует применение к лицу двойного государственного принуждения: возложение обязанности возместить причиненный ущерб и привлечение к уголовной ответственности. См.: Горбуза А.Д., Сухарев Е.А. Механизм преступного посягательства // Уголовное право в борьбе с преступностью : межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1987. С. 4-15.

[2] Пермяков Ю.А. О механизме преступного воздействия на систему общественных отношений // Уголовная ответственность и ее реализация : межвуз. сб. Куйбышев, 1985. С. 13-14; Ковалев М.И. Понятие преступления. Свердловск, 1987. С. 59.

[3] Прохоров В.С. , Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С. 186; Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 57.

[4] Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 7.

рушает интересы правосудия[1]. Представляется, что указанный автор говорит не об общественной опасности, а об общественной вредности злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности. Общественная опасность преступлений в сфере кредитования определяется не причинением имущественного ущерба кредиторам, а подрывом общественного доверия к кредитным отношениям, что ведёт к удорожанию и усложнению получения кредита добросовестными заемщиками и в конечном итоге лишает экономику необходимых ресурсов, снижая её эффективность[2]. Кроме этого банкротство предприятий увеличивает количество безработных, ведёт к потере квалификации рабочих и росту социальной напряженности.

Сама система общественных отношений как совокупность типизированных связей стабильна. Преступление, как правило, не может ее изменить, разрушить или уничтожить, оно лишь нарушает её функционирование[3]. Преступление повреждает, разрушает лишь социальную связь, как первичный элемент общественных отношений. Так при похищении имущества социальная связь только повреждается, так как у потерпевшего остается право собственности на похищенное имущество, он лишь не может его реализовать. Так, Ш. был осужден по ст. 162, 325, 105, 222, 163 УК РФ за то, что, угрожая оружием Т., завладел его автомобилем и документами к нему и в течение месяца пользовался автомобилем, причинив тем самым Т. ущерб в сумме 37150 рублей. После того как Ш. привел автомобиль в технически неисправное состояние и осознав, что реализовать автомобиль ему не удастся, он потребовал у Т. 7000 рублей за возврат автомобиля, угрожая убийством потерпевшему в случае обращения его в милицию[4]. Соответственно, у Т. после хищения сохранялось право собственности на похищенный автомобиль.

Социальная связь между субъектами отношений по поводу возможности распоряжаться имуществом продолжает существовать и при оставлении вещи, когда собственник или владелец точно зна-

---

[1] Устинова Т.Д. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: вопросы правоприменения и законодательного закрепления // Законы России: опыт, теория и практика. 2009. № 3.

[2] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 329.

[3] Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Традиционные представления о механизме преступного посягательства // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе : межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1985. С. 21.

[4] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.01.2006 № 768п05 // СПС КонсультантПлюс.

ет, где он потерял (оставил) её, и присвоение этой вещи является хищением, так как виновный знает, что владелец вернется за ней[1].

Опасными для определенной системы являются такие изменения её функционирования, которые нарушают условия ее существования[2]. Так, убийство разрушает единичное проявление общественных отношений – социальную связь, из совокупности которых состоят общественные отношения, уменьшая объем объекта уголовно-правовой охраны[3]. Преступление может лишить общество эмпирических условий (предпосылок) его существования. Общественная опасность посягательства на объекты природной среды – воздух, воду, почву, лес, – выражается в том, что их уничтожение или загрязнение причиняет вред в различных сферах жизнедеятельности человека и затрудняет воспроизводство социальных связей между людьми из-за гибели среды их обитания, а также в том, что вредные изменения в организме человека проявляются не сразу, а через определенное время, негативно сказываясь на здоровье[4]. Поэтому в теории преступления против экологии обоснованно предложено выделить в отдельный раздел Особенной части кодекса[5]. В связи с этим рассмотрим конструкцию диспозиции нормы, предусмотренной ст. 254 УК РФ, устанавливающей наказание за порчу земли, повлекшее причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» под причинением вреда здоровью человека при совершении преступления, предусмотренного частями 1 и 2 ст. 254 УК РФ, следует понимать причинение вреда здоровью любой тяжести одному или нескольким лицам. Поскольку

---

[1] Хилюта В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право. 2010. № 1. С. 48.

[2] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 180.

[3] Мальцев В.В. Понятие объекта преступления // Уголовное право. 2011. № 2. С. 50.

[4] Загородников Н.И. Объект преступления и проблема совершенствования уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 25-26; Бушуева Т.А., Дагель П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 78; Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1993. С. 25-26; Пермяков Ю.А. Указ. соч. С. 13-14.

[5] Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Иркутск, 2005. С. 47-48; Забавко Р.А. Уголовная ответственность за загрязнение объектов окружающей среды. Иркутск, 2009. С. 28.

в диспозиции нет указания на неосторожную форму вины, то и отношение виновного к последствиям в виде причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью характеризуется умыслом. При этом максимальное наказание, предусмотренное в санкции указанной статьи, – два года исправительных работ, в то время как даже за причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – арест до четырех месяцев. Поэтому обоснованным представляется установление в ст. 254 УК РФ ответственности за факт загрязнения земли, что может причинить имущественный ущерб и вред здоровью человека[1], и существенно ужесточить наказание, так как загрязнение земли загрязняет окружающую среду[2].

Преступление может воздействовать на условие развития общества – государство и его институты. Так, предъявление требований к государству при террористическом акте (ст. 205 УК РФ) посягает не на общественную, а на государственную безопасность, воздействуя на органы власти[3]. На безопасность государства, а не общества посягает и захват заложника (ст. 206 УК РФ). Сложно согласиться с тем, что террорист не колеблет основы общества, поскольку общественные отношения имеют безличностную природу[4], так как террористический акт (ст. 205 УК РФ) и убийство государственного деятеля (ст. 277 УК РФ) могут нарушить основы конституционного строя как условие стабильности государства.

Таким образом, общественная опасность как социальная категория характеризуется причинением политического и морального вреда. Политический вред системе общественных отношений – более широкое понятие, чем последствия определенных преступлений, предусмотренных, например, ст. 277-280 УК РФ, и выражается в нарушении запрета, установленного государством, демонстрирует его слабость и формирует чувство незащищенности у граждан[5].

Моральный вред общественным отношениям является более широким по объему понятием, чем последствия преступлений, пре-

---

[1] Хлупина Г., Качина Н. Проблемы применения нормы об уголовной ответственности за порчу земли // Уголовное право. 2010. № 1. С. 53.

[2] Дубовик О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1998, С. 167.

[3] Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31-40.

[4] Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 47.

[5] Так, в г. Ставрополе хирурги, многократно используя расходные материалы, создали реальную угрозу заражения пациентов ВИЧ и гепатитом. Из-за этого жители региона, опасаясь заражения, требовали отправить их на лечение в другие регионы. Гритчин Н. Доходные материалы // Известия. 2011 г. 14 марта.

дусмотренных ст. 128.1, 298.1, 319 УК РФ. Он выражается в воспрепятствовании воспроизводству социально одобряемых форм деятельности, поскольку преступления провоцируют неустойчивых членов общества к совершению правонарушений. Так, кража не только причиняет имущественный ущерб собственнику или владельцу имущества, вызывая в нем чувство обиды, но и формирует паразитическую психологию у вора и способствует ее появлению в обществе[1]. Этим обстоятельством объясняется соотношение санкций, установленных за кражу, причинившую значительный ущерб (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ – до пяти лет лишения свободы), когда потерпевший лишается возможности пользоваться своим имуществом, а виновный неправомерно обогащается, и умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба (ч. 1 ст. 167 УК РФ – до двух лет лишения свободы), когда последствия выражаются лишь в лишении потерпевшего возможности пользоваться своим имуществом.

Одним из проявлений морального вреда обществу является совершение преступлений против несовершеннолетних. Так, вовлечение несовершеннолетних в группы для совершения преступлений (ст. 150 УК РФ) разрушает отношение, обеспечивающее их нравственное развитие, и ведет к возникновению антиобщественного отношения между несовершеннолетним и преступником, когда неформальная среда перерождается в негативную и отрицательно влияет на социализацию подрастающего поколения[2]. С учетом того, что семья – это ячейка общества, преступления, предусмотренные ст. 150-151.1 УК РФ, причиняют вред, который проявляется в будущем и сказывается на всем обществе, представляется, что наказание за указанные деяния должно быть предусмотрено в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Вред от преступления, причиняемый обществу, проявляется не сразу, а через определенное время, что наглядно просматривается при немедицинском потреблении наркотиков, когда человек совершает преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, так как прежде чем употребить наркотики, он приобретает и хранит их. Так,

[1] Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 81; Мальцев В.В. Ответственность за преступления против собственности. Волгоград, 1999. С. 24.

[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 86; Карлин А.Б. Социальная сущность преступных последствий // Вестник ЛГУ. 1982. № 5. С. 73; Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 1982. С. 42; Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 71.

Конституционный Суд Латвии согласился с тем, что ответственность за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача является ограничением права на неприкосновенность частной жизни. Однако эти ограничения социально необходимы и допустимы, поскольку наказание за подобные действия призвано предотвратить последствия, затрагивающие экономические, политические и культурные основы общества. Потребление наркотиков, вызывая привыкание, серьезно влияет на работу мозга, усиливает антисоциальные наклонности лица, увеличивая опасность совершения им преступления. Отсутствие средств для приобретения наркотиков толкает наркозависимых на совершение корыстных преступлений. Лечение наркотической зависимости сложно и дорогостояще. Так, на нейтрализацию социальных последствий употребления наркотиков в 2005-2009 гг. в России было израсходовано 3062,7 млн. руб. Следовательно, употребление наркотиков порождает негативные последствия не только для наркозависимых, но и для общества[1]. Поэтому следует рассмотреть вопрос о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ[2].

Таким образом, преступление разрушает общественные отношения на уровне социальной связи, при этом сама система общественных отношений стабильна. Наибольшую опасность представляют посягательства на человека, как условие существования социальных связей, природную среду, и государство, как условия существования и развития общества. Совершение преступления демонстрирует слабость государства, формирует социальную негативную среду и ведет к прецендентности, характеризующейся тем, что виновный в будущем вновь может совершить преступление.

[1] Сбирунов П.Н. Некоторые особенности наркотизма и наркотизма несовершеннолетних в Российской Федерации // Российский следователь. 2012. № 18. С. 42; Елинский А. Допустимость криминализации приобретения и хранения наркотиков для личного потребления: практика зарубежных органов конституционного правосудия // Уголовное право. 2011. № 1. С. 24.

[2] Федоров А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 2. Согласно ст. 222-37 УК Франции употребление наркотиков признается преступлением. Уголовный кодекс Франции / научн. ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 204.

1.3. Уровни объекта преступления и квалификация деяний

Объект преступления охватывает как реальные (фактические) отношения, так и их правовую форму, где основным его элементом является то общественное отношение, ради охраны которого установлена уголовно-правовая норма[1]. На примере отношений собственности выделяют охраняемые отношения, субъектами которых выступает с одной стороны собственник и (или) владелец, а с другой – все остальные лица, а также охраняющие отношения, субъектами которых выступают с одной стороны государство, а с другой – все лица, не являющиеся собственниками или владельцами имущества. Преступление нарушает как охраняемое (фактическое отношение), урегулированное в ряде случаев нормами гражданского, семейного, трудового и иных отраслей права, так и охраняющее (правовое) отношение, урегулированное нормами уголовного права[2]. Это положение подверглось критике. Во-первых, не каждое преступление нарушает правоотношения, например, право собственности при хищении как таковое сохраняется, поскольку похищенное имущество будет изъято у похитителя вне зависимости от сроков давности. Во-вторых, общественные отношения первичны и нарушаются в конечном счете, тогда как правоотношения – вторичны и нарушаются «попутно». Правоотношения – это лишь правовая форма общественных отношений[3]. Если признать объектом преступления правоотношения, складывающиеся между определенными субъектами, то действия рабочих, заготавливающих лес и похитивших его, следует квалифицировать по ст. 165 УК РФ, поскольку имущество еще не поступило в фонды собственника, лесозаготовительного предприятия. Но такие действия следует квалифицировать как хищение, поскольку виновные причиняют вред отношениям в сфере присвоения материальных благ[4].

Кроме этого признание объектом преступления права собственности (правоотношений) затрудняет их отграничение от других

---

[1] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 146.

[2] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 27; Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующие убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 105; Сабитов Р.А. Учение о последствиях преступлений. М., 2015. С. 148.

[3] Глистин В.К. Указ. соч. С. 88.

[4] Гаухман Л.Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М., 2001. С. 18-19.

преступлений, когда собственник лишается фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Если считать объектом лишь правомочие, то тогда все преступления против собственности следует отнести к преступлениям против прав человека и гражданина[1]. С учетом того, что правоотношения – это закрепленная правовой нормой совокупность прав и обязанностей, отражающая связи между соответствующими элементами фактического отношения[2], анализ объекта преступления через форму его закрепления – правоотношения – позволяет конкретизировать его фактическое содержание, а также характер и размер причиненного вреда. Представляется, что правоотношения (правовые установления) – это не особый структурный элемент общественных отношений, а их форма, свидетельствующая, что эти отношения охраняются (являются объектом уголовно-правовой охраны). Деление отношений на охраняемые (фактические отношения) и охраняющие (правоотношения) просматривается на примере составов создания опасности, когда нарушение определенных правовых запретов создает реальную угрозу фактического причинения вреда, например преступление, предусмотренное ст. 246 УК РФ.

Фактические отношения, являясь основой правоотношений, составляют материальную предпосылку их возникновения[3]. Вместе с тем «… правовая сторона общественных отношений не есть нечто внешнее по отношению к их собственному содержанию, то есть нечто искусственно созданное и механически надетое на общественные отношения, а, напротив, представляет собой лишь более или менее адекватное отражение их внутренней урегулированности и порядка им свойственного, поэтому невозможно разорвать «правовую оболочку», не нарушая самого содержания общественных отношений. Когда говорят, что первична сама социальная связь, фактическое общественное отношение, а социальная норма, правоотношение (если норма правовая), вторична, то этим лишь подчеркивают, что содержание (социальная связь) предопределяет форму (нормативность в том или ином ее проявлении), но вовсе не утверждают возможности (даже временной) существования «бесформенного содержания» или «бессодержательной формы»[4].

---

[1] Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 28–29; Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. С. 70.

[2] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 60.

[3] Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л. 1981. С. 81.

[4] Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 56.

Объект преступления как двухуровневая система, состоящая из фактических отношений и нормативно закрепленных прав и обязанностей их субъектов, формируется в процессе взаимодействия материально-социальной и нормативной частей, соотносящихся между собой как явление и понятие об этом явлении в виде единства содержания и формы[1]. Преступление нарушает общественные и правовые отношения, складывающиеся вокруг этих общественных отношений (правовая оболочка), о существовании которых нельзя забывать, так как это ведет к недооценке противоправности как признака преступления, и в то же время необходимо анализировать скрытые за ними фактические общественные отношения. Поэтому в уголовно-правовом нарушении выделяют материальную сторону, включающую процесс причинения вредных последствий, и правовую – нарушение правил, установленных нормой уголовного права[2].

Это учтено при описании объективной стороны ряда преступлений. Так, в ст. 201, 285 УК РФ предусмотрено наказание за использование субъектом своих полномочий вопреки законным интересам коммерческой организации или службы, если это повлекло существенное нарушение прав законных интересов личности, общества или государства. Для признания деяния преступлением необходимо совпадение его фактической и правовой сторон. Если действия управленца причиняют вред интересам других лиц (например, коммерческая организация, снизив цены для выхода на новые рынки, разорила конкурентов, не нарушив предусмотренные законом правила конкуренции), то они не являются правонарушением[3]. Исключение из закона указания на формальный момент – совершение действий вопреки интересам службы – приведет к тому, что судебные приставы при сносе незаконно построенного дома, когда собственники не знали, что застройщик не имел разрешения на строительство, будут признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 167 и 285 УК РФ, так как они причинили вред правам и законным интересам граждан, которые приобрели жилье добросовестно. Но поскольку приставы действуют не вопреки интере-

---

[1] Святенюк Н.И. Объект уголовно-правой охраны и материальное содержание преступления // Правовые, криминологические и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. М., 1992. Вып. 3. С. 24-28.

[2] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 146; Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1995. С. 11.

[3] Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Том III. Преступления в сфере экономики. СПб., 2008. С. 757.

сам службы, их действия нельзя признать преступлением, несмотря на фактически причиненный вред.

В теории уголовного права досоветского периода объект преступления рассматривали как единство внутренней (содержательной) – жизненные интересы или блага и внешней (формальной) – нормы, охраняющие эти блага, сторон[1]. При определении сущности преступления акцент делался на формальный критерий, а при рассмотрении конкретного преступления – на внутреннюю (содержательную) сторону. «Преступное деяние, – писал Н.Д. Сергиевский, – являясь по своей отвлеченной природе нарушением норм закона и посягательством на интересы всего правопорядка, в конкретной своей форме всегда заключает в себе конкретный вред или конкретную опасность». Норма, охраняющая неприкосновенность жизни человека, может быть нарушена лишь при посягательстве на жизнь отдельного лица. Только соединение обоих моментов образует понятие объекта и обосновывает состав преступного деяния: нарушение нормы невозможно без посягательства на конкретные предметы или отношения, посягательство на предметы и отношения, взятые сами по себе, не будет преступным, если за ним не стоит нарушение права[2].

В советский и постсоветский периоды эти положения отнесли к «нормативной» теории объекта преступления, не содержащей указание на реальное содержание тех благ (интересов), которые охраняются уголовно-правовой нормой от преступлений[3]. Формально-юридическую теорию объекта преступления признали нежизнеспособной, так как, нарушая правовую норму, преступник посягает на общественные отношения, интересы, блага. «Этот момент, – отмечает Т.А. Бушуева, – улавливался учеными и окончательную проработку получил в советский период, когда общая теория права и особенно уголовное право достигли такого уровня, который позволил

[1] Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Пг-Харьков, 1903. С. 161-162.

[2] Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. СПб., 1896. С. 80, С. 290-291. Примечательно, что во всех учебниках и комментариях досоветского периода учение о необходимой обороне, крайней необходимости рассматривалось сразу же после объекта преступления, т.е. анализировались ситуации, когда предмет преступления исключался из системы уголовно-правовой охраны.

[3] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 149.

определить, что объектом преступления являются общественные отношения»[1].

Эта критика основывается на упрощенном понимании нормативной теории объекта преступления. «Если мы будем в преступлении видеть только посягательство на норму, – писал Н.С. Таганцев, – на веления правопроизводящей авторитетной воли, создающей для одной стороны право требовать подчинения, будем придавать исключительное значение моменту противоправности учиненного, то преступление сделается формальным, жизненепригодным понятием, напоминающим у нас воззрения Петра Великого, считавшего и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и срубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виновный делал, одинаково не страшась царского гнева»[2]. Для подтверждения сказанного сравним положения Уложения 1885 г. и уголовно-правовых актов советского периода. Так, в Уложении 1885 г. различные по строгости наказания за кражу были предусмотрены более чем в 10 статьях (в зависимости от способа, места, наличия оружия, размера причиненного ущерба, количества совершенных краж). А согласно закону ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной (социалистической) собственности» смертная казнь применялась вне зависимости от размера и способа хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также за хищение колхозного и кооперативного имущества, несмотря на то, что теория «объект преступления – общественные отношения» стала развиваться после принятия этого закона, который как раз и является примером нормативной теории объекта преступления, значение объекта преступления абсолютизировалось в теории советского уголовного права. «Действительным показателем общественной опасности, – писал Н.И. Загородников, – выступает в первую очередь его объект. Каковы бы ни были средства посягательства, какова бы ни была форма вины преступника, какова бы ни была личность совершившего преступление, главным и определяющим в опасности преступного действия будет тот объект, на который эти действия направлены». Объект преступления показывает степень

[1] Российское уголовное права : курс лекций. Т. I. Преступление / под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 298-299.

[2] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 33.

общественной опасности преступления и выступает решающим признаком, определяющим размер назначаемого судом наказания[1].

Нормативную теорию объекта нельзя рассматривать упрощенно, понимая преступление как формальное нарушение запрета. Фактический (социальный) аспект преступления обуславливает вредоносность деяния, а юридический (правовой) – его противоправность[2]. Нарушение запрета, сформулированного в уголовно-правовой норме, не причинившее вреда, преступлением не является. Как указал Верховный Суд РФ в определении от 11 декабря 2007 г. № 42-Д07-58, предоставление поддельных документов с целью возмещения затрат, понесенных в период командировки, не является преступлением. Непринятие данного обстоятельства во внимание и применение норм уголовного права при формальном нарушении запрета влечет существенное нарушение прав граждан. Так, О. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Являясь руководителем государственного предприятия КБР «Фармация», он с 28 сентября 2007 г. по 5 мая 2009 г. осуществлял оптовую торговлю лекарственными препаратами, содержащими психотропные вещества, без лицензии, поскольку она была аннулирована в связи с изменением названия улицы, на которой располагалось предприятие. Как указал в определении от 2 марта 2012 г. № 22-1154 Верховный суд Кабардино-Балкарской республики, «необходимость получения новой лицензии была вызвана не тем, что государственное предприятие «Фармация» изменила направление своей деятельности или какими-либо другими обстоятельствами, препятствовавшими осуществлению деятельности по обеспечению медицинских учреждений лекарственными средствами, а переименованием улицы, на которой находилась организация». Действия О., составляющие объективную сторону сбыта, не общественно опасны.

Рассмотрим квалификацию нарушений легального оборота наркотических средств, повлекших их утрату (ст. 228.2 УК РФ). Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – постановление

[1] Загородников Н.И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. М., 1949. С. 15; Загородников Н.И. Объект преступления и проблемы совершенствования уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 23.

[2] Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008. С. 7.

№ 14) под утратой наркотических средств, психотропных веществ, оборудования, инструментов, растений следует понимать их фактическое выбытие из законного владения, пользования или распоряжения. Некоторые авторы полагают, что любое нарушение правил легального оборота указанных предметов создает реальную опасность попадания их в нелегальный оборот и привлечение к уголовной ответственности только за сам факт нарушения соответствующих правил будет серьёзной профилактической мерой, направленной на снижение уровня наркотизации[1]. Данный подход основан на признании объектом преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, нормативно закрепленных правил обращения с предметами, перечисленными в диспозиции указанной статьи. Однако более правильно признавать указанные действия преступлением только при создании условий возможного дальнейшего использования наркотических средств или психотропных веществ, поскольку объектом рассматриваемого преступления является здоровье населения, которому уничтожение перечисленных в диспозиции ст. 228.2 УК РФ предметов, не угрожает[2]. Уголовно наказуемой утратой является потеря или хищение предметов, указанных в диспозиции ст. 228.2 УК РФ, при: 1) их отсутствии в месте хранения либо у конкретного лица, которому они были выданы, обязанного соблюдать правила их оборота; 2) лишении собственника возможности контролировать их; 3) появлении у других лиц реальной возможности пользоваться ими. Уничтожение указанных средств и веществ выходит за рамки состава и не может быть формой утраты – последствием преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ[3]. Трудно согласиться с приговором Лазаревского районного суда г. Сочи от 14 марта 2011 г. № 1-71/11, признавшего виновным М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, за то, что, являясь ответственным за хранение наркотических средств, он раздавил содержащие их ампулы.

Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении,

---

[1] Аникин В.А. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ: анализ изменений ст. 228.2 УК РФ и некоторые перспективы законодательного описания состава // Российский следователь. 2011. № 13.

[2] Бриллиантов А. Квалификация действий по уничтожению наркотических средств // Законность. 2008. № 6. С. 17-20.

[3] Токманцев Д. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 3. С. 45-46.

вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», если допущенное лицом административное правонарушение (нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажи, несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия и т.п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности. Тем самым Верховный Суд РФ указал на приоритет норм административного права перед нормами уголовного[1]. Это обусловлено тем, что нарушение запрета не влечет последствий, для предотвращения которых создана норма, предусмотренная ст. 222 УК РФ. Так, Е. был признан виновным в незаконном приобретении и хранении оружия (ст. 222 УК РФ). Однако позже было установлено, что Е. взял на хранение ружье и патроны В., получившего травму позвоночника, и высказывавшего мысль о самоубийстве, в связи с чем жена В. попросила Е. временно взять на хранение ружье и патроны. Поскольку действия Е. не угрожали обществу и не создавали угрозу причинения вреда личности и государству, Верховный Суд РФ прекратил дело в связи с отсутствием состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР (ст. 24 УПК РФ)[2]. Следовательно, Верховный Суд РФ посчитал, что последствий, для предотвращения которых создана ст. 222 УК РФ, – выхода оружия из-под контроля владельца и угрозы обществу – не было. Из имеющейся информации не ясно, были ли у Е. лицензия на хранение оружия, и условия, препятствующие свободному доступу к нему со стороны других лиц, либо таких условий он обеспечить не мог. В последнем случае его действия можно было признать малозначительными, так как они содержали все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ.

Так, у В. при обыске были обнаружены основные части охотничьего оружия, на хранение которого разрешения у него не было. Суд первой инстанции прекратил уголовное преследование в связи с малозначительностью деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Это решение было опротестовано, но Верховный Суд РФ определением от 19 апреля 2002 г. № 82-о02-10 оставил его в силе, указав, что В., являясь работником милиции, имел разрешение на охотничье ружье, которое было утрачено. Обнаруженные у В. части неисправного охотничьего ружья оставил у него его законный владелец – работник милиции Б.

[1] Незнамова З.А. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 89.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9. С. 15.

В то же время хранение оружия и боеприпасов лицом, имевшим право на их хранение, но создавшим реальную угрозу общественной безопасности, является преступлением. Так, П., мастер-взрывник угольного разреза, в нарушение инструкции «О порядке сдачи неизрасходованных взрывчатых веществ» после работы принес домой 1980 граммов взрывчатого вещества аммонита и был обоснованно осужден по ст. 222 УК РФ[1]. П. имел право хранить взрывчатые вещества только на месте работы, их хранение вне работы создает опасность для общества.

Объект преступления следует рассматривать как двухуровневую систему, состоящую из фактических общественных отношений (содержания) и правоотношений (формы – запрета, предусмотренного в Особенной части УК РФ). Деяние должно признаваться преступлением при наличии содержания (причинение фактического вреда или создание реальной угрозы его причинения) и его формы (предусмотрено в УК РФ).

1.4. Место интересов субъектов отношений в структуре объекта преступления и их значение

Как отмечено выше, в последнее время в теории наметилась тенденция отхода от концепции «объект преступления – общественные отношения» к концепции «объект – интерес». Это, по мнению её сторонников, продолжает традиции российской уголовно-правовой науки и соответствует современным взглядам на сущность, социальную ценность права и содержание правоотношения[2]. Через причинение вреда интересам граждан, общества и государства законодатель описывает последствия преступления в нормах Общей (ч. 3 ст. 12, ч. 1 ст. 37), и Особенной частей (ст. 137-140, 201, 285) УК РФ. На этом основании объектом преступления предложено считать не общественные отношения, а интересы их субъектов[3].

Понятие «интерес» рассматривают в психологическом (субъективном) – как внутреннее эмоциональное отношение субъекта к

[1] Пример взят из: Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография. Красноярск, 2002. С. 85-86.

[2] Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск, 1999. С. 15.

[3] Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 14.

объекту и социологическом (объективном) – как отношение между субъектами по поводу определенной потребности аспектах[1]. Поэтому интерес – это объективно-субъективная категория, выражающая *направленность* деятельности субъектов на предметы, способные удовлетворить их потребности[2].

В уголовном праве досоветского периода интерес рассматривался в объективном аспекте. «Право в субъективном смысле, – писал Н.С. Таганцев, – в свою очередь, представляет отвлеченное понятие, как и норма, а потому само по себе по общему правилу не может быть непосредственным объектом посягательства, пока оно не найдет выражение в конкретно существующем благе или *интересе*». Поэтому «для бытия преступного деяния необходим определенный, материально или идеально существующий, проявляющийся предмет. Субъективное право делается доступным для посягательства (доступным для восприятия последствий – *прим. авт.*) на него только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в сочинении, картине, доме, поместье и т.п.». При этом охраняемые интересы могут иметь реальный (материальный) характер – жизнь, здоровье, неприкосновенность владения или идеальный – честь, религиозное чувство, благопристойность. «Так, говоря, что воровство есть похищение чужого движимого имущества, мы этим указываем, что конкретным предметом, на который направляется преступное деяние, являются часы, кошелек и т.п., находящиеся в чьем-либо обладании, а отвлеченным объектом – норма права, определяющая отношения лиц по имуществу и защищающая неприкосновенность собственности». Интерес обычно совпадает с тем предметом, на который непосредственно воздействует виновный: здоровье как правоохраняемый интерес совпадает с выбитым глазом, переломанными ребрами, но интересы идеальные могут разниться с теми предметами, на которые направляются действия виновного и без повреждения и или без изменения которых не может быть посягательства на интерес[3]. Таким образом, понятие «интерес» рассматривалось как способ конкретизации объекта преступления – субъективных прав,

[1] Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической концепции. Л., 1964. С. 29; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. С. 10-19; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 209.

[2] Замосковцев П.В. Некоторые вопросы системы Особенной части советского уголовного законодательства // Сибирские юридические записки. Омск-Иркутск, 1971. С. 7; Матузов Н.И. Указ. соч. С. 121.

[3] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 32, 34, 178, 186.

охраняемых уголовным законом, проявляющихся через последствия преступления в виде возможности пользоваться определенными благами – здоровьем, имуществом.

В советский период Б.С. Никифоров рассматривал интерес как возможность совершать определенные действия, где охраняемый правом интерес управомоченного лица – это составная часть отношения, обозначаемого как нарушение субъективного права. «При этом, – писал он, – возможность и интерес в жизни настолько переплетены друг с другом, что воспрепятствование реализации возможности или в соответствующих случаях неоказание содействия ее реализации всегда есть вместе с тем и нарушение интереса, ради которого лицу обеспечивается определенная возможность»[1].

Другие авторы отождествляют понятия «общественное отношение», «объект уголовно-правовой охраны», «социальная возможность», «интерес», употребляя их как синонимы[2]. Противопоставлять интерес и общественные отношения нет смысла. Создавая ценности, удовлетворяющие возможности (интересы), люди вступают в социальные связи и отношения, содержанием которых является деятельность его участников, направленная на реализацию интереса и удовлетворение на этой основе потребностей[3].

Н.И. Коржанский полагает, что интересы как содержание общественных отношений и непосредственный объект преступления не заменяют их, а лишь указывают на осязаемую сторону отношений. Преступление только затрудняет или ликвидирует возможность удовлетворения интереса как осознанной потребности[4]. Понятие «интерес» как возможность действовать определяет направленность деятельности субъектов отношений. Необходимо выделять интересы первого уровня – потребности людей, реализуемые в процессе их деятельности посредством личных имущественных и неимущественных отношений, и интересы второго уровня – деятельность государственного аппарата как условие удовлетворения интересов первого уровня.

В то же время В.К. Глистин, признавая связь интереса с общественными отношениями, считал, что объект преступления через

---

[1] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 4, 69, 71.

[2] Фролов Е.А. Указ. соч. С. 198; Замосковцев П.В. Некоторые вопросы системы Особенной части советского уголовного законодательства. С. 8-10.

[3] Ляпунов Ю.И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С. 26.

[4] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 51, 52, 161.

интерес рассматривать нельзя. Поскольку преступление посягает на возможность действовать определенным образом и всегда воздействует на реальность, а не на абстракцию, нельзя говорить о последствиях преступления как о лишении субъекта какой-либо возможности. Преступление воздействует на фактическое отношение, что касается возможностей, то они лежат в плоскости будущего, т.е. происходит нарушение соотношения категорий «действительность» и «возможность»[1]. Рассмотрим соотношение этих категорий. Действительностью является то, что существует реально, что уже наступило, проявилось. Возможность же – это то, чего еще нет, она существует реально, но лишь как состояние, которого нет в действительности, но может проявиться вследствие присущей материи способности переходить из одного состояния в другое. Возможность, реализуясь, превращается в действительность, поэтому действительность является осуществленной возможностью, а возможность – потенциальной действительностью[2]. По мнению Е.А. Фролова, объект уголовно-правовой охраны – это реальные возможности участников общественной жизни, которые соответствуют интересам общества[3]. Н.И. Коржанский же полагает, что это слишком широкое определение, поскольку включает и абстрактные, потенциальные возможности, и посягать на них на уровне непосредственного объекта невозможно. Нельзя нарушить возможность отдельного гражданина обучаться в учебном заведении, если он в нем не учится[4]. Однако дело в том, что уголовный закон, абстрагируясь от конкретных, частных случаев, устанавливает охрану потенциальных возможностей граждан, реализация которых способствует развитию общества. Возможность трудиться в безопасных условиях охраняется, независимо от того, трудится человек или нет (ст. 143 УК РФ). Следует различать возможность потенциальную, лишь предоставленную, зафиксированную в законе, и возможность реализующуюся[5]. Следовательно, интересы как объект преступления – это потенциальная возможность субъектов действовать определенным образом, а совершение преступления препятствует её реализации. Охраняемый законом ин-

[1] Глистин В.К. Указ. соч. С. 59-60.

[2] Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 352.

[3] Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 18.

[4] Коржанский Н.И. Указ. соч. С. 47; Глистин В.К. Указ. соч. С. 59-60.

[5] Матузов Н.А. Личность. Права. Демократия (теоретические аспекты субъективного права). Саратов, 1972. С. 126-127.

терес проявляет себя, когда он нарушен кем-то, и возникает охранительное правоотношение[1].

Также В.К. Глистин считает, что интересы непригодны для уяснения сущности и определения границ преступных последствий. Каждое преступление нарушает больший объем интересов, безразличных для уголовного права. Так, убийство дипломата причиняет вред интересам государства, его семье и т.д. Но эти интересы безразличны для квалификации преступления и назначения наказания, если будет установлено, что убийство совершено на почве ревности, так как оно было направлено на разрушение его бытовых связей, и поэтому интерес обнаруживается через отношение[2]. Объем отношений, нарушаемых преступлением, в примере, приведенным В.К. Глистиным, очень большой. Но направленность действий виновного (месть на почве ревности) как раз и позволяет определить те отношения, которым в первую очередь причиняет вред виновный (отношения в сфере неприкосновенности жизни, а не внешней политики государства).

Кроме этого, по мнению В.К. Глистина, интересы отдельных субъектов могут не совпадать с интересами государства. Так, совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК РСФСР (ст. 148 УК РФ), не объясняет сформулированного в ней запрета, так как государство не может признавать религиозные интересы граждан ценностью, требующей их уголовно-правовой охраны. При рассмотрении объекта преступления через понятие «общественные отношения» им следует признать общественные отношения по поводу отправления религиозных культов[3]. В данном случае непризнание интересов объектом преступления обосновывается несовпадением интересов государства и граждан. Однако если интересы граждан не противоречат интересам других лиц, общества и государства, то их реализация может быть поставлена под охрану уголовного закона, поскольку через субъективное право реализуется не весь объем интереса, а лишь «отмеренный» субъекту субъективным

[1] Богатырев Ф.О. Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 39.

[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 83. Аналогично рассуждает и А.А. Бимбинов А.А, указывая на бесполезность интереса при установлении объекта преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Так, половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет, нарушает интересы семьи, общественной нравственности, однако не учитывается при квалификации и назначения наказания. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления. М., 2017. С. 40.

[3] Глистин В.К. Указ. соч. С. 69-70.

правом и «оформленный» в законный (правоохраняемый) интерес[1]. Эту часть интереса, удовлетворение которой возможно путем реализации субъективного права, и следует признавать элементом структуры объекта преступления[2]. Следовательно, объектом преступления следует признавать правоохраняемые (законные) интересы как отраженную в объективном праве либо вытекающую из общего смысла юридическую дозволенность, выражающуюся в стремлениях субъекта пользоваться определенными благами и гарантированную государством, а также обращаться за защитой в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным[3]. Так, военнослужащий, покидая поле боя для спасения своей жизни, действует в личных интересах и противоречит интересам государства, а потому не подлежит уголовно-правовой охране[4].

Интерес наиболее четко проявляется в направленности действий субъектов. Взаимодействуя с другими членами общества, человек выступает носителем не всех, а то одних, то других возможностей. Говорить о личности как объекте уголовно-правовой охраны можно лишь на уровне общего объекта преступления. Но, учитывая «полисоциальность» личности, для определения непосредственного объекта необходимо учитывать те социальные возможности, реализация которых затрудняет совершение преступления. Вводя в Особенную часть УК РФ новые главы, законодатель ставит под охрану определенные интересы участников отношений, когда однородность интересов определятся их однoплановостью, для реализации которых эти отношения существуют[5].

В философской и уголовно-правовой литературе интересы рассматриваются как форма выражения общественных отношений[6], поскольку «экономические отношения каждого общества проявляются как интересы»[7]. По мнению Е.К. Каиржанова, интерес и обще-

[1] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 242.

[2] Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 62-63.

[3] Малько А.В, Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 73, 170.

[4] Кузнецов А.В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. М., 1969. С. 31.

[5] Фролов Е.А. Объект уголовноправовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 13-14.

[6] Москаленко А.Г., Мокринский Г.В. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск, 1981. С. 82-83; Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 49.

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.18. М., 1961. С. 271.

ственные отношения соотносятся как явление и сущность, где интерес выступает выражением общественных отношений. Категории «явление» и «сущность» выражают соотнесение поверхностных и глубинных уровней действительности. Сущность – внутренняя, глубинная, скрытая, относительно устойчивая сторона того или иного явления, определяющая его природу. Явление – внешние, наблюдаемые, изменчивые характеристики того или иного предмета[1]. Однако, как полагает В.К. Глистин, объект преступления нельзя рассматривать через интерес, который всегда скрыт как «сущность» и обнаруживается в общественных отношениях, в которые вступает личность[2]. Таким образом, возникает разногласие. Е.К. Каиржанов считает, что интересы – это явление, а общественные отношения – сущность, а В.К. Глистин – что общественные отношения – это явление, а интересы – сущность, познаваемая через явление. Это разногласия основано на том, что сферы общественных отношений и характер интересов различаются. Так, совершенно очевидны общественные отношения как объект преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, политических и трудовых прав граждан[3]. В то же время многие отношения, прежде всего экономические, скрыты от непосредственного восприятия. Сложно установить объект преступления, предусмотренный (ст. 191 УК РФ). При первом взгляде не понятно, в чем опасность незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. Но рассмотрение сути этого преступления как посягательства на возможность государства пополнять свой бюджет позволяет установить его объект – отношения по формированию бюджета.

Вред общественным отношениям, выражающимся в деятельности их субъектов, проявляется не сразу, а через определенное время. Это затрудняет установление осознания общественной опасности. Интересы как возможность действовать определенным образом для участников отношений, выступающие объектом преступления, позволяют его установить и влияют и на законодательное определение умысла и неосторожности. Так, почти все нормы, предусмотренные главой 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», бланкетные. Вред от их совершения проявляется через определенное время, поэтому субъект должен сознавать не только общественную опасность, но и противоправность совершаемых действий. Поэтому в теории при формулировке умысла пред-

[1] Каиржанов Е.К. Указ. соч. С. 51, 56.
[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 67.
[3] Таций В.Я. Указ. соч. С. 69-76.

ложено указать на осознание не только общественной опасности, но и противоправности своих действий[1].

Рассмотрение интереса как возможности действовать определенном образом позволит конкретизировать предмет предвидения при установлении вины. По обоснованному мнению Н.И. Загородникова, если признавать непосредственным объектом общественные отношения, то для вменения лицу убийства следует установить, что оно сознавало не только общественную опасность лишения жизни, но и то, что причиняет вред конкретному общественному отношению, что вряд ли возможно из-за абстрактности понятия «общественные отношения»[2]. Поэтому в теории предложено отказаться от категории «общественная опасность», заменив ее формулировкой «опасность для охраняемых уголовным законом объектов»[3], либо при описании умысла и неосторожности для конкретизации предмета предвидения устанавливать осознание субъектом не общественной опасности, а общественной значимости своих действий и предвидение наступления не общественно опасных последствий (нарушение функционирования общественных отношений определенного типа – *прим. авт.),* а возможности причинения вреда интересам личности, общества и государства (конкретным субъектам отношений – *прим. авт.*)[4]. Это избавит правоприменителя от необходимости устанавливать осознание виновным общественной опасности совершаемых действий (осознания причинения вреда общественным отношениям как типизированным связям), что проблематично в силу абстрактности и сложности для восприятия общественных отношений.

---

[1] Яни П.С. О значении принципа «ignorantia juris nocet» для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке : материалы международной научной конференции на юридическом факультете МГУ 31 мая 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 234-237; Шишко И.В. Экономические преступления: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 279-285.

[2] Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С. 11. По данным А.Ф. Зелинского, лишь 14% осужденных указали, что в момент совершения преступления осознавали его общественную опасность, а 82% отрицали её осознание. Зелинский А.Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. 1984. № 9. С. 54.

[3] Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 62-63.

[4] Кулыгин В.В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве. Хабаровск, 1996. С. 48; Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2002. С. 149, 162; Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 38, 49.

Таким образом, противопоставлять интерес и общественные отношения нет смысла. Люди вступают в социальные связи и отношения, содержанием которых является деятельность их участников, направленная на реализацию интереса и удовлетворение на этой основе потребностей. Объектом преступления следует признавать правоохраняемые (законные) интересы как правовую дозволенность, выражающуюся в стремлениях субъекта пользоваться определенными благами и гарантированную государством. Это позволяет установить социальный характер последствий преступления и, соответственно, объект преступления, когда общественные отношения выражаются в деятельности субъектов (в динамическом аспекте) и последствия отдалены по времени от момента совершения деяния, а также систематизировать нормы Особенной части УК РФ по главам на основании однородности интересов субъектов и конкретизировать предмет предвидения интеллектуального момента вины.

1.5. Социальная связь как непосредственный объект преступления и применение уголовного закона

Общественные отношения на первичном уровне складываются из проявлений действий людей как единичных социальных связей, образующих в совокупности общественные отношения определенного типа. На этом уровне последствия преступления проявляются: в частичном изменении поведения одного из его участников; в их повреждении, когда их можно восстановить (например, возвращение похищенного, восстановление на работе незаконно уволенного и т.п.); в их полном разрушении (причинение смерти)[1].

Социальная связь как первичный элемент отношений разрывается при убийстве, поскольку бессубъектных социальных связей не существует. Понимание непосредственного объекта как социальной связи между субъектами определяет квалификацию при воздействии на «отсутствующего» потерпевшего. В уголовном праве досоветского периода этот вопрос решался следующим образом. «Если объект посягательства не существует физически, – писал Н.С. Таганцев, – то очевидно, что всякая попытка посягнуть на него будет мнимой: она заключает в себе голую злую волю, но не имеет свойств преступного деяния, тем более что в большинстве случаев и самое по-

[1] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1981. С. 26.

кушение при подобных условиях бывает невозможно, по крайней мере в тех деяниях, которые предполагают непосредственное воздействие субъекта на объект»[1].

Такой подход был обусловлен тем, что объектом преступления в уголовном праве того периода понимали не абстрактные, типизированные общественные отношения, а социальные связи между определенными субъектами. Поскольку право и обязанность предполагают всегда отношения между двумя лицами, то и преступление должно содержать в себе посягательство на известные общественные отношения[2]. Соответственно, удар ножом мертвого человека, которого виновный считал живым, квалифицировали как обнаружение умысла, а не покушение на убийство. Иначе речь идет о привлечении к ответственности за обнаружение умысла, так как нельзя наказывать человека за оскорбление несуществующего лица[3]. В комментарии к ст. 9 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. указывалось, что посягательство, направленное на мнимый объект или такой, который не мог быть предметом преступления, не подлежит уголовному преследованию. Но лицо освобождали от уголовного преследования, когда предмет не существовал в действительности или не имел тех свойств и качеств, лишение которых было целью виновного. Случайное отсутствие той вещи, на которую было направлено действие, не лишает его преступного характера. Поэтому взлом замка в риге, с целью кражи находящегося там хлеба, которого на момент проникновения не было, квалифицировали как покушение на кражу со взломом[4].

В ст. 47 Уголовного уложения 1903 г. отмечалось: «Не почитается преступным деяние, направленное на предмет, не существующий или очевидно негодный для учинения того рода преступного деяния, которое замышлено». Не существующими признавались не

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т.1. М., 1994. С. 321.

[2] Спасович В. Учебник уголовного права. Том I. СПб., 1863. С. 84. По мнению В.С. Прохорова, в данном случае речь идет об отношениях между купцом и покупателем, сущность которых «далеко от марксистко-ленинского понимания природы общественных отношений, главное в котором заключается в том, что в мнимом хаосе бесчисленных действий людей, в бесконечно возникающих и распадающихся связях и отношениях была выявлена система, объективная форма, в которой отливаются человеческие действия и интегрируют общество в целостную систему». См.: Прохоров В.С. Указ. соч. С. 35.

[3] Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. СПб., 1873. С. 240-243.

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1912. С. 20-21.

только предметы, отсутствующие физически, но и юридически, т.е. не имевшие тех свойств или качеств, против юридической охраны которых было направлено действие. Не признавалось преступлением покушение на убийство лица, находящегося в это время в другом городе. Но выстрел в комнату, не повлекший смерть человека потому, что жертва стояла в стороне, является наказуемым покушением[1].

В советский период и в настоящее время посягательство на «отсутствующего» потерпевшего, например выстрел в мертвого человека, которого виновный считал живым и желал его убить, считалось и считается преступным. Хотя убить труп невозможно, такие действия общественно опасны, поскольку последствия не наступили по не зависящим от лица причинам; будь на месте трупа живой человек, он мог быть убит, и поэтому лицо виновно в покушении на негодный объект[2]. На основе этих положений и применяется уголовный закон. Так, Г. в процессе ссоры убил П. ударом молотка. После в вагончик, где лежал труп П., зашел С. и, видя лежащего на кровати П., желая его смерти, ударил П. топором по голове. С. был осужден по ст. 15 и ч. 1 ст. 103 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ)[3]. Но уголовный закон, охраняя общественные отношения, тем самым охраняет «реальные» личности, из действий которых и складываются общественные отношения, и не является общественно опасным деяние, не затрагивающее интересы людей, выступающих материальным субстратом общественных отношений[4]. Следовательно, если субъект отношений выступает основным элементом социальной связи, то при его отсутствии в реальности социальной связи как непосредственного объекта преступления нет.

Опрос в 2009 г. следователей Следственного комитета при прокуратуре РФ и МВД РФ показал, что на вопрос, является ли общественно опасным выстрел в труп, если субъект полагал, что стре-

---

[1] Уголовное Уложение 1903 г. СПб., 1904. С. 90-92. В теории уголовного права того времени такие действия рассматривались как мнимое преступление «за отсутствием объекта». Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / под ред. и с предисл. А.А. Жижиленко. Пг., 1916. С. 15.

[2] Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 2000. С. 49; Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 46.

[3] Дело № 04-12. Архив Новгородского областного суда за 1995 г. Пример взят из: Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления : монография. СПб., 2004. С. 134.

[4] Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 76; Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 10; Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1963. С. 29.

ляет в живого человека с целью его убийства, положительно ответили 88% опрошенных. На вопрос, кому при этом причинен вред и в чем выражается общественная опасность выстрела в труп, две трети опрошенных затруднились ответить. Остальные указали, что вред причиняется общественным отношениям, и опасность таких действий выражается в том, что субъект в последующем может совершить убийство. Представляется, что квалификация выстрела в труп как покушения на убийство основывается на понимании непосредственного объекта как типизированных устойчивых связей. Это приводит к необоснованно широкому применению норм уголовного права, что недопустимо.

Лицо, посягающее на мертвого человека, можно привлечь к уголовной ответственности за приготовление к убийству (ч. 1 ст. 30, ст. 105 УК РФ), только если будет доказано, что оно приискивало, изготовляло или приспосабливало для совершения убийства средства или орудия преступления (например, оружие), приискивало соучастников либо умышленно создавало иные условия для совершения убийства до наступления смерти потерпевшего[1]. Также его можно привлечь к ответственности и за фактически совершенное деяние, например за незаконное приобретение огнестрельного оружия (ст. 222 УК РФ)[2]. Таким образом, понимание непосредственного объекта преступления как социальной связи между участниками общественных отношений обеспечит неприкосновенность личности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Рассмотрим квалификацию при ошибке в личности потерпевшего, обладающего определенными свойствами, указывающими на дополнительный объект и закрепленными в законе в качестве квалифицирующих признаков. Так, Т. был осужден по ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ) и ст. 15, п. «в» ст. 102 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) за то, что с целью мести за выполнение Саковской общественного долга подошел к ее дому и, заметив в окне очертания человека, полагая, что это Саковская, произвел прицельный выстрел, которым был убит Саковский. Однако вышестоящий суд отменил приговор, указав, что жизнь Саковского, как и Саковской, являются юридически равноценным объектом преступ-

[1] Это обстоятельство упускают из внимания критики, указывая на несоотносимость признания таких действий непреступными и возможностью привлечения к уголовной ответственности за приготовление к убийству. См.: Бабий Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. М., 2017. С. 589.

[2] Андреева Л.А., Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб., 2002. С. 104.

ления[1]. В теории такие действия одни предлагают квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку причинена смерть человеку[2], а другие – по ч. 3 ст. 30 «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как вред отношениям в сфере управления причинен не был по независящим от виновного обстоятельствам[3]. При этом возникает фикция – потерпевший мертв, но виновный своей цели не достиг. По этому поводу в ст. 1456 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г., было закреплено правило: «Кто, имея намерение нанести кому-либо смерть, вместо того лица по ошибке или иному случаю лишит жизни другого, тот подвергается тому же самому наказанию, которому он должен подвергнуться, если бы умертвил того, на жизнь кого имел умысел». Так, лицо, задумавшее убить отца и убившее по ошибке другого, наказывался как отцеубийца. Но это положение не распространялось на другие преступления при ошибке в объекте[4], когда действия виновного квалифицировали не по последствиям, а по направленности умысла. Поэтому в ст. 30 УК РФ следует закрепить правило, что действия виновного при посягательстве на жизнь и здоровье при ошибке в личности потерпевшего следует квалифицировать как оконченное преступление, к совершению которого он стремился. Данное предложение возможно и противоречит положениям ст. 29 УК РФ, смысл которой, как отмечено в теории, заключается в том, что оконченным признается такое преступление, в котором содержатся все признаки состава преступления, на совершение которого был направлен умысел лица[5]. Так, если лицо желало причинить смерть лицу, выполнявшему общественный долг, а убило другого человека, нельзя говорить, что наступили последствия, к которым оно стремилось. Однако это положение устранит фикцию, когда смерть человека наступила, но вследствие ошибки в личности такие действия квалифицируют как покушение на убийство либо как оконченное убийство, когда смерть лица, выполнявшего общественный долг, вследствие ошибки в личности не наступила.

Уголовный закон охраняет жизнь не конкретного человека, а всех граждан. Поэтому под непосредственным объектом следует

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 11. С. 11-12.

[2] Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 165; Спиридонова А.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки в личности потерпевшего при квалификации преступлений против жизни // Криминалист. 2012. № 2. С. 65.

[3] Черненко Т.Г. Фактическая ошибка в объекте и предмете посягательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3. С. 127.

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. С. 21, 829.

[5] Иванчина А.В. Оконченное преступление. М., 2013. С. 68.

понимать социальную связь между не конкретными, а неперсонифицированными, обезличенными субъектами. Это должно учитываться при ошибке в причинной связи, когда виновный совершает действия, которые, по его мнению, привели к смерти потерпевшего, и, желая скрыть убийство, например, сбрасывает потерпевшего в воду. Но смерть потерпевшего наступила от попадания воды легкие, поскольку при попадании в воду он был жив. Такие действия предлагают квалифицировать как покушение на убийство и причинение смерти по неосторожности[1]. Однако в этом случае действия виновного следует квалифицировать как оконченное преступление, руководствуясь направленностью умысла виновного[2].

Понимание непосредственного объекта преступления как, не персонифицированной социальной связи не всегда учитывается при квалификации отклонения действия. Так, Т. и Л. решили умертвить К., пригласили его в пивную, где подсыпали ему в кружку с пивом яд, и ушли, сославшись на дела. К., заподозрив неладное, также ушел, не стал пить пиво, оставив его на столе. Пиво выпил посетитель пивной Д. Действия Т. и Л. Н.Д. Дурманов квалифицировал как покушение на умышленное убийство и убийство по неосторожности[3]. В другом случае К. выстрелил в убегавших в сторону оврага К-ова и О., причинив смерть Ш., поднимавшейся в это время по склону оврага навстречу им. Действия К. были квалифицированы по ст. 15 и ст. 104 и ст. 106 УК РСФСР (ч. 3 ст. 30, ст. 107 и ст. 109 УК РФ). В следующем случае П., поссорившись с С. на кухне коммунальной квартиры, кинула в нее чайник. С. увернулась, и чайник попал в голову её дочери. Действия П. квалифицировали по ч. 1 ст. 118 УК РФ[4]. В теории полагают, что если у виновного был умысел на причинение *одних* последствий, но вследствие его действий по неосторожности наступили *иные* последствия, то субъективная связь между ними отсутствует, действия виновного следует квали-

[1] Наумов А.В. Указ. соч. С. 240-241; Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 356; Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений. М.,. 2005. С. 85; Ситникова А.И. Квалификация действий, связанных с фактическими ошибками // Российский судья. 2016. № 4.

[2] Безрукова Т.И. Проблема квалификации деянии, совершенного в условиях фактической ошибки // Российский юридический журнал. 2007. № 3. С. 152-153.

[3] Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 164.

[4] Оба примера взяты из статьи Гонтаря И. Отклонение действия и ошибка в причинной связи в уголовном праве // Уголовное право. 2009. № 4. С. 17-20.

фицировать по совокупности – покушение на убийство и причинение смерти по неосторожности[1]. В данном случае следует определиться, является ли смерть одного человека одним последствием, а смерть другого – иным последствием. Думается, что раз уголовный закон абстрагируется от конкретной личности, охраняя не персонифицированные, обезличенные социальные связи, то смерть одного, и смерть другого человека – это одно и то же последствие. Представляется, что приведенные выше решения судов основаны на правилах квалификации при отклонении действия, выработанных в теории дореволюционного права, когда непосредственным объектом признавали не общественные отношения, а конкретного человека[2]. Так, Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР в одном из определений в 1928 г. указала следующее: «Если бы суд пришел к выводу, что убийство имело место в силу неудавшегося покушения на убийство Л. и что выстрелы, направленные в последнего, минуя цель, попали в К., в этом случае суд должен был это действие квалифицировать по ст. 19 и 136 УК РФ (покушение на убийство) и по ст. 139 УК РСФСР (неосторожное убийство). Только совокупные признаки обеих статей отражают действительную картину происшествия[3]. Квалификация в данном случае зависит от того, что понимать под непосредственным объектом преступления. Если жизнь человека воспринимать абстрактно как некую абсолютную ценность, а не принадлежность кому-либо конкретно, то ошибка в личности на квалификацию не влияет, и такие действия следует квалифицировать как убийство или покушение на убийство, а если как благо, принадлежащее конкретному человеку, а не обществу, то как покушение на убийство и причинение смерти по неосторожности[4].

---

[1] Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления. М., 2016. С. 17.

[2] Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев-Петербург-Харьков, 1903. С. 435; Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 15.

[3] Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1952. С. 248-249.

[4] Яни П.С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления : сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции 14-15 сентября 2017 г. / под ред. В.И. Каныгина, С. В. Изосимова, А.Ю. Чупровой. Н.Новгород, 2008. С. 694; Дрожжина Е. Объект преступления и его влияние на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 33.

Более обоснованно квалифицировать такие действия как убийство, поскольку уголовное право охраняет жизнь всех граждан[1]. Квалификация по совокупности преступлений возможна только при умышленном отношении виновного к обоим последствиям: тому которое наступило и тому, которое по причинам, не зависящим от воли виновного, не наступило. Так, Т., из хулиганских побуждений поставил к шее З. заряженную винтовку и нажал на спусковой крючок, но З. успел отклониться, а стоявший за ним А. был убит. Действия Т. были квалифицированны по совокупности преступлений как покушение на убийство и убийство, совершенное из хулиганских побуждений и способом, опасным для жизни многих людей[2].

Следовательно, если под непосредственным объектом преступления понимать обезличенные, не персонифицированные социальные связи, то в приведенных примерах действия виновного следует квалифицировать как оконченное умышленное преступление против жизни и здоровья, а если как конкретизированные социальные связи между определенными субъектами, то по совокупности – покушение на умышленное преступление и причинение вреда по неосторожности.

В ст. 30 УК РФ следует закрепить правило. Действий виновного, посягающего на потерпевшего, у которого отсутствуют свойства, закрепленные в УК РФ в качестве квалифицирующего признака, характеризующего дополнительный объект, следует квалифицировать как оконченное преступление, к совершению которого он стремился.

Таким образом, понимание под непосредственным объектом преступления, общественных отношений, социальной связи между *неперсонифицированными* субъектами либо связи между *конкретными* людьми влияет на квалификацию при воздействии на «отсутствующего» потерпевшего при ошибке в личности, развитии причинно-следственной связи и при отклонении действия.

[1] Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость). М., 1958. С. 120. Верховный Суд РФ в определении от 06.06.2012 № 53О12-23 указал, что ошибка в личности при убийстве на квалификацию не влияет.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10. С. 7.

ГЛАВА 2
ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

2.1. Аспекты понятия «объект преступления» и его значение

В последнее время в теории высказаны достаточно обоснованные взгляды о том, что объектом преступления является человек, его интересы. Представляется, что причиной споров о том, что является объектом преступления, послужила многоаспектность исследуемого явления. Объект познания многокачественен, так как качественной определенностью обладают его отдельные свойства, которые взаимосвязаны и проявляются как стороны, выступающие моментами единого целого[1]. Для познания объекта преступления его следует рассматривать как сложное, выступающее перед познающим его субъектом теми или иными аспектами, а не однородное и однозначное явление[2].

О. Зателепин выделяет четыре стороны объекта преступления: философскую (гносеологическую), аксиологическую (ценностную), социальную (материальную), юридическую (формальную)[3]. В.В. Мальцев рассматривает объект преступления как сложное многомерное социально-правовое явление, проявляющееся на общественно-экономическом (социальные ценности, интересы), социально-правовом (социальные ценности, интересы, обретающие правовую оболочку) и законодательном (нормативное отражение социальных ценностей в уголовном законодательстве) уровнях. На каждом из уровней объект преступления проявляется в различных гранях, и его исследование необходимо вести по правилу: «Чем абстрактнее и шире содержание объекта, чем дальше отстоит он от уголовного за-

---

[1] Кириллов В.И. Логика познания сущности. М., 1980. С. 63.

[2] Каиржанов Е.К. Указ. соч. С. 16.

[3] Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 29.

конодательства, тем более общие научные методы следует использовать при его изучении. Чем менее абстрактно и уже содержание объекта преступления, чем ближе он к уголовному законодательству, тем чаще должны применяться частно-научные методы»[1].

Думается, что причиной спора о том, что выступает объектом преступления, послужило то обстоятельство, что разные авторы, давая различные понятия объекта преступления, говорят о его различных аспектах. Для устранения противоречий понятие «объект преступления» следует рассматривать как: объект уголовно-правовой охраны, элемент состава преступления и реально совершенного преступления, поскольку «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы»[2]. Такой подход согласуется с концепцией «объект преступления – правовое благо», характеризующего его как 1) правовое явление; 2) ценность для общества, (благо); 3) предметную, материальную сторону[3]. Критики такого подхода при исследовании объекта преступления[4], не учитывают, что речь идет не о разных явлениях, а о различных аспектах одного и того же явления, возникающих в разные моменты. Объект уголовно-правовой охраны – это общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона и еще не подвергшиеся преступному воздействию. Непосредственный объект преступления – это общественное отношение, изменяемое при посягательстве на объект уголовно-правовой охраны. Если рассматривать, какие ценности охраняет уголовное право от преступлений, то тогда речь идет об объекте уголовно-правовой охраны. При исследовании антисоциальной направленности деяния используется понятие «объект преступления»[5].

Объект посягательства не всегда совпадает с объектом уголовно-правовой охраны (например, при ошибке в личности, добровольном отказе, когда фактически совершенное деяние содержит состав иного преступления). При ошибке в объекте для квалификации имеет значение не объект посягательства, а объект уголовно-правовой

[1] Мальцев В.В. Учение об объекте преступления : в 2 т. Т.1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград, 2010. С. 119.

[2] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 15. М., 1979. С. 368.

[3] Жалинский А.Э. Уголовное право России : учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. М., 2000. С. 104.

[4] Дрожжина Е.А. Общественная безопасность как объект преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 16.

[5] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 85; Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 16.

охраны, против которого посягательство не осуществилось вследствие ошибки[1]. По обоснованному мнению Ю.А. Демидова, объект уголовно-правовой охраны шире, чем объект преступления. Во-первых, уголовное право охраняет общественные отношения не только от действий виновных, но и невменяемых, когда есть объект уголовно-правовой охраны, но нет объекта преступления. Во-вторых, понятие «объект преступления» снижает объект уголовно-правовой охраны до элемента или стороны преступления. Не понятно, как государственный строй, «личность и другие объекты уголовно-правовой охраны могут быть «элементом» или «стороной» преступления»?[2] На несовпадение понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» указывает и Л.Д. Гаухман: «Первое дает лишь общее представление о круге общественных отношений, защищаемых уголовным законом, т.е. имеет общесоциальное значение. Именно в таком смысле общественные отношения указаны в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Второе понятие имеет уголовно-правовое значение, так как характеризует элемент состава преступления. В этом смысле общественные отношения понимаются при перечислении и в названиях разделов, глав и отдельных статьях УК РФ. … В юридической литературе объект преступления обычно понимается в уголовно-правовом значении, т.е. как элемент состава преступления»[3].

Рассмотрим значение выделения таких аспектов объекта преступления, как объект уголовно-правовой охраны, элемент состава и реально совершенного деяния.

Разграничение объекта уголовно-правовой охраны и объекта реально совершенного деяния, который проявляется в изменениях реальной действительности, заключается в том, что участники общественных отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны, становятся субъектами преступления и потерпевшими только после преступления[4]. Совокупность общественных отношений, вернее, лишь ее часть, структурный элемент, становится объектом преступления только во время осуществляемого в отношении

---

[1] Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 169-170.

[2] Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 32. Представляется, что Ю.А. Демидов, говоря об объекте как элементе преступления, неверно отождествлял его с объектом уголовно-правовой охраны.

[3] Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 65.

[4] Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 47; Фаргиев И.А. Потерпевший от преступления (уголовно-правовые вопросы). Хабаровск, 2001. С. 22-23.

нее посягательства[1]. До этого общественные отношения, охраняемые нормами уголовного закона, как объект уголовно-правовой охраны – это потенциальный объект преступления. После его совершения общественные отношения существуют уже в нарушенном состоянии и представляют собой последствия преступления в широком смысле, а не как признак его объективной стороны. В первом случае общественные отношения – еще не объект преступления, а объект уголовно-правовой охраны, во втором – они проявляются через последствия преступления. Следовательно, объект преступления существует только в момент совершения преступления[2].

Объект преступления сопряжен с реальными действиями, физическими лицами и общественными отношениями (это то, на что посягает преступление), возникает в момент посягательства, при условии его уголовно-правовой охраны, как новое качественное состояние отдельной части объекта уголовно-правовой охраны[3]. Так, кражи угрожают состоянию принадлежности имущества независимо от формы собственности, выступающей объектом уголовно-правовой охраны. Фактически совершенная кража причиняет имущественный ущерб конкретной организации, акционерному обществу и т.д.[4] Поэтому понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» различны по смысловой нагрузке, значению, объему и временной характеристике[5].

Когда речь идет об уголовно-правовой охране, объект преступления рассматривается в аксиологическом аспекте как основание для криминализации деяния. Объект уголовно-правовой охраны выступает общим объектом преступления как совокупности важнейших отношений, поставленных под охрану уголовного закона[6], и по объему он шире, чем объект как элемент состава преступления. Государство охраняет наиболее важные общественные отношения не только от преступлений, но и от действий невменяемых и малолетних. Объекты уголовно-правовой охраны, указанные в ч. 1 ст. 2 УК

---

[1] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. С. 17.

[2] Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2006. С. 55-56.

[3] Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 102; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. М., 1994. С. 112.

[4] Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 43.

[5] Георгиевский Э.В., Чернов А.В. Теоретический анализ объекта преступления. Иркутск, 1999. С. 43.

[6] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 69-70.

РФ, выступая фундаментом системы Особенной части кодекса, не делятся на основные, дополнительные и факультативные[1].

Разграничение между объектом уголовно-правовой охраны и объектом как элементом состава преступления заключается в следующем. Если объектом уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, функционирование которых обеспечивает развитие личности, общества и государства, то объектом преступления как элементом его состава выступают правоотношения (общественные отношения, урегулированные нормами права). Как отмечал А.Н. Трайнин, «Для разрешения важнейших для судебной практики вопросов квалификации необходимо изучение объекта не только со стороны преступления, но и как элемента состава конкретного преступного действия. Оба эти понятия (объект – «общественные отношения» и объект – «элемент конкретного состава») органически связаны друг с другом». Для отражения специфики конкретного преступления или конкретной группы преступлений объект как элемент его состава приобретает индивидуальные черты, не противореча объекту уголовно-правовой охраны – общественными отношениями. Изучить объект как элемент состава конкретных преступлений, возможно лишь анализируя конкретный законодательный материал[2]. По мнению М.И. Федорова, «Объектом являются не всякие общественные отношения, а лишь охраняемые уголовным законом, что должно указать на объект как элемент преступления и ориентировать на анализ тех признаков, при помощи которых законодатель характеризует объекты в конкретных составах»[3].

Формулируя диспозиции норм Особенной части УК РФ, законодатель определенные отношения как объекты уголовно-правовой охраны переводит в разряд элемента состава, возникающего с вступления в силу соответствующей уголовно-правовой нормы. Объект как элемент состава по объему уже, чем объект уголовно-правовой охраны, поскольку не все отношения подаются регулированию либо это нецелесообразно. Например, здоровье женщины, будучи объектом уголовно-правовой охраны, не охватывается полностью объектом как элементом состава, предусмотренного ст. 123 УК РФ. Не

---

[1] Антипов В.И. Установление основного объекта преступления в составах многообъектных преступлений // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности ОВД. Киев, 1986. С. 30.

[2] Трайнин А.Н. Избранные труды / сост. и вступ. статья Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 73-74.

[3] Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского государство университета. Т. XI. Вып. 4. Кн. 2 (юрид. науки). Пермь, 1957. С. 190.

любое прерывание беременности преступно. Признание таких действий преступлением увеличит количество подпольных абортов, повлекших причинение смерти или тяжкого вреда здоровью женщины[1]. Собственность как элемент состава в виде его объекта выступает только в связи с другими элементами состава преступления: на нее направлено определенное противоправное действие, совершаемое человеком (субъектом), отвечающим установленным законом условиям ответственности (возраст, вменяемость); этот субъект действует сознательно, преследуя определенную цель. Без взаимосвязи собственности с другими названными элементами она существовала бы как общественное отношение, но не в виде объекта как элемента его состава[2]. Уничтожение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ) является преступлением лишь в случае причинения ущерба в крупном размере путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Следовательно, законодатель, указав на способ преступления, перевел отношения собственности (объект уголовно-правовой охраны) в элемент состава преступления, ограничив круг деяний, посягающих на собственность, признаваемых преступлением.

На отождествлении объекта уголовно-правовой охраны и элемента состава основывается критика в обоснованности признания основным непосредственным объектом отношений собственности при разбое (ст. 162 УК РФ), порядка управления при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), так как в соответствии с приоритетом жизни и здоровья человека они и должны выступать основным непосредственным объектом указанных преступлений[3]. В данном случае объект рассматривается как элемент состава преступления – конструкция, созданная по усмотрению законодателя. Как элемент состава преступления рассматривался основной непосредственный объект в советский период, под ним понимали то отношение, тот интерес, составляющий сущность преступления, который законодатель, создавая данную норму, в первую очередь ставил под охрану уголовного закона[4].

---

[1] Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 70.

[2] Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С. 175-176.

[3] Векленко В.В. Объект в структуре состава преступления // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения : материалы межвузовской научно-практической конференции. Омск, 2006. С. 5.

[4] Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф.

В силу того, что преступления посягают на большой объем общественных отношений, иногда сложно установить сущность того или иного посягательства. Так, до 1994 г. норма, предусматривающая наказание за неправомерное завладение автомобилем (ст. 212 УК РСФСР), находилась в главе «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». После 1 июня 1994 г. эта статья была исключена из УК РСФСР, а глава «Преступления против собственности» дополнена статьей 148.1 «Неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом». В УК РФ ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством предусмотрена в ст. 166, расположенной в главе 21 «Преступления против собственности», поскольку, по мнению законодателя, опасность этого преступления заключается в причинении имущественного ущерба потерпевшему и основным объектом выступают отношения собственности. Однако это мнение оспаривают. Во-первых, по данным исследователей, на угнанных автомобилях (в расчете на 1 км пробега) совершаются в 200 раз больше ДТП, чем на всех остальных, поэтому опасность угона выражается в причинении вреда общественной безопасности. Во-вторых, эти решения непоследовательны. Не понятно, почему угон воздушного, водного или железнодорожного транспорта причиняет отношениям собственности вред меньший, чем угон автомобиля[1]. Действительно, угон самолета причиняет вред отношениям собственности, но его крушение вследствие неумелого управления может повлечь более тяжкие последствия, чем автоавария, и поэтому ответственность за угон воздушного, железнодорожного или водного транспорта предусмотрена в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности».

Рассмотрим вопрос об основном объекте разбоя (ст. 162 УК РФ), наказание за совершение которого предусмотрено в гл. 21 «Преступления против собственности», где основным объектом признаны отношения собственности. Но учитывая, что здоровье человека представляет большую ценность, чем имущество, разбой окончен в момент нападения, хотя в теории полагают, что его объектом является общественная безопасность[2]. Однако в ст. 7 УК

дис. … докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 24; Коржанский Н.И. Указ. соч. С. 81.

[1] Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 198-200; Козун А.В., Гученков М.А. Спорные вопросы определения объекта угона транспортного средства // Учение об объекте преступления: тенденции перспективы развития : сб. науч. тр. Омск, 2005. С. 84-92.

[2] Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 54-56; Пинаев А.А. Указ. соч. С. 47.

РСФСР преступление раскрывалось как деяние, посягающее на определенные ценности, а «посягать» означает «намереваться», поэтому основной объект устанавливается направленностью воли субъекта[1]. Норма, предусмотренная ст. 162 УК РФ, создана в первую очередь для охраны отношений собственности, которые и выступают основным непосредственным объектом. Об этом свидетельствует и история отечественного уголовного законодательства. Для прекращения спора об основном объекте разбоя следует изменить формулировку его объективной стороны, заменив термин «нападение» словами «хищение имущества» либо «завладение имуществом посредством применения насилия, опасного для жизни, или угрозой применения такого насилия»[2]. Это позволит признать основным объектом отношения собственности; избежать расширительного толкования понятия «нападения», когда потерпевшего приводят в беспомощное состояние, вводя в его организм сильнодействующие вещества; у виновного появится возможность добровольного отказа.

Вследствие изложенного сложно согласиться с предложением закрепить в теории правило для практики о том, что деяния, посягающие на один родовой объект, должны быть помещены в одной главе уголовного кодекса[3]. Законодатель может ошибаться при определении тех отношений, которым преступление причиняет вред в первую очередь. Расположение нормы в системе Особенной части УК РФ не является определяющим критерием установления объекта, поскольку «в противном случае следовало бы признать, что одни и те же преступления в различных республиках посягают на различные общественные отношения»[4].

---

[1] Антипов В.И. Указ. соч. С. 28.

[2] Елисеев С. А. Указ. соч. 1999. С. 116-119; Векленко В.В. Квалификация хищений. С. 107-109; Иванцова Н. Разбой насильственное хищение чужого имущества // Уголовное право. 2003. № 2. С. 34-36; Коробов П. Разбой как типичная форма хищения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 32-36.

[3] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 205.

[4] Ляпунов Ю.А. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С. 22. Учитывая, что неосторожным преступлениям присущи признаки, характеризующие субъективную сторону, действия и личность виновного, В.А. Нерсесян критерием построения системы Особенной части УК РФ предложил рассматривать механизм преступного поведения и все неосторожные преступления объединить в самостоятельную главу «Неосторожные преступления» с двумя подразделами «Технические преступления» и «Иные неосторожные преступления». См.: Нерсесян В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения // Государство и право. 2000. № 4. С. 62. Но на основании указанных свойств эти преступления можно выделить в особую группу только в теории, но не в законе, так как система Особенной части УК РФ не может

Разграничение объекта уголовно-правовой охраны и объекта как элемента состава разрешит споры, существующие в теории. Во-первых, что является критерием постановки под охрану и дифференциации ответственности при посягательстве на жизнь? Так, Ю.А. Демидов считал, что уголовное право охраняет жизнь и здоровье самых активных личностей – участников общественных отношений и новорожденных, которые в дальнейшем станут личностями в процессе их социализации, и людей, переставших быть личностями вследствие психических расстройств[1]. В.К. Глистин, критикуя Ю.А. Демидова, ставил жизнь человека под охрану не в зависимости от пола, возраста, а с позиций ее социальных свойств, выступающих объективным критерием систематизации норм в уголовном законодательстве[2]. Представляется, что разногласий между указанными авторами нет, поскольку Ю.А. Демидов говорит об объекте уголовно-правовой охраны, а В.К. Глистин – об объекте как элементе состава, так как ответственность за убийство предусмотрена в статьях Особенной части, расположенных в разных главах УК РФ, в зависимости от правового статуса потерпевшего. Споры относительно определения объекта преступлений против личности происходят из-за обособления биологической и социальной сущности человека[3]. Следует различать такие понятия, как «человек» и «личность», рассматривая их как соотношение категорий «явление» и «сущность», показывающих переход от индивидуального состояния человека к состоянию социальному. Это позволяет выразить характер, степень, объем общественно опасных посягательств на личность[4]. Следовательно, человек в системе общественных отношений выступает объектом уголовно-правовой охраны, а его отдельные интересы, наказание за посягательства на которые предусмотрено в различных статьях Особенной части УК РФ, характеризуют объект как элемент состава преступления. Деление объектов преступления по горизонтали на основные и дополнительные условно и применимо, только к объекту как элементу состава. Так, основным объектом преступле-

---

строиться одновременно на нескольких критериях, поскольку будет нарушена научная строгость и последовательность. См.: Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / под ред. В.С. Комисарова. СПб., 2002. С. 66-67.

[1] Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 52.

[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 37.

[3] Тоболкин П.С. Указ. соч. С. 108.

[4] Козаченко И.Я. Структура объекта в преступлениях против личности // Уголовное право в борьбе с преступностью : межвуз. сб. научных трудов. Свердловск, 1987. С. 64-65.

ния, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признают отношения в сфере дорожного движения, а дополнительным – жизнь и здоровье человека. Учитывая, что правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств обеспечивают безопасность человека, объект уголовно-правовой охраны является единым – жизнь и здоровье человека в сфере дорожного движения, а как элемент его состава – общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность жизни и здоровья в сфере дорожного движения.

Во-вторых, разграничение указанных аспектов объекта преступления, разрешит спор о месте предмета преступления в структуре его состава. Так, материальные предметы в одних случаях служат внешним свидетельством наличия определенных отношений (например, документы удостоверяют факт возникновения или изменения правового состояния), в других – являются объективным условием для функционирования социальных организаций, будучи предпосылками осуществления определенных отношений (например, вооружение обеспечивает боеспособность страны; транспортные средства и пути сообщения необходимы для нормального функционирования транспорта). Кроме этого материальные предметы являются поводом, предпосылкой или условием для возникновения и поддержания социальной взаимосвязи между субъектами. Поэтому предмет преступления – это предметы или вещи, служащие материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования определенных общественных отношений. Их, изъятие, уничтожение, создание либо видоизменение причиняет вред объекту преступления[1].

Такое понимание предмета преступления подверглось критике. С одной стороны, предмет преступления – это структурная часть объекта – общественного отношения, а с другой – стороннее объекту явление – повод, условие либо свидетельство существования общественного отношения. Один и тот же предмет не может быть одновременно и условием существования явления, и его составным элементом[2]. Представляется, что критика основана на неверном отождествлении функций предметов материального мира, которые материализуют такое бестелесное явление и абстрактное понятие, как «общественные отношения», но сами они не входят в их струк-

[1] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Сборник ученых трудов. Выпуск 10. Свердловск, 1969. С. 219-222.

[2] Таций В.Я. Указ. соч. С. 38; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на корыстную собственность. М., 1986. С. 13.

туру. Их создание и видоизменение свидетельствует о возникновении и прекращении определенных отношений между их субъектами. Посредством описания в нормах Особенной части УК РФ свойств предметов материального мира и информации законодатель указывает на общественные отношения, выступающие объектом преступления, как элемент его состава.

Необходимо различать и такие аспекты объекта преступления, как элемент состава и реально совершенного деяния[1], поскольку в теории различают объективную сторону преступления как реального действия субъекта и объективную сторону состава преступления как юридическое понятие о нем[2]. Разграничение объектов реально совершенного преступления и элемента состава решит вопрос, что является объектом преступления – благо или общественные отношения? Если речь идет о благе как объекте преступления, то рассматривается реальное посягательство, причиняющее вред людям, общественным установлениям либо условиям существования. Если говорить о преступлении как о его понятии, сформулированном в законе, то обобщающие понятия могут наполняться и обобщающими характеристиками – интересами и общественными отношениями[3].

Кроме этого ответственность соучастников преступления основана на материальной однородности совершаемого ими преступления, когда два лица воздействуют на одного и того же потерпевшего либо предмет, хотя квалификация их действий различна. Так, одни члены банды, обвиняемые в убийстве прокурора в связи с производством им предварительного расследования, были осуждены по ч. 3 ст. 33 ст. 295 УК РФ, другие – по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ[4], хотя совершили одно преступление – убийство. Квалификация по раз-

---

[1] Верховный Суд РФ в ряде случаев рассматривает непосредственный объект в предметном аспекте, отождествляя его с предметом преступления. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.1995 № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» отмечалось: «При определении стоимости *имущества*, ставшего *объектом* преступления, … ». В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.12.2001 отмечено, что *объектом* преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, является *имущество* коммерческой организации. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 1. С. 17-18.

[2] Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 19.

[3] Емельянов Е.П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступления // Право и политика. 2002. № 10. С. 62-63.

[4] Определение Верховного Суда РФ от 26 января 2012 г. № 66-О11-158СП // СПС Консультант Плюс.

личным статьям при совершении одного преступления возможна и при соисполнительстве. Далее, если 15-летний и 18-летний убивают сотрудника правоохранительного органа с целью мести за его деятельность по обеспечению общественной безопасности, то действия первого следует квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а второго – по ст. 317 УК РФ.

Отождествление объекта преступления как элемента состава и реально совершенного деяния исключает объект из состава преступления. Объект как нормальные, объективно существующие отношения просто не может быть составной частью преступления – социально отклоняющегося поведения, вследствие чего свойства объекта преступления не определяют общественную опасность, ибо объект – это правовое благо, защищенное законом[1]. Как полагает В.С. Таций, объект преступления отнесен к элементам состава преступления и обособлен от преступного деяния, которое на него посягает. Хотя ряд преступлений совершается как бы «изнутри» самим участником общественных отношений, выступающих объектом преступления[2].

Приведенный довод логичен и, на первый взгляд, убедителен, но он не учитывает, что состав преступления – это правовая конструкция, исторически сложившаяся в советском уголовном праве, инструмент для отнесения совершенного в действительности общественно опасного деяния к преступлению. Термин «преступление» обозначает материальный, реальный объект, существующий в действительности, а «состав преступления» – идеальный, абстрактный объект как логическое содержание объекта[3]. Объект преступления как часть действительности соотносится с объектом как элементом состава как явление и понятие о нем. Объект преступления не есть что-то такое, лежащее за рамками преступления. Преступление, которое ни на что не посягает, немыслимо. Объект преступления входит в содержание преступления, но не целиком, а лишь в той мере, как это отразилось на объекте посягательства. Элементы не образуют деяние, а лишь характеризуют его как преступление[4]. Необходи-

[1] Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992. С. 172; Козлов А.П. Указ. соч. С. 227; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 72; Ковалев М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву. Свердловск, 1987. С. 183.

[2] Таций В.Я. Указ. соч. С. 40.

[3] Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 52; Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М., 2011. С. 124.

[4] Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С. 77-81.

мо различать объект преступления (объект посягательства) как часть действительности, имеющую определенные материальные или нематериальные формы, границы, состояния, выражающиеся в последствиях преступления, и объект как элемент состава преступления – это правовая фикция, указывающая в диспозиции статьи Особенной части кодекса признаки объекта посягательства в его предметном и оценочном выражении.

Таким образом, понятие «объект преступления» следует рассматривать в трех аспектах. Во-первых, в аксиологическом (ценностном) – как объект уголовно-правовой охраны (все общественные отношения, охраняемые нормами УК РФ, которые перечислены в ч. 1 ст. 2 УК РФ). Во-вторых, в правовом аспекте – как элемент состава преступления, когда законодатель представляет в диспозиции статьи Особенной части УК РФ структуру общественных отношений посредством описания признаков всех элементов состава преступления. В-третьих, в предметном – как определенные блага в системе общественных отношений, которые проявляются как часть действительности и имеют материальные или нематериальные формы.

Такое рассмотрение объекта преступления разрешит споры о критериях постановки под охрану жизни и здоровья человека и дифференциации ответственности при посягательстве на них, систематизации норм Особенной части УК РФ, месте предмета в структуре состава преступления и позволит сконцентрироваться на решении иных проблем учения об объекте преступления, имеющих правотворческое и правоприменительное значение.

2.2. Человек в системе общественных отношений и критерии построения Особенной части УК РФ

Одним из доводов непризнания общественных отношений объектом преступления является то, что они в этом случае становятся высшей социальной ценностью, и получается, что уголовный закон существует ради порядка отношений. Нарушение общественных отношений преступлением не образует сущности его общественной опасности, так как оно причиняет вред определенным ценностям (благам), а через них – личности, обществу, государству, ради охраны которых и существует уголовный закон[1].

[1] Зателепин О. Указ. соч. С. 30.

Рассмотрим возможность использования в качестве объекта преступления понятия «благо», определяемого через понятие «ценности», а «ценности» – через понятие «блага», что затрудняет его определение. Объект может выступать в качестве блага или не быть им в зависимости от того, какие его стороны, свойства включены во взаимоотношения с человеческими потребностями[1]. Понятие «благо» не конкретизировано и охватывает явления, существенно различающиеся по степени обобщенности. Например, вещь и общественная безопасность – это то ли вещь материального мира, то ли нечто субъективное из сферы восприятия этой вещи. Использование его в качестве объекта преступления ведет к терминологической неопределенности, когда объектом преступлений против собственности необходимо будет признавать материальные блага[2]. Категория «благо», без сомнений, относится к таким явлениям, как жизнь, здоровье, достоинство человека. «В то же время, – отмечает В.П. Емельянов, – представляется далеко не безупречным отнесение к категории «благо», к примеру, деятельности тюремной системы, посягательство на которую преследуется в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества»[3].

Явление становится общественной ценностью (благом), только если оно удовлетворяет потребности общества, которое заинтересованно в его существовании и использовании. Так, для отдельных людей некоторые предметы (фотографии близких) имеют ценность, но их хищение или уничтожение не преступно, поскольку они не представляют общественной ценности[4]. Поэтому противопоставлять социальные ценности (жизненный интерес, правовое благо или что-нибудь иное) общественным отношениям бесперспективно. Если говорить об объекте преступления как о социальном благе, то оно появляется только в рамках общественных отношений. Если говорить об объекте преступления как о каком-либо интересе, то за ним проявляется социальная связь, без которой этот интерес не может быть реализован. Вне социальных связей благо не проявляет своих полезных качеств, и не все отношения соответствуют представлени-

[1] Архангельский А.М. Курс лекций по марксистко-ленинской этике. М., 1974. С. 161–163.

[2] Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 24; Козлов А.П. Указ. соч. С. 234; Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности. СПб., 2003. С. 47.

[3] Емельянов В.П. Указ. соч. С. 65=66.

[4] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 25=26.

ям населения о благе[1]. Рассматривать объект преступления как правовое благо или социальную ценность можно лишь в целях экономии, но не по существу и только в рамках отношений, элементами которых они являются и по поводу сохранности которых отношения складываются, так как интересы субъектов реализуются в общественных отношениях, а не наоборот[2].

Рассмотрим возможность признания объектом преступления человека. К этой теории обратились в 90-х годах прошлого века, когда происходила смена политического строя и переосмысление роли человека в обществе и государстве и считали, что сведение объекта преступления к общественным отношениям искажает роль человека, носителя общественных отношений, с его реальными потребностями и интересами в системе социальных благ, охраняемых уголовным законом. Поэтому как высшая социальная ценность человек выступает самым важным благом, защищаемым уголовным правом, или общим объектом преступления[3]. По мнению А.В. Наумова, признание общественных отношений объектом преступления основано на марксистском понимании сущности человека как «совокупности всех общественных отношений». Поэтому объектом преступления следует признавать блага и интересы. Но применительно к преступлениям против собственности объектом преступления указанный автор признает отношения собственности[4]. Г.П. Новоселов, полагая, что понятие объекта преступления должно основываться на сущности и направленности вреда, который причиняет или может причинить преступление и что не люди существуют ради общественных отношений, а общественные отношения возникают для реализации интересов людей, считает, что объектом любого преступления, а не только против личности, являются люди, выступающие как отдельные физические лица, либо как множество лиц, являющихся либо не являющихся юридическими лицами, либо – как социум (общество)[5].

---

[1] Горелик А.С. , Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 24; Павлов С. Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 15.

[2] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2005. С. 103-104; Крылова Н.Е. О понятии объекта преступления // Вестник МГУ. Серия Право. 2013. № 6. С. 29.

[3] Загородников Н.И., Сахаров А.Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Советское государство и право. 1990. № 12. С. 52.

[4] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 147.

[5] Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 45-63.

Признание непосредственным объектом преступления не общественных отношений, а людей или блага, на первый взгляд, обоснованно, но с ним сложно согласиться. Во-первых, авторы ссылаются на положения теории уголовного права досоветского периода, где объектом преступления признавались правовые блага как конкретные отношения и состояния, охраняемые законом под угрозой наказания. Во-вторых, в советский период объект преступления рассматривался не с позиции ценностей, как объект уголовно-правовой охраны, а в основном как элемент его состава. В-третьих, вне общества и существующих в нем отношений личность и ее интересы немыслимы. Воздействие на участников отношений не означает, что непосредственным объектом преступлений является только их жизнь и здоровье, так как в других главах описаны преступления против жизни и здоровья человека[1].

Критически подходя к признанию объектом преступления человека, отметим, что К. Маркс писал, «что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»[2]. Поэтому выражение: «Человек есть совокупность общественных отношений», строго говоря, не совсем точно, так как общественные отношения выражают социальную сущность, но не всего человека как явления. … Человек может существовать лишь как элемент социальной системы и перестает существовать вне её»[3]. Трактовать общественные отношения как сущность человека – значит, выводить эту сущность за его пределы. Логичнее считать не общественные отношения сущностью человека, а человека – их сущностью[4].

По сути, человек есть основной объект уголовно-правовой охраны, и все преступления в конечном итоге причиняют вред ему. Помимо основного объекта – личности существуют и иные объекты преступного воздействия, выходящие за рамки интересов отдельного человека, обозначаемые категорией «общественные отношения» и обеспечивающие интересы личности – отношения собственности,

[1] Кузнецов А.В. Охрана личности в советском уголовном праве // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 107–108; Аниянц М.К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С. 18. В советском уголовном праве объектом преступлений против жизни и здоровья признавалась личность в системе общественных отношений, а непосредственным объектом – жизнь и здоровье в системе тех же отношений. См.: Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск, 1964. С. 5.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. М., 1955. С. 3.

[3] Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. ЛГУ, 1966. С. 28.

[4] Баруллин В.С. Социальная философия. М., 1999. С. 458.

управления и т.д. Выдвижение личности на первое место не игнорирует общественные отношения как объект преступления, которые, обеспечивая интересы личности, представляют ценность. Поэтому общим объектом преступления (объектом уголовно-правовой охраны – *прим. авт.*) следует признать личность и отношения, обеспечивающие её интересы[1].

Понимание в качестве объекта преступления благ (интересов) в смысле, который вкладывает в него А.В. Наумов, смешивает объект и предмет и соответствует формальному определению преступления, когда указывается на его противоправность без упоминания на общественную опасность, что затрудняет разграничение преступлений[2]. Кроме этого, признавая при убийстве объектом блага (интересы), к объекту хищения А.В. Наумов относит общественные отношения. Получается, что понятие «объект» для различных преступлений отличается, чего быть не должно.

Представление об объекте преступления как общественных отношениях должно проводиться на всех уровнях классификации: общем, родовом и непосредственном объекте. Иначе нарушается логика классификации, так как часть общего должна обладать теми же свойствами, какими обладает общее, происходит и подмена объект преступления другими явлениями, что искажает природу преступления[3].Следовательно, речь идет о причине методологического характера – признании непосредственным объектом преступления общественных отношений.

Таким образом, говоря об объекте как личности, его рассматривают в ценностном аспекте как объект уголовно-правовой охраны, т.е. совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и как родовой объект преступлений, указанных в разделе «Преступления против личности». Такое понимание объекта преступления не противоречит традиционному пониманию механизма причинения вреда общественным отношениям, так как сторонники объекта преступления как интереса или блага едины в рас-

---

[1] Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С. 17-18. Тер-Акопов А.А. Указ. соч. С. 10; Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты уголовно-правовой проблемы. Калининград, 2002. С. 14-18.

[2] Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 71; Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М., 2007. С. 90-91.

[3] Тоболкин П.С. Указ. соч. С. 92; Шаргородский М.Д. Рецензия на Советское уголовное право. Общая часть. М.: Госюриздат, 1952 // Советское государство и право. 1953. № 8. С. 108; Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5. С. 476.

смотрении их как одного из элементов структуры общественного отношения, т.е. какой-то части целого. Причинение вреда части причиняет вред целому. Так, если у стола сломана ножка, это значит, что сломан весь стол. Преступление причиняет вред в первую очередь интересам, благам, субъекту отношений, но в конечном счете – общественным отношениям[1]. Закон охраняет жизнь каждого и всех, утверждая нерушимость такой организации общества, обеспечивая любому его члену личную безопасность[2]. Утверждение, что при посягательстве на жизнь конкретного человека нарушаются только его права, – не соответствует сущности уголовного права. При убийстве объектом преступления выступают интересы всего общества, поскольку тот, кто убит, – один из нас, что не принижает абсолютную ценность человека как биологического существа, а только констатирует положения вещей[3].

Если признавать, что преступление причиняет вред только конкретному субъекту, то тогда конфликт между виновным и потерпевшим следовало бы разрешать в частном порядке. Но примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) не означает, что государство отдает на усмотрение потерпевшего решение вопроса, являются те или иные деяния преступным или нет, оно лишь предоставляет потерпевшему право выбрать пути разрешения конфликта. Если под последствиями преступления понимать только физические (материальные), а не социальные изменения в действительности, то невозможно обосновать уголовную ответственность иностранца, совершившего на территории России преступление против другого иностранного гражданина. Это легко сделать, если рассматривать общественные отношения как объект преступления[4]. Признав объектом преступления человека вне системы общественных отношений, нельзя обосновать правомерность лишения жизни посягающего в состоянии необходимой обороны и признание преступлением причинения смерти и вреда здоровью по просьбе потерпевшего, поскольку человек не всегда может распоряжаться своим здоровьем и жизнью[5]. В то же время умышленное причинение смерти осужден-

[1] Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2001. С. 31.

[2] Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 53-54.

[3] Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 110.

[4] Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995. С. 103.

[5] Так, еще в 60-е годы прошлого века Верховный Суд РСФСР признал правильной квалификацию действий Г. по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111

ному к смертной казни родственниками потерпевшего от преступления является убийством, поскольку он находится в системе отношений, охраняемых государством[1]. Ни Конституция РФ, ни международно-правовые акты, ни УК РФ не предполагают наличие потерпевшего в качестве обязательного признака преступления или условия привлечения к уголовной ответственности, не обязывая тем самым законодателя криминализировать только общественно опасные деяния, причиняющие вред конкретному потерпевшему[2].

Отнесение человека к объекту преступления не позволяет объяснить, почему в одних случаях его убийство квалифицируют по ст. 105 УК РФ, а в других – по ст. 295, 317 УК РФ, причинение смерти по неосторожности – в одних случаях по ст. 109 УК РФ, а в других – по ст. 143 УК РФ или по ст. 264 УК РФ. Такое толкование объекта приведет к необоснованному отождествлению понятий «объект» и «потерпевший»[3]. Объяснить это можно, признав объектом преступления отношения, складывающиеся по поводу безопасных условий труда (ст. 143 УК РФ) и безопасности дорожного движения (ст. 264 УК РФ).

Ряд авторов признают рождение человека юридическим фактом возникновения общественных отношений, обеспечивающих физические и психические блага, прекращающихся с его смертью[4]. Однако личность не может быть объектом убийства, так как закон охраняет человека еще до того, как он ею становится[5]. Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – это совокупность социальных типизированных связей, существующих вне зависимости от рождения или смерти конкретного человека.

УК РФ), который по просьбе Б. отрубил ему кисть руки. См.: Загородников Н.И. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 24. Подобное решение Верховный Суд РСФСР принял по делу К., осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР за то, что он по просьбе Н. выстрелил в него из пистолета для причинения вреда здоровью. См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. № 7. С. 9.

[1] Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 164-165.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части второй статьи 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 390-О-О.

[3] Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 39.

[4] Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009. С. 47; Бородин С.В. Указ. соч. С. 49.

[5] Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 101.

Приведенные доводы позволяют согласиться с тем, что отказ от объекта преступления как общественных отношений обусловлен не научными, а идеологическими соображениями. Такую трактовку объекта преступления связывают с марксистским подходом к исследованию общественных отношений[1]. По мнению Н.И. Коржанского, все попытки опровергнуть определение объекта преступления как общественных отношений вызваны двумя противоположными тенденциями: первая – положительная – углубление и усовершенствование понятий, функций, роли и значения для практического понимания объекта преступления; вторая – нежелание уяснить такую субстанцию, как общественные отношения[2].

Таким образом, ценностный (аксиологический) подход при определении объекта преступления не позволяет разграничивать смежные составы и устанавливать границы действия уголовного закона. Для этого необходимы функциональный подход и использование понятия «общественные отношения», наполняющего его определенным содержанием, что отвечает практическим потребностям уголовного права[3]. Учитывая, что общественные отношения как типизированные устойчивые связи невозможны без их субъектов, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать не личность и не общественные отношения, а человека в системе общественных отношений,. Уголовный закон охраняет не только личность, но и жизнь, здоровье новорожденных, еще не являющихся личностью, а также лиц, страдающих слабоумием, которые никогда не ею станут. Поэтому раздел VII «Преступления против личности» следует переименовать в «Преступления против человека»[4].

Так, в теории объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 228-233 УК РФ, признают порядок оборота наркотиков, предлагая квалифицировать их сбыт при проведении проверочной закупки как оконченное преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ[5]. Действительно, если под объектом указанного преступления понимать регламентированный нормами права порядок оборота

---

[1] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. С. 21; Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 163-164; Крылова Н.Е. Указ. соч. С. 33.

[2] Энциклопедия уголовного права. Т.4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. СПб., 2005. С. 103.

[3] Дрожжина Е.А. Проблемы методологии исследования объекта преступления // Вестник МГУ., Серия 11. Право. 2013. № 2. С. 95.

[4] Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. С. 160-161.

[5] Жариков Ю.С. К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современное право. 2011. № 3.

наркотических средств, то тогда их сбыт лицу, участвующему в проведении проверочной закупки, следует квалифицировать как оконченное преступление. Если же объектом данного преступления признавать здоровье человека (как первичной ячейки здоровья населения) в сфере оборота наркотических средств, то тогда, согласно старой редакции постановления № 14, сбыт наркотических средств при проведении проверочной закупки *сотрудникам правоохранительных органов* следовало квалифицировать как покушение на сбыт, поскольку наркотические средства в этом случае изымают из незаконного оборота, что исключает причинение вреда здоровью человека. Аналогичным образом Верховный Суд РФ квалифицировал и сбыт наркотических средств лицам, участвовавшим в проверочной закупке, не являвшимся сотрудниками правоохранительных органов[1], когда их изъятие не гарантировано, поскольку эти лица могут их утаить[2].

В соответствии с п. 13.1 указанного постановления в новой редакции такие действия являются оконченным сбытом. Представляется, что если объектом преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, выступают здоровье населения в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ и проверочную закупку проводят сотрудники правоохранительных органов, то действия лица, сбывающего наркотические средства, следует квалифицировать как покушение на их сбыт, а если иные лица, – то как оконченное преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ.

Критериями системы Особенной части УК РФ выступают ценность объекта уголовно-правовой охраны, а также механизм причинения вреда личности – непосредственное воздействие на субъекта отношений или посредством воздействия на предметы внешнего мира или разрыва социальных связей. В теории объектами абсолютной ценности справедливо признают общественные отношения, посягательство на которые безотносительно к его интенсивности и другим условиям дает основание признавать деяния общественно опасными[3]. По мнению А.П. Козлова, главной производительной силой является совокупность людей, и именно она должна стать

---

[1] См.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.08.2001 № 488-П01; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13.02.2008 № 83Д08-2.

[2] Нуркаева Т.Н. Некоторые проблемы применения уголовного закона в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Борьба с наркопреступностью и наркотиками на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 2007. С. 59-60.

[3] Тоболкин П.С. Указ. соч. С. 112-113.

приоритетом в защите, а в конечном счете таковым должно стать человечество, а уже потом его составляющее – личность[1]. Признавая человека наиболее важной ценностью, следует учитывать, что ряд преступлений причиняют вред не одному человеку, а всему обществу, воздействуют на условия его существования. Поэтому Особенная часть УК РФ должна начинаться с раздела «Преступления против мира и безопасности человечества», так как они направлены не против отдельной личности, а против масс людей. Особенная часть УК ФРГ начинается с главы «Нарушение мира», а Особенная часть УК Франции – с раздела, предусматривающего ответственность за преступления против человечества[2]. Общество, не задумывающееся о защите мира, никогда не сможет защитить человека[3]. Поэтому в гл. 34 УК РФ установлено наказание за массовое убийство или приготовление к нему. Почти все преступления, предусмотренные в ней, – это тяжкие и особо тяжкие. За совершение некоторых из них нет сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

После преступлений против мира и безопасности должны располагаться нормы, предусматривающие наказание за преступления против экологии – как условия существования человека.

Учитывая, что гарантом развития общества выступает государство, далее должны располагаться нормы, предусматривающие наказание за преступления против государства. Н.И. Загородников, сторонник признания объектом преступления не общественных отношений, а человека, отмечал, что Особенная часть кодекса должна начинаться с описания преступлений против государства. Только в устойчивом государстве возможна действенная защита личности, и это соответствует традициям отечественного уголовного права, когда Особенные части уголовных уложений и уголовных кодексов начинались с глав, устанавливающих наказание за посягательства на государственный строй и целостность государства[4]. Ни о каком приоритете личности перед государством в сфере уголовного законодательства речи быть не может. Ни Конституция РФ, ни УК РФ не предусматривают её преимущественной защиты по сравнению с защитой государства. О приоритете личности перед интересами государства можно говорить лишь в том смысле, что в соответствии с

[1] Энциклопедия уголовного права. Т.3. Понятие преступления. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. С. 197.

[2] Красиков А.Н., Игнатов Ю.А. Вступительная статья к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ИНФРА-НОРМА. 1996.

[3] Козлов А.П. Указ. соч. С. 259.

[4] Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С. 17-18.

Конституцией РФ права и свободы человека ограждены правовыми рамками от произвольного вторжения государства в его частную жизнь[1].

Размещение норм, устанавливающих наказания за преступления против государства, после норм, предусматривающих наказания за преступления против мира и безопасности человечества и экологии не противоречит приоритету защиты личности, провозглашенному в Конституции РФ. Если не будет природной среды обитания и государственных институтов как условий существования человека и развития общества, то вряд ли можно говорить о неприкосновенности личности.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 2 УК РФ, права и свободы человека – более важный объект уголовно-правовой охраны, чем общественная безопасность и окружающая среда. Однако согласно ст. 7 и 8 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» правомерным признается уничтожение речного, морского или воздушного судна, не выполняющих требования остановиться, когда были исчерпаны все способы остановки транспортного средства и его дальнейшее движение создавало реальную опасность гибели людей либо экологической катастрофы. Это не соответствует Конституции и УК РФ, но при возникновении описанной ситуации следует применять это положение[2]. Указанные положения формально противоречат ч. 1 ст. 2 УК РФ, но соответствуют положениям ч. 2 ст. 39 УК РФ, так как гибель пассажиров воздушного или морского судна причиняет менее значительный вред, чем вред от экологической катастрофы или гибели еще более значительного числа людей, как это произошло 11 сентября 2011 г. в США[3].

Далее система Особенной части УК РФ должна основываться на механизме воздействия на человека как основного структурного элемента общественных отношений, и устанавливать наказания за посягательства на жизнь, здоровье (ст. 105–125 УК РФ), половую свободу (ст. 131, 132 УК РФ), неприкосновенность личной жизни

---

[1] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 37. Так, в УК ФРГ нормы, устанавливающие наказание за государственную измену, находятся во второй главе Особенной части, при этом никто не говорит о недостаточной уголовно-правовой охране личности в ФРГ.

[2] Бавсун М.В. Соотношение законности и целесообразности как основных принципов отечественного уголовного законодательства // Правоведение. 2010. № 6. С. 59-60.

[3] Так, террористические акты в США привели не только к смерти несколько тысяч человек, но и к резкому спаду международных авиаперевозок, в результате многие крупные авиакомпании оказались банкротами.

(ст. ст. 137, 139 УК РФ), собственность (ст. 158–168 УК РФ). После этого должны располагаться нормы, предусматривающие наказание за посягательства на объекты с открытой структурой, которые причиняют вред целому комплексу общественных отношений: жизни, здоровью, собственности – отношениям в сфере общей безопасности, такие как хулиганство (ст. 213 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ)[1]. После этого должна быть установлена ответственность за преступления, посягающие на отношения в сфере общественной безопасности (ст. 215, 264 УК РФ) и здоровья населения, когда жизнь и здоровье выступают дополнительным объектом и вред ему причиняется опосредованно.

В то же время в Особенной части УК РФ есть нормы, предусматривающие наказание за непосредственное воздействие на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека, расположенные в других главах (ст. 277, 295, 296, 317-319, 321 УК РФ), где указанные ценности выступают дополнительным объектом преступления, а основным – конституционный строй, интересы правосудия, порядок управления. Сторонники наличия ст. 317 УК РФ, где основным непосредственным объектом признается не жизнь сотрудника правоохранительного органа, а порядок управления, выступающей специальной нормой по отношению к норме, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, обосновывают её наличие переносом момента окончания преступления на стадию покушения на убийство и ужесточением санкции, предусмотренной в ст. 317 УК РФ (от 12 до 20 лет лишения свободы), против ч. 2 ст. 105 УК РФ (от 8 до 20 лет лишения свободы), что, по их мнению, усиливает охрану жизни человека. В.С. Ткаченко считает, что виновный в этом случае посягает не на два объекта, а на два структурных элемента одного и того же отношения – управленческую деятельность и субъекта этой деятельности[2]. Другие авторы полагают, что если преступление посягает на интересы, лежащие в различных сферах родовых объектов, например деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 188 УК РСФСР (ч. 2 ст. 313 УК РФ), то следует говорить не об основном и дополнительном объектах, а о суммарном непосредственном объекте, состоящем из разно-

[1] Землюков С. В. Классификация объектов и последствий преступлений // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Красноярск, 2000. С. 14-15.

[2] Ткаченко В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13.

порядковых общественных отношений[1], либо вообще неправомерно выделять основной и дополнительный объекты преступления, например при разбое (ст. 162 УК РФ), где единый объект включает в себя два равнозначных и взаимообусловленных понятия[2].

С этой позицией сложно согласиться. Составы, приведенные в качестве примеров, условно можно разложить на два. Так, состав, предусмотренный ч. 2 ст. 313 УК РФ, состоит из ч. 1 ст. 313 УК РФ (основное преступление) и ст. 111, 112, 115 УК РФ (способ его совершения). Но учитывая, что при побеге насилие является распространенным способом его совершения, два состава объединены в один (ч. 3 ст. 313 УК РФ). Разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ) также можно условно «разложить» на составы, предусмотренные ч. 1 ст. 161 УК РФ и ст. 112, 115 УК РФ. В то время как составы преступлений, предусмотренные ст. 295, 296, 317-319, 321 УК РФ, аналогичным образом «разложить» нельзя.

Чтобы устранить разногласие между положениями ст. 2 Конституции РФ о том, что человек – это высшая ценность, и УК РФ, где имеются нормы, предусмотренные ст. 277, 295, 317 УК РФ, ряд ученых обоснованно предлагают их исключить. Интересы органов власти и управления не могут быть более ценны, чем жизнь лиц, осуществляющих государственное управление или правосудие[3]. Для охраны этих лиц достаточно запретов, сформулированных в ч. 2 п. «б» ст. 105, ч. 2 п. «а» ст. 111, ч. 2 п. «б» ст. 112 УК РФ. Санкция нормы, предусмотренная ч. 2 ст. 105 УК РФ, отличается от санкций ст. 295, 317 УК РФ только нижним пределом – 8, а не 12 лет лишения свободы. Это вряд ли удержит человека, задумавшего убить лицо, осуществляющее правосудие, предварительное расследование или сотрудника правоохранительного органа. Аналогичные доводы можно привести относительно наличия норм, предусмотренных ст. 296, 318, 319, 321 УК РФ. Но, чтобы не декриминализировать воздействие на лицо, осуществляющего свою служебную деятель-

---

[1] Замосковцев П.В. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью : сб. научн. трудов. Омск, 1978. С. 4.

[2] Землюков С. В. Классификация объектов и последствий преступлений. С. 11.

[3] Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (Вопросы теории и практики) : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Н-Новгород, 2002. С. 24; Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека и её оптимизация // Уголовно-правовая охрана личности и её оптимизация : материалы научно-практической конференции, посвященной памяти А.Н. Красикова (20-21 марта 2003 г.) / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2003. С. 8.

ность, посредством угрозы уничтожения его имущества, УК РФ следует дополнить соответствующей нормой.

Если основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 298.1, ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ, признать интересы государства в сфере управления, то освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим быть не может, поскольку вред причинен государству[1]. Хотя, как справедливо полагает А.А. Куприянов, основным непосредственным объектом является здоровье представителя власти, так как суды применяют положения ст. 76 УК РФ[2]. Так, в одном из постановлений о прекращении уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 318 УК РФ, отмечено, что доводы о том, что уголовное дело не может быть прекращено за примирением сторон, поскольку имеются два объекта преступления, несостоятельны. Законодатель, предусмотрев возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), каких-либо ограничений, связанных с тем, что виновный посягал на два объекта преступления, не ввел[3]. В то же время Верховный Суд РФ в определении от 17 января 2006 г. № 53-о05-83 указал, что укрывательство преступлений посягает на правосудие и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим противоречит смыслу закона. Данная позиция поддерживается общественным мнением. Так, А.В. Шнитенков приводит пример, когда сотруднику ГИБДД, исполняющему свои обязанности, по неосторожности был причинен тяжкий вред здоровью. После получения от виновного 30 млн. руб. на лечение и компенсацию морального вреда, он в суде заявил, что

[1] Анисимов А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10. С. 43-46; Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная). М., 2011. С. 49; Гарбатович Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2014. № 2. С. 35-36; Бриллиантов А.В. Освобождение от уголовной ответственности с учетом обобщений судебной практики. М., 2017. С. 87.

[2] В 2009 г. на основании ст. 76 УК РФ было прекращено 826 уголовных дел, возбужденных по ст. 318 УК РФ и 908 дел, возбужденных по ст. 319 УК РФ. См.: Сидоренко Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. № 3. С. 51.

[3] Постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон Новоалтайского городского суда Алтайского края. Уголовное дело 1-311/2014.

не имеет претензий к виновному. Это вызвало негодование граждан, поскольку сотрудник представляет государство[1].

Поэтому обоснованным представляется дополнить ст. 115, 116, 119, 128.1 УК РФ квалифицирующим признаком – «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга», увеличив размер наказания и запретив в ст. 76 УК РФ освобождать виновного от уголовной ответственности в связи с его примирением с потерпевшим, совершившим преступление в отношении лица, осуществляющего свою служебную деятельность, поскольку виновный посягает не только на человека, но и государство. Неприкосновенность личности наиболее эффективно должна обеспечиваться не на законодательном, а на правоприменительном уровне, а выделение в УК РФ специальных норм, предусматривающих наказание за посягательство на человека в связи с его служебной деятельностью, загромождает закон[2].

В то же время допустимо примирение с потерпевшим, которому причинен вред здоровью при нарушении правил безопасности, например ст. 216, 264 УК РФ[3]. Поэтому трудно согласиться с тем, что жизнь человека должна охраняться в первоочередном порядке, а не «попутно», как дополнительный объект, когда причинение смерти по неосторожности вследствие нарушения специальных правил следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусматривающих наказание за нарушение определенных правил, и ч. 2 ст. 109 УК РФ, дополнив её таким признаком « … либо вследствие нарушения специальных правил»[4]. Это обусловлено тем, что нарушение правил безопасности без причинения вреда здоровью или смерти человеку преступлением не является. Нормы, устанавливающие наказание за нарушение определенных правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, должны располагаться в различных главах Особенной части УК РФ в зависимости от сферы деятельности человека.

---

[1] Шнитенков А.В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 55.

[2] Корякина Е.А. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 19.

[3] Мирошниченко Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. М., 2014. С. 240-241.

[4] Корякина Е.А. Указ. соч. С. 14-19.

Реализация предложенного упростит установление интеллектуального критерия умысла. Так, вменяя состав преступления, предусмотренный ст. 317 УК РФ, необходимо установить, сознавал ли виновный, что посягает на общественные отношения в сфере порядка управления, что вряд ли возможно. Проще установить осознание причинения им смерти человеку в связи с осуществлением потерпевшим служебного долга. Сознанием всегда охватывается полно ближайшее последствие, в данном случае смерть человека, а уже затем – причинение вреда абстрактным отношениям в сфере правосудия или порядка управления. Это исключит и конкуренцию норм при квалификации посягательств на лиц в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности или выполнением общественного долга.

При этом норму, предусмотренную ст. 277 УК РФ, следует оставить. Систематизация двухобъектных преступлений определяется социальной значимостью тех общественных отношений и личных интересов, на которые непосредственно воздействует преступление. Если личное благо более ценно, чем общественное, то оснований для исключения нормы, предусматривающей наказание за соответствующее посягательство, из системы преступлений против личности нет, и наоборот[1]. Убийство государственного или общественного деятеля дестабилизирует политическую ситуацию в отдельных регионах и создает угрозу причинения вреда значительному количеству граждан, посягая на условия существования общества. Обоснованным представляется наличие в УК РФ норм, предусмотренных, например, ст. 302, когда воздействие на человека не конкретизировано, и ч. 3 ст. 313, когда применение насилия выступает способом преступления.

Таким образом, признание объектом преступления человека в системе общественных отношений позволит привести положения УК РФ в соответствие с Конституцией РФ, обосновать преступность причинения вреда не только полноценной личности, а также новорожденному и лицам, страдающим психическими расстройствами, и не относить к преступлению причинение вреда в состоянии необходимой обороны, поскольку виновный, посягая на потерпевшего, выходит из системы охраняемых отношений.

Особенная часть УК РФ должна начинаться с главы «Преступления против мира и безопасности человечества». Затем в отдель-

[1] Исмагилов И.А., Осипов П.П. О системе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность, за посягательства на личные интересы граждан // Вестник ЛГУ. 1971. № 23. С. 139.

ном разделе «Преступления против экологии» следует предусмотреть ответственность за посягательства на экологию как условие существования человека. После этого должны располагаться нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на условие нормального развития общества – государство с его институтами: «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», к которым следует относить и преступления, предусмотренные ст. ст. 205-206 УК РФ. Далее должны располагаться нормы, предусматривающие наказание за непосредственное воздействие на интересы человека в системе общественных отношений.

Для устранения конкуренции норм, устанавливающих наказание за посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, осуществляющих служебную деятельность или общественный долг, из УК РФ следует исключить ст. 295–297, 317–319, 321, дополнив ст. 115, 116, 119, 128.1 квалифицирующим признаком – «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга» и увеличив размер наказания. Это устранит проблемы применения положения ст. 76 УК РФ, в которой следует указать, что ее положения не распространяются на совершение преступления против лиц в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» необходимо дополнить нормой об ответственности за угрозу уничтожения имущества в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга.

2.3. Понимание объекта преступления и толкование уголовного закона

Важность понимания того, что является объектом преступления, заключается в том, что он как элемент состава определяет содержание признаков, характеризующих остальные элементы состава преступления. «Контуры деяния, – отмечает В.В. Мальцев, – находятся в границах объекта преступления»[1]. Характер отношений, выступающих объектом преступления, влияет на конструирование и закрепление в диспозициях норм Особенной части УК РФ способа и последствий, поскольку вред объекту преступления может быть

[1] Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно-опасных последствий. Саратов, 1989. С. 11.

причинен не любыми, а только определенными действиями[1]. Установление объекта преступления зависит от того, насколько полно в диспозиции статьи Особенной части УК РФ описана объективная сторона деяния как элемента состава преступления[2]. От того, что считать объектом преступления (человека, предметы материального мира или общественные отношения) и как он будет описан в диспозиции статьи Особенной части УК РФ (путем детального перечисления предметов материального мира или потерпевших, либо общим указанием на сферу отношений, признаваемых объектом преступления), зависит беспробельность уголовного закона и соблюдение принципа законности.

Под пробелом в уголовном праве понимают полное или частичное отсутствие в уголовном законе нормативных установлений в отношении фактов, находящихся в сфере уголовно-правового регулирования, и отсутствие ясного указания на признаки преступного деяния (неконкретизированность)[3]. Выделяют пробел в собственном понимании – отсутствие нормы, предназначенной для охраны определенных отношений, устранить который можно лишь издав соответствующую норму или применив закон по аналогии. Под пробелом в широком понимании понимают наличие в законе нормы, охраняющей определенные отношения, без четкого указания признаков деяния, причиняющего вред, т.е. несоответствие словесной формы закона его смыслу, когда закон трактуют шире, чем это вытекает из его буквального толкования[4].

Пробелом в законе в собственном понимании было отсутствие нормы, устанавливающей наказание за ослепление лазерными излучателями пилотов самолетов, что могло привести к крушению. Такие действия нельзя квалифицировать как хулиганство (ст. 213 УК РФ), поскольку виновный посягает не на общественный порядок, а общественную безопасность. Не охватываются они и ст. 205 УК РФ, предусматривающей наказание за террористический акт, так как нет

---

[1] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 137; Галахова А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объекта) // Российский следователь. 2010. № 13. С. 20-23; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 132.

[2] Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. С. 35.

[3] Кауфман М.А. Указ. соч. С. 45-46. По мнению Н.И. Коржанского, пробел – это незащищенность определенного социального блага уголовно-правовыми средствами. Коржанский Н. И. Указ соч. С. 187.

[4] Ковалев М.И. Советское уголовное право: Советский уголовный закон : курс лекций. Вып. 2 Свердловск, 1974. С. 169.

цели оказания воздействия на принятия решения органами власти или международными организациями. Учитывая, что применение уголовного закона по аналогии недопустимо, в теории для устранения этого пробела обоснованно предложено дополнить УК РФ нормой, устанавливающей наказание за умышленное направление лазерного излучения на находящееся в движении воздушное судно, железнодорожный состав либо автотранспортное средство, создающее опасность гибели человека или наступления иных тяжких последствий[1]. В настоящее время в УК РФ установлено наказание за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной работе транспортных средств (ст. 267.1).

Применение уголовного закона по аналогии в отечественном уголовном праве одно время было законодательно закреплено. В ст. 151 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. отмечалось, что если в законе за подлежащее рассмотрению преступное деяние нет определенного наказания, то суд приговаривает виновного к одному из наказаний, предназначенных за преступления, по важности и роду своему наиболее сходным с ним[2]. Думается, что такое правило было сформулировано для устранения пробелов в процессе применения норм Уголовного уложения ввиду формального определения понятия преступления в дореволюционном законодательстве как совершения противозаконного деяния, запрещенного под страхом наказания, и казуального изложения диспозиций норм Особенной части. Так, Особенная часть Уложения 1845 г. состояла из 2043 статей[3]. Как отмечал В. Спасович: «вместо постановки общих родовых понятий, под которые бы судья посредством логического синтеза подводил отдельные случаи, оно (Уложение) задалось казуистикой и занялось утомительным и бесплодным перечислением этих случаев»[4]. В Особенной части

---

[1] Савинков А.А. К вопросу о правовом регулировании деяний, связанных с применением лазерного излучения, ставящих под угрозу безопасность, жизнь и здоровье пассажиров воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 106-107.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1912. С. 193.

[3] Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 171. Таким образом, по обоснованному мнению С. В. Землюкова, формирование объектов уголовно-правовой охраны шло от простых элементарных форм к более сложным. Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 79.

[4] Спасович В. Указ. соч. С. 324-325. На большое количество норм Уложения 1845 г., и их казуистичность, обращали внимание и другие авторы. См.: Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права.

Уложения 1885 г. содержалось уже 1711 статей,[1] а Особенная часть Уложения 1903 г. включала 611 статей,[2] при этом каждая статья в отличие от УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г., как правило, содержала одну часть и отличалась казуальностью изложения. Количественное сравнение Уголовного уложения 1903 г. с УК РСФСР и проектом УК РФ выявило устойчивую тенденцию к переходу от казуистических норм к более общим[3].

Представляется, что казуальность диспозиций норм Особенных частей Уложений основывалась на понимании объекта преступления как человека либо предметов материального мира. Так, в главе 30 Уложения 1903 г. «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов» были расположены нормы, устанавливающие наказание за повреждение имущества. В ст. 547 была предусмотрена ответственность за умышленное повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ), в ст. 549 – ответственность за умышленное повреждение сухопутного или водного пути сообщения (ст. 263 УК РФ), в ст. 553 – за повреждение без цели оскорбить святыни церкви или христианского молитвенного дома, в ст. 554 – за повреждение могилы или надгробного памятника, если эти действия были совершены без цели поругания умершего (ст. 243 УК РФ), в ст. 556 – за повреждение телефона или телеграфа, в ст. 550 – за повреждение публичного памятника, предмета науки и искусства (ст. 243 УК РФ), а также склада воинских боеприпасов и гидротехнических сооружений. При этом законодатель не указывал на цели действий виновного, как это сделано в УК РФ, где такие действия в зависимости от цели следует квалифицировать как диверсию (ст. 281 УК РФ). В ст. 557 была установлена ответственность за повреждение служащих для водного пользования водного пути, шлюза, водоспуска, плотины, моста или иного сооружения для переправы, судоходства или предупреждения наводнения, если это повреждение повлекло наводнение или остановку в сообщении, а в ст. 558 – за повреждение железнодорожного пути или подвижного состава железной дороги, паро-

---

Том второй. Преступления и проступки против собственности. СПб., 1876. С. 696-697.

[1] Наумов А.В. Указ. соч. С. 68.

[2] Наумов А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г // Вестник МГУ., Серия 11. Право. 1993. № 5. С. 30.

[3] Борзенков Г.Н. Имущественные преступления в Уголовном уложении 1903 г // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 5. С. 46.

хода или морского судна, предостерегательного знака, повлекшее нарушение безопасности движения или плавания (ст. 267 УК РФ)[1].

В теории советского уголовного права начиная с 1920-х гг. формируется концепция «объект преступления – общественные отношения». Она основывалась на положениях ст. 6 УК РСФСР 1926 г., признававшей общественно опасным всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью[2]. Законодатель отказался от определения преступления через признак противоправности, описывая его указанием на причинение вреда. В то же время при анализе конкретных составов преступлений объект преступления отождествлялся с его предметом как определенными благами, что характерно для досоветского периода. Так, А.А. Пионтковский, признавая объектом любого преступления общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения, при анализе конкретных составов указывал, что *объектом* присвоения является чужое *имущество*[3]. Признание непосредственным объектом преступления определенных благ или имущества объяснялось и воззрениями досоветской школы уголовного права. Это повлияло на систему Особенной части УК РСФСР 1926 г., тождественную системе Особенной части Уложения 1885 г. и в первоначальной редакции характеризовавшуюся незначительным количеством норм Особенной части, которая начиналась со ст. 58 и заканчивалась ст. 205, и краткостью их изложения. Тем самым значительная сфера отношений не подлежала уголовно-правовой охране, что послужило причиной частого внесения дополнений в кодекс, и уже в 1940 г. УК РСФСР был дополнен ст. 58.14.

Краткость формулировок диспозиций норм Особенной части и стремление государства урегулировать многие отношения, применяя нормы уголовного права, порождали пробелы. Необходимость их ликвидировать и обосновать законность уголовных репрессий, повлекла применение закона по аналогии. Согласно статье 16 УК РСФСР 1926 г.: «Если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основания и пределы ответственности за него определяются применительно к тем

[1] Уголовное Уложение 1903 г. СПб., 1904. С. 747-781.

[2] Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). М., 1938. С. 58, 103, С. 230. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1960. С. 135.

[3] Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 129-130; Пионтковский А.А. 113-ая и 185-ая статьи Уголовного кодекса // Растрата и растратчики. М., 1926. С. 9.

статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления». Как видим, применение уголовного закона по аналогии ограничивалось родовым сходством, выражавшимся в однородности объекта посягательства. Уголовный закон не применяли по аналогии при несовпадении родового объекта, субъекта и субъективной стороны, совершенного общественно опасного деяния с субъективными признаками состава преступления, указными в диспозиции статьи Особенной части УК РСФСРФ[1]. Статья Особенной части Уголовного кодекса могла применяться по аналогии, если описываемый ею состав преступления совпадал с квалифицируемым деянием по родовому объекту, признакам субъекта и форме вины, но полностью не охватывала все признаки объективной стороны деяния.

Во избежание применения закона по аналогии объект преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ должен быть описан так, чтобы охватывать значительный объем охраняемых отношений. Для этого объектом преступления следует признавать общественные отношения, абстрактно излагая диспозиции уголовно-правовых норм, так как чем более детализированы признаки состава преступления, описанного в диспозиции нормы, тем уже сфера его применения. И наоборот, чем в более общих выражениях изложена диспозиция закона, чем меньше конкретных признаков в нём указано, тем шире применяется. Таким образом, форма уголовного закона напрямую зависит от той свободы, которую законодатель предоставил практике при его применении[2]. Так, в Уложении 1845 г. в главе «О преступлениях против Государя Императора и Членов Императорского дома» составы преступлений были сформулированы нечетко. Это объясняется не низким уровнем законодательства, а стремлением обеспечить широту и произвол судебно-административных репрессий,[3] когда абстрактный способ изложения уголовно-правового запрета посягательства на важнейший объект уголовно-правовой охраны – неприкосновенность государственного устройства, обеспечивал беспробельность уголовного закона.

Концепция непосредственного объекта преступления – общественных отношений – как содержательной абстракции предоставляет возможность расширительного толкования диспозиции статей Особенной части УК РФ. «Ее полезность, – отмечал Б.С. Ники-

[1] Трайнин А.Н. Избранные труды / сост., вступит. ст. Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 210-213.

[2] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 239.

[3] Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 176.

форов, – определяется тем, что она дает возможность видеть политическое содержание преступлений, совершаемых в СССР, и поэтому является основой и ориентиром для построения более конкретных определений. Более того, она делает такие определения необходимыми, потому что сама по себе не обладает, не должна и не может обладать конкретностью, необходимой для решения практических задач борьбы с преступностью в соответствии с принципами социалистической законности»[1]. Таким образом, признание общим объектом преступления общественных отношений позволяло признавать их таковым и на уровне непосредственного объекта. Использование абстрактного способа описания диспозиций норм Особенной части кодекса, основанного на признании непосредственным объектом преступления общественных отношений, позволяет расширительно толковать уголовный закон, избегая пробелов и аналогии при его применении.

Так, ст. 106 УК РФ установлено наказание за убийство матерью новорожденного ребенка во время родов, что подразумевает причинение смерти человеку. Однако согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи», который, несмотря на спорность ряда его положений, следует применять, моментом рождения ребенка является *момент отделения плода от организма матери.* Если руководствоваться приведённым приказом, следует признать, что в процессе родов человека ещё нет. При буквальном толковании закона причинение смерти ребенку, ещё не вышедшему из родовых путей, нельзя квалифицировать как убийство. Но применение в этом случае ст. 106 УК РФ не вызывает сомнений в её целесообразности,[2] поскольку объектом убийства признают не человека, а отношения в сфере неприкосновенности его жизни и здоровья. В теории обоснованно полагают, что для буквального толкования уголовного закона необходимо придать плоду, достигшему 22-недельного развития, статус человека, а не эмбриона. Тогда умерщвление плода до его полного появления на свет будет охватываться понятием убийства[3].

---

[1] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 113.

[2] Бавсун М.В. Соотношение законности и целесообразности как основных принципов отечественного уголовного законодательства // Правоведение. 2010. № 6. С. 62-63.

[3] Шарапов Р. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. № 1. С. 76; Романовский Г.Б.

Определение сферы охраняемых отношений, выступающих объектом преступления, осуществляется непосредственно или косвенно указанием на признаки потерпевшего и предмета преступления. Конкретизация признаков потерпевшего и предмета преступления ведет к излишней детализации объективной стороны преступления и уменьшению объёма объекта преступления – охраняемых отношений. Это наглядно просматривается на примере норм, предусматривающих наказание за посягательство на половую свободу женщины (ст. 131, 132 УК РФ). В период действия УК РСФСР возникали вопросы квалификации действий лиц, совершавших в отношении женщины против её воли не половое сношение, а иные насильственные действия сексуального характера. Суды квалифицировали их как изнасилование, что, по мнению М.А. Кауфмана, являлось применением уголовного закона по аналогии[1]. Представляется, если признавать в качестве объекта преступления женщину, что не совсем обоснованно, то тогда в указанной ситуации следует признать применение уголовного закона по аналогии, если же признавать объектом преступления отношения, обеспечивающие свободу женщины удовлетворять определенные потребности, то имело место расширительное толкование закона. В настоящее время половое сношение против воли женщины следует квалифицировать как изнасилование (ст. 131 УК РФ), а совершение иных действий сексуального характера – по ст. 132 УК РФ. Таким образом, введение дополнительной нормы устранило расширительное толкование, но привело к двойному вменению при квалификации фактически сходных ситуаций. Так, если один виновный с единым умыслом совершит два традиционных гетеросексуальных половых сношения, то его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 131 УК РФ, как одно продолжаемое преступление и наказание не может превышать 6 лет лишения свободы, а если один естественный половой акт (ч. 1 ст. 131 УК РФ), а другой в анальное или ротовое отверстие (ч. 1 ст. 132 УК РФ), то по совокупности преступлений, хотя фактически совершено также единое продолжаемое преступление, ему может быть назначено наказание до 9 лет лишения свободы. Поэтому на-

---

Начало жизни человека в уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 43-47. В теории для устранения обозначенной проблемы также было предложено исключить указание на время совершения преступления «во время родов». См.: Князев Д.С. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребёнка и пути их преодоления // Российский следователь. 2010. № 16.

[1] Кауфман М.А. Аналогия в уголовном праве // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 13.

личие ст. 132 УК РФ небезупречно. Все признаки основного состава (за исключением вида сексуальных действий и потерпевших), квалифицирующие признаки обоих составов преступлений, а также виды и размеры наказания за его совершение абсолютно идентичны признакам изнасилования и наказаниям, которые могут быть за него назначены. Поэтому в УК РФ следует установить наказание за насильственные действия сексуального характера, в том числе и половое сношение, не детализируя их виды, что невозможно в силу их разнообразия. Это устранит проблемы толкования понятия «половое сношение». Аналогичным образом должна быть сформулирована объективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ, а характер и количество действий, совершенных виновным, должны учитываться при назначении наказания[1].

Если границы объекта преступления в диспозиции статьи строго не очерчены – не указаны определенные свойства потерпевшего, предмета преступления, а также не конкретизированы признаки объективной стороны, содержание этой нормы можно трактовать расширительно, поскольку объектом преступления выступают общественные отношения в определенной сфере. Так, норма, предусмотренная ст. 179 УК РФ, устанавливает наказание за принуждение к совершению конкретной сделки или к отказу от её совершения и при её буквальном толковании не охватывает принуждение к отказу от определенной деятельности, что часто встречается на практике. Поэтому в теории предложено дополнить диспозицию этой статьи указанием на принуждение к отказу от ведения предпринимательской или иной экономической деятельности[2]. Но учитывая, что преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ, посягает на свободу экономической деятельности, её диспозицию следует толковать расширительно, признавая преступлением и принуждение к отказу от экономической деятельности.

Аналогично следует применять ст. 292 УК РФ, предусматривающую наказание за внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а также исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности. На практике часто *составляют*

[1] Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 291-292; Бимбинов А.А. Качество норм об ответственности за насильственные половые преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 5. С. 85.

[2] Устинова Т.Д. Принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения // Законность. 2013. № 2. С. 8-9.

фиктивный документ, отражая в процессуальных документах как его *оформление.* Это, по мнению П.С. Яни, затушевывает применение по аналогии ст. 292 УК РФ, поскольку составление, изготовление и выдачу поддельного документа нельзя считать внесением в официальные документы заведомо ложных сведений[1]. Однако согласно толковому словарю *составить* означает собрать, объединить что-либо, а *оформить* – придать чему-либо установленную форму[2]. Содержание терминов «составить» и «оформить» пересекаются. С учетом того, что объектом служебного подлога выступают отношения в сфере официального документооборота, в данном случае речь идет не о применении закона по аналогии, а о расширительном толковании ст. 292 УК РФ.

Излишне подробно перечислены предметы преступления в диспозиции ст. 142.1 УК РФ, устанавливающей наказание за фальсификацию подписи избирателя в списке избирателей. Это порождает проблему при правоприменении, поскольку возможна подделка подписи избирателей в документах, не указанных в диспозиции ст. 142.1 УК РФ. Способом её устранения может быть указание в диспозиции ст. 142.1 УК РФ на фальсификацию подписей избирателей в документах, непосредственно обуславливающих процедуру голосования[3].

В диспозиции ч. 1 ст. 185.1 УК РФ сформулированы всевозможные способы рейдерских захватов, которые постоянно совершенствуют. Представляется, что способы их совершения следует указать, используя формулировку: «совершение незаконных действий (бездействия), направленных на захват управления в юридическом лице»[4]. Перечень действий, являющихся преступлением, приводимый для наглядности, должен заканчиваться указанием общего понятия для исключения *превращения диспозиции в казуистическую с широким допущением аналогии*[5]. Разумеется, абстрактный способ изложения уголовно-правового запрета, основывающийся на признании непосредственным объектом общественных отношений, до-

---

[1] Яни П.С. Квалифицированный состав служебного подлога // Законность. 2010. № 12. С. 14.

[2] Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2003. С. 737, 474.

[3] Фурса Е. Предмет фальсификации подписей избирателей (ст. 142.1 УК РФ) // Уголовное право. 2013. № 2. С. 53-58.

[4] Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 251.

[5] Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 21.

пустим не всегда. Наиболее оптимальное соотношение абстрактного и казуистического приёмов определяется правилом: чем абстрактнее описаны действия, характеризующие объективную сторону преступления, тем конкретнее должны быть указаны последствия, и наоборот[1].

Таким образом, при описании объективной стороны преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ необходимо руководствоваться положением, что объектом преступления выступает не человек и предметы материального мира или информация, а общественные отношения в определенной сфере. Это обуславливает абстрактные формулировки уголовно-правовых запретов, использование которых позволяет избежать пробелов, неизбежных при казуистическом изложении, и применения норм уголовного права по аналогии. Признание общественных отношений объектом преступления обусловлено причиной законодательного характера, постепенным переходом законодателя от казуального изложения к обобщенному описанию преступления в диспозициях норм Особенной части кодекса, а также причиной политического характера – стремлением государства обосновать широкое применение норм уголовного права без использования аналогии, когда угрожают его интересам.

2.4. Объект преступления в структуре предмета уголовно-правового регулирования

Признавая важность функционирования определенных общественных отношений для общества и государства, законодатель переводит их из объекта уголовно-правовой охраны в элемент состава преступления, устанавливая его границы, указывая в диспозиции статьи Особенной части УК РФ другие его элементы. Учитывая, что право регулирует, а уголовный закон охраняет наиболее важные общественные отношения, объектом преступления (элементом состава – *прим. авт.)* выступают отношения, урегулированные нормами права, – правоотношения[2]. Непризнание правоотношений объектом преступления обосновывалось, во-первых, первичностью социально-экономического содержания и вторичностью их правовой

[1] Панько К.К. Указ. соч. С. 85-86.

[2] Григорьев В.А. Общественная опасность как признак деяния, требующего уголовно-правового реагирования // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. науч. тр. Рязань, 2000. С. 46; Крылова Н.Е. Указ. соч. С. 20.

формы[1]. Во-вторых, узким пониманием функций уголовного права. Преступление в некоторых случаях посягает на общественные отношения, которые правом не регулируются (половые отношения, общественный порядок и т.п.). В-третьих, неразграничением ранее выделенных аспектов объекта преступления. До момента преступления не существует объекта преступления, имеется лишь объект уголовно-правовой охраны (объект как элемент состава преступления – *прим. автора*)[2].

С таким выводом сложно согласиться. Положения уголовного закона о возрасте, с наступлением которого возможна уголовная ответственность, о вменяемости как о ее необходимой предпосылке свидетельствуют, что его нормы адресованы лицам, способным по возрасту, психическому состоянию отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Уголовный закон, запрещая определенные деяния, требуя от людей воздержаться от совершения преступления, тем самым регулирует их поведение. «Если считать, что уголовное право только охраняет общественные отношения, – писал Б.С. Никифоров, – то возникает вопрос, какими отраслями права регулируются общественные отношения, охраняемые уголовным правом, например при убийстве и других преступлениях против личности?»[3]. Иногда нормы Особенной части УК РФ выступают единственным источником правил должного поведения. Ни в одном правовом акте, кроме уголовного закона, не содержатся правила поведения, запрещающие убийство и причинение вреда здоровью, правовую базу которых составляют нормы Конституции РФ, устанавливающие лишь общие обязанности, например: каждый обязан платить установленные налоги, сохранять окружающую среду. Требования должного поведения, вытекающие из конституционных прав и свобод, разрабатываются в различных нормативных актах, в том числе и в уголовном законе, который конкретизирует и формулирует отношение к социальным ценностям, например жизни, здоровью, представляя систему позитивных правовых норм, регулирующих поведение людей, на которое воздействует не одна норма, а их система с различной отраслевой принадлежностью[4]. Издание нормы уголовного права порождает регулятивные пассивные и абсолютные

[1] Елисеев С. А. Указ. соч. С. 11.

[2] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 26; Расторопов С. В. Указ. соч. С. 232.

[3] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 9, 10, 12.

[4] Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил. С. 12.

правоотношения, обязывающие «всех и каждого» воздержаться от посягательств на жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан[1].

Как разъяснил Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 октября 2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой и Н.Н. Сидоренко», уголовно-правовой запрет, устанавливая правила должного поведения, оказывает регулирующее воздействие на общественные отношения, превращая их в уголовно-правовые, в содержание которых входит не только обязанность граждан соблюдать уголовно-правовые запреты, но и право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия. Регулирование и охрана общественных отношений неотделимы друг от друга, регулирование отношений означает их охрану и наоборот, охрана общественных отношений осуществляется через их регулирование[2].

Специфика уголовно-правового регулирования заключается в том, что уголовно-правовая норма запрещает определенные деяния, дозволяя совершать действия, не указанные в ней. Ни одна отрасль права не регламентирует сексуальные отношения, наделяя их субъектов конкретными правами и обязанностями. Уголовное право не выступает позитивным регулятором этих отношений, лишь запрещая деяния, противоречащие сложившимся в обществе принципам половой морали и правилам общежития, регулирует поведение человека в этой сфере[3].

---

[1] Ковалев М.И. Советское уголовное право : курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. С. 96-98; Липинский Д.А., Евдокимов К.Н. Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 525.

[2] Прохоров В.С. , Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Указ. соч. С. 26; Чистяков А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 27-28; Ретюнских И.С. Уголовно-правовые отношения и их реализация. Воронеж, 1997. С. 9, 13; Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 14-15; Маркунцев С. А. Уголовно-правовой запрет: теоретический аспект / под науч. ред. А.Э. Жалинского. М., 2007. С. 73. Б.Т. Разгильдиев считает, что уголовное право регулирует не общественные отношения, а поведение людей. См.: Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 40.

[3] Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 1996. С. 66.

Непризнание общерегулятивных уголовных правоотношений базируется на неверном отождествлении таких моментов, как возникновение и реализация правоотношений. Предпосылкой возникновения правоотношений является уголовно-правовая норма, в которой заложена формальная возможность их возникновения, а совершение преступления превращает возможность в действительность[1]. «Обязанность соблюдать правила уличного движения, – отмечал Б.Т. Базылев, – равно как и адекватное право государства требовать соблюдения указанных правил, возникает сразу после принятия той правовой нормы, которая эти права и обязанности установила, т.е. с момента вступления в силу соответствующего нормативно-правового акта государства. Правовое отношение, о котором здесь идет речь, возникает с данного момента, а не когда правила нарушаются»[2]. Основываясь на механизме правового регулирования (юридические нормы – правоотношения – акты реализации права), выделяют такие уровни ответственности, как юридическая (абстрактная) возможность, конкретная (реальная) возможность и возможность, превратившаяся в действительность[3]. Юридическим фактом – основанием возникновения общерегулятивных уголовных правоотношений – выступает сложное образование: уголовно-правовая норма, нормативный акт, вводящий эту норму в действие, и событие, с наступлением которого уголовный закон вступает в действие[4].

---

[1] Горбуза А.Д. Философские категории «возможность» и «действительность» в учении об уголовной ответственности // Юридическая ответственность в советском обществе. Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1974. С. 60.

[2] Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 75.

[3] Бойцов А.И. Указ. соч. С. 30.

[4] Чистяков А.А. Элементы основания уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 1993. С. 18; Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. М., 2006. С. 55-56. Такая позиция была признанной и в теории уголовного права досоветского периода. Деяние должно быть запрещено законом или основывающимся на законе административным постановлением, уже вступившим в законную силу в момент совершения караемого поступка, так как только при этом условии существуют юридическое основание ответственности – обязанность каждого подчиняться установленным для всех граждан предписаниями закона. Признаки, характеризующие преступное деяние, тем самым устанавливают пределы судебного усмотрения, устраняя возможность признавать преступлениями поступки, хотя и сходные с какими-либо преступными деяниями, но прямо в законе не запрещенные. См.: Уголовное уложение. Объяснение к проекту редакционной комиссии (Часть Общая). СПб., 1885. С. 19.

В зависимости от того, запрещено деяние только уголовно-правовой или также нормами других отраслей права, раскрывающих содержание запрета, выделяют прямую уголовную и смешанную противоправность[1]. Преступления с прямой противоправностью нарушают только уголовно-правовой запрет, а со специальной – одновременно уголовно-правовой и специально-отраслевой запрет[2]. Условно можно выделить общерегулятивные уголовные правоотношения, определяющие прямую уголовную противоправность, и смешанные общерегулятивные уголовные правоотношения, определяющие смешанную противоправность. Изменение уголовного законодательства возможно посредством комплексных законов, которые, модифицируя правовое регулирование конституционных, гражданских и иных отношений, изменяют содержание уголовно-правовых предписаний[3]. Положения норм «регулятивных» отраслей права не превращаются в нормы уголовного права, но, будучи «включенными» в содержание диспозиции уголовного закона, образуют «клеточку» уголовно-правовой «материи». Их изменение может влечь за собой изменение содержания уголовно-правового запрета, когда формулировка уголовно-правовых норм остается прежней, что обеспечивает стабильность уголовного закона[4].

Наличие общерегулятивных уголовных правоотношений отрицают, полагая, что нормам уголовного права, запрещающим посягать на жизнь, личную неприкосновенность, свободу человека, корреспондируют естественные права, возникающие с рождения, неотчуждаемые, реализующиеся непосредственно и независимо от воли людей. Нормы уголовного права не регулируют и экономические отношения. Так, обязанность регистрировать предпринимательскую деятельность установлена в п. 1 ст. 23 ГК РФ, а обязанность регистрировать юридическое лицо – в п. 1 ст. 51 ГК РФ. Диспозиция ч. 1 ст. 171 УК РФ не может быть адресована участникам позитивных общественных отношений, поскольку в соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, регулирует гражданское законодательство, содержащее отсылочные нормы к нормам иных отраслей права. Согласно ст. 51 ГК РФ порядок регистрации юридических

[1] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 117–120.

[2] Тер-Акопов А.А.Указ. соч. С. 9–13.

[3] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовно-правовой политики. М., 2014. С. 144.

[4] Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7. С. 38.

лиц определяется законом о регистрации юридических лиц, нормы которого относятся к административно-правовым. Таким образом, гражданское законодательство, закрепляя за собой регулирование отношений с участием лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, часть этих отношений доверяет регулировать нормам других отраслей права, но не нормам УК РФ. Если признать, что ст. 171 УК РФ адресована всем участникам позитивных общественных отношений, то возникает дилемма: обязаны они регистрировать предпринимательскую деятельность всегда или только когда предвидится получение дохода в крупном размере или причинение крупного ущерба. Однако обязанность регистрировать предпринимательскую деятельность существует независимо от величины ожидаемого дохода или прогнозируемого ущерба. Поэтому этой обязанности, обращенной к участникам позитивных общественных отношений, в диспозиции ст. 171 УК РФ нет. Так, не могут положения ст. 178 УК РФ регулировать отношения, складывающиеся на товарных рынках в России[1]. Тем самым отрицается существование смешанных общерегулятивных уголовных правоотношений.

Рассмотрим приведенные доводы. Во-первых, закрепление естественных прав в Конституции РФ без установления запретов в нормах УК РФ, подкрепленных санкциями, не оказывает никакого воздействия на поведение участников отношений. Нормы уголовного права регулируют отношения, например в сфере экологии, устанавливая и угрожая применением жестких санкций, влияющих на легкомысленное отношение людей к природе[2].

Во-вторых, нормы уголовного права конкретизируют многие положения Конституции РФ. Так, ст. 20 Конституции РФ провозглашает: «Каждый имеет право на жизнь», ст. 35 Конституции РФ

[1] Шишко И.В. Указ. соч. С. 119, 127–128. Этой позиции придерживались и другие ученые, считавшие, что нормы уголовного права иногда устанавливают не правоотношения, а только обязанности без корреспондирующих им прав и поэтому не всегда в результате их действия складываются правоотношения. См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 62. Другие полагают, что уголовные правоотношения существуют лишь тогда, когда общественные отношения регулируются нормами той или иной отрасли права. Отношения, регулируемые нормами морали, могут охраняться нормами права, но от этого они не становятся правоотношениями. См.: Барков Л.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений // Проблемы уголовного права : сб. статей / под ред. И.С. Тишкевича. Мн., 1976. С. 5.

[2] Векленко В.В., Попов И.В. Негативное воздействие на природу как основание юридической ответственности за экологические правонарушения // Вопросы правовой теории и практики : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2007. Вып. 4. С. 120-127.

запрещает нарушать право собственности, и если соответствующие уголовно-правовые нормы рассматривать лишь как санкцию за нарушение конституционных запретов, то в случае убийства из корыстных побуждений будут нарушены два запрета, и, соответственно, будут иметь место два преступления[1]. Но такие действия следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. То, что уголовный закон не излагается в форме запретов, не означает, что его нормы не запрещают завладевать чужим имуществом, лишать жизни другого человека и т.д., а лишь устанавливают на случай такого поведения применение санкций. Обязывая воздерживаться от определенных действий, уголовно-правовой запрет включается в общую систему позитивного регулирования[2].

Если признать, что уголовное право только охраняет общественные отношения, система Особенной части УК РФ должна состоять из таких глав, как «Преступления, нарушающие семейные отношения», «Преступления, нарушающие земельные отношения» и т.д. Однако общественные отношения не могут быть урегулированы в полном объеме какой-то конкретной отраслью права, так как они столь многогранны, а уровни и формы поведения, образующие его содержание, столь различны, что охватить их одной отраслью права невозможно. Разное проявление одних и тех же отношений требует вмешательства различных отраслей права, являющихся элементами системы права, поэтому одна и та же их сфера регулируется несколькими отраслями права и одна отрасль регулирует несколько видов отношений[3]. Так, семейные отношения могут складываться для воспитания ребенка (регулируются нормами Семейного кодекса РФ) и по поводу принадлежности имущества (регулируются нормами Гражданского кодекса РФ). Но, учитывая заинтересованность законодателя в рациональном и комплексном построении источников права[4], наказание за посягательства на эти отношения предусмотрено ст. 157 и 158 УК РФ, расположенными в различных главах его Особенной части. Охрана, использование, управление земельными ресурсами осуществляется различными отраслями права – экологи-

---

[1] Кропачев Н.М. Указ. соч. С. 73-74.

[2] Бойцов А.И. Указ. соч. С. 16-17.

[3] Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 63; Прохоров В.С. , Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Указ. соч. С. 32-33. Так, в Своде законов Российской империи 1832 г. уголовные законы были расположены в последнем XV томе, что подчеркивало охранительный характер уголовного права. См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 176.

[4] Общая теория государства и права : академический курс: в 2 т. / под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. М., 1998. С. 237-239.

ческим, земельным, гражданским. Но в УК РФ отсутствует глава, в которой были бы сгруппированы нормы, устанавливающие наказание за посягательства на эти отношения, предусмотренные в различных главах (ст. 254, 262, 159, 163, 179, 285, 170 УК РФ). Запреты, установленные в УК РФ, не только охраняют, но и регулируют эти отношения совместно с нормами иных отраслей права.

В-третьих, запрет, сформулированный в ст. 171 УК РФ, не всегда регулирует занятие предпринимательской деятельностью, а только её осуществление в значительных масштабах, что нарушает интересы других субъектов. Нормы уголовного и гражданского права, являясь частями единой правовой системы, воздействуют на поведение как единый объект регулирования. Так, предпринимательская деятельность одновременно регулируется нормами ГК РФ, где указаны её понятие и условия ее осуществления, а в ст. 171 УК РФ установлено наказание за предпринимательскую деятельность как без регистрации, так и без лицензии, с извлечением дохода в крупном размере[1].

На отрицании регулятивной функции уголовного права основано непризнание субъектом незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ) физического лица, которое не может быть зарегистрировано как субъект банковской деятельности и у которого нет права осуществлять банковские операции[2], и невозможность применения ст. 171 УК РФ к проведению сеансов массового целительства, в том числе с использованием средств массовой информации, поскольку такая деятельность запрещена кому-либо, на что прямо было указано в ст. 57 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан[3]. Следует различать сущностные признаки предпринимательской деятельности: самостоятельность, осуществление на свой риск, цель – систематическое получение прибыли, а её регистрация – это условие признания ее законной. Поэтому субъектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, может быть и физическое лицо[4], а проведение сеансов массового целительства, не будучи за-

[1] Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. 1999. № 12. С. 47-48.

[2] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002. С. 197-198.

[3] Коренев А.С. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность : автореф. канд. дис. … юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 26.

[4] Мурадов Э. Субъект незаконной банковской деятельности // Законность. 2009. № 6. С. 52-53.

конной, по содержанию является предпринимательской деятельностью и охватывается нормой, предусмотренной ст. 171 УК РФ[1].

Механическое использование положений гражданского права в уголовном праве не позволяет эффективно защищать граждан в сфере кредитных отношений. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, выступает заемщик, вследствие чего сотрудники полиции необоснованно отказывают в возбуждении уголовного дела по факту покушения на мошенничество, когда виновный предоставил в банк документы для получения кредита, поскольку человек становится заемщиком только после подписания договора кредитования. Поэтому целесообразно исключить из диспозиции ст. 159.1 УК РФ указание на заемщика как субъекта преступления[2].

Положения гражданского права влияют и на момент окончания преступления, например предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, устанавливающей наказание за куплю-продажу и иные сделки в отношении человека. В соответствии со ст. 454 ГК РФ, сделка купли-продажи относится к консенсуальным. Продавец обязуется передать товар в собственность другой стороне, а покупатель – принять товар, уплатив за него. В соответствии с этим человек считается «проданным» не тогда, когда за него заплатили деньги и передали из рук в руки, а когда стороны пришли к соглашению по всем существенным условиям договора[3]. Поскольку в этом случае вред объекту преступления – неприкосновенности личности – еще не причинен, такие действия следует квалифицировать как приготовление к купле-продаже человека.

Нормы уголовного права участвуют и в регулировании трудовых отношений. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, является лицо, достигшее 16, но не достигшее 18

---

[1] Горелов А. Как квалифицировать незаконное предпринимательство // Российская юстиция. 2003. № 12. С. 48.

[2] Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70; Смолин С. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 72. Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» для целей ст. 159.1 УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица.

[3] Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014. С. 371-372.

лет, когда с ним может быть заключен договор о материальной ответственности, и оно может и не быть субъектом трудовых (регулятивных) правоотношений в полном объеме. Но при совершении хищения оно подлежит ответственности за присвоение или растрату. Трудовые отношения между работником и работодателем не всегда зафиксированы трудовым договором (контрактом). Но причинение при нарушении правил безопасности смерти или тяжкого вреда здоровью следует квалифицировать по ст. 143 УК РФ. Согласно ст. 16 и 67 ТК РФ трудовые правоотношения между работодателем и работником возникают с момента фактического допуска его к работе[1].

Нормы уголовного права увеличивают предмет регулирования и охраны и государственно-правовых отношений. Так, в ч. 1 ст. 239 УК РФ предусмотрено наказание за создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или причинением вреда их здоровью. Согласно ст. 6 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» религиозные объединения могут существовать в форме религиозной организации или религиозной группы и состоять из граждан Российской Федерации или лиц, постоянно и законно проживающих на территории Российской Федерации. На этом основании было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 239 УК РФ в отношении лиц с истекшим сроком виз о пребывании на территории Российской Федерации, пытавшихся склонить граждан Российской Федерации к вступлению в религиозное объединение, которое по характеру своей деятельности могло быть отнесено к объединениям, посягающим на личность[2]. Однако в данном случае, независимо от того, законно или нет находятся на территории Российской Федерации лица, склоняющие к вступлению в религиозное объединение, они являются субъектами указанного преступления.

Нормы уголовного права регулируют поведение людей и в административно-правовой сфере. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» субъектом пре-

[1] Смык О.А. Преступные нарушения правил охраны труда в сфере незаконного предпринимательства: проблемы теории и практики // Российский следователь. 2005. № 8. С. 30-32.

[2] Пример взят из: Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающих на личность и права граждан. Красноярск, 2007. С. 75-76.

ступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления и получивший соответствующее удостоверение, но и *любое лицо*, управляющее транспортным средством, в том числе то, у которого указанный документ был изъят за ранее допущенное нарушение, а также лицо, не имевшее его. По мнению Н.В. Генрих, отрицающей регулятивную функцию уголовного права, в данном случае, не будучи включенным в систему правовой регуляции административного права, лицо, управляющее транспортным средством, тем не менее является субъектом иных правоотношений, в том числе основывающихся на нормах естественного права. Поэтому ответственность таких лиц в уголовном праве должна наступать на основании предписаний, имеющих в своей основе не административно-правовой, а иной правовой запрет. Фактически нормы уголовного права возлагают на граждан обязанности в сфере правового регулирования иных отраслей права, что недопустимо и противоречит логике разделения «сфер влияния и ответственности» различных правовых отраслей[1]. Представляется, что на лиц, управляющих транспортным средством, не имеющих на это право, распространяется запрет, сформулированный в ст. 264 УК РФ.

Для устранения подобных проблем следует признать обоснованным мнение Н.Д. Дурманова, что нормы уголовного права самостоятельны и создается по иным основаниям, чем нормы других отраслей права, по признаку общественной опасности деяния. В то же время трудно согласиться с мнением указанного автора, что нормы уголовного права не воспроизводят каких-либо норм из других отраслей права[2]. Уголовное право является неотделимым элементом системы российского права. Так, действия лица, принуждающего обязанную сторону заключить договор по основаниям, предусмотренным ГК РФ и другими законами, следует квалифицировать не как принуждение к совершению сделки (ст. 179 УК РФ), а как преступление против личности или самоуправство, поскольку отношениям в сфере экономической деятельности они вред не причиняют[3].

---

[1] Генрих Н.В. Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 17-18.

[2] Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 99.

[3] Шишко И.В. Экономические правонарушения. С. 250. Так, согласно ст. 426 ГК РФ организация, осуществляющая розничную торговлю, предоставление услуг связи, энергоснабжения и т.п., обязана предоставлять соответствующие услуги; согласно ст. 846 ГК РФ банк обязан заключить договор банковского счета с лицом, обратившимся с предложением открыть счет на объявленные банком для открытия счета условиях; согласно ст. 527 ГК РФ для го-

Сложно разграничить вымогательство (ст. 163 УК РФ) и самоуправство (ст. 330 УК РФ), когда возврата долга с применением насилия требует не сам кредитором, а нанятые им лица. По мнению С. А. Ступиной, такие действия являются самоуправством, так как с учетом положений гл. 24 ГК РФ «Перемена лиц в обязательстве» кредитор может передавать свое право (требование), принадлежащее ему на основании обязательства, другому лицу (уступка требования). Отсутствие юридического оформления обязательства не исключает наличия этого права[1]. Соответственно, в ряде случаев при квалификации деяний следует основываться на нормах гражданского права.

Таким образом, объект преступления приобретает форму не просто общественного отношения, а правоотношения, что конкретизирует его пределы. Даже при привлечении к уголовной ответственности за жестокое обращение с животными уголовный закон охраняет и регулирует отношения в сфере обращения с ними. Согласно п. 3. ч. 1. ст. 12 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» при пользовании животными не допускается жестокое обращение с ними[2].

Доказательством того, что уголовное право обладает самостоятельным предметом уголовно-правового регулирования, определяющим границы объекта как элемента состава преступления, является признание преступным неправомерного завладения имуществом. Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности за совершение действий (бездействия), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, а также получившего от кого-либо ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, и не намереваясь этого делать, присвоившего их[3].

сударственного заказчика, разместившего заказ, принятый поставщиком, заключение государственного контракта обязательно.

[1] Ступина С. А. Вымогательство: криминологическая характеристика и уголовно-правовые средства противодействия. Красноярск, 2005. С. 71.

[2] Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А. Уголовно-правовая охрана отношений недропользования. М., 2015. С. 18.

[3] Подобное положение закреплено и в п. 16 постановления № 14, согласно которому действия лица, сбывающего под видом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ и их аналогов или ядовитых ве-

В теории полагают, что в подобных случаях нет объекта мошенничества – правоотношений, т.е. общественных отношений, возникающих на основе норм права (противоречащие им отношения УК РФ не охраняет), а использование собственником принадлежащего ему имущества вопреки закону противоречит п. 2 ст. 209 ГК РФ. Квалификация указанных действий по ст. 159 УК РФ основана на социалистическом представлении об опасности незаконного обогащения, с чем справляется ст. 169 ГК РФ, признающая ничтожность сделки, совершенной с целью, заведомо противоправной основам правопорядка или нравственности[1]. Такие действия следует квалифицировать как подстрекательство к даче взятки или обещание или посредничество во взяточничестве (ч. 5 ст. 291 УК РФ). Так как уголовный закон призван защищать позитивные, полезные отношения, негативные он охранять не должен. Соответственно, не признается преступлением и хищение «похищенного», если субъект знал, что завладевает имуществом, полученным преступным путем, поскольку объект уголовно-правовой охраны – это только такие отношения, в упрочении и развитии которых заинтересовано общество. Если он не знал этого, то – как покушение на хищение. Завладение имуществом, которым лицо владело незаконно, с применением насилия следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья[2]. Представляется, что указанные действия следует квалифицировать по совокупности преступлений как мошенничест-

---

ществ какие-либо иные средства или вещества с целью завладения деньгами или имуществом граждан, следует квалифицировать как мошенничество. Из 300 опрошенных правоприменителей 32,6% полагают, что как хищение следует квалифицировать неправомерное изъятие имущества у лица, которое приобрело его в результате преступления, о чем лицу было известно; 12% считают, что такие действия не являются преступлением, так как нет объекта преступления – охраняемых отношений; 55,4% полагают, что УК РФ следует дополнить нормой, устанавливающей наказание за завладение похищенным. На вопрос: «Как квалифицировать неправомерное изъятие наркотических средств, оружия, боеприпасов у лица, которое обладало ими незаконно?» – 41,4% ответили: как хищение наркотических средств, оружия, боеприпасов (ст. 229, 226 УК РФ); 58,6% – как незаконное приобретение наркотических средств, оружия, боеприпасов (ст. 228, 222 УК РФ).

[1] Шишко И.В. Указ. соч. С. 185-188.

[2] Тенчов Э.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности. Иваново, 1986. С. 52-–53; Елисеев С. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. 2008. № 1. С. 48-49; Елисеев С.А. Спорные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 62-64.

во и подстрекательство к даче взятки либо обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291 УК РФ), поскольку они распространены и посягают как на имущественные отношения, так и на интересы государства.

Как хищение следует квалифицировать неправомерное завладение имуществом, которым лицо обладало незаконно. Согласно п. 23 постановления № 14 ответственность за хищение наркотических средств или психотропных веществ наступает при их противоправном изъятии у юридических и физических лиц, владеющих ими законно или *незаконно*, в том числе и путем сбора наркотикосодержащих растений либо их частей с земельных участков граждан, на которых *незаконно* выращиваются эти растения[1].

Завладение имуществом, которое уже похищено или которым обладали незаконно, не причиняет ущерб собственнику или владельцу, но общественно опасно из-за его распространенности. Поэтому в теории обоснованно предложено исключить из понятия хищения после формулировки «причинение ущерба» указание на собственника или иного владельца[2]. Законодательное закрепление в качестве объекта уголовно-правовой охраны не только отношений собственности, подразумевающих правомерность владения, а всех имущественных отношений позволит признавать преступным неправомерное изъятие имущества у лица, похитившего его или владевшего им незаконно. Кроме этого правоотношения, охраняемые

[1] Аналогичное разъяснение содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», согласно которому уголовная ответственность по статье 226 УК РФ наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно либо *незаконно*. Так, по делу в отношении Н., А., и М., совершивших нападение на Б. с целью завладения имуществом, полученным им от незаконных сделок с иностранной валютой, суд признал их виновными по п.п. «а», «н» ст. 102; ч. 3 ст. 146 и ч. 4 ст. 148 УК РСФСР. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 7. С. 14.

[2] Скляров С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 66. В доктрине также предложено установить в УК РФ наказание за нарушение законного порядка приобретения права собственности или законного владения имуществом, совершенного тайным, открытым, насильственным способом, путем обмана или злоупотребления доверием. См.: Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. С. 52.

нормами гл. 21 УК РФ, включают в себя не только отношения собственности, но отдельные правомочия, когда потерпевшим может быть не только собственник, но и арендатор, а также обязательственные правоотношения при совершении преступлений, предусмотренных ст. 163, 165 УК РФ[1]. Поэтому главу 21 УК РФ «Преступления против собственности» следует переименовать в «Преступления против имущественных отношений», так как отношения, охраняемые её нормами, не исчерпываются отношениями собственности.

В то же время из обвинения в отношении С. и О. было исключено вымогательство (п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ). С. и О., зная о совершенном Б. и Р. разбойном нападении, потребовали 6 000 долларов США, угрожая в случае отказа сообщить о совершенном ими преступлении. Опасаясь разоблачения, Р. и Б. отдали требуемую сумму. Как указано в постановлении президиума Верховного Суда РФ от 21 марта 2001 г. № 1039п2000 угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права либо причиняющим вред законным интересам Б. и Р. Представляется, что это решение необоснованно, поскольку подобные случаи распространены[2] и не признание их преступными приведет к значительному увеличению требований передачи имущества под угрозой распространения сведений о совершенных правонарушениях. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, поро-

[1] Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 82; Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2002. С. 32-33.

[2] В то же время Верховный Суд РФ признал вымогательство в действиях лиц, требующих передачи имущества, полученного от незаконной продажи оружия за рубеж, под угрозой разглашения сведений о том, что имущество получено преступным путем. См.: Голиков К.Н. Пределы допустимой государственной защиты потерпевших по делам о вымогательстве // Юрист. 1999. № 8. С. 56-57; Сергеев В.И. Оценка действий потерпевшего при квалификации вымогательства // Законодательство. 2000. № 3. С. 83-85. По данным Г.Н. Борзенкова, 68% случаев мошенничеств были связаны с использованием неблаговидного поведения потерпевшего. См.: Борзенков Г.Н. Объект преступлений против личной собственности и интересы потерпевших // Вестник МГУ. 1983. № 4. С. 14. По данным С. М. Малькова, в 35% случаев неправомерного завладения оружием физические лица владели им незаконно. См.: Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Красноярск, 2002. С. 57.

чащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство[1]. Поэтому из диспозиции ст. 163 УК РФ следует исключить указание на нарушение прав и законных интересов, как это было сделано в диспозиции ст. 137 УК РФ, первоначально предусматривавшей причинение вреда правоохраняемым интересам граждан, что порождало проблемы при квалификации. Так, С., будучи матерью-одиночкой, чтобы содержать себя и своего трехлетнего сына, занималась проституцией. Затем она вышла замуж, но продолжала заниматься тем же, поскольку семье не хватало денег. Ее сутенер П. рассказал её мужу, чем занимается С., в отместку за то, что она «работала» не по полной «программе». Поэтому С. пыталась повеситься. По мнению А.Н. Красикова, который приводит этот пример, учитывая, что проституция в России хотя и не преступление, а административное правонарушение, разглашение сведений о занятии проституцией не нарушает законных интересов граждан[2]. Однако из-за общественной опасности такие действия следует признавать преступными. В настоящее время указанное преступление окончено с момента разглашения сведений.

Учитывая, что применение норм уголовного права существенно ограничивает права человека, границы преступного поведения должны быть четко определены в диспозиции указанных норм. От того, насколько точно в ней указана сфера отношений, нормальному функционированию которых преступление причиняет вред, зависит соблюдение принципа законности при применении норм уголовного права. Уголовная противоправность как формальный признак преступления гарантирует соблюдение законности в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности[3]. Криминализация деяния предполагает конкретность и определенность уголовно-правовой нормы, устанавливающей наказуемость именно этого деяния, т.е. требует указания всех признаков действия (бездействия), необходимых для признания лица виновным в совершении определенного преступления, предусмотренного конкретным составом

[1] В уголовном праве Германии такие действия также признаются преступными. См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 459.

[2] Российское уголовное право : курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 424-425.

[3] Ляпунов Ю. Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности // Уголовное право. 2004. № 3. С. 43.

преступления[1]. Определенность закона, предполагающая точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, гарантирует в законотворчестве и правоприменении защиту от произвольного преследования, осуждения и наказания. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ лишь если она адекватна общественной опасности преступления, ограничивая его от иных противоправных и тем более законных деяний[2].

Учитывая, что понятие объекта правонарушения как общественного отношения слишком широкое и относится к теоретическому уровню знания, что не всегда позволяет разграничить преступления по объекту, в теории предложено исключить объект из структуры состава и начинать квалификацию с предмета, если он указан в диспозиции нормы[3]. Кроме этого систему Особенной части УК РФ, в зависимости от важности объекта, справедливо критикуют. Не понятно, как преступления против интересов службы в коммерческих иных организациях (гл. 23 УК РФ) могут быть более опасны, чем преступления против основ конституционного строя (гл. 29 УК РФ). Поэтому критерием построения Особенной части УК РФ предлагают использовать общественно опасное деяние[4].

Доводы о замене объекта преступления его предметом убедительны и, на первый взгляд, способствуют конкретизации ценностей, охраняемых законом, но при этом не учитывается следующее. Во-первых, что следует понимать под предметом преступления? Если только предметы материального мира, то не понятно, почему в одних случаях уничтожение имущества следует квалифицировать как преступление против собственности (ст. 167 УК РФ), в других – как террористический акт (ст. 205 УК РФ) или диверсию (ст. 281 УК РФ). Хотя именно различие объектов преступления обусловливает применение различных статей Уголовного кодекса при причинении

---

[1] Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 239.

[2] По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян : постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П.

[3] Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. М., 1983. С. 122; Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007. С. 173.

[4] Векленко В.В. Объект в структуре состава преступления. С. 4-6.

вреда одинаковым предметам преступления[1]. Если же под предметом преступления понимать не только предметы материального мира, то следует указать его признаки.

Вместе с тем идею о замене объекта преступления его предметом в системе элементов состава как возможный путь конкретизации понятия «объект преступления» не стоит отбрасывать. В отличие от способа преступления, его предмет обладает большим количеством модификаций и может быть использован как основание классификации преступлений[2]. При этом пределы конкретизации, выражающиеся в переводе тех или иных понятий из абстрактно-обобщенных в конкретно-осязаемые, должны быть ограничены тем, чтобы определяемое как непосредственный объект не теряло свойств общественного отношения[3].

Во-вторых, действительно, объект преступления, как правило, недоступен для непосредственного восприятия, и его значение нельзя абсолютизировать при разграничении смежных составов. Многие составы не различаются по объекту и по форме вины. Установление объекта, как правило, проводится по признакам других элементов состава преступления, указывающих на него[4]. Так, разграничение дорожно-транспортных и иных преступлений проводится в зависимости от нарушаемых правил и места совершения преступления[5]. В УК РФ существуют две нормы, предусматривающие наказание за внешне схожие деяния, такие как похищение человека (ст. 126 УК РФ) и захват заложника (ст. 206 УК РФ), отличающиеся по объекту преступления и расположенные в разных главах. Разграничение

---

[1] Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративное исследование. М., 2013. С. 57. Так, И. похитил 800 метров алюминиевых проводов, приведя в негодное состояние объект энергетики, воздействуя на один предмет, в котором проявлялись такие свойства как стоимость и способность передавать электроэнергию, и был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158, 215.2 УК РФ. Определение Верховного Суда РФ от 22.05.2006 № 83-Д06-4.

[2] Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных видов имущественных преступлений. СПб., 1913. С. 7-8.

[3] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 207.

[4] Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 67-68; Дрожжина Е. Объект преступления и его влияние на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 31; Егорова Н.А. Вопросы уголовно-правовой квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Волгоград, 2014. С. 27.

[5] Пикуров Н. Отграничение состава дорожно-транспортного преступления от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2009. № 5.

проводится по совокупности объективных и субъективных признаков, к которым относится место совершения преступления. Если при похищении человека (ст. 126 УК РФ) для виновного имеет значение личность потерпевшего, которого захватывают и перемещают в пространстве, при этом скрывая факт похищения, то при захвате заложника (ст. 206 УК РФ) его, как правило, удерживают в месте захвата, личность потерпевшего значения для виновного не имеет, и факт захвата не скрывают, чтобы понудить государство или организацию совершить какое либо действие или воздержаться от такового. Следовательно, разграничение сфер общественных отношений, выступающих объектом преступлений, предусмотренных ст. 126, 206 УК РФ, происходит по таким признакам, как потерпевший, место и цель совершения преступления.

Таким образом, уголовное право, охраняя отношения посредством установления запретов, регулирует не только поведение, регламентируемое другими отраслями права, когда содержание уголовно-правового запрета корректируется нормами «регулятивных» отраслей права, но и не охватываемое их нормами. Сфера отношений, выступающая объектом преступления, описана в нормах Особенной части УК РФ посредством способа, предмета и других признаков состава преступления.

2.5. Непосредственный объект преступления и его место в классификации объектов преступлений

В теории уголовного права объект преступления как общественные отношения в зависимости от степени конкретизации подразделяют на общий, родовой и непосредственный. Эта классификация основана на соотношении философских категорий общего, особенного и единичного, вследствие чего непосредственным объектом преступления признаются конкретные общественные отношения[1]. «Каждое конкретное отношение между физическими и юридическими лицами, – обоснованно отмечает Е.И. Аюева, – по сравнению со всей системой существующих социальных отношений – это отдельное, единичное, в котором содержатся моменты общего – признаки, свойства, черты и стороны, присущие многим аналогичным

[1] Курс Советского уголовного права. Часть Общая. Т.I. Л., 1968. С. 302, 291.

отношениям, обусловленные, например, единой экономической основой, и одновременно моменты особенного и неповторимого»[1].

Эта концепция неоднократно подвергалась критике. Во-первых, общего объекта преступления не существует, как не существует общего государства, есть лишь общее понятие о государстве. Поэтому нет и преступления, которое вообще посягает на общественные отношения. Когда говорят об общем объекте преступления, имеют в виду не какие-то реальные, конкретные отношения, а понятие о нем, которое, являясь формой мышления, не может совпадать с самим явлением. Так называемый общий объект не соотносится с конкретными явлениями общественной жизни, как род и вид, поскольку понятия не находятся в таком соотношении с самим явлением. Преступлений, посягающих на понятия или наименования, в природе не существует[2].

Во-вторых, деление объектов преступления на общий, родовой и непосредственный должно основываться на взаимосвязи таких категорий, как целое и часть, или система, подсистема и элемент. Всю совокупность объектов преступлений следует рассматривать не как вид (общий), объект преступления, а как систему (совокупности, множественности) объектов, в составе которой могут быть выделены определенные подсистемы и элементы (части). Роль подсистем выполняют объекты преступлений, однородных по направленности посягательства (родовой объект – *прим. авт.)*. Объект отдельно взятого преступления выступает как элемент системы объектов в целом и одновременно какой-то её подсистемы. Учитывая, что система в целом нигде и никогда не называлась видом по отношению к подсистеме, а сама подсистема – видом по отношению к ее отдельным элементам, ни о какой классификации объектов преступления по «вертикали» говорить не приходится вообще. Сходное, повторяющееся во всех объектах преступления есть их общий признак, но не общий объект, особенность какой-то группы объектов преступления – не родовой объект, а признак, объединяющий некоторую часть объектов посягательств в одну однородную по направленности группу и вместе с тем отличающий ее от всех других групп. Поскольку преступление всегда предстает конкретным явлением, а не понятием, его объект всегда конкретен и не существует в виде «ро-

[1] Аюева Е.И. Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 12.

[2] Федоров М.И. Указ. соч. С. 191.

дового» или «общего» объекта преступления, в действительности нет никакого другого объекта, кроме непосредственного[1].

В-третьих, трехстепенное деление объектов, претендующее на универсальность, применимо к немногим преступлениям, например к преступлениям против личности. В других составах нередко указывают только два объекта – общий, который предполагается, и непосредственный, являющийся «групповым» для целого ряда преступлений[2].

Рассмотрим приведенные доводы. Во-первых, при классификации объектов речь идет не об общем, родовом и непосредственном объектах преступления, а об общем, родовом и конкретном понятии «объект преступления». Поэтому классификация по «вертикали» – это не классификация объектов, а классификация присущих им признаков, на основании которых выделяют общее, родовое (групповое) и конкретное (индивидуальное) понятие «объект преступления»[3]. Понятие общего объекта должно характеризоваться признаками, присущими непосредственному объекту. «Нельзя искать специальный (непосредственный – *прим. авт.*) объект, – писал Н.Д. Розенберг, – свойственный отдельной группе преступлений, не опираясь при этом на правильное понимание общего объекта»[4]. Общий объект, объединяя все родовые и непосредственные объекты в единую качественно-определенную систему, выражает их главное свойство – принадлежность к числу важнейших отношений в обществе. Понятие общего объекта преступления указывает, что в принципе подлежит охране[5]. Следовательно, общий объект преступления – это объект уголовно-правовой охраны, имеющий значение только для науки.

Во-вторых, в действительности существуют не классы понятий (явлений), а отдельные вещи, обладающие общими свойствами и

---

[1] Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 20, 22. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Вып.10 Свердловск, 1969. С. 204; Сташис В.В., Панов Н.И. Непосредственный объект и его значение для квалификации преступлений // Проблемы правоведения : республиканский межвед. научный сборник. Вып. 50. Киев, 1989. С. 84.

[2] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 108–109.

[3] Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Классификация объектов преступления // Правоведение. 1987. № 2. С. 70.

[4] Розенберг Н.Д. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 3. Харьков, 1948. С. 62.

[5] Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 93.

служащие объективной основой формирования общих понятий. Отношение «единичное – особенное – общее» следует рассматривать как отношение «индивид – вид – род», выражающее не стороны объекта, а субординацию различных по объему понятий[1]. Для познания отображенных в понятии предметов необходимо раскрыть не только содержание понятия, но и установить его объем (круг предметов), отраженный в данном понятии. Понятие, объем которого делится, является родом, а новые понятия – это виды по отношению к роду. Признак, по которому производится деление объема родового понятия на виды, называется основанием деления[2]. Основанием деления объема понятия «объект преступления – общественные отношения» является сфера отношений, которым причиняется вред.

Понятие общего объекта преступления охватывает все общественные отношения, охраняемые уголовным законом, т.е. по объему оно наиболее широкое, но и наиболее бедное по содержанию, так как включает в себя признаки, повторяющиеся во всех объектах. Общее понятие объекта преступления позволяет выявить главное, типичное, наиболее существенное в этом понятии. Родовое (групповое) понятие по объему менее широкое, но по содержанию богаче общего, поскольку отражает признаки, имеющиеся у одной группы объектов преступления и отсутствующие у другой. Конкретное понятие объекта по объему самое узкое, так как в нем всегда мыслится какой-либо конкретный (индивидуальный) объект.

В-третьих, выделение категорий «общее», «особенное», «единичное» не означает, что они проявляются во всех явлениях действительности. Иногда можно выделить только «общее» и «единичное»[3]. В зависимости от содержания отношений, выступающих объектом преступления, непосредственный объект может совпадать с родовым. Например, основные непосредственные объекты преступлений против собственности, за исключением ст. 165 УК РФ, по своему содержанию совпадают с родовым.

Устанавливая различие объектов в одних свойствах и сходство в других, выделяют противоположные стороны, отражающиеся в категориях «единичное» и «общее». Познание отдельного, исследуя единичное и общее, представляет процесс восхождения от эмпирически конкретного к абстрактному. Образование категории особенного выступает как процесс восхождения от абстрактного к конкретному. Следовательно, категория «особенное» выражает синтез зна-

[1] Кириллов В.И. Логика познания сущности. М., 1980. С. 75.
[2] Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1974. С. 118-119.
[3] Фролов Е.А. Указ. соч. С. 200.

ний о противоположных сторонах объекта – единичном и общем[1]. В зависимости от конструкции состава преступления можно выделять различное количество объектов преступления. Поскольку объекты всей совокупности преступлений не совпадают с количеством объектов одного преступления, следует различать классификацию *объектов преступления* и классификацию *объектов преступлений*[2].

Е.А. Фролов в рамках родового объекта обоснованно выделил видовой – группу более узких общественных отношений, отражающих один и тот же интерес их участников[3]. Так, в рамках родового объекта, на который посягают преступления, предусмотренные гл. 19 УК РФ, можно выделить следующие видовые объекты: отношения в сфере неприкосновенности личных прав (ст. 137-139 УК РФ), в сфере реализации трудовых прав (ст. 143, 145 УК РФ), в сфере реализации политических прав (ст. 141–142-1 УК РФ). Вследствие этого система объектов по «вертикали» стала четырехступенчатой: общий – общественные отношения, охраняемые всей совокупностью норм Особенной части УК РФ, соответствует категории «общее», родовой – отношения, охраняемые нормами одной главы, соответствует категории «особенное», видовой – группы более узких общественных отношений, выражающих один и тот же интерес их участников, соответствует категории «единичное», непосредственный – конкретные общественные отношения.

По мнению Н.И. Коржанского, объект преступления, именуемый как непосредственный, в действительности является не непосредственным, а видовым. «Если мы говорим, что объектом убийства является жизнь человека, – пишет Н.И. Коржанский, – то мы не имеем в виду конкретное убийство и жизнь отдельного конкретного человека. Здесь употребляется видовое понятие убийства и видовое понятие жизни. В таком употреблении жизнь означает не отдельное общественное отношение по обеспечению жизни, а все аналогичные общественные отношения как отдельный их вид. Но нетрудно увидеть, что ни одно убийство не направлено непосредственно на лишение жизни как вида общественных отношений, т.е. на лишение жизни всего общества». Следовательно, непосредственный объект – это уже нарушенное конкретное общественное отношение, которое изменено конкретным преступлением и представляет собой лишь частный случай проявления общественных отношений определенно-

[1] Кириллов В.И. Указ. соч. С. 72-77.

[2] Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 139.

[3] Фролов А.Е. Указ. соч. С. 204.

го вида. Выделение четвертой группы объектов приводит их классификацию в соответствие с системой философских категорий общего, особенного, единичного и отдельного, придавая ей завершенный вид. Общим является общий объект преступления, особенным – родовой, единичным – видовой и отдельным – непосредственный объект[1]. Эта классификация совпадает с системой категорий «всеобщее», «общее», «особенное» и «единичное», относящихся к признакам конкретных индивидуальных предметов, обозначаемых как «отдельное». Сами же эти предметы, воплощающие диалектическое единство единичных и общих признаков, не могут быть названы ни единичными, ни общими, ни особенными, ни всеобщими, их следует обозначать как отдельное[2]. Выделение отдельного объекта происходит за счет включения в его содержание индивидуальных, неповторимых признаков, позволяющих отграничить одно преступление от другого[3].

Таким образом, непосредственный объект – это социальная связь между определенными субъектами, проявляющаяся в последствиях преступления – изменениях в социальной действительности. «Отдельное» применительно к непосредственному объекту, – это индивидуальное общественное отношение в виде социальной связи как результат обобщения отношений на самой низкой ступени. Поскольку в понятии непосредственного объекта выражена конкретность реальных отношений и отражена их единичность, их следует именовать непосредственным *субъектным* или *индивидуальным* объектом преступления[4].

При воздействии на субъекты и предметы материального мира последствия выражаются в изменении состояния субъектов и предметов. На основании этого А.А. Пионтковский непосредственным объектом преступления признавал объективно выраженные явления реальной действительности – людей и предметы. Представляется, что носитель отношений (субъект) и предметы материального мира как отдельное выступают лишь формой выражения социальной связи, на уровне которой речь идет не о понятии какого-то явления, а о

[1] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 72-74.

[2] Левин Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. М., 1987. С. 9-10.

[3] Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 70.

[4] Изотов С. М. Правопорядок как общий объект преступления (к истории вопроса о понятии объекта преступления) // История государства и права. 2010. № 18; Мальцев В. Понятие непосредственного индивидуального объекта преступления // Уголовное право. 2011. № 5. С. 19.

самом явлении. Думается, что А.А. Пионтковский рассматривал отношение между общим и непосредственным объектом преступления как отношение сущности и явления, когда элементы структуры отношения, выступающие предметом воздействия и непосредственно воспринимаемые (человека, его здоровье, имущество, учреждения и т.д.), являются непосредственным объектом преступления и материальной предпосылкой существования отношений, или материальной формой их выражения, либо их субъектом[1]. Именно в материализованных, объективно проявляющихся изменениях в потерпевшем и предмете преступления выражается непосредственный объект преступления – социальная связь между конкретными субъектами, из совокупности которых состоят общественные отношения определенного вида.

Видовым объектом следует признавать отношения определенного вида как типизированные устойчивые связи, сложившиеся в отдельных сферах человеческой деятельности и закрепленные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ как элемент состава преступления.

Таким образом, при классификации объектов преступлений по «вертикали» речь идет о классификации *понятий* «объект преступления». Классификация объектов преступлений по «вертикали» основывается на категориях «общее» – все общественные отношения, охраняемые уголовным законом, – общий объект преступления; «особенное» – общественные отношения, охраняемые нормами главы УК РФ, – родовой объект преступления; «единичное» – общественные отношения, отражающие один и тот же интерес их участников, – видовой; «отдельное» – социальные связи между конкретными участниками отношений.

Непосредственный объект преступления как «отдельное» – это не понятие, а *явление,* как социальная связь между обезличенными и не персонифицированными субъектами отношений, проявляющаяся в последствиях преступления – потерпевшем и предмете преступления. Непосредственный объект – «отдельное» соотносится с общим объектом – «общее», родовым – «особенное» и видовым – «единичное» так же, как часть и целое.

[1] Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.II. М., 1970. С. 116–119.

ГЛАВА 3
ПРЕДМЕТ ОТНОШЕНИЙ КАК ВИДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ОТНОШЕНИЙ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ

3.1. Предмет отношений как видовой объект преступления. Способы его установления и конструирование норм Особенной части УК РФ

Особенностью общественных отношений являются их опредмечивание и персонификация (олицетворение). Опредмечивание показывает, что люди взаимодействуют друг с другом не посредством своей телесной природы, а через мир предметов-посредников, воплотивших отношения между людьми, и не ограничивается только предметным, вещным миром, так как существуют и не вещные формы их опредмечивания: социальные институты, нормы, духовные ценности и т.д.[1] «Применительно к нуждам уголовного права, – отмечает В.К. Глистин, – все то, по поводу чего или в связи с чем существуют отношения, целесообразно называть предметом отношения, в отличие от объекта, которым обозначают само общественное отношение как целостную систему»[2].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» субъектами нарушения правил охраны труда с одной стороны выступают должностные лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению возложена обязанность по охране труда и соблюдению правил безопасности на участ-

[1] Кривуля А.М. Указ. соч. С. 32.
[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 47-48.

ке работы или контроле за их выполнением; с другой – работники предприятия и иные лица, постоянная или временная деятельность которых связана с этим производством. Объектом выступают безопасные условия труда[1]. Однако то, что Верховный Суд СССР назвал объектом, В.К. Глистин относил к предмету отношений. По мнению указанного автора, при контрабанде *предметом отношений* выступает порядок перемещения товаров через границу. В то же время сложно согласиться с В.К. Глистиным, в том, что предметом как структурным элементом общественного отношения, выступающего объектом уклонения от военной службы ст. 80 УК РСФСР (ст. 328 УК РФ), является воинская обязанность[2]. Представляется, что предметом в этом случае выступают отношения по формированию Вооруженных Сил, представляющие ценность, поскольку Вооруженные Силы обеспечивают суверенитет государства, а уклонение от воинской обязанности служит лишь обобщенным способом их нарушения и совершения этого преступления. Иначе придется признать, что предметом отношений, складывающихся при пересечении таможенной границы (ст. 200.1 УК РФ), выступает обязанность граждан декларировать данные о перемещаемом товаре. Однако Верховный Суд РФ указал, что *объектом преступления*, предусмотренного ст. 188 (ст. 200.1) УК Российской Федерации, выступает порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу РФ[3]. В теории также полагают, что объектом контрабанды выступают урегулированные таможенным законодательством отношения между лицами, перемещающими товары на таможенную территорию РФ либо с этой территории за её пределы, и государственными органами, осуществляющими контроль за соблюдением порядка перемещения, и преступление окончено с момента перемещения товаров[4]. Как полагает Л.Р. Клебанов, непосредственным (*видовым – прим. авт.*) объектом преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие между уполномоченными субъектами по поводу создания, распространения, преобразования и потребления информации, составляющей коммерческую, банковскую и налоговую тайны[5]. Следовательно, раз явле-

[1] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1973). М., 1974. С. 55-56.

[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 55–56, 12.

[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 6. С. 3.

[4] Журавлева Е.М., Яни П.С. Контрабанда: объект, момент окончания преступления // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 15-16.

[5] Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана коммерческой, налоговой и банковской тайны. М., 2006. С. 121.

ния, по поводу которых отношения возникают, признаются их предметом, а видовым объектом преступления также выступают явления, относительно которых отношения сложились, то предмет отношений является видовым объектом преступления. Определение предмета отношений, того, по поводу чего они сложились, позволяет установить видовой объект преступления.

К предмету отношений необоснованно относят и человека, например при похищении ребенка[1], так как предмет отношений – это явление идеальное, получившее в ряде случаев материализованное выражение, например в имуществе. В семейном праве, когда возникает вопрос, с кем из родителей ребенок должен остаться при разводе, объектом правоотношений является не ребенок, а интересы его воспитания[2]. Ребенок при его похищении будет потерпевшим, а предметом отношений будет свобода физического передвижения, так как субъект отношений не может быть их предметом[3]. Поскольку общественные отношения складываются по поводу и для реализации их субъектами своих интересов, предметом отношений следует признавать интересы субъектов[4], – государства, юридических, физических лиц, заинтересованных в установлении и соблюдении определенного порядка.

Предмет отношений необоснованно отождествляют и с предметом преступления. Н.К. Семернева к предмету преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, относит установленный порядок деятельности должностных лиц, изменяя который взяткодатель причиняет вред объекту преступления – интересам государственной службы[5]. В данном случае порядок деятельности должностных лиц выступает предметом отношений.

Ряд авторов полагают, что в уголовном праве при оглашении определенной информации она становится первопричиной возникновения уголовных правоотношений между субъектами и поэтому информацию предложено рассматривать как объект, т.е. как интерес (благо) уголовно-правовой охраны, реализующийся и существую-

[1] Глистин В.К. Указ. соч. С. 41.

[2] Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. С. 529.

[3] Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. Том I. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград, 2010. С. 155.

[4] Хилюта В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 17. С. 77.

[5] Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная). М., 2011 С. 46-47.

щий в форме общественного отношения по его защите[1]. Такой вывод основан на отождествлении общерегулятивных уголовных правоотношений, имеющих общий, не персонифицированный характер, и гражданских правоотношений, возникающих между персонифицированными субъектами. Это приводит к смешению таких понятий, как «предмет отношений» – неприкосновенность определенной информации и «предмет преступления» – информации. В позитивно-регулятивных и охранительных отраслях права (это деление условно) объект и предмет отношений не совпадают. То, что в регулятивных отраслях права относят к объекту правоотношения, в охранительных – является их предметом[2].

Отождествление предмета отношений как нематериального явления, по поводу чего существуют отношения между субъектами, и предмета преступления – предметов материального мира и информации, выражающих эти отношения, произошло вследствие неразграничения общественных отношений как типизированных устойчивых связей, сложившихся в обществе, и индивидуальных социальных связей между субъектами. Когда речь идет об индивидуальных связях между субъектами, которые в силу повторяемости в своей совокупности представляют определенный тип отношений, предметы материального мира можно относить к предмету этих отношений, поскольку субъекты вступают в индивидуальные отношения по поводу этого конкретного предмета. Однако на уровне общественных отношений как типизированных устойчивых связей предметы материального мира выступают лишь формой их выражения. Поэтому следует различать предмет общественных отношений как нематериальное явление – процессы, состояния, по поводу чего они сложились, и предмет преступления как форму их выражения в реальности и закрепления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Общественные отношения предметны, даже если человек не имеет дело с вещами. От этого его деятельность не утратит предметности, но не как вещественной формы выражения, а их обусловленности определенным предметом. Предметность отношений не означает, что они вещественны, т.е. существуют как вещи и включают их в себя. Предметы материального мира лишь выражают социальные связи между людьми, составляют их вещественную осно-

---

[1] Кибальник А., Соломоненко И. Понятие и виды тайны в уголовном праве // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 53.

[2] Хлупина Г.Н. Уголовно-правовая охрана отношений частной собственности на землю // Уголовное право: стратегия развития : материалы второй научно-практической конференции 25-27 января 2005 г. М., 2005. С. 191.

ву. Поэтому общественные отношения – это отношения, опосредованные вещами и явлениями как предметами человеческой деятельности – «социальными предметами»[1].

Предмет отношений – это всегда идеальное явление. Его нельзя отождествлять с формой выражения отношений – субъектами и предметами материального мира. Так, предметом отношений собственности являются процессы присвоения и распределения материальных благ как неосязаемых, но объективно существующих ценностей, а имущество лишь выражает эти отношения. Воздействие на него как на предмет преступления свидетельствует о том, что реализация собственником своих правомочий затрудняется. Одни и те же предметы материального мира выражают различные отношения. Например, жилище выражает личные неимущественные отношения, обеспечивая неприкосновенность личности, а также имущественные отношения, складывающиеся по поводу возможности владеть, пользоваться и распоряжаться им как имуществом. Следует отличать право на неприкосновенность жилища, которое самостоятельно и непроизводно от права на жилище. Предмет общественных отношений – это социальные ценности, относительно которых субъекты вступают в отношения друг с другом. К ним относятся неприкосновенность личности, права граждан, имущественные блага, государственное устройство, порядок формирования Вооруженных Сил и т.д.[2]

Предмет общественных отношений – это абстрактное понятие, а элементы состава преступления определяются четко (например, субъект преступления), когда его признаки указаны в законе[3]. Однако в том-то и дело, что при помощи признаков субъекта преступления, выступающего до совершения преступления субъектом отношений с определенным правовым статусом, можно установить их предмет как видовой объект преступления, так как признаки субъекта детерминируются качествами объекта преступления[4]. Выясне-

---

[1] Кучевский В.Б. Анализ категории «материя». М., 1983. С. 40–41; Общественные отношения. Вопросы общей теории / под ред. П.А. Рачкова. М., 1981. С. 27, 28; Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Указ. соч. С. 17.

[2] Курс советского уголовного права. Особенная часть. Л. 1981. Т. 5. С. 483; Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 97.

[3] Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права : межвуз. сборник научных трудов. М., 1994. С. 13-14.

[4] Семенов С. А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 15; Тер-Акопов А.А. Указ. соч. С. 61.

ние субъектов отношений и их социальных функций позволяет определить границы общественных отношений, охраняемых уголовным законом, поскольку они указывают на сферу и характер возможных и реальных связей и конкретизируют охраняемые отношения. Однородность общественных отношений как родового объекта преступления устанавливается не субъективно, а на основе объективных критериев, таких как тождественность участников отношений и их интересов, составляющих содержание отношений[1].

В Особенной части УК РФ существуют три нормы, устанавливающие наказание за неисполнение решения суда (ст. 157, 177, 315), расположенные в разных главах. Если субъектом преступления выступает представитель власти, государственный служащий, служащий органа местного самоуправления, государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, а потерпевшим – государство в лице суда, чье решение не выполнил субъект преступления, то предметом отношений (основным видовым объектом) являются интересы правосудия (ст. 315 УК РФ). Если субъектами преступления выступают родители или взрослые трудоспособные дети, а потерпевшими – несовершеннолетние дети или нетрудоспособные родители, то предметом (основным видовым объектом) являются интересы несовершеннолетних и семьи (ст. 157 УК РФ). Когда субъектом является должник (субъект кредитных отношений), а потерпевшим – банк или иная кредитная организация, то предметом отношений (основным видовым объектом) выступают отношения в кредитной сфере (ст. 177 УК РФ).

Согласно диспозиции ст. 165 УК РФ потерпевшим при причинении имущественного ущерба является только собственник или иной владелец имущества. Это исключает возможность расширительного применения указанной статьи в ситуации уклонения от уплаты налогов и пошлин, когда вред причинен субъектам, не являющимся собственником или владельцем.

---

[1] Глистин В.К. Указ. соч. С. 35; Таций В.Я. Указ. соч. С. 22-25; Фролов А.Е. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 201. В теории отмечено, что субъект преступления – это элемент, воспринимаемый непосредственно, и квалификацию следует начинать с установления его признаков. Это характерно для преступлений, свершаемых специальными субъектами, признаки которых устанавливаются ранее признаков, характеризующих другие элементы состава. См.: Никонов В.А. Понятие и система Особенной части уголовного права. Процесс квалификации преступлений. М., 1998. С. 15-16; Устименко В.В. Понятие специального субъекта преступления // Проблемы правоведения : респ. межвуз. науч. сб. Вып. 50. Киев, 1989. С. 93.

Иногда для установления видового объекта преступления (предмета отношений) следует определить правовое положение обоих субъектов – потерпевшего и субъекта преступления, учитывая их взаимообусловленность. Так, оперуполномоченные К. и Р. по подозрению в незаконном приобретении наркотических средств задержали и доставили Е. в РОВД, где избили его, требуя признать факт незаконного приобретения и хранения наркотических средств, за что были осуждены по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 2 ст. 302 УК РФ. В последующем приговор в части осуждения их по ч. 2 ст. 302 УК РФ был отменен, так как хотя Е. и был задержан по подозрению в преступлении, но он не был признан подозреваемым в соответствии со ст. 122 УПК РСФСР. Поэтому он не являлся потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ (подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем)[1]. Оперуполномоченные также не были субъектами преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, – следователями или лицами, производящими дознание.

Таким образом, законодатель посредством признаков субъектов отношений указывает на их предмет, выступающий видовым объектом преступления. Если же субъекты отношений в диспозиции статьи не конкретизированы, то предмет отношений можно установить через основной вред, причиненный преступлением, субъективно определяемый законодателем. Так, по мнению законодателя, основной объект преступления, предусмотренного ст. 127.2 УК РФ, – это свобода передвижения человека. Но в теории к таковому относят свободу выбора трудовой деятельности, полагая, что место этой статьи в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»[2].

Кроме того, в теории обоснованно отмечено, что преступление, предусмотренное ст. 263.1 УК РФ, посягает не на безопасность дорожного движения, а, исходя из анализа положений Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», на общую безопасность, и эта статья должна располагаться после ст. 217.1 УК РФ[3].

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 4. С. 11-12.

[2] Курсаев А. Объект преступления в составе использования рабского труда // Уголовное право. 2016. № 1. С. 42-46; Идрисов Н.Т. О соотношении понятий принудительного и рабского труда и некоторых проблемах квалификации использования рабского труда // Актуальные проблемы Российского права. 2013. № 5 // СПС КонсультантПлюс.

[3] Козун А.В. Место нарушения требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) в системе

Общественная опасность преступления определяется степенью его воздействия на предмет отношения, что не всегда учитывается при описании составов преступлений с альтернативными действиями. Так, в ч. 1 ст. 137 УК РФ предусмотрено наказание за собирание и распространение сведений о частной жизни лица, при этом собирание является приготовлением к распространению сведений и непосредственному посягательству на объект преступления – неприкосновенность частной жизни. Поэтому наказание за эти действия должно быть установлено в различных частях ст. 137 УК РФ[1].

Проблемы дифференциации ответственности, под которой понимается ее разделение в зависимости от типовой общественной опасности преступления и личности виновного и установление в уголовном законе различных правовых последствий[2] существуют и при конструировании других норм, объективная сторона которых изложена посредством альтернативных действий.

Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, выражается в изготовлении, хранении, перевозке в целях сбыта или сбыте поддельных банковских билетов, металлической монеты, ценных бумаг. Изготовление, хранение и перевозка указанных предметов, по сути, образуют приготовление к их сбыту, непосредственно причиняющему вред отношениям в сфере эмиссии денег и ценных бумаг. Поэтому ответственность за изготовление указанных предметов должна быть предусмотрена в первой части указанной статьи, а за сбыт – во второй.

Не дифференцирована ответственность и при описании объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 234, 238 УК РФ, выражающихся в изготовлении, переработке, хранении и сбыте сильнодействующих или ядовитых веществ; производстве, хранении, перевозке в целях сбыта либо сбыте товаров и продукции, выполнении работ или оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности, а равно неправомерной выдаче или использовании официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Во-первых, изготовление, переработка, хранение сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ), производство, хранение и перевозка в

норм уголовного законодательства и вопросы совершенствования состава преступлении // Российский следователь. 2016. № 11. С. 31-34.

[1] Мазуров В.А. Уголовно-правовая защита тайны : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 25.

[2] Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 52, 70.

целях сбыта товаров или продукции, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), представляют собой приготовление к их сбыту. Во-вторых, неправомерная выдача официального документа, удостоверяющего соответствие требованиям безопасности товаров, которые им не соответствуют, является пособничеством и приготовлением к совершению указанного преступления. Кроме того, субъектом выдачи официального документа, удостоверяющего безопасность товаров, являются должностные лица, а субъектом производства товаров – индивидуальные предприниматели. Поэтому представляется, что в отдельных статьях следует установить наказание за изготовление, переработку, хранение сильнодействующих или ядовитых веществ, а также за производство, хранение и перевозку в целях сбыта товаров, не отвечающих требованиям безопасности, и отдельно – за сбыт сильнодействующих или ядовитых веществ. Наказание за неправомерную выдачу официального документа, удостоверяющего соответствие товаров требованиям безопасности (хотя они им не соответствуют), также следует предусмотреть в отдельной статье УК РФ.

Учитывая изложенное, думается, что и в ч. 1 ст. 242 УК РФ следует установить наказание за изготовление в целях сбыта предметов порнографического характера, поскольку эти действия, по сути, представляют только приготовление к посягательству на объект преступления – общественную нравственность, а в ч. 2 ст. 242 УК РФ – за сбыт этих предметов.

В ч. 1 ст. 205 УК РФ установлено наказание как за совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, в целях воздействия на принятие решения органами власти, так и за угрозу совершения этих действий. Представляется, что взрыв и поджог, совершенные с целью воздействия на принятие решения органами власти, более опасны, чем только угроза их совершения, и поэтому в ст. 205 УК РФ целесообразно установить наказание за угрозу совершения взрыва, поджога и иных действий, а в отдельной статье – за совершение указанных действий[1].

Аналогичным образом сформулирована и диспозиция ст. 212 УК РФ, устанавливающая наказание за организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, а равно подготовку лица для организации

[1] Милюков С. Ф. Указ. соч. С. 244; Кочои С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. С. 50; Качество уголовного закона: проблемы Особенной части / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2017. С. 209.

таких массовых беспорядков или участия в них. В целях дифференциации ответственности в ч. 1 ст. 212 УК РФ следует установить наказание за подготовку к организации массовых беспорядков или участия в них, а в ч. 2 – за совершение массовых беспорядков.

Также различаются по общественной опасности приобретение, хранение, изготовление и сбыт оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 222 РФ). Наибольшую опасность представляет сбыт оружия и боеприпасов[1], поскольку при сбыте увеличивается количество лиц, вовлеченных в незаконный оборот оружия. Так, 66,6% из 300 опрошенных правоприменителей отметили, что общественная опасность приобретения, сбыта, хранения, перевозки предметов, перечисленных в ст. 222, 228 УК РФ, различна; 43,4% указали на наибольшую опасность сбыта. Результаты других исследователей показали, что 69% опрошенных считают, что сбыт оружия и боеприпасов более опасен по сравнению с другими деяниями, указанными в ст. 222 УК РФ[2]. Кроме этого в отдельной норме (ст. 223 УК РФ) установлено более строгое наказание за *изготовление* оружия, в отличие от ст. 218 УК РСФСР, предусматривавшей наказание за незаконное ношение, хранение, приобретение, *изготовление* или сбыт оружия. Соответственно, наказание за сбыт оружия и боеприпасов должно быть более строгим.

Установление наказания за сбыт оружия и боеприпасов в ст. 222 УК РФ наряду с их приобретением и хранением создает сложности при квалификации, когда виновный приобрел, хранил оружие, а затем пытался его сбыть. Так, действия Ю., который незаконно приобрел, хранил, носил и перевозил боеприпасы и попытался их сбыть, были квалифицированы по ч. 1 ст. 222 УК РФ и по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 222 УК РФ. Верховный Суд РФ отменил это решение, указав, что все действия, совершенные Ю., описаны в ч. 1 ст. 222 УК РФ и поэтому дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 222 УК не требуется[3]. В другом случае Б. нашел непригодный для стрельбы пистолет ИЖ-79 и патроны, которые хранил у себя дома, впоследствии передал указанный пистолет и патроны С. Первоначально Б. был осужден по совокупности преступлений,

[1] Коваленко Т.С. Приоритетные направления обеспечения общественной безопасности в области борьбы с незаконным оборотом оружия // Библиотека криминалиста. 2015. № 1. С. 65.

[2] Мальков С.М., Кац Е.А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение перевозку или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Красноярск, 2006. С. 53.

[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 12-13.

предусмотренных ч. 1 ст. 222 УК РФ – приобретение и ч. 1 ст. 222 УК РФ – сбыт. Однако Верховный Суд РФ изменил приговор, квалифицировав действия Б. как единое преступление по ч. 1 ст. 222 УК РФ[1]. Эти решения верны с позиции закона, но не здравого смысла, поскольку действия лиц, хранивших и пытавшихся сбыть или сбывших оружие и боеприпасы, более опасны, и наказание следует назначать по совокупности преступлений. В теории предложено учитывать количество альтернативных действий, выполненных виновным, при назначении наказания[2]. Но изучение приговоров, вынесенных судами Красноярского края и Кемеровской области в отношении лиц, только хранивших оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, и тех, которые наряду с хранением еще и сбыли указанные предметы, показало, что наказание ничем не отличалось (от 1 года до 2 лет лишения свободы).

Представляется, что наказание за сбыт оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств следует предусмотреть в отдельной статье УК РФ[3]. Это позволит дифференцировать ответственность и ужесточить наказание за совершение указанных действий, квалифицируя их по совокупности, и повысить предупредительное действие уголовного закона. Лицо, незаконно хранящее оружие, ничего не сдерживает от его последующей реализации. Независимо от того, будет оно сбывать оружие или нет, наказание для него будет одинаковым.

Таким образом, предмет отношений, выступающий видовым объектом преступления, устанавливается посредством признаков субъектов отношений либо причиненного преступлением вреда. Наказание за совершение преступлений, объективная сторона которых описана посредством альтернативных действий, следует устанавливать в зависимости от степени воздействия на предмет отношений.

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 4. С. 22.

[2] Благов Е.В. Квалификация покушения на преступление // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 74; Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 237.

[3] Мальков С. М., Кац Е.А. Указ. соч. С. 53.

3.2. Классификация общественных отношений и её значение

Общественные отношения складываются относительно каких-либо объектов (предметов), того, что входит в сферу потребностей людей. Классификация объектов раскрывает специфику отношений[1]. В зависимости от предмета отношений в теории все общественные отношения делят на материальные, где структурным элементом выступают физические предметы, вернее, их социальные свойства, и нематериальные (идеологические), где эти функции выполняют другие социальные ценности (например, государственная власть, духовные блага, деятельность учреждений)[2]. Представляется, что деление общественных отношений – сугубо социальной категории, не включающей в себя ничего материального, на материальные и нематериальные основано на ошибочном включении в них предметов материального мира и неверном отождествлении понятий «предмет отношений», *по поводу чего существуют* общественные отношения, и «предмет преступления», *по поводу которого или в связи с которым* совершается преступление, вследствие чего под предметом преступления понимают блага, в том числе материальные, *по поводу которых люди вступают в отношения*[3].

Материальные отношения складываются в сфере производства материальных благ, где вещи – лишь их предметное выражение[4]. Деление в уголовном праве общественных отношений на материальные и нематериальные в зависимости от того, проявляются они в предметах материального мира или нет, малопригодно. Так, не ясно, какими являются отношения, которым причиняет вред незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ)? Если оно связано с производством материальных благ, то к материальным, а если с производством нематериальных благ, то к нематериальным. На материальные или нематериальные следует делить не общественные отношения, а причиненный преступлением вред. Материальный вред – это изменения, произошедшие в материально-предметной деятель-

[1] Кривуля А.М. Указ. соч. С. 27; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1994. С. 114-115; Смитиенко В.Н. Объект преступлений против здоровья населения. Омск, 1973. С. 29.

[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 47-48; Таций В.Я. Указ. соч. С. 32–58.

[3] Уголовное право России. Общая часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1994. С. 111, 122; Панченко П.Н. Исследование объекта и предмета преступления // Проблемы борьбы с преступностью : сборник научных трудов. Омск, 1979. С. 163.

[4] Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. ЛГУ, 1966. С. 65.

ности людей в сфере производства, распределения и потребления материальных благ, состоящие в их уничтожении, повреждении, утрате либо связанные с производством и распределением запрещенных предметов и веществ. Нематериальный вред – это изменения в политической, правовой и духовной сферах общества, связанные с уничтожением, ограничением нематериальных благ либо с производством и распространением антиобщественных идей, взглядов[1].

Ю.А. Демидов все объекты уголовно-правовой охраны делит на объекты абсолютной ценности (государственный и общественный строй, общественный порядок, половая свобода женщины, честь и достоинство личности) и объекты относительной ценности (жизнь, здоровье, имущество), которым при определенных условиях допускается причинение вреда[2]. Думается, что предложенная квалификация будет иметь значение при квалификации деяний, причиняющих вреда в состоянии крайней необходимости, когда следует оценить какой вред более значимый – причиненный или предотвращенный.

В теории уголовного права досоветского периода все социальные отношения подразделяли на три сферы: частно-гражданскую, общественную и государственную, выделяя три группы правовых благ, на которые воздействуют преступления: личные – неразрывно связанные с личностью; общественные, заключающиеся в существовании и функционировании общественных союзов, и имущественные[3]. Уголовно-правовые отношения, возникающие на основании уголовно-правового запрета, по содержанию не однородны. При охране публичных благ их субъектами, с одной стороны, являются адресаты запрета, с другой – государство. При охране частных благ в структуру отношений включается еще один субъект – обладатель частного блага[4].

Представляется, что в зависимости от предмета и субъектов отношения, выступающие объектом уголовно-правовой охраны, можно условно разделить на *первичные и обеспечивающие*. Первичные отношения – это фактические отношения между физическими и

[1] Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1993. С. 18.

[2] Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1974. С. 57-61.

[3] Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные / доп. и перераб. А.А. Жижиленко. Петроград, 1926. С. 5.

[4] Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 45.

юридическими лицами, где предметом выступают интересы субъектов в пользовании благами или нахождении в определенном состоянии. К ним следует относить личные неимущественные отношения, складывающиеся по поводу реализации личных неотчуждаемых и нетоварных и нематериальных благ, неразрывно связанных с субъектом (жизнь, здоровье, достоинство). Наказание за посягательства на них как на основной объект установлено в гл. 16-20 УК РФ, предусматривающих наказание за непосредственное причинение физического, психического и морального вреда человеку.

К первичным также следует относить имущественные, экономические по своей природе отношения, имеющие эквивалентно-безвозмездный характер, их участники равноправны и независимы друг от друга[1], и существующие по поводу создания и распределения материальных благ, а также оказания услуг имущественного характера, выступающих имуществом в смысле ст. 128 ГК РФ. Эти отношения являются основным объектом преступлений, предусмотренных нормами, расположенными в гл. 21-22 УК РФ, устанавливающих наказание за причинение имущественного ущерба. При этом не все отношения, охраняемые нормами гл. 22 УК РФ, относятся к первичным. Так, финансовые и налоговые отношения, охраняемые нормами, предусмотренными ст. 186, 191-194, 198-199.2 УК РФ, не имея товарной природы, возникают по поводу исполнения обязательств по формированию бюджета и относятся к публичным. Следовательно, гл. 22 УК РФ объединяет две группы норм, предусматривающих наказание за посягательства на имущественные интересы хозяйствующих субъектов и порядок экономической деятельности[2].

К обеспечивающим следует относить отношения между физическими и юридическими лицами с одной стороны и государством с другой по поводу неприкосновенности общественной безопасности, общественного порядка, общественной нравственности и здоровья населения, которые урегулированы нормами публичных отраслей права. Ответственность за посягательства на эти отношения предусмотрена в нормах, расположенных в гл. 24-28 УК РФ. Условно их можно назвать комплексными, так как «комплексный», «кумулятивный» объект включает в себя отношения, обеспечивающие охрану

[1] Гражданское право : учебник: в 2 т. / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М., 2004. Т. I. С. 26-27.

[2] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 51. Хилюта В.В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы. М., 2012. С. 63, 132.

жизни и здоровья граждан, собственности, окружающей природной среды[1]. Комплексное общественное отношение – это не просто сумма объектов, как при разбое или вымогательстве, где два равнозначных объекта соединены в рамках одного состава преступления, а две взаимопроникающие ценности. Отсутствие дополнительного объекта исключает наличие основного объекта и всей системы в целом[2]. Ценность общественной безопасности, порядка и нравственности в том, что они обеспечивают реализацию личных неимущественных и имущественных прав не одного человека, а многих людей. Последствия воздействия на них проявляются, как правило, через определенное время, например при совершении преступлений, предусмотренных ст. 228-234.1, 246-262 УК РФ, либо вред причиняется опосредованно вследствие нарушения определенных правил безопасности – ст. 216-219, ст. 263-269 УК РФ, когда жизнь и здоровье человека охраняется на «дальних подступах»[3]. Вред этим отношениям выражается в причинении имущественного ущерба не конкретным потерпевшим, субъектам первичных отношений, например, предусмотренного ст. 167 УК РФ, а в причинении имущественного ущерба либо создании угрозы причинения различного по характеру вреда неограниченному кругу лиц (ст. 215.1, 215.2, 215.3 УК РФ), причинении вреда здоровью неограниченному кругу лиц (ст. 254, 264 УК РФ).

К обеспечивающим следует относить и отношения между физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и государством в лице его органов – с другой, урегулированные нормами публичных отраслей права. Их функционирование обеспечивает неприкосновенность первичных и комплексных отношений. Это отношения в сфере управления, возникающие по поводу осуществления государственно-управленческой деятельности, в рамках которых реализуются функции и полномочия исполнительской, законодательной и судебной власти[4]. Наказание за посягательство на эти отношения предусмотрено в гл. 29-33 УК РФ, где установлено наказание

---

[1] Комиссаров В.С. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления : сб. статей по итогам международной практической конф. 14-15 сентября 2007 г. Н.Новгород, 2008. С. 273; Карабанова Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 133-134.

[2] Ораздурдыев А.М. Проблема множественности объектов и парных субъектов в понятии простого преступления // Российский следователь. 2013. № 15 // СПС КонсультантПлюс.

[3] Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 51-52.

[4] Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова. М., 2002. С. 35-43.

за посягательства на управление общественными процессами и причиняющие организационный вред[1]. Условно их можно назвать управленческими отношениями. При посягательстве на них спектр причиненного вреда включает в себя не только физический вред здоровью и имущественный ущерб, но и организационный и моральный вред, охватываемый формулировками «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций» либо «охраняемых законом интересов общества или государства» (ст. 285 УК РФ). В соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, следует понимать такие последствия, как крупные аварии, длительная остановка транспорта или производственного процесса, иное нарушение деятельности организации, причинения значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство потерпевшего.

Верховный Суд РФ определением от 23 октября 2013 г. № 16-Д13-24 признал обоснованным осуждение по ч. 3 п. «а» ст. 286 УК РФ Ш., действия которого выразились в незаконном возбуждении уголовного дела против А. в совершении им тяжкого преступления, которого тот не совершал, его задержании в порядке ст. 91 УПК РФ и содержании в ИВС в течение более трех суток, избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде. Это нарушило конституционное право А. на свободу передвижения и повлекло потерю работы в должности директора магазина, невозможность длительное время трудоустроиться, сообщение информации в СМИ отразилась на репутации А., в связи с чем он вынужден был переехать в другой город. Кроме того, действиями Ш. были нарушены охраняемые законом интересы государства в виде престижа и авторитета органов внутренних дел. Таким образом, нарушение порядка функционирования органов государственной службы повлекло за собой причинение вреда в самых различных сферах жизнедеятельности.

Из-за важности этих отношений деяния, посягающие на них, признаются преступлениями без указания последствий, которые разнообразны и отдалены от деяния, например получение и дача взятки (ст. 290-291 УК РФ), побег (ч. 1 ст. 313 УК РФ), воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ), фальсификация доказа-

[1] Сабитов Р.А. Учение о последствиях преступления М., 2015. С. 387-389.

тельств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), подделка документов (ст. 327 УК РФ).

Нормы, устанавливающие наказание за посягательство на обеспечивающие отношения, соотносятся с некоторыми нормами, предусматривающими наказание за причинение вреда личным неимущественным и имущественным отношениям как целое и часть. Как целое до определенного времени рассматривалась норма, предусматривающая наказание за бандитизм (ст. 209 УК РФ), по отношению к нормам (частям), предусматривающим наказание за преступления против личности, когда нападения, совершенные участниками банды, охватывали причинение любого вреда. В настоящее время все преступления, совершенные участниками банды, следует квалифицировать по совокупности, что влечет дважды вменение одних и тех же последствий. Так, Конституционный Суд РФ в определении от 8 апреля 2001 г. № 601-00 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 240 и статьей 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 209 УК РФ, и разбой, совершенный организованной группой (ч. 4 ст. 162 УК РФ), образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности. Поэтому назначение наказания за них по совокупности преступлений не может рассматриваться как осуждение дважды за одно и то же.

Представляется, что разбой, совершенный организованной вооруженной группой (ч. 4 ст. 162 УК РФ), ничем не отличается от участия в совершаемых бандой нападениях, которые, как правило, характеризуются корыстной целью. Так, в ч. 2 ст. 184 УК РСФСР 1922 г., предусматривавшей ответственность за разбой, в качестве квалифицирующего признака было установлено наказание за его совершение группой лиц (бандитизм)[1]. Учитывая это и то, что практике не известны случаи привлечения к ответственности за создание банды и фактически невозможно разграничить создание банды и приготовление к разбойному нападению организованной вооруженной группой (ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 162 УК РФ) или совершению убий-

[1] Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (197-1937 гг.). М., 1938. С. 121.

ства (ч. 1 ст. 30 ч. 2 п. ж ст. 105 УК РФ), обоснованным представляется исключить из УК РФ ст. 209[1].

Аналогичным образом изменилась ситуация с квалификацией хулиганства (ст. 213 УК РФ), ранее включавшего причинение вреда здоровью средней тяжести. В настоящее время причинение даже легкого вреда требует дополнительной квалификации по ч. 2 п. «а» ст. 115 УК РФ по признаку «из хулиганских побуждений». Конструктивным признаком хулиганства является применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Причинение любого вреда здоровью следует квалифицировать по совокупности с ч. 2 ст. ст. 115, 112, 111 УК РФ по признакам «из хулиганских побуждений», и «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Из квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных указанными статьями, следует исключить признаки «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия», чтобы избежать дважды вменения признака, характеризующего способ преступления[2].

Если виновный посягает на предмет, выражающий различные свойства, то тогда нормы, устанавливающие наказание за посягательства первичные и обеспечивающие отношения соотносятся как общая и специальная. Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», если ущерб, причиненный в результате вандализма, является значительным, деяние следует квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Это перечеркивает идею криминализации вандализма и нарушает правила квалификации при конкуренции общей и специальной норм, изложенных в ч. 3 ст. 17 УК РФ[3]. Поэтому ст. 214 УК РФ следует дополнить квалифицирующим признаком – с причинением значительного ущерба[4], поскольку виновный посягает на первичные и обеспечивающие отношения.

Потерпевший может выступать субъектом отношений как в сфере управления, так и в сфере правосудия как разновидности

---

[1] Хилюта В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. 2012. № 3. С. 42-43; Иванчин А.В. Указ. соч. С. 129-133.

[2] Сидоренко Э.Л. Квалификация совокупности преступлений, совершаемых с применением оружия // Библиотека криминалиста. 2015. № 4. С. 83.

[3] Точка А.В. Объективная сторона вандализма: направления оптимизации легального описания // Закон и право. 2013. № 10. С. 94.

[4] Черемнова М.А. Отграничение умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества от вандализма // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6.

управленческих отношений. Так, действия Б., совершившего побег из-под стражи с применением насилия в отношении сотрудника полиции, были квалифицированы Верховным Судом РФ по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 313 и ч. 2 ст. 318 УК РФ на том основании, что указанные преступления отличаются по объекту: побег посягает на правосудие, а преступление, предусмотренное ст. 318 УК РФ, – на порядок управления[1]. Представляется, что действия Б. следовало квалифицировать только по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 313 УК РФ, специальной норме по отношению к ч. 2 ст. 318 УК РФ, поскольку осуществление правосудия – это одна их форм государственного управления.

В ряде случаев возможна совокупность преступлений, посягающих на первичные и обеспечивающие отношения. Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» действия водителя транспортного средства, поставившего потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия в опасное для жизни или здоровья состояние и в нарушение Правил дорожного движения (п. 2.5) не оказавшего ему необходимую помощь, если он имел возможность это сделать, подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 264 и 125 УК РФ. Это положение критикуют, так как лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, дважды подлежит ответственности. Критики ссылаются на решения Верховных Судов РСФСР и РФ, исключавших из обвинения оставление в опасности ст. 125 УК РФ (ст. 127 УК РСФСР), поскольку у совершившего преступление нет обязанности минимизировать последствия[2]. Действительно, вменение виновному в причинении тяжкого вреда здоровью преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, излишне, поскольку в этом случае применяются две нормы, устанавливающие наказание за посягательство на первичные отношения, в то время преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, посягает на обеспечивающие отношения, и лицо, управляющее транспортом (источник повышенной опасности), обязано оказать потерпевшему помощь. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, заключается в том, что виновный дестабилизирует

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 3. С. 41-42.

[2] Козун А.В., Розумань И.В. Спорные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 264 и 125 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2012. № 4. С. 40-41.

безопасное функционирование транспорта и не минимизирует последствия совершенного им дорожно-транспортного происшествия, создавая реальную угрозу причинения более тяжкого вреда здоровью[1]. Таким образом, нарушение правил дорожного движения (ч. 1 ст. 264 УК РФ) и оставление места дорожно-транспортного происшествия посягают как на первичные, так и обеспечивающие отношения. Поэтому их следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 264 и 125 УК РФ.

Определение вида отношений, которым причинен вред, имеет значение при конструировании норм и указании на момент окончания преступления. При посягательстве на отношения в сфере управления, в том числе и экономики, причинение имущественного ущерба не должно учитываться для признания деяния преступлением. Так, запрет, установленный в ст. 170.1 УК РФ, препятствует противоправному установлению контроля над компанией посредством искажения данных о её учредителях. Объектом этого преступления выступают отношения по управлению экономикой. Поэтому излишним является указание на цель его совершения – приобретение права на чужое имущество, иначе противоправное установление контроля над предприятием, имеющим только долги, нельзя будет признать преступным[2].

Вид отношений, выступающих объектом преступления, определяет содержание и формулировку квалифицирующего признака «совершение хищения с использованием служебного положения» (ч. 3 ст. 159 ч. 3 ст. 160, п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ). Согласно п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – постановление № 48) под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ (например, лицо, использующее для хищения свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации). Соответственно, субъектами пре-

[1] Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003. С. 142.

[2] Яни П. Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? // Законность. 2012. № 12. С. 17-18.

ступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ, посягающих на имущественные отношения, являются лица, наделенные полномочиями по осуществлению контроля, управлению и учету имущества учреждения, предприятия или организации[1].

Служащий – это лицо, осуществляющее управленческую либо иную юридически значимую деятельность, непосредственно не связанную с производством материальных благ или оказанием материальных услуг, а также интеллектуальное или документальное обслуживание управленческой или иной деятельности[2]. По объему полномочий служащие делятся на руководителей; специалистов (исполнителей, не имеющих распорядительных полномочий) и вспомогательный (обслуживающий) персонал[3]. Следовательно, можно выделить два вида служащих: наделенные управленческими полномочиями и выполняющие исключительно технические действия. Хищение вверенного имущества служащим можно квалифицировать по ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 160 УК РФ, когда он осуществляет управленческую или иную юридически значимую деятельность либо её интеллектуальное или документальное обслуживание. Поэтому обоснованно решение Московского городского суда, указавшего, что субъектами преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ (ч. 3 ст. 160 УК РФ), являются *должностные лица и иные служащие,* использующие своё служебное положение для присвоения имущества. Действия Г., водителя автобетоносмесителя, осуществлявшего правомочия в отношении вверенного ему имущества (бетона) не в связи с занимаемой должностью, а в связи с выполнением своих производственных функций по его перевозке и доставке на основании товарно-транспортной накладной, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 160 УК РФ[4].

Применительно к комплексным (обеспечивающим) отношениям содержание данного квалифицирующего признака иное. В п. 15 постановления № 5 отмечается, что под хищением оружия с использованием своего служебного положения следует считать хищение их как лицом, которое наделено служебными полномочиями, связанными с оборотом оружия, в частности его использованием, произ-

[1] Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 168.

[2] Егорова Н. Служащий как специальный субъект в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 2. С. 27; Кузнецов А.А. Использование служебного положения при совершении преступлений в сфере экономики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 18.

[3] Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. С. 171-172.

[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 2. С. 20.

водством, учетом, хранением, передачей, изъятием и т.д., так и лицом, которому они выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей (часовым, вахтером или инкассатором во время исполнения ими служебных обязанностей и т.п.). Аналогичным образом служебное положение трактуется и в п. 23 постановления № 14, где под использующим свое положение (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) следует понимать как должностное лицо, так и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами. Например, при изготовлении лекарственных препаратов таким лицом может являться провизор, лаборант, при отпуске и применении – работник аптеки, врач, медицинская сестра, при их охране – охранник, экспедитор. Соответственно, под служащим, использующим свое служебное положение, применительно к хищениям оружия и наркотических средств, посягающим на комплексные отношения, Верховный Суд РФ понимает служащих, осуществляющих юридически значимые действия или выполняющих *технические функции,* поскольку оружие и наркотические средства изъяты из гражданского оборота и не каждый человек имеет к нему доступ. Представляется обоснованным указать рассматриваемый признак при формулировке норм, устанавливающих наказание за посягательство на обеспечивающие отношения, как «совершение преступления при использовании своих служебных полномочий или профессиональных функций»[1].

Вопрос о том, вред был причинен имущественный или в сфере управления, может быть решен исходя из правомочий субъекта преступления. Так, согласно ст. 332 ГК РФ кредитор вправе требовать оплаты неустойки, определенной законом, независимо от того, предусмотрена ее уплата соглашением сторон или нет. Поэтому если виновный забирает имущество, равное по стоимости с учетом инфляции и учетной ставки банковского процента сумме долга, налицо оспариваемое право, и действия лица, причинившего существенный вред, следует рассматривать как самоуправство, а не преступление против собственности[2].

При посягательстве на первичные имущественные отношения вред выражается в причинении имущественного ущерба, а при пося-

[1] Мирошниченко Н.В. Указ. соч. С. 199. Поэтому вряд ли возможен единый подход относительно его содержания, как это предложено в теории. См. Иногамова-Хегай Л., Черебедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. 2008. № 4. С. 29.

[2] Ступина С.А. Указ. соч. С. 71.

гательстве на обеспечивающие – в причинении организационного вреда. В связи с этим рассмотрим разграничение вымогательства (ст. 163 УК РФ) и самоуправства (ст. 330 УК РФ) на конкретном примере. В январе 1996 г. Л. передал во временное пользование магнитофон, который в процессе использования пришел в негодность, за что Л., потребовал от К. 100 000 рублей. К. согласился, но в установленный срок деньги не отдал. В конце февраля Л. потребовал от К. новый магнитофон или 250 000 рублей. В начале апреля имущественное требование возросло до 500 000 рублей, а с апреля того же года до 1500 000 рублей. При этом Л. и неустановленные следствием лица применили к К. насилие, повлекшее кратковременное расстройство здоровья. Владимирский областной суд квалифицировал действия Л. как самоуправство, поскольку Л. не преследовал цели завладеть имуществом, а лишь требовал у К. деньги за сломанный магнитофон[1]. Однако очевидно, что Л. выдвинул явно несоразмерное требование, желая обогатиться за счет К.[2]. Учитывая, что виновный причинил имущественный ущерб, а не организационный вред, его действия следовало квалифицировать по ст. 163 УК РФ.

Таким образом, деление отношений, выступающих объектом преступления, учитывается при решении вопроса о конструировании норм, их расположении в Особенной части УК РФ и квалификации.

3.3. Увеличение объема обеспечивающих отношений и эффективность норм уголовного права

Учитывая, что обеспечивающие отношения охраняют неприкосновенность личных неимущественных и имущественных отношений на «дальних подступах», большинство составов, предусматривающих наказание за посягательства на комплексные и управленческие отношения, сформулированы как формальные, когда, по сути, преступление нарушает запрет, установленный государством. В то время как при посягательстве на первичные (личные неимущественные и имущественные) отношения учитывается причинение фактического вреда (за исключением ряда норм, например, ст. 162, 163 УК РФ, когда преступление окончено в момент совершения действий, указанных в диспозиции нормы).

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 11. С. 8-9.

[2] Хилюта В.В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. М., 2016. С. 431.

При конструировании нормы и установлении её места в системе Особенной части УК РФ необходимо определиться с тем, первичные или обеспечивающие отношения выступают основным объектом. Иначе это ведет к недооценке общественной опасности деяний. Так, по мнению законодателя, реализация гражданами своих избирательных прав признается наибольшей ценностью, поэтому наказание за посягательства против порядка проведения выборов предусмотрено в нормах, расположенных в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека гражданина». Представляется, что основным видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 141, 141-2, 142, 142.1 УК РФ, являются отношения в сфере формирования органов власти и органов местного самоуправления. Одним из их субъектов выступает государство, и опасность этих преступлений выражается не в нарушении избирательных прав граждан, а в возможности захвата власти «легитимным» путем. Поэтому эти нормы следует объединить в главе «Преступления против порядка проведения выборов и референдумов» в разделе X «Преступления против государственной власти»[1].

Также неверно определен основной объект преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ. По мнению законодателя, таковым являются отношения в сфере реализации свободы вероисповедания как одного из личных прав граждан (первичные отношения). Представляется, что указанные действия причиняют вред не чести и достоинству конкретных очевидцев событий, а более широкому кругу отношений, включающих в себя не только верующих, но и лиц, исповедующих другую религию, и тех, кто считает себя атеистами. Это преступление посягает на общественную нравственность (обеспечивающие отношения), и наказание за его совершение должно быть предусмотрено в гл. 25 УК РФ. Закон должен запрещать публичное совершение действий, выражающих явное неуважение к содержанию религиозного культа, символизирующим его правилам, предметам, обрядам и местам проведения, сопровождающихся грубым нарушением общественного порядка[2].

---

[1] Толстикова И.Н. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о выборах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 14; Коняхин В., Жук М. Система институтов Особенной части Российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации // Уголовно право. 2012. № 1. С. 38.

[2] Бахметьев П.В. Об объекте и социальной направленности действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 2. 46-52; Коняхин В.П., Бахметьев П.В. Ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение

Далее, по мнению законодателя, опасность незаконной организации и поведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) выражается в неполучении государством денег в виде налогов от этой деятельности. Поэтому ответственность за указанные действия предусмотрена в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Думается, что объектом данного преступления являются отношения в сфере государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории РФ в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан[1]. Оно посягает не на первичные (имущественные), а на обеспечивающие (комплексные) отношения. Опасность указанных действий выражается не в причинении имущественного ущерба государству в виде неполучения должного от игорной деятельности, а в причинении вреда обществу, выражающегося в деградации личности игроков, распаде их семей и т.д. Эта норма должна располагаться в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»[2].

От того, к первичным или обеспечивающим отношениям отнесен законодателем объект преступления, зависит эффективность уголовно-правового запрета. Вследствие проблем применения положений ст. 177 УК РФ её предложено декриминализировать. Если размер кредиторской задолженности не превышает один миллион пятьсот тысяч рублей, то в действиях субъекта – простого гражданина нет состава преступления. В то время как если от уплаты кредиторской задолженности злостно уклоняется представитель власти, государственный служащий, служащий органа местного самоуправления, государственного муниципального учреждения, коммерче-

к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский судья. 2017. № 10. С. 38-39. В Госдуме РФ рассматривался законопроект о дополнении УК РФ ст. 243.1, устанавливающей наказание за публичное оскорбление, унижение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний религиозных объединений, а также за осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения богослужения, других религиозных обрядов, а равно повреждение и (или) уничтожение таких предметов (мест) // Уголовный процесс. 2012. № 10. С. 7.

[1] Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 2012. С. 53.

[2] В первоначальном варианте норма, устанавливающая наказание за незаконную организацию игорного заведения, должна быть расположена главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Азартные игры с Уголовным кодексом // Известия. 2010. 28 сентября.

ской или иной организации, то это будет преступлением вне зависимости от размера кредиторской задолженности (ст. 315 УК РФ). Поэтому обоснованно предложение установить в ч. 1 ст. 315 УК РФ наказание за неисполнение решения суда физическим лицом, а в ч.2 – за неисполнение решения суда представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, служащим государственного муниципального учреждения, коммерческой или иной организации[1]. Это закрепит положение о том, что основным видовым объектом неисполнения решений суда выступают интересы правосудия (обеспечивающие отношения).

В ст. 174-174.1 УК РФ установлено наказание за совершение финансовых операций и сделок с имуществом, приобретенным преступным путем, в целях придания ему правомерного вида. Запрет, сформулированный в указанной статье, полностью спроецирован с Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма», который регулирует отношения между гражданами, осуществляющими операции с денежными средствами, и органами, осуществляющими контроль за проведением операций с денежными средствами или иным имуществом в целях выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма. Думается, что запрет, установленный в ст. 174 УК РФ, предназначен не для воспрепятствованию попадания в экономический оборот имущества, полученного преступным путем, а для пресечения возможности лица, совершившего преступление, пользоваться этим имуществом. Легализацией имущества, полученного преступным путем, следует признавать не только совершение сделок и финансовых операций, но содействие лица, не являющегося соучастником преступления, другому лицу в создании препятствий по выявлению, обнаружению, изъятию, аресту или конфискации имущества, составляющего доход или иную выгоду от преступления (оформление документов на похищенный автомобиль), и наказание за него должно быть предусмотрено в гл. 31 УК РФ «Преступления против

[1] Гонтарь Д., Гребенкин Ф. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда или иного судебного акта // Уголовное право. 2005. № 3. С. 27; Романовский М.А., Рагозина И.Г. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: законодательная конструкция и вопросы правоприменения // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 36-37.

правосудия»[1]. Это еще раз подтверждает, что уголовное право обладает собственным предметом правового регулирования, определяемого общественной опасностью деяний. Отрицание этого факта ведет к пробелам в уголовно-правовом регулировании отношений.

На основании изложенного спорным представляется наличие ст. 174.1 УК РФ, устанавливающей наказание за легализацию имущества, полученного лицом в результате совершения преступления, когда виновный, получая имущество при совершении преступлений: хищение, сбыт наркотиков, получение взятки и распоряжаясь им, вновь подлежит ответственности.

Принуждение к сделке возможно не только в сфере экономики, когда действия лица можно квалифицировать по ст. 179 УК РФ, которой не охватываются ситуации принуждения к отказу от иска в споре о том, с кем после развода останутся дети, а также к отказу от заключения трудового договора. Поскольку такие действия общественно опасны, в теории обоснованно предложено установить наказание за принуждение к совершению либо отказу от любых действий, расположив эту норму в гл. 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» либо в гл. 32 УК РФ «Преступления против порядка управления»[2]. Представляется, что место нормы, предусматривающей наказание за указанные действия, в гл. 32 УК РФ, поскольку виновный посягает на порядок управления.

Перевод законодателем отношений из первичных в обеспечивающие увеличит их объем, повысив эффективность действия уголовного закона. Это возможно посредством наделения одного из субъектов отношений властно-публичными полномочиями. Так, обоснованно мнение, что ответственность частного нотариуса, совершающего нотариальные действия (ст. 202 УК РФ), должна быть предусмотрена в гл. 30 УК РФ, поскольку он, выполняя функции представителя власти, наделен распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости[3]. В этой же главе обоснованно предложено установить ответственность преподавателей негосударственных образовательных учреж-

[1] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. С. 532; Васильев А. Объект преступления при легализации доходов от преступной деятельности // Законность. 2004. № 9. С. 2-5.

[2] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 536; Хилюта В. Всегда ли преступно принуждение к совершению сделки? // Законность. 2013. № 2. С. 48-49.

[3] Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 56; Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб., 2006. С. 223.

дений, имеющих государственную аккредитацию, осуществляющих образовательную деятельность, уполномоченных выдавать документ об образовании от имени государства[1].

При этом не совсем обоснованно нахождение норм, предусмотренных ст. 285.1, 285.2 УК РФ, в гл. 30. Эти деяния, исходя из последствий их совершения, прежде всего посягают на имущественные отношения в сфере экономики, а не управления[2].

Поскольку одним из субъектов обеспечивающих отношений выступает государство, рассмотрим особенности уголовно-правовой охраны его интересов в сфере экономики. Так, при получении налогов, сборов, таможенных платежей и эмиссии денег государство выступает субъектом не гражданско-правовых, а административных (публичных) правоотношений. Учитывая, что от формирования бюджета и регулируемой денежной массы зависит устойчивость государственных институтов, при уклонении от уплаты налогов (ст. 198-199-2 УК РФ), контрабанде (ст. 200.1, 200.2 УК РФ) вред причиняется государству. Как указал Конституционный Суд РФ налог – необходимое условие существования государства, поэтому обязанность платить налоги распространяется на всех налогоплательщиков в качестве безусловного требования государства. В обязанности налогоплательщика воплощен публичный интерес всех членов общества. Поэтому государство вправе и обязано регулировать налоговые правоотношения в целях защиты прав и законных интересов не только налогоплательщиков, но и других членов общества[3]. Общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, т.е. умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить налоги и сборы, заключается в не поступлении денежных средств в бюджетную систему РФ[4]. Неуплата уплаты налога как публично-правовой обязанности посягает на интересы государ-

---

[1] Векленко В.В., Борков В.Н. Определение субъекта должностных преступлений нуждается в совершенствовании // Библиотека криминалиста. 2015. № 3. С. 60.

[2] Егорова Н.А. Дифференциация и унификация уголовной ответственности за управленческие преступления. Волгоград, 2010. С. 104-105.

[3] По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» : постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П.

[4] О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64.

ства, представляющего интересы всего общества[1]. Отношениям в сфере управления экономикой (обеспечивающим), а не в сфере экономической деятельности (первичным) причиняет вред и преступление, предусмотренное ст. 186 УК РФ, посягающее на монополию государства по эмиссии денег[2]. В советский период нормы, такие преступления как уклонение от уплаты налогов, контрабанда, подделка денег, признавались преступлениями против государства либо порядка управления, поскольку в запретах, сформулированных в этих статьях, проявляется властная воля государства по отношению к субъектам[3]. Учитывая, что преступления, предусмотренные ст. 186, 189, 191, 191.1, 192, 193, 198-199-2, 200.1, 200.2 УК РФ, посягают не на отношения равноправных субъектов по поводу производства материальных благ, а на интересы государства по управлению экономикой, ответственность за их совершение должна быть установлена в разделе X «Преступления против государственной власти», в предусмотренной для этого главе «Преступления против экономической безопасности государства». Это позволит обосновать ужесточение наказания за совершение преступлений, посягающих на основы существования государства[4]. В то же время подделка с целью сбыта и сбыт ценных бумаг посягают на отношения в сфере экономической деятельности (имущественные отношения). Наказание за это должна быть предусмотрена в норме, расположенной в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

Таким образом, перевод первичных отношений в обеспечивающие увеличит объем охраняемых уголовным законом отношений и повысит его эффективность. Это возможно посредством наделения одного из субъектов отношений властно-публичными полномочиями.

---

[1] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 266.

[2] Аминов Д.И. Защита кредитно-банковских операций от преступных посягательств при электронных платежах // Журнал российского права. 1999. № 11. С. 54; Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. С. 265.

[3] Аистова Л. Соотношение норм частного и публичного права в преступлениях в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2004. № 4. С. 4.

[4] Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1995. С. 48; Мамилов К.В. Уголовно-правовые основания уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 14.

3.4. Виды отношений и применение норм уголовного права при причинении вреда двум и более потерпевшим

Поскольку субъект отношений выступает их основным структурным элементом, количество социальных связей, из которых отношения состоят и на которые воздействует виновный, должно учитываться при квалификации и назначении наказания. В ряде случаев это обстоятельство учтено в законе в форме таких квалифицирующих признаков, как совершение преступления в отношении двух и более лиц, например п. «а» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «ж» ч. 2 ст. 126, ч. 5 ст. 264 УК РФ. Это не позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от количества уничтоженных социальных связей. В первоначальной редакции п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ следовало квалифицировать убийство двух и более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно. Соответственно, если умысел на убийство одного, а затем и второго лица возник в разное время, действия виновного следовало квалифицировать как убийство, совершенное неоднократно.

Исключив неоднократность преступлений, законодатель в ст. 17 УК РФ указал, что совокупность преступлений отсутствует, если совершение двух и более преступлений предусмотрено статьями Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» убийство двух и более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такое решение обусловлено стремлением ужесточить наказание за совершение двух «неквалифицированных» убийств, предоставив суду возможность назначать смертную казнь и не пересматривать вынесенные ранее приговоры в отношении лиц, осужденных по п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Таким образом, Верховный Суд РФ не проводит разграничения между одновременными и разновременными, не связанными между собой убийствами двух и более лиц, хотя самостоятельно возникший умысел – это показатель совокупности преступлений.

Более обоснованным представляется вернуть в УК РФ институт неоднократности, дополнив его положением о том, что если неоднократность преступлений предусмотрена в статьях Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, каждое из входящих в него преступлений квалифицируется самостоятельно и образуют совокупность преступлений[1]. Это обосновывается тем, что в действиях виновного, совершающего повторное преступление, содержится иной состав преступления, отличающийся от первого по содержанию субъективной стороны, так как, совершая преступление аналогичного первому, виновный осознает не только его общественную опасность, но и то, что совершает преступление неоднократно[2].

В то же время при одновременном посягательстве на разных «специальных» потерпевших квалификация меняется. Так К., изучив маршрут движения автобуса, в котором ездили сотрудники милиции, и осознавая, что вместе с работниками милиции погибнут и другие люди, дал совет организаторам преступления совет о месте установления взрывного устройства. Определением Верховного Суда РФ от 15 мая 2014 г. № 20-О14-2-сп был оставлен в силе приговор, согласно которому действия К. были квалифицированы по ч. 5 ст. 33 ст. 317 УК РФ и ч. 5 ст. 33 п. «е», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Это, по мнению Е.Н. Карабановой, парадоксально, поскольку охватываемое единым умыслом посягательство на нескольких специальных потерпевших квалифицируют как одно деяния (например, ст. 317 УК РФ), а те же самые действия, но со смешанным составом потерпевших, образуют идеальную совокупность преступлений[3].

Кроме того, действия виновного, нарушившего правила дорожного движения, одновременно причинившего смерть двум и более лицам, следует квалифицировать по ч. 5 ст. 264 УК РФ. Если же он, разновременно нарушив правила, причинит смерть двум потерпевшим, то – по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ. Получается, что причинение в различное время смерти двум лицам вследствие нарушения правил безопасности дорожного движения квалифицируют по совокупности преступлений, а убийство двух и более лиц, совершенных как одновременно, так и разновременно, – по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

---

[1] Побегайло Э. Кризис современной уголовной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112.

[2] Караев Т.Э. Повторность преступлений. М., 1983. С. 58.

[3] Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектного преступления по мотиву и цели // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 33.

Исходя из санкции нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 105 УК РФ, виновному за два убийства может быть назначено наказание до 20 лет лишения свободы, а при квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ, – до 22 лет и 6 месяцев лишения свободы. Кроме этого, согласно позиции Верховного Суда РФ, убийство одного человека и покушение на убийство другого не могут рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух и более лиц. Независимо от последовательности действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30, и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Наказание по совокупности преступлений за неоконченное и оконченное преступление может быть назначено более строгое, чем за одно оконченное, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Для устранения этого противоречия УК РФ предложено дополнить ст. 105.1 «Посягательство на жизнь двух и более лиц», установив в ч. 1 ответственность за убийство одного лица и покушение на жизнь другого лица, а в ч. 2 – ответственность за убийство двух и более лиц и покушение на жизнь одного (двух и более лиц),[1] либо формулировку «убийство двух и более лиц» заменить на «посягательство на жизнь двух и более лиц», где под посягательством следует понимать не только умышленное причинение смерти, но и покушение на убийство, дополнив этим особо квалифицирующим признаком ч. 3 ст. 105 УК РФ[2].

Наличие в УК РФ такого квалифицирующего признака, как причинение вреда двум и более лицам, не стимулирует виновного к прекращению преступной деятельности (умышленно причинив вред здоровью одного потерпевшего, он ничем не сдерживается от причинения вреда здоровью второго, третьего и т.д.) и вызывает сложности при квалификации, когда вред одному потерпевшему был причинен, а другому, по не зависящим от виновного обстоятельствам – нет, а также когда в одном убийстве виновный выступал исполнителем, а в другом пособником[3].

Возможно, выходом из создавшейся ситуации была бы квалификация действий виновного по ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнение ч. 3 ст. 66 УК РФ положением о том, что при частич-

---

[1] Ситникова А. Реальные и фиктивные покушения на преступления // Уголовное право. 2005. № 5. С. 53; Редин М.П. Квалификация единых преступлений при частичном наступлении вреда // Следователь. 2004. № 2. С. 15-16.

[2] Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 51.

[3] Карпов К. Значение толкования признака совершения преступления «в отношении двух более лиц» для квалификации и назначения наказания // Уголовное право. 2015. № 2. С. 42, 44.

ном наступлении последствий, к которым стремился виновный, наказание может быть назначено свыше ¾ от максимального срока и размера наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части за оконченное преступление[1], либо дополнением ст. 105 УК РФ частью 3, установив в ней наказание за массовое убийство до 25 лет лишения свободы[2].

Представляется, что от такого квалифицирующего признака, как совершение преступления в отношении двух и более лиц, когда виновный непосредственно посягает на личные неимущественные отношения, следует отказаться. Это соответствовало бы положению Конституции РФ о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Каждое умышленное посягательство на личность получило бы самостоятельную правовую оценку в форме идеальной совокупности преступлений, поскольку потерпевший выступает основной структурным элементом социальной связи как непосредственного объекта преступления[3]. По мнению Е.Ю. Пудовочкина, если в статье УК РФ нет квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух и более лиц», то такие факты следует квалифицировать по правилам совокупности преступлений вне зависимости от того, охватывалось ли содеянное одним намерением виновного или нет[4]. Авторы одного из проектов Уголовного кодекса РФ совокупностью преступлений предлагают признавать и совершение однородного преступления в отношении нескольких потерпевших[5].

Данное положение косвенно подкрепляется и судебной практикой. Так, действия Н. были квалифицированы по совокупности

---

[1] Ткачев И.О. Множественность потерпевших и её значение при квалификации убийств : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 20-21.

[2] Милюков С. Ф. Указ. соч. С. 216.

[3] Жеребцов А.П. Квалификация преступлений, совершенных в отношении двух и более лиц // Совершенствование практики применения уголовного законодательства сотрудниками органов внутренних дел : сб. статей. Екатеринбург, 2005. С. 48; Молчанов Д.М. Умышленные преступления в отношении двух и более лиц: проблемы квалификации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы VII международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. М., 2011. С. 341. В отечественном дореволюционном законодательстве такого квалифицирующего признака не было.

[4] Пудовочкин Е.Ю. Некоторые вопросы квалификации совокупности преступлений // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 366.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект / Н.А. Лопашенко [и др.] // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 23.

преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ, за то, что он последовательно выстрелил из пистолета сначала в одного, а затем во второго сотрудника милиции, причинив, по сути, вред личным неимущественным отношениям, о чем сказано ранее. Верховный Суд РФ в постановлении от 18 июля 2008 г. № 163-П08 исключил совокупность, указав, что самостоятельность умысла виновного на убийство одного потерпевшего, а затем второго *не была доказана*. Также Верховный Суд РФ в определении от 20 июня 2012 г. № 66-012-43 при назначении наказания за два посягательства на сотрудников правоохранительных органов исключил обстоятельство, отягчающее наказание, – наступление тяжких последствий (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

По делу Х., действия которого были квалифицированы по совокупности преступлений по ч. 1 ст. 297 УК РФ, за то, что он во время судебного заседания оскорбил четырех человек, Верховный Суд РФ в постановлении от 21 мая 2008 г. № 120-П08 исключил совокупность преступлений, квалифицировав его действия только один раз по ч. 1 ст. 297 УК РФ, указав, что в ст. 297 УК РФ установлено наказание за оскорбление участников судебного разбирательства, все действия Х. совершил с единым умыслом в отношении участников одного судебного разбирательства. Эту редакционную неточность следует устранить, так как при буквальном толковании диспозиции ч. 1 ст. 297 УК РФ оскорбление одного участника судебного разбирательства не признается преступлением. Как видим, суды справедливо пытаются отразить факт причинения вреда не одному, а двум и более лицам, квалифицируя действия виновного по совокупности преступлений, если в статье не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления в отношении двух и более лиц. Но Верховный Суд РФ изменяет ее, не отражая в своих решениях это обстоятельство.

Квалификация умышленного причинения вреда личным неимущественным отношениям по совокупности преступлений обоснованна только при причинении вреда жизни, здоровью, чести, достоинству и свободе передвижения. При совершении преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, причинившего ущерб автору или правообладателю, количество потерпевших не должно влиять на квалификацию, поскольку в реальности виновный редко нарушает права одного правообладателя в крупном размере. Согласно п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» при установлении раз-

мера ущерба следует исходить из количества контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, принадлежащих различным правообладателям. Речь идет не о размере ущерба, а о масштабе нарушенных авторских прав. Нет совокупности преступлений и при невыплате заработной платы (ст. 145.1 УК РФ) нескольким работникам[1]. Хотя преступления, предусмотренные ст. 145.1, 146, 147 УК РФ, посягают на личные неимущественные отношения, они все же причиняют непосредственно и имущественный ущерб.

Виновный может причинить вред двум и более лицам, посягая на имущественные отношения, когда это обстоятельство также не учитывается, хотя должно ужесточать наказание. Так, потерпевшими от действий С. Мавроди (осужден к 4,5 годам лишения свободы, в то время как санкция ч. 3 ст. 147 УК РСФСР (ст. 159 УК РФ) предусматривала 10 лет лишения свободы) являются 50 млн. граждан[2]. Значительным количеством потерпевших характеризуются и преступления, предусмотренные ст. 195, 196 УК РФ. В настоящее время технологии создают реальную возможность причинения имущественного ущерба большому количеству потерпевших. Поэтому ст. 159 УК РФ обоснованно предложено дополнить квалифицирующим признаком – мошенничество путем обращения к неопределенному кругу лиц[3] либо с использованием электронных ресурсов[4]. Аналогичная норма предусмотрена и п. 3 ст. 313-2 УК Франции, устанавливающим наказание за обращение к неопределенному кругу лиц для размещения ценных бумаг или сбора денежных средств, в целях оказания гуманитарной или социальной помощи[5], и параграфе 263 УК ФРГ, где особо тяжким мошенничеством признается причинение имущественного ущерба в крупном размере, или когда виновный, действуя с намерением постоянного совершения мошенничест-

[1] Щепельков В.Ф. Множественность потерпевших в преступлениях против личности: проблемы квалификации // Криминалистъ. 2009. № 2. С. 16.

[2] Арбатов П. Где сейчас основатели российских пирамид? // Известия. 2009. 1 июля.

[3] Чекунов Е.Г. Квалификация мошенничеств, связанных с блокированием программного обеспечения компьютеров пользователей сети Интернет // Российский следователь. 2012. № 5. С. 32.

[4] Петрова Г. О совершенствовании уголовного законодательства в сфере борьбы с мошенничеством // Уголовное право. 2015. № 5. С. 82-83.

[5] Уголовный кодекс Франции / научн. ред. Л.В. Головко. СПб., 2002. С. 296.

ва, ставит большое количество людей в опасность причинения имущественного ущерба[1].

Виновный может причинить вред двум и более потерпевшим при посягательстве на комплексные отношения. В этом случае его действия следует квалифицировать по части статьи, устанавливающей наказание за причинение вреда двум и более лицам (например, ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 263, ч. ч. 5, 6 ст. 264 УК РФ), что не позволяет дифференцировать ответственность. По мнению А.В. Корнеевой, если при дорожно-транспортном происшествии одному потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, а другому смерть, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, а не по части статьи 264 УК РФ, предусматривающей более строгое наказание за наступившие по неосторожности последствия, как это указано в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», иначе причинение тяжкого вреда здоровью одному из потерпевших остается без правовой оценки[2].

Суды также отражают данный факт, квалифицируя причинение вреда двум и более потерпевшим по совокупности. Так, О. был осужден по п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ и за вовлечение несовершеннолетних Ш. и К. – по ч. 4 ст. 150 УК РФ и ч. 4 ст. 150 УК РФ. Верховный Суд РФ в определении от 12 ноября 2004 г. № 24-О04-5 указал, что действия О. по вовлечению в совершение преступления несовершеннолетних Ш. и К. ошибочно расценены как совокупность двух преступлений, так как согласно первоначальной редакции ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признавалось совершение двух и более преступлений, предусмотренных различных статьями или частями статьи, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Данное решение обосновано. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, вовлечение в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) и розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ) причиняют вред не интересам кон-

[1] Уголовный кодекс ФРГ / пер. и предисл. А.В. Серебрениковой. М., 2000. С. 148.

[2] Корнеева А.В. О квалификации при идеальной совокупности преступлений на примере ст. 264 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XI международной научно-практ. конф. (30-31 января 2014 г.). М., 2014. С. 146-147.

кретной личности, а общественной нравственности, и указанные статьи должны располагаться в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»[1]. Поэтому, возможно, следует рассмотреть предложение закрепить в ст. 150 УК РФ квалифицирующий признак – совершение преступления в отношении двух и более несовершеннолетних[2].

При посягательстве на здоровье населения и общественную нравственность факт причинения вреда не одному, а многим лицам косвенно закреплен посредством квалифицирующего признака – совершение преступления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, предусмотренных ч. 2 ст. 228.1, ч. 3 ст. 242, ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

В то же время изучение приговоров по ст. 213 УК РФ при отсутствии смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств показало, что суды никак не учитывают количество потерпевших при назначении наказания. Пункт «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления» применяется только при наступлении последствий, выходящих за пределы основного и квалифицированного составов преступлений, либо отдаленных, производных от непосредственных[3]. Е. Карабанова количество потерпевших предлагает рассматривать не как обстоятельство, отягчающее наказание, а учитывать при определении характера и степени общественной опасности преступления (ч. 3 ст. 60 УК РФ)[4].

Думается, что данное обстоятельство должно быть учтено при назначении наказания, так как в одном случае потерпевших может быть два, а в другом – десять. Представляется, что ч. 1 ст. 63 УК РФ следует дополнить таким обстоятельством, как «*совершение преступления в отношении двух и более потерпевших*», указав в ч. 2 ст. 63 УК РФ: «Если отягчающее обстоятельство предусмотрено со-

[1] Жариков Ю.С. Правоотношения в механизме уголовно-правового регулирования. М., 2012. С. 199.

[2] Капинус О.С. Проблемы квалификации преступлений с множественностью потерпевших // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2013. № 6. С. 35.

[3] См.: Становский М.Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 248-250; Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. С. 86.

[4] Карабанова Е. Проблемы квалификации многообъектных убийств, совершенных в связи с осуществление служебной деятельности // Законность. 2016. № 9.

ответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания, *за исключением случаев, когда вред причинен двум и более потерпевшим*».

Виновный также может посягать на отношения в сфере управления, когда причинение вреда двум и более лицам не является типичным последствием, за исключением преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Косвенно данный факт учитывается также посредством таких формулировок, как существенное нарушение прав и законных интересов граждан (ст. 285-286 УК РФ). Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею ущерба, *число потерпевших граждан,* тяжесть причиненного им вреда и др. Так, существенным нарушением конституционных прав граждан как последствие халатности (ст. 293 УК РФ) на практике признали отсутствие теплоснабжения, что нарушило права граждан на жилище и охрану здоровья в одном случае 157, а в другом – 324 граждан[1]. Учитывая, что среди критериев оценки существенности вреда Верховный Суд РФ указал число потерпевших, не исключено, что нарушение прав и свобод одного человека может быть признанно несущественным[2].

Таким образом, количество потерпевших от преступления следует учитывать при применении норм уголовного права. Из УК РФ следует исключить квалифицирующие признаки составов совершения преступления в отношении двух и более лиц, предусматривающих наказание за умышленные посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство и свободу передвижения. Реализация предложенного позволит: удерживать виновного от продолжения преступной деятельности; мотивировать его к минимизации количества потерпевших; устранить проблемы квалификации преступлений, когда в отношении одного потерпевшего преступление окончено, а в отношении другого – нет, и когда в одном преступлении виновный был исполнителем, а в другом – пособником.

[1] Басова Т. Новации в законодательном установлении уголовной ответственности за халатность // Уголовное право. 2004. № 4. С. 11.

[2] Скрипченко Н., Ситников А. Существенный вред как признак должностных преступлений // Уголовное право. 2017. № 1. С. 87.

Нормы, устанавливающие наказание за посягательство на имущественные отношения, следует дополнить таким квалифицирующим признаком, как обращение к неопределенному кругу лиц либо с использованием электронных ресурсов, отражающих то обстоятельство, что виновный причиняет вред двум и более потерпевшим.

При посягательстве на комплексные отношения, причинение вреда двум и более потерпевшим выступает их типичным последствием и характеризует степень причинения вреда объекту преступления, где в качестве квалифицирующих предусмотрены такие признаки, как причинение вреда двум и более лицам, например при совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Это обстоятельство должно быть учтено и при назначении наказания, так как в одном случае потерпевших может быть два, а в другом – десять. Для этого УК РФ следует дополнить ст. 68.1, согласно которой при причинении вреда двум и более потерпевшим минимальный размер наказания не может быть менее 1/3 от максимального размера наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи. Кроме этого ч. 1 ст. 63 УК РФ следует дополнить таким обстоятельством, как «*совершение преступления в отношении двух и более потерпевших*», указав в ч. 2 ст. 63 УК РФ: «Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания, *за исключением случаев причинения вреда двум и более потерпевшим*».

Предложения по законодательному закреплению причинения вреда двум и более потерпевшим в зависимости от вида отношений

Виды отношений	Личные неимущественные (по поводу неприкосновенности неотъемлемых благ – жизни, здоровья, чести, достоинства). Как основной объект охраняются нормами, расположенными в гл. 16-20 УК РФ	Имущественные (по поводу неприкосновенности имущества). Как основной объект охраняются нормами, расположенными в гл. 21 и частично в гл. 22 УК РФ	Комплексные, (по поводу неприкосновенности жизни и здоровья многих людей. Как основной объект охраняются норами, расположенными в гл. 24-28 УК РФ	Управленческие по поводу неприкосновенности государственных установлений, обеспечивающих функционирование личных неимущественных, имущественных и комплексных отношений. Как основной объект охраняются нормами, расположенными в гл. 29-32 УК РФ и частично в гл. 22 УК РФ
Формы закрепления причинения вреда двум и более лицам	совершение преступления в отношении двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ и др.)	отсутствует	причинение смерти двум и более лицам (п. «ж» ч. 3 ст. 206 УК РФ, ч. ч. 5-6 ст. 264 УК РФ и др.)	причинение смерти двум и более лицам (ч. 3 ст. 293 УК РФ). Косвенно предусмотрено в ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Предложения по квалификации	исключить квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении двух и более лиц» и дополнить ст. 105 частью 3, устанавливающей наказание за массовое убийство	дополнить ст. 159 УК РФ квалифицирующим признаком – совершение мошенничества путем обращения к неопределенному кругу лиц, либо с использованием электронных ресурсов		
Предложения по назначению наказания		дополнить УК РФ ст. 68.1, согласно которой при причинении вреда двум и более потерпевшим минимальный размер наказания не может быть менее ¾ от максимального размера наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи., а также дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание - «совершение преступления в отношении более двух лиц», которое может учитываться и тогда, когда соответствующее обстоятельство закреплено в качестве квалифицирующего признака.		

3.5. Правовая и фактическая включенность субъектов отношений как установление границ объекта преступления – совершенствование законодательства и квалификация деяний

Указание в диспозиции статьи на признаки субъектов отношений – потерпевшего и (или) субъекта преступления посредством описания их правового положения (правовая включенность) или совершаемых ими действий (фактическая включенность) позволяет установить границы объекта преступления. Так, сотрудник налоговой полиции О. обвинялся по ч. 1 ст. 285 УК РФ в том, что, являясь должностным лицом, используя свое служебное положение, действуя вопреки интересам службы из корыстных побуждений, добился бесплатного ремонта личного автомобиля. В дальнейшем обвинение в указанном преступлении было исключено, так как в норме речь идет не о злоупотреблении служебным положением, как это было сформулировано в ст. 170 УК РФСФСР (совершение действий, которые должностное лицо могло совершить, в связи с занимаемой должностью – фактическая включенность), а о злоупотреблении должностными полномочиями, определяющими объем его прав и обязанностей, закрепленных в нормативно-правовых актах[1] – правовая включенность.

Вред объекту преступления может быть причинен как воздействием на потерпевшего, так и невыполнением возложенных на субъекта обязанностей.

Рассмотрим вопрос о границах объекта на примере преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, посягающего на личные неимущественные отношения в сфере реализации гражданами права на безопасные условия труда. Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ», если в результате нарушения правил охраны труда потерпевшими оказались лица, не являющиеся работниками данного производства, то действия виновного следует квалифицировать как должностное преступление или преступление против личности. Соответственно, потерпевшим является лицо, постоянно или временно занятое на производстве, на котором были нарушены определенные правила безопасности, т.е. между потерпевшим и организацией существуют трудовые правоотношения. Представляется

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8. С. 12-13.

необходимым расширить круг потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, за счет включения в их число всех лиц, которым вследствие нарушения правил безопасности был причинен вред, поскольку в условиях современного производства нарушение техники безопасности угрожает не только работникам предприятия, но и лицам, не причастным к производству[1]. Фактическая, а не правовая включенность потерпевшего в систему правоотношений, возникающих в процессе производства, увеличит объем объекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, и повысит эффективность охраны прав граждан на здоровье.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ» субъектами преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, являются лица, которые в силу их служебного положения или по специальному распоряжению обязаны соблюдать правила охраны труда на определенном участке работ, а также руководители предприятий, если они не приняли мер к устранению известного им нарушения правил охраны труда, либо дали указания, противоречащие этим правилам, либо, взяв на себя непосредственное руководство отдельными видами работ, не обеспечили соблюдения этих правил. Если на предприятии нет ответственного за соблюдение правил, то в соответствии со ст. 22 и 212 Трудового кодекса РФ обеспечение безопасных условий труда входит в основные обязанности работодателя. Но на практике руководителей организации, как правило, не привлекают к ответственности[2]. Хотя согласно постановлению лица, виновные в ненадлежащем выполнении своих служебных обязанностей по обеспечению безопасных условий труда, могут нести ответственность за должностные преступления (например, непринятие мер по разработке соответствующих инструкций, по созданию условий для выполнения правил и норм охраны труда, по осуществлению надлежащего контроля за их соблюдением). Кроме того, как должностное преступление квалифицировали нарушение правил охраны труда лицом, на которое была возложена обязанность по их

[1] Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С. 258-259; Гринберг М.С. Технические преступления. Новосибирск, 1991. С. 30; Зенцова С. А. Проблемы объекта неосторожных преступлений, связанных с источником повышенной опасности // Учение об объекте преступления: тенденции и перспективы развития : сб. научн. трудов / Омская академия МВД России. Омск, 2005. С. 118–119.

[2] Грошев А., Смык О. Квалификация нарушения правил охраны труда несколькими лицами // Уголовное право. 2006. № 1. С. 30.

соблюдению, если потерпевший не был работником организации. Так, директор ТЭС К. был осужден по ст. 172 УК РСФСР – халатность (не принял мер к замене непригодных электроопор, что привело к их падению от ветра и травме ребенка), поскольку потерпевший не являлся работником ТЭС[1]. В настоящее время это указание не действует, так как должностными могут быть только лица, отвечающие за безопасность труда в государственных учреждениях, государственных и муниципальных предприятиях, а субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, характеризуется умыслом. Поэтому в гл. 23 УК РФ следует установить наказание за неисполнение обязанностей лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой и иной организации, повлекшее общественно опасные последствия[2].

Рассмотрим квалификацию причинения вреда личным неимущественным отношениям в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ), где дополнительным объектом выступают отношения в сфере управления. Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном законом порядке организациями независимо от форм собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит законодательству, а под выполнением общественного долга – осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о преступлении, дача показаний, изобличающих лиц в совершении преступления, и др.). Таким образом, потерпевший описан посредством его правового положения.

По обоснованному мнению И.В. Шишко, буквальное толкование постановления позволяет сделать вывод, что оно не охватывает

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С. И.Никулина. М., 2001. С. 420.

[2] Быкова Е., Яшков С. К вопросу о признании должностным лицом руководителей коммерческих организации // Уголовное право. 2015. № 3. С. 9.

все случаи воздействия на лиц, указанных в названных статьях. Во-первых, служебная деятельность – это законная деятельность, вытекающая из трудового договора и осуществляемая исключительно в его рамках. Поэтому убийство или причинение вреда лицу в связи с выполнением им обязанностей по гражданско-правовому договору не охватывается п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п.«б» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Во-вторых, наличие регистрации в установленном законом порядке еще не исключает возможной противозаконной деятельности самой организации и, соответственно, потерпевшего. Так, работник частного охранного предприятия, зарегистрированного в установленном законом порядке, по поручению руководителя предприятия может незаконно собирать сведения, составляющие коммерческую тайну, так как сбор информации для ведения переговоров входит в его служебные обязанности. Посягательство на него с целью воспрепятствования его деятельности или с целью мести за нее нельзя квалифицировать как совершенное в связи с выполнением им служебной деятельности, поскольку она была незаконной, хотя и отвечала «первоочередным» критериям, указанным в постановлении. Указать в законе, что потерпевший осуществлял свою деятельность на основании гражданских правоотношений нецелесообразно, так как в процессе ее осуществления он может совершать действия, причиняющие вред законным интересам других лиц. С другой стороны, убийство сторожа, у которого истек трудовой контракт с индивидуальным предпринимателем, нарушившим лицензионные требования, пресекающего кражу из охраняемого им павильона, следует квалифицировать как убийство в связи с исполнением им своих служебных обязанностей. Считать действия сторожа выполнением общественного долга нельзя, поскольку он выполнял обязанности, оплачиваемые по трудовому договору. Поэтому в перечисленных выше пунктах следует указать на осуществление потерпевшим любых общественно полезных действий, что позволит квалифицировать убийство частного детектива с целью мести за его служебную деятельность, если срок его лицензии истек[1]. Это позволит квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ действия лица, убившего предпринимателя, с целью его устранения как конкурента, так как предпринимательская деятельность общественно полезна. Она способствует занятости населения, по-

[1] Шишко И.В. Квалификация «служебного долга» в условиях рыночных отношений // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 52-53.

полнению бюджета за счет уплаты налогов и т.д.[1] Для эффективной защиты потерпевших их включенность в систему отношений, выступающих объектом преступления, должна определяться совершаемыми ими действиями.

Рассмотрим вопрос о пределах имущественных отношений, выступающих объектом преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, устанавливающей наказание за посягательство на отношения в сфере экономической деятельности, где указаны потерпевшие – банк или иной кредитор. Ряд авторов полагают, что лицо, незаконно получившее кредит в организации, не имеющей права на его выдачу, не подлежит ответственности по ст. 176 УК РФ, поскольку такой договор кредитования ничтожен[2], и лица, не имеющие лицензии на выдачу кредитов, не являются потерпевшими от этого преступления. Другие, наоборот, признают такие действия преступными, так как кредит – это вид займа и потерпевшими являются все лица[3]. В.И. Тюнин предлагает указать в ст. 176 УК РФ, что кредит предоставляется банком или иной кредитной организацией. Иное понимание кредита расширит действие нормы, предусмотренной ст. 176 УК РФ, распространив ее на гражданско-правовые отношения[4]. Следовательно, речь идет о правовой включенности потерпевшего в систему имущественных отношений. В целях повышения эффективности их охраны потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, следует признавать любое физическое или юридическое лицо независимо от наличия или отсутствия у него лицензии на право выдачи кредита. В то же время указание в диспозиции ст. 176 УК РФ на субъекта преступления – индивидуальный предприниматель, руководитель организации – позволяет сделать вывод о том, что незаконное получение потребительского кредита

---

[1] Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 169-170.

[2] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002. С. 257-258; Векленко С., Гудков С. Отграничение незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) от смежных преступлений // Уголовное право. 2007. № 3. С. 23. Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» кредитором в ст. 159.1 УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 ГК РФ).

[3] Сапожков А.А. Кредитные преступления: незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб., 2002. С. 85.

[4] Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 2012. С. 101.

не является преступлением, т.е. объектом преступления выступают не все имущественные отношения, а только в сфере экономической деятельности.

Таким образом, пределы действия норм, предусматривающих посягательства на первичные отношения, ограничены посредством прямого или косвенного указания на признаки потерпевшего как одного из субъектов отношений, выступающих объектом преступления. Отказ от правовой включенности потерпевшего в систему отношений и указание на фактически совершаемые им действия увеличит объем объектов уголовно-правовой охраны и повысит её эффективность.

Границы обеспечивающих отношений ограничены указанием на признаки субъекта преступления, за исключением случаев, предусмотренных ст. 277, 295, 317, 318, 319, 321 УК РФ, в которых потерпевшие указаны посредством их правового положения. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, выступают лица, включенные в установленном порядке в систему отношений безопасности на транспорте[1]. Речь идет о правовой включенности их в систему отношений безопасности на транспорте, характеризующуюся тем, что лица: 1) состоят в должности в системе морского, речного флота или на службе в организациях, имеющих водный транспорт; 2) находятся в момент деяния при исполнении обязанностей; 3) достигли возраста, необходимого для занятия соответствующих должностей; 4) их деятельность непосредственно связана с движением, эксплуатацией или ремонтом транспорта[2].

Субъектом анализируемого преступления предлагают признавать не только лиц, занимающих определенные должности на транспорте (правовая включенность), но и фактически управляющих или эксплуатирующих транспорт (фактическая включенность), квалифицируя по ст. 263 УК РФ не только действия профессионального наемного пилота, управлявшего личным самолетом, но и владельца этого самолета, севшего за его штурвал. Иначе сужение круга субъектов рассматриваемого преступления по профессиональному при-

[1] Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. М., 2011. С. 38; Токманцев Д.В. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена. Красноярск, 2012. С. 145.

[2] Тягунов О.С. Ответственность за преступные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации водного транспорта: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1990. С. 14.

знаку оставит за пределами ее действия значительную часть нарушителей этих правил[1].

Представляется, что расширительный подход к определению круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, недопустим, так как они должны обладать определенными знаниями и умениями. Так, Ж., работая мастером путеукладочного поезда, по указанию руководства осуществлял маневры на подъездных путях машинной станции с подвижным составом. Из-за допущенных им нарушений произошел наезд железнодорожной платформы на Р., которой был причинен тяжкий вред здоровью, и Ж. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 263 УК РФ. Однако суд оправдал подсудимого, указав, что Ж., хотя и выполнял ранее маневровые работы, но это не входило в его обязанности, так как допуска к этим работам у него не было, право выполнять их имел только кондуктор[2].

В другом случае капитан катера А., будучи в состоянии опьянения, доверил управление им пассажиру С., который не имел на это прав. При швартовке катер столкнулся с баржей, и пассажир Н. был придавлен её кормой к дверям надстройки машинного отделения катера, из-за чего скончался. Действия капитана А. суд квалифицировал по ст. 263 УК РФ, а действия С. – по ст. 109 УК РФ[3]. Такая позиция представляется верной. Во-первых, если объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, выразилась в передаче пассажиру управления железнодорожным, водным или воздушным транспортом лицом, в чьи обязанности оно входит, то его следует привлекать к ответственности по ст. 263 УК РФ, так как оно нарушило запрет передавать управление другим лицам. Во-вторых, это упростит доказывание предвидения наступивших последствий и развитие причинной связи лицом, управляющим указанным транспортом, поскольку это входит в его обязанности, в отличие от ситуаций, когда вред был причинен в результате лицом, в чьи обязанности это не входит.

В то же время согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движе-

---

[1] Коробеев А.И. Указ. соч. С. 105; Жулев В.И. Транспортные преступления. М., 2001. С. 34-45.

[2] Приговор Белгородского районного суда Белгородской области № 1-333/2001.

[3] Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2008. С. 426-427.

ния и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается не только водитель, имеющий удостоверение на право управления, но и любые лица, управляющие транспортными средствами, в том числе и те, у которых оно было изъято за ранее допущенное нарушение либо не имевшие их. Таким образом, речь идет о фактической включенности в систему отношений посредством указания на характер совершаемых действий (управление транспортным средством). Такой подход к преступлениям в сфере безопасности дорожного движения обоснован. Причинение вреда лицом, не имеющим право на управление транспортным средством, распространено, и особых познаний, необходимых, например, для управления самолетом или железнодорожным транспортом не требуется.

Общим следует признавать и субъекта преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, действующего в обстановке, требующей соблюдения правил безопасности. Это позволит отразить характер складывающихся общественных отношений в этой сфере и устранит пробелы регулирования[1].

С учетом взаимосвязи между субъектами правоотношений – субъектом преступления и потерпевшим – правовой статус субъекта преступления определяется правовым статусом потерпевшего. Так, субъектом такой формы преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, как производство, хранение или перевозка в целях сбыта либо сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, являются руководитель предприятия, учреждения, организации, товароведы, продавцы предприятий, а также индивидуальные предприниматели, занимающиеся выпуском продукции, выполнением работ, оказанием услуг потребителям[2]. Это обусловлено тем, что в ст. 238 УК РФ речь идет о законной деятельности по производству товаров, выполнению работ или оказанию услуг, и субъектом этого преступления может быть только предприниматель[3]. Изучение приговоров,

[1] Белецкий И.А.Субъект преступного нарушения правил безопасности ведения работ и оказания услуг // Законодательство и практика. 2017. № 1. С. 57-59.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 327–328; Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 464.

[3] Савченко А.Н., Колоссовский В.В. Установление потерпевшего и субъекта преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 12-13.

вынесенных судами Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской области, показало, что по ст. 238 УК РФ осуждают всех лиц, достигших 16 лет. По данным С. Н. Шатиловича, в большинстве уголовных дел, суды признавали субъектами преступления всех лиц, достигших 16 лет, сбывавших алкогольную продукцию[1].

Практика Верховного Суда РФ по этому вопросу неоднозначна. В определении от 30 августа 2007 г. № 12-Дп07-11 он указал, что субъектом преступления в форме производства, хранения товаров с целью их сбыта, а также сбыта товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, может быть и общий субъект, поскольку в соответствии с п. 10 постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» субъектом предпринимательской деятельности может быть лицо, как имеющее статус индивидуального предпринимателя, так и осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, т.е. частное лицо, фактически занимающееся предпринимательской деятельностью. В то же время в определении Верховного Суда РФ от 6 марта 2008 г. 65-Дп07-12 отмечено, что частное лицо, пытавшееся сбыть алкогольную продукцию, не отвечающую требованиям безопасности, не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Учитывая распространенность действий, указанных в ст. 238 УК РФ, и что их может совершить любое лицо, достигшее 16 лет, целесообразно исключить из диспозиции ст. 238 УК РФ указание на правовое положение потерпевшего – «потребитель». Поскольку услуги потребителю оказывают лица, зарегистрированные в качестве предпринимателей. Это позволит признавать субъектом данного преступления всех лиц, сбывающих спиртосодержащую продукцию, и противодействовать незаконному сбыту спиртосодержащей продукции уголовно-правовыми средствами, соблюдая законность.

Также в теории обоснованно предложено расширить объем обеспечивающих отношений, охраняемых ст. 302 УК РФ, признав потерпевшим не только лиц, имеющих статус потерпевшего, подоз-

[1] Шатилович С. Н. Проблемы реализации уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, не отвечающей требованиям безопасности (по материалам юга Тюменской области) // Уголовное право на рубеже тысячелетий : материалы региональной научно-практ. конф. 21 ноября 2007 г. / под ред. А.И. Числова, А.В. Шеслера. Тюмень, 2008. С. 138.

реваемого, обвиняемого, свидетеля, а всех лиц, независимо от их процессуального положения. Угроза при совершении указанного преступления может быть адресована не только лицам, указанным в диспозиции статьи, но и их родственникам, а также до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении, проводимой в рамках ст. 140 УПК РФ. Соответственно, к субъектам рассматриваемого преступления следует относить всех лиц, производящих следственные действия[1]. Таким образом, отказ от описания границ объекта преступления посредством указания на правовое положение субъектов отношений и, описание их посредством совершаемых субъектами действий расширят сферу этих отношений.

Увеличение объема обеспечивающих отношений, выступающих объектом преступления, возможно и посредством указания на фактическое положение и других лиц, не являющихся субъектом или потерпевшим. Так, незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) возможно только после возбуждения уголовного дела, когда субъекты приобретают статус подозреваемого и обвиняемого. В теории предложено сформулировать диспозицию данной нормы как освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, при отсутствии оснований и условий, указанных в законе[2], либо указать на заведомо незаконный отказ прокурора, следователя, дознавателя от уголовного преследования или его прекращение[3]. Тем самым норма, предусмотренная ст. 300 УК РФ, будет охватывать случаи, когда совершение преступления определенным лицом известно сотрудникам правоохранительных органов, но они не принимают мер для привлечения виновного к уголовной ответственности, что аналогично прямому освобождению от неё путем вынесения постановления о прекращении уголовного преследования[4].

Рассмотрим ситуации невыполнения субъектом обязанностей в сфере правосудия и государственной службы – разновидностей обеспечивающих отношений, когда обязанность на субъект была возложена или существовала неправомерно. Так, К., осужденный за спекуляцию (ст. 154 УК РСФСР), отбывая наказание в колонии-поселении, 15 декабря 1993 г. покинул её территорию с целью укло-

[1] Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 366-369, 387.

[2] Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 94-95.

[3] Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 137.

[4] Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 175-176.

нения от его отбывания, а 25 декабря 1993 г. он был задержан. За совершение этих действий К. был осужден по ст. 188-1 УК РСФСР (ст. 313 УК РФ) и приговорен к 10 месяцам лишения свободы. Но, поскольку законом РФ от 1 июля 1993 г. № 5304-1 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочиванием ответственности за незаконную торговлю», вступившим в силу 11 августа 1993 г., ответственность за спекуляцию была декриминализирована, К. подлежал освобождению от дальнейшего отбывания наказания и в его действиях нет состава преступления, предусмотренного ст. 188-1 УК РСФСР, он не являлся субъектом правоотношений между государством, представляемым органами, исполняющими наказание, и осужденным[1]. Другие авторы действия осужденного, совершившего побег, признают преступлением (если он невиновен в преступлении, за которое он отбывал наказание), так как фактор законности в диспозиции ст. 313 УК РФ не указан. Но поскольку такой побег может и не причинить существенного вреда интересам правосудия, действия виновного в силу их малозначительности не представляют общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ)[2]. Поскольку на поиск бежавшего расходуются значительные материальные средства, а у населения, проживающего в районе побега, возникает состояние тревожности из-за опасения перед сбежавшим, действия предложено квалифицировать как самоуправство (ст. 330 УК РФ, ст. 19.1 КоАП РФ)[3]. Учитывая, что свобода передвижения представляет большую ценность, чем издержки государства при розыске бежавшего, не являющегося субъектом определенных правоотношений, с этим трудно согласиться. Осужденный по ошибке не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ[4]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на воен-

[1] Необоснованный приговор по протесту прокурора отменен (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Клыкова) // Законность. 1996. № 6. С. 58-59.

[2] Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 166-167; Бриллиантов А. Проблемы квалификации побега // Уголовное право. 2005. № 2. С. 17.

[3] Тепляшин П.В. Преступление против правосудия. Красноярск, 2004. С. 83.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. М., 1996. С. 495; Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 653.

ную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», если в соответствии с законом лицо не подлежало призыву на военную службу, или подлежало освобождению от воинской обязанности, призыва на военную службу, либо имелись основания для отсрочки от призыва на военную службу, суд постановляет оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления. Таким образом, невыполнение обязанностей, ошибочно возложенных, не должно признаваться преступным, поскольку реализация субъектом права не противоречит Конституции РФ и направлена на восстановление его положений[1]. Соответственно, при незаконном возложении на лицо обязанностей оно не является субъектом правоотношений, содержание которых составляют эти обязанности. Так, 12,1% опрошенных правоприменителей указали, что осужденный (впоследствии оправданный), совершивший побег, не подлежит наказанию вследствие малозначительности деяния; 43,3% – за отсутствием состава преступления; 40,6% – что это лицо совершило самоуправство (ст. 330 УК РФ).

Таким образом, при ошибочном возложении на лицо обязанностей оно не может быть субъектом преступления. Обязанность признается надлежащей, если она возложена в установленном законом порядке, т.е. человек включен в систему специальных отношений соответствующим нормативным актом. При его отсутствии обязанность, нарушение которой инкриминируется, считается ненадлежащей, и субъект за нарушение специальных правил, возложенных на него ошибочно, ответственности не подлежит[2]. Поэтому субъектом преступления, заключающегося в неисполнении обязанностей, не может быть признано лицо, вызванное на работу в период отпуска[3].

Но если лицо обманом приобрело полномочия, включив себя в систему отношений, оно должно отвечать как специальный субъект преступления[4]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», если лицо, назначенное на должность с

[1] Российское уголовное право. Общая часть : учебник. М., 1997. С. 229.

[2] Мирошниченко Н.В. Указ. соч. С. 222.

[3] Яни П. Совершение должностного преступления во внерабочее время // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 23–25.

[4] Бачурин Э.А. Специальный субъект преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 20; Корнеева А.В. О квалификации преступлений, совершаемых ненадлежащим субъектом преступления / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX международной научно-практической конференции (26-27 января 2012 г.). М., 2012. С. 220.

нарушением требований или ограничений, установленных законом или иными нормативными актами, к кандидату на эту должность (например, при отсутствии диплома о высшем профессиональном образовании, необходимого стажа работы, наличии судимости и т.п.) из корыстной или иной личной заинтересованности использовало служебные полномочия вопреки интересам службы либо совершило действия, явно выходящие за пределы его полномочий, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, их следует квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий. Главное, чтобы обязанности на это лицо были возложены и оформлены надлежащим образом[1].

Невыполнение субъектом обязанностей, за нарушение которых уголовная ответственность не предусмотрена, преступлением не является. Так, Ш., являясь заместителем прокурора района, в связи с угрозами в его адрес стал носить при себе служебное оружие, храня его в своем автомобиле, нарушив ч. 5 ст. 22 Федерального закона «Об оружии» и п. 5.1 Инструкции по организации учета, хранения и выдачи боевого ручного стрелкового оружия в органах прокуратуры, предусматривающей обязательность нахождения оружия непосредственно при лице, которому оно было выдано, в личном сейфе, в условиях, исключающих возможность его хищения, утраты, порчи, храня его в своем автомобиле. Вследствие этого оно было похищено из автомобиля, и действия Ш. были квалифицированны по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Верховный Суд РФ в определении от 5 июня 2002 г. № 51-кпн02-12пр оправдал его, указав, что Федеральный закон «Об оружии» и Инструкция по организации учета, хранения и выдачи боевого ручного стрелкового оружия в органах прокуратуры не являются актами, определяющими круг служебных обязанностей Ш. по должности. Следовательно, обязанности по сохранности служебного оружия, выданного должностному лицу, не определяют его правовой статус, так как не относятся к функциям должностного лица[2].

Таким образом, при посягательстве на первичные отношения границы объекта преступления ограничены, как правило, указанием на потерпевшего описанием его как правового положения (правовая включенность), так и совершаемых им действий (фактическая вклю-

---

[1] Безверхов А. Оценка изменений уголовного законодательства о служебных нарушениях и практики его применения // Уголовное право. 2010. № 3. С. 11.

[2] Яни П.С. Сложности квалификации халатности // Законность. 2011. № 8. С. 14-15.

ченность). Повысить эффективность уголовно-правовой охраны прав потерпевшего возможно, указав в диспозициях норм Особенной части УК РФ его деятельность. Признаки субъекта не подлежат расширительному толкованию, но для увеличения объема отношений в сфере общественной безопасности и правосудия как обеспечивающих отношений он может быть указан не только посредством описания правового положения, но и совершаемых им действий. Это устранит пробелы в законе.

При ошибочном возложении обязанностей субъект не может быть привлечен к ответственности, за исключением случаев занятия должности обманом.

3.6. Вопросы квалификации при воздействии на объект преступления специальным исполнителем

Общественные отношения, выступающие объектом преступления, детерминируют признаки специального субъекта преступления, обладающего дополнительными юридическими признаками, указанными в уголовном законе или однозначно вытекающими из его толкования, ограничивающими круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности[1]. С. А. Семенов полагает, что специальные признаки субъекта, позволяющие ему совершить деяние, описанное в Особенной части УК РФ, детерминированы объектом преступления[2]. Представляется, что первое определение адресовано правоприменителю (указывает, кто может быть исполнителем), а второе – законодателю, который должен указать в диспозиции признаки, определяемые характером правоотношений, установив границы объекта преступления. Объединив оба определения, можно сказать, что специальный субъект преступления – это вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее признаками, детерминированными объектом преступления или личностью субъекта, указанными или однозначно вытекающими из закона и ограничивающими круг лиц, которые могут быть исполнителями.

В Особенной части УК РФ имеются нормы, где указаны признаки специального субъекта преступления, ограничивающие круг лиц, могущих быть исполнителями. Согласно ч .4 ст. 34 УК РФ лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанное в

[1] Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 45.

[2] Семенов С. А. Указ. соч. С. 12.

соответствующей статье Особенной части УК РФ и участвовавшее в преступлении, предусмотренном этой статьей, несет ответственность за данное преступление как его организатор, подстрекатель либо пособник. Но это правило не абсолютно. Вследствие специфики описания объективной стороны ряда преступлений лицо, не являющееся специальным субъектом, может быть соисполнителем в преступлениях со специальным субъектом[1]. Применение ч. 4 ст. 34 УК РФ определяется критериями выделения специального субъекта: его правовым положением (все элементы состава преступления, в зависимости от отношений, участником которых выступает субъект, являются специальными (ст. 160, 302 УК РФ) или спецификой совершаемых действий в зависимости от его личностных качеств, когда специальным является только субъект (ст. 106, 131 УК РФ)[2]. Положение ч. 4 ст. 34 УК РФ о том, что лицо, не являющееся специальным субъектом, подлежит ответственности только как организатор, подстрекатель и пособник, применимо, если специальные признаки субъекта определяются особенностями объекта преступления. Но при этом возникают вопросы.

Во-первых, об ответственности субъектов, чье социальное положение определяет или ужесточает уголовную ответственность, когда при совершении преступлений они используют других лиц[3]. Так, заведующий складом, которому имущество вверено, на основании им же выданных документов незаконно поручает своему водителю вывезти имущество с охраняемой территории. Возникает вопрос, как квалифицировать эти действия, так как объективную сторону преступления выполняет лицо, не являющееся субъектом (исполнителем) преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, а раз нет исполнителя, то нет и соучастия.

Во-вторых, если в качестве квалифицирующего признака специального состава предусмотрено совершение преступления группой лиц, например, ч. 2 ст. 160 УК РФ, то действия субъекта-исполнителя следует квалифицировать по ч. 1 ст. 160 УК РФ, а действия субъекта-пособника – по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 160 УК РФ. Так, К., работая дояркой и будучи материально ответственным лицом, скрыла отел коровы. Через день вместе со своим сожителем С. проникла на территорию фермы и похитила теленка. К. была осу-

[1] Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. С. 131.

[2] Устименко В.В. Указ. соч. С. 45. Аветисян С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 4–5.

[3] Милюков С. Ф. Указ. соч. С. 82.

ждена по п. «а» ч. 2 ст. 160 УК РФ (присвоение, совершенное группой лиц по предварительному сговору), а С. – по п.п. «а», «в» ч .2 ст. 158 УК РФ[1]. Следовательно, осужденные совместно совершили два разных преступления, ответственность за которые предусмотрена не в конкурирующих нормах, а в смежных составах, что противоречит понятию соучастия как умышленного совместного участия в совершении *умышленного преступления, а не преступлений.* Таким образом, в ч. 4 ст. 34 УК РФ создано непреодолимое препятствие для квалификации действий лиц, не являющихся специальным субъектом, но непосредственно участвовавших в преступлении, так как частные лица фактически могут выполнить объективную сторону преступлений, например предусмотренных ст. 292, 303 УК РФ[2].

В теории обозначенную проблему предложено решить, изложив квалифицирующие признаки, характеризующие соучастие, в следующей редакции: «Те же деяния, совершенные по предварительному сговору группой лиц либо с лицами, не указанными в части первой настоящей статьи». Тогда действия лиц, непосредственно изымающих имущество, следует квалифицировать не как пособничество в совершении «простого» присвоения или растраты, а как присвоение или растрату, совершенные группой лиц[3]. Другие предлагают указать в ч. 2 ст. 33 УК РФ: «Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, обладающее специальными признаками субъекта преступления и совершившее преступление посредством использования лица, на стороне которого указанные специальные признаки субъекта преступления отсутствуют»[4]. По мнению С. А. Семенова, понятия «исполнитель» и «соисполнитель» не тождественны. Соисполнитель (лицо, непосредственно принимавшее участие в преступлении совместно с исполнителем, но не обладающее его признаками) должен рассматриваться как самостоятельный вид соучастника, а ч. 4 ст. 34 УК РФ следует исключить[5].

---

[1] Приговор Назаровского городского суда Красноярского края от 4 сентября 2001 г.

[2] Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 274.

[3] Белокуров О.В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом: актуальные проблемы (на примере присвоения и растраты) // Следователь. 2003. № 5. С. 2.

[4] Арутюнов А. Проблемы ответственности соучастников преступления // Уголовное право. 2001. № 3. С. 4.

[5] Семенов С.А. Указ. соч. С. 20-22.

Н.А. Егорова предлагает дополнить перечень исполнителей указанием на лицо, выполняющее управленческие функции, совершившее преступление в связи осуществлением этих функций путем действий, описанных в ч. 3 ч. 4 ст. 33 УК РФ, в отношении лиц, подчиненных ему по службе или иных лиц, обязанных выполнять его требования, а также дополнить ч. 5 ст. 33 УК РФ после слов «устранение препятствий» формулировкой «использованием управленческих полномочий или иным способом». Это позволит относить к исполнителю того, кто явился главной фигурой преступления[1].

Наиболее обоснованным представляется дополнить ч. 4 ст. 34 УК РФ после слова «пособника» формулировкой «за исключением случаев, когда не специальный субъект является членом организованной группы или в составе иной группы выполняет хотя бы частично объективную сторону преступления и, следовательно, является исполнителем»[2].

Верховный Суд РФ обозначенную проблему решает, трактуя расширительно соисполнительство в отдельных преступлениях. Так, согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2008 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» к субъектам преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, могут быть отнесены руководитель организации-налогоплательщика, главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате должности главного бухгалтера), в обязанности которых входит подписание отчетной документации, предоставляемой в налоговые органы, обеспечение полной и своевременной уплаты налогов и сборов, и *лица, фактически выполнявшие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера)*. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, является не только лицо, на которое

---

[1] Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 51.

[2] Кладков А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // Законность. 1998. № 8. С. 28; А.И. Рарог также предлагает в ч. 4 ст. 34 УК РФ указать, что лицо, не обладающее признаками специального субъекта, может быть привлечено к уголовной ответственности как соисполнитель. См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 247.

официально возложены обязанности по руководству организацией, но и лицо, *фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации*. Тем самым Верховный Суд РФ расширил круг лиц, не имеющих полномочий, но фактически выполнивших юридически значимые действия, признавая их исполнителями преступлений, основываясь на «теории работника»[1]. Кроме того, руководители организации должны отвечать за причиненный вред, если объективную сторону выполнили подчиненные, выполняя их указание. Так, при установке контрафактного программного обеспечения на компьютере организации для его использования в интересах этой организации исполнителем преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ, является руководитель организации, давший такое указание[2].

Юридически значимые действия от имени юридического лица может совершать и субъект, не являющийся сотрудником организации. Поэтому, учитывая количество участников экономической деятельности, наделенных полномочиями, в диспозиции ст. 195, 196 УК РФ не указаны признаки субъектов этого преступления, поэтому к ответственности за указанные преступления может быть привлечено любое лицо, не обладающее признаками специального субъекта[3]. Отказаться от указания на специальные признаки субъекта и расширить круг лиц, которые могут быть исполнителями, предложено и для преступлений, предусмотренных ст. 199-2, 142, 315 УК РФ[4].

Таким образом, рассматриваемый вопрос предлагают решить в рамках института посредственного причинения вреда, признав исполнителем преступления любое лицо, хотя и не обладающее при-

---

[1] Согласно этой теории на индивида, занимающего должность в системе управления юридическим лицом и наделенного правом совершать от его имени и в его пользу юридически значимые действия, возлагается также уголовная ответственность за незаконные действия, совершенные от имени и в пользу юридического лица, образующие объективную сторону состава преступления. См.: Есаков Г.А., Хельман У., Головненков П.В. Определение субъекта преступлений в сфере экономики в российском и немецком уголовном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 4. С. 123.

[2] Щепельков В. Нарушение авторских прав в организации: проблемы квалификации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 46.

[3] Тюнин В.И. Указ. соч. С. 140.

[4] См.: Векленко С. , Рогозина И. Квалификация налоговых преступлений по признакам субъекта // Уголовное право. 2009. № 5. С. 25; Толстикова И.Н. Указ. соч. 2005. С. 18-19; Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории законотворчества и правоприменения : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 28.

знаками специального субъекта, указанного в соответствующей статье Особенной части УК РФ, но фактически представляющее интересы юридического лица. Это предоставит правоприменителю большую маневренность[1].

Аналогично решен рассматриваемый вопрос и в законодательстве зарубежных стран. Согласно ч. 1 параграфа 14 УК ФРГ, если кто-либо действует как орган юридического лица или как член такого органа, как полномочный член торгового товарищества или как законный представитель другого, то закон, согласно которому наказуемость обосновывается особыми индивидуальными качествами, отношениями или обстоятельствами, можно применять также и к представителю, даже если данные признаки ему не присущи, но они есть у представляемого. Согласно ч. 2, если лицо действует на основе поручения, полученного от управляющего предприятием, то закон, согласно которому наказуемость обуславливает особые индивидуальные признаки, следует применять также и к лицу, исполнившему это поручение, даже если эти признаки присущи только управляющему предприятием. Соответственно эти положения имеют особенное значение для привлечения к ответственности за экономические преступления, поскольку без этой нормы нельзя было привлечь к ответственности ни прямого адресата, так как он сам не действует, ни другое лицо, которое не является адресатом нормы[2].

Согласно ст. 31 УК Испании тот, кто действует как руководитель или от имени юридического лица, либо от имени или как представитель другого лица (по закону или по воле данного лица), отвечает лично, даже если он не подпадает под условия, свойства или отношения, которые необходимы для субъекта преступления, если под них подпадает организация или лицо, от имени или как представитель которого данное лицо действует[3].

Согласно параграфу 20.25 УК штата Нью-Йорк лицо несет уголовную ответственность за поведение, представляющее собой посягательство, которое оно осуществляет от имени или в интересах корпорации, в такой же степени, если бы такое поведение было

---

[1] Шишко И.В. Указ. соч. С. 299; Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 84-85; Витвицкая С. С. Уголовная ответственность за экономические преступления специальных и неспециальных субъектов (проблема фактического исполнителя) // Российский следователь. 2007. № 20. С. 19.

[2] Уголовный кодекс ФРГ / пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. С. 15; Жалинский А.Э. Современное немецкое право. М., 2004. С. 141–141.

[3] Уголовный кодекс Испании / под ред. и с пред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 21.

осуществлено от его собственного имени или в его собственных интересах[1].

Таким образом, возможность признания частных лиц соисполнителями в специальных составах обосновывается тем, что фактически выполнить объективную сторону преступлений со специальными составами может и общий субъект преступления. Все специальные составы преступления со специальным субъектом можно разбить на те, объективную сторону которых может совершить фактически любой субъект, и те, объективную сторону которых можно выполнить только при наличии у субъекта определенных полномочий (совершить юридически). Фактическое и юридическое совершение преступления обусловлено механизмом причинения вреда общественным отношениям посредством воздействия на его структурные элементы. Воздействие на предмет внешнего мира и субъект отношений характеризует фактическое совершение преступления. Например, объективную сторону фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) фактически может выполнить любое лицо. Поэтому обоснованным представляется дополнить ч. 1 ст. 303 УК РФ формулировкой « … равно другим лицом с ведома лица, производящего дознание, следователя, прокурора»[2]. Аналогичным образом изложена диспозиция нормы, предусмотренной ст. 302 УК РФ, где исполнителем признано не только лицо, производящее следствие или дознание, но и любое лицо, оказывающее воздействие на потерпевшего с ведома или молчаливого согласия лица, осуществляющего следствие или дознание.

Юридическое совершение преступления возможно, если его объективную сторону может выполнить лицо, лишь обладая определенными полномочиями, т.е. исполнителем преступления может быть только специальный субъект (исполнитель). Так, часть объективной стороны получения взятки (ст. 290 УК РФ), выражающейся в получении вознаграждения, может выполнить любое лицо, но это лицо не может совершить действия, которые входят в полномочия должностного лица. Поэтому исполнителями и соисполнителями получения взятки могут быть только специальные субъекты – долж-

[1] Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония) : сб. законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М., 1999. С. 105–106.

[2] Борков В. Сложности квалификация фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) // Уголовное право. 2009. № 5. С. 22; Лобанова Л., Рожнов А., Синельников А. Фальсификация доказательств по уголовному делу: вопросы квалификации и недостатки правовой регламентации // Уголовное право. 2012. № 6. С. 33.

ностные лица. Учитывая взаимосвязь Общей и Особенной частей УК РФ, в нормах Особенной части УК РФ, предусматривающих наказание за преступления, объективную сторону которых фактически могут совершить любые лица, следует отказаться от указания на специального исполнителя.

Возможность признания общих субъектов соисполнителями в составах со специальным субъектом обосновывается тем, что фактически выполнить объективную сторону преступлений со специальными составами может и общий субъект преступления. Все специальные составы преступления со специальным субъектом можно разделить на те, объективная сторона которых характеризуется воздействии на предмет внешнего мира и субъект отношений, (совершить фактически) и те, объективную сторону которых можно выполнить, обладая только определенными полномочиями (совершить юридически).

ГЛАВА 4
ПОСЛЕДСТВИЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНЕ

4.1. Соотношение преступного вреда и последствий преступления

Общественные отношения, выступающие объектом уголовно-правовой охраны, как явление – неосязаемы, а как понятие – абстрактны и выражаются в причиненном им преступлением вреде – негативных изменениях в их структуре, представляющих зеркальное отражение нормально функционировавших отношений. Соответственно, структура причиненного вреда совпадает со структурой объекта преступления. В теории различают вред, причиняемый отношениям между людьми, который существует в объективной действительности, но не материален, и вред, причиняемый участникам общественных отношений и социальным ценностям, по поводу которых устанавливаются эти отношения[1].

В последствиях преступления выделяют физическую сторону – внешние изменения, входящие в объективную сторону преступления, и социальную – лишение возможности субъекта быть здоровым, пользоваться имуществом и т.д.[2] Поэтому излишней является дискуссия о месте последствий в структуре состава преступления – относятся они к объективной стороне или объекту преступления[3]. Так, субъекты отношений и предметы материального или явления нематериального мира до преступления характеризуют объект, а после его совершения – изменения, произошедшие в субъекте отношений (потерпевшем), предметах материального и явлениях нематериального мира (предмете преступления), характеризуют последствия как признак объективной стороны.

---

[1] Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.1. Л., 1968. С. 329-330.
[2] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 163-165.
[3] Георгиевский Э.В. Указ. соч. С. 16.

Вред от любого преступления разнообразен, так как оно воздействует на многие сферы жизнедеятельности человека. Последствия преступления характеризуются тем, что вред причинен не любым общественным отношениям, а только охраняемым уголовным законом, и этот вред предусмотрен уголовно-правовой нормой. Так, убийство человека не только разрушает социальные связи, носителем которых он был, но и приводит к ухудшению положения его семьи, возникновению наследственных отношений и т.д.[1] Одни авторы все последствия преступления предлагают называть фактическими, а указанные в диспозиции нормы Особенной части УК РФ, или наступление которых подразумевается и для предотвращения которых создана эта норма, – юридическими. Например, убийство человека изменяет все отношения, субъектом которых он являлся (семейные, трудовые и т.д.), но уголовно-правовым (юридическим) последствием преступления признается лишь его смерть[2]. Другие считают, что преступление порождает не одно, а несколько последствий: фактические – изменения в окружающем мире; социально-правовые – изменения, которые преступление произвело в общественных отношениях; уголовно-правовые – вред соответствующим отношениям[3]. Предложенная классификация последствий соответствует предметному аспекту объекта преступления – фактическое последствие, ценностному – социальные изменения в обществе, правовому – вред соответствующим отношениям.

Для устранения разногласий в терминологии фактические последствия в предметном и ценностном аспекте (последствия в широком смысле) следует именовать как «преступный вред», а последствия в узком смысле – правовом аспекте (изменения в отношениях, для предотвращения которых посредством угрозы наказания создана уголовно-правовая норма) – «последствия преступления» как признак объективной стороны преступления. Вред – это понятие объективное, а последствие преступления – это часть причиненного вреда (сфера отношений), определяемая субъективно законодателем посредством признаков, характеризующих элементы состава преступления, для охраны которых и создана уголовно-правовая норма.

---

[1] Глистин В.К. Указ. соч. С. 85-86; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 134-135.

[2] Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 73. Э.К. Жевлаков все последствия экологических преступлений делит на первичные, (указанные в законе) и вторичные. Жевлаков Э.К. Экологические преступления (уголовно-правовой и криминологический аспекты). М., 2002. С. 26.

[3] Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 43-45.

Юридические последствия подразделяются на основные, для предотвращения которых предусмотрена уголовно-правовая норма, и дополнительные, которые только могут наступить. Если основное последствие не наступило, то преступление не окончено. При наступлении последствий, не предусмотренных уголовно-правовой нормой, когда вред причиняется иному объекту, требуется квалификация по совокупности преступлений[1].

Вред, причиненный преступлением, выходит за структуру конкретных отношений. Это просматривается на примере хищений, так как в структуре отношений собственности четко выделяются ее элементы: субъекты, предмет отношений, то, по поводу чего они сложились, – возможность пользоваться имуществом, социальная связь между субъектами, выражающаяся в правах и обязанностях субъектов. При хищении вред отношениям причиняется на нескольких уровнях. Во-первых, в рамках структуры имущественных отношений конкретному собственнику или владельцу, лишившимся возможности пользоваться своим имуществом (последствие преступления). Во-вторых, происходит незаконное обогащение виновного, тем самым нарушается механизм распределения материальных благ и формируется паразитический образ жизни. В-третьих, причиняется политический вред, выражающийся в игнорировании уголовно-правового запрета. В-четвертых, преступление порождает у граждан состояние тревоги за сохранность своего имущества. Если имущественный ущерб собственнику или владельцу – это первичный вред, характеризующий общественную вредность хищения, то возникновение у граждан опасения за свое имущество – это вторичный вред, характеризующий его общественную опасность[2]. Последствием хищения, учитываемым при квалификации, следует признавать только лишение собственника возможности распоряжаться своим имуществом.

Для уяснения различия между преступным вредом и последствиями как признаком объективной стороны преступления рассмотрим их классификацию. В зависимости от возможности их измерить можно выделить материальные последствия (их можно измерить) и нематериальные (не подающиеся измерению – политические, моральные)[3]. Материальные последствия делятся на физический вред и имущест-

[1] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 138-139, 163.

[2] Хмелева М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 9.

[3] Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 76-82.

венный ущерб, состоящий из реального ущерба и неполучения должного. В зависимости от изменения в действительности последствия выражаются в виде фактического вреда субъектам отношений или угрозы его причинения. Вернее именовать их действительный (фактический) вред, который можно зафиксировать, и возможный (потенциальный) вред, как правило, не поддающийся фиксации.

Границы последствий преступления должны быть четко определены. Так, в последствия преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, наряду с реальным ущербом включают и упущенную выгоду. Однако размер ущерба в этом случае должен складываться из реального ущерба и неполучения должного, т.е. суммы, не поступившей собственнику или иному владельцу за оказание услуги имущественного характера вследствие уклонения от уплаты обязательных платежей или использования имущества. «Неполучение должного» – более узкое по объему понятие, чем «упущенная выгода», которую нельзя учитывать в качестве последствий преступления, так как ее размер практически невозможно установить[1]. При незаконном пользовании чужим имуществом определить размер причиненного ущерба практически невозможно. В теории обоснованно предложено установить в УК РФ наказание за умышленное противоправное временное пользование чужим имуществом в значительном размере с целью извлечения имущественной выгоды[2], а при незаконном получении кредита (ст. 176, 195 УК РФ), криминообразующим признаком считать не ущерб, причиненный кредитору (кредиторам), а сумму полученного кредита (задолженности)[3].

Невозможность выделить и установить последствия при правоприменении может влечь декриминализацию деяния. Одним из объектов уголовно-правовой охраны является равноправие граждан, проживающих на территории РФ. В первоначальной редакции ст. 136 УК РФ предусматривала наказание за дискриминацию, т.е. нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам,

[1] Логинова Н.Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 17.

[2] Хилюта В.В. Определение размера упущенной выгоды при причинении имущественного ущерба // Уголовный процесс. 2010. № 8. С. 44.

[3] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. С. 353-354; Тюнин В.И. Указ. соч. С. 137.

при этом осуществление прав и свобод гражданина и человека не должно нарушать права и свободы других лиц. Разные этнические группы имеют разные обычаи. Например, вьетнамцам нравится жареная селедка и ее запах, для русских это просто вонь, и поэтому они не хотят сдавать квартиры в аренду вьетнамцам[1]. Дискриминация, совершенная частным лицом, создает атмосферу враждебности между определенными группами населения общества. Однако ввиду невозможности выделения последствий – определенных изменений в социальной действительности, для предотвращения которых посредством угрозы наказания и создана уголовно-правовая норма, и слишком общей формулировки запрета преступлением признаются действия, предусмотренные ст. 136 УК РФ, совершенные лицом с использованием своего служебного положения.

Таким образом, следует различать понятия «преступный вред» как неотъемлемое свойство преступления (социального явления) и «последствия преступления», характеризующие объективную сторону его состава (правовое понятие об этом явлении). Фактические последствия (последствия в широком смысле) следует именовать как «преступный вред», причиненный преступлением, а последствия в узком смысле, те изменения в отношениях, для предотвращения которых посредством угрозы наказания создана уголовно-правовая норма, – «последствия преступления» как признак объективной стороны преступления. Последствия преступления являются способом указания на объект преступления в диспозиции нормы Особенной части УК РФ и должны быть выделены из преступного вреда.

4.2. Способы закрепления последствий преступления в диспозициях норм Особенной части УК РФ

В зависимости от способа указания последствий выделяют три группы составов преступлений. В первой группе последствия указаны в диспозиции в виде фактического вреда участникам отношений, и преступление окончено с момента их наступления. Во второй – они указаны в диспозиции в виде возможности причинения фактического вреда. В третьей – последствия как потенциальный вред в диспозиции не указаны, но подразумеваются, и преступление окончено с момента совершения действий. Это обусловлено тем, что, во-

[1] Куприянов А.А. Свобода «жарить рыбу» расширяется // Уголовный процесс. 2011. № 12. С. 10.

первых, последствия выражаются в угрозе причинения вреда большой группе общественных отношений и трудно поддаются учету (ст. 213, 222, 228 УК РФ). Это характерно для преступлений против общественной безопасности, нравственности и здоровья населения, создающих угрозу причинения фактического вреда значительному количеству людей, когда последствия проявляются через определенное время, что усложняет установление причинной связи между деянием и причиненным вредом. Во-вторых, последствие неразрывно связано с действием и наступает одновременно с совершением деяния (ст. 131 УК РФ)[1].

Эффективность применения уголовно-правовых норм зависит от того, как последствия будут указаны в диспозиции. Так, преступления против здоровья населения описаны посредством формальных составов, что позволяет избежать пробелов в законодательстве и облегчить его применение при установлении предмета доказывания. Вместе с тем даже конструирование формальных составов не позволяет адекватно реагировать на отдельные общественно-опасные деяния. Например, сложно было привлечь к ответственности за сбыт поддельных лекарств. В теории такие действия предлагали квалифицировать по ст. 171 УК РФ, поскольку фальсифицированные лекарства производят без лицензии[2]. Однако осуществление предпринимательской деятельности без лицензии преступно только при отсутствии лицензии на занятие каким-либо видом деятельности, отсутствие лицензии на пользование интеллектуальной собственностью незаконным предпринимательством не является[3]. Применение ст. 147, 171.1, 180 УК РФ также проблематично, поскольку масштаб деятельности мог не достигать указанного в законе размера, превышающего 1 500 000 рублей, а опасность производства и сбыта фальсифицированных лекарства выражается не в причинении имущественного ущерба правообладателю, а в создании опасности для жизни или здоровья людей, поскольку в них может отсутствовать активный ингредиент, вследствие чего прием таких лекарств приводит к безуспешности лечения, в нужный момент они не помогут боль-

[1] Михлин А.С. Указ. соч. С. 34-35.

[2] Юркина Т.П. Проблемы квалификации обращения фальсифицированных лекарственных средств // Медицинское право. 2013. № 1.

[3] Кондрашова Т.В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 204.

ному[1]. Поэтому применение ст. 238 УК РФ проблематично. В фальсифицированных лекарственных средствах может и не содержаться веществ, опасных для жизни или здоровья. Трудно применить и ст. 159 УК РФ. Хотя сбыт поддельных лекарств и причиняет имущественный ущерб, основная его опасность характеризуется угрозой жизни или здоровью потребителя[2]. Кроме того, лекарственные средства, в отличие от остальных товаров, предусмотренных в ст. 238 УК РФ, являются жизненно необходимыми для лечения либо поддержания жизни и здоровья человека. Поэтому законодатель криминализировал производство, сбыт или ввоз недоброкачественных лекарственных средств (ст. 238.1 УК РФ).

Предметы материального мира выражают самый широкий спектр отношений, и, воздействуя на них, виновный причиняет вред разным отношениям, что невозможно отразить в диспозиции статьи. Одним из способов закрепления в законе последствия является формулировка специальных составов имущественных преступлений. Так, с целью повышения правовой охраны прав граждан на жилище ст. 159 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком – мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение, так как стоимость потерянного жилья в силу конъюктуры рынка может измениться, и его потеря часто влечёт потерю социального статуса потерпевшего[3].

Следует поддержать предложение дополнить ст. 167 УК РФ квалифицирующим признаком «уничтожение или повреждение чужого имущества, являющегося жилищем», поскольку рыночная стоимость жилища сильно меняется. Это поставит под охрану УК РФ не только имущественные права, вред которым можно измерить, но и конституционное право граждан на жилище,[4] когда вред измерить невозможно.

Также обоснованно предложение установить в УК РФ наказание за причинение имущественного ущерба посредством неправомерного завладения чужим недвижимым имуществом без цели хи-

---

[1] Погосян Т.Ю. Уголовно-правовые аспекты защиты потребителя от контрафактной и фальсифицированной продукции // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 144.

[2] Юркина Т.П. Указ. соч.

[3] Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 67; Ильин И.В. Указ. соч. С. 26.

[4] Мирончик А.С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 16-18.

щения,[1] когда виновный не только лишает потерпевшего возможности пользоваться имуществом, но причиняет и личный неимущественный вред, нарушая неприкосновенность жилища.

Решение вопроса о том, что следует понимать под последствиями преступления, влияет на момент его окончания, что наглядно проявляется при хищении имущества. К последствиям хищения относят лишение собственника или владельца возможности пользоваться имуществом и незаконное обогащение виновного. В определении Конституционного Суда РФ от 16 января 2001 г. № 1-О «По делу о проверке конституционности примечания 2 к ст. 158 УК РФ в связи с жалобой гражданина Скородумова Д.А.» указано, что общественная опасность деяния определяется причинением вреда собственнику и *неосновательным обогащением виновного*.

Однако возможны ситуации, когда потерпевший уже лишен возможности распоряжаться имуществом, а виновный, например завладев и вынеся с территории сейф, не может его открыть и воспользоваться хранящимися в нем деньгами[2]. Поэтому незаконное обогащение виновного, выражающееся в формулировке получения виновным возможности распорядиться похищенным, вследствие сложности установления этого момента должно находиться за рамками состава хищения[3]. Собственнику или владельцу безразлично, для чего виновный завладел его имуществом: чтобы пользоваться, выбросить или уничтожить, собственник все равно лишился возможности распоряжаться им. По мнению 94% опрошенных правоприменителей, вред при хищении в первую очередь выражается в лишении собственника или владельца возможности пользоваться своим имуществом.

Исключение из последствий хищения незаконного обогащения виновного позволит считать его оконченным с момента выхода имущества из обладания собственника или владельца (за исключением завладения имуществом с охраняемых территорий), устранить проблемы квалификации временного позаимствования имущества и исключить ст. 166 УК РФ. Так, санкции, предусмотренные ч. 1

---

[1] Иващенко Б.В. Уголовная ответственность за неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1998. С. 23; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 150; Лопашенко Н., Гладилин В. Уголовная ответственность за временное позаимствование чужого имущества // Уголовное право. 2003. № 4. С. 42-44.

[2] Ермакова О. Соотношение понятий «реальная возможность распоряжаться похищенным имуществом» и «причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу» // Уголовное право. 2014. № 1. С. 23.

[3] Козлов А.П. Указ. соч. С. 295; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 94-95.

ст. 166 и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, одинаковы – до пяти лет лишения свободы. Наличие ст. 166 УК РФ нарушает принцип равенства граждан перед законом, поскольку одну и ту же ситуацию разные суды будут трактовать по-разному. Поэтому следует установить в отдельной статье более строгое наказание за хищение автомобиля, что повысит эффективность охраны отношений собственности[1]. Лишение собственника или владельца возможности пользоваться автомобилем причиняет не только имущественный ущерб, но и психический вред, вызванный переживанием потерпевшего от осознания того, что он лишился своего имущества, который невозможно конкретизировать.

Выведение последствий преступления в виде незаконного обогащения за рамки состава позволит декриминализировать незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), где извлечение дохода в крупном размере является криминообразующим признаком, когда виновного следует привлекать к административной или финансовой ответственности[2]. Такой конструктивный признак, как причинение крупного ущерба, не встречается.

Рассмотрим способы конкретизации последствий хулиганства (ст. 213 УК РФ). По мнению Н.И. Коржанского, общественный порядок – это объект не одного, а любого преступления. Поэтому он предложил выделить из анализируемого состава в самостоятельные нормы ответственность за причинение вреда здоровью, оскорбление, повреждение или уничтожение имущества из хулиганских побуждений[3]. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

---

[1] Плохова В.И. Угон транспортного средства квалифицировать как хищение имущества // Российская юстиция. 2003. № 11. СПС-Консультант-плюс; Кудряшов А.В. Хищение автотранспорта: вопросы квалификации, уголовно-правовые и криминологические меры противодействия : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 18; Широков В. Нужна ли ст. 166 УК // Законность. 2009. № 1. С. 44-46. Уланова Ю.Ю. Общие признаки хищения в составе кражи. М., 2013. С. 257. Так, 68% правоприменителей указали на проблемы, связанные с применением ст. 166 УК РФ; из них 78,4% к этим проблемам отнесли установление умысла виновного и 21,6% – установление момента окончания преступления. Сложно согласиться с предложением о переносе окончания преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, на момент проникновения виновного в автомобиль. См.: Белик Ю.С. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: проблемы предмета, квалификации и профилактики. Екатеринбург, 2006. С. 36.

[2] Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 185.

[3] Коржанский Н.И. Указ. соч. С. 56-57. Попытки ввести в конце XIX – начале XX века уголовную ответственность за хулиганство натолкнулись на сопротивление судей, отрицательно относившихся к такому законодательному

15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» отмечается, что явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Это разъяснение не внесло ясности об объекте хулиганства – общественном порядке, поскольку общепризнанные нормы и правила поведения нарушаются и тогда, когда потерпевшему причиняют вред не в общественном и не в публичном месте[1]. Любое преступление причиняет политический вред государству и моральный – обществу, а грубое нарушение общественного порядка по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, посягает на основы конституционного строя и безопасность государства[2]. Не конкретизировано понятие «представитель социальной группы», при хулиганстве, и при возбуждении ненависти либо вражды, вследствие чего, как преступления, предусмотренные ст. 213, 282 УК РФ, можно расценить и призыв сторонников коммунистической партии «Долой богатых»[3]. Указание на место грубого нарушения общественного порядка – транспорт общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ) излишне, так как затрудняет его разграничение с мелким хулиганством (ст. 20.1 КоАП РФ).

Рассмотрим границы хулиганства, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать умышленные действия, на-

---

предложению, из-за неопределенности понятия хулиганства. См.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. Красноярск, 2000. С. 32. В постсоветский период также отмечали трудность четкого определения его объективной стороны. См.: Борзенков Г.Н. Проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений // Законность. 2008. № 5. С. 25.

[1] Волженкин Б.В. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Уголовное право. 2008. № 1. С. 24.

[2] Волженкин Б.В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21.

[3] Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. СПС КонсультантПлюс; Тюнин В.И. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 56-57.

правленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Согласно п. 4 указанного постановления применение при хулиганстве незаряженного, неисправного, непригодного либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Действия, направленные на использование оружия либо свидетельствующие о намерении его применить, не считаются его применением[1]. Согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» завладение имуществом с использованием угрозы применить заведомо негодное оружие либо имитацию оружия, если виновный не намеревался использовать эти предметы для причинения вреда здоровью, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 162 УК РФ. Таким образом, в настоящее время Верховный Суд РФ необоснованно широко трактует понятие применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как конструктивный признак хулиганства, относя к нему размахивание на улице незаряженным или неисправным оружием. На основании этого предложено исключить из УК РФ ст. 213, дополнив ст. 117 УК РФ квалифицирующим признаком – «совершенным из хулиганских побуждений»[2].

Представляется, что данный состав все же следует оставить, вернувшись к старой трактовке формулировки «сопряженное с применением или попыткой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия», содержавшейся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве». Согласно п. 11 указанного постановления под применением или попыткой применения оружия при хулиганстве понимали не только причинение с помощью указанных предметов телесных повреждений, но и использование указанных предметов, создававшее реальную угрозу для жизни или здоровья граждан. Это позволит провести четкую границу между преступлением и административным правонарушением, предусмот-

[1] Волженкин Б.В. Постановление Пленума Верховного Суда О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений. С. 25.

[2] Иванцова Н. Перспектива хулиганства – его декриминализация // Законность. 2004. № 11. С. 40; Иванов Н.Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 54-61.

ренным ст. 20.13 КоАП РФ, устанавливающей наказание за стрельбу из оружия в не отведенных для этого местах. Представим две ситуации. Первая – человек из охотничьего оружия стреляет по лампочке на фонарном столбе, стоящем на пустыре, когда его действия следует квалифицировать по ст. 20.13 КоАП РФ. И вторая – стрельба в лампу на фонарном столбе, стоящем рядом с многоэтажным домом, когда поражающие элементы заряда могут попасть в его окно, либо стрельба в собаку, бегающую рядом с людьми, т.е. создание угрозы для здоровья граждан, когда такие действия следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ.

Предложенная редакция ст. 213 УК РФ позволит квалифицировать как уголовно наказуемое хулиганство стрельбу из травматического оружия в сторону людей[1], а также бросание в их сторону петард и файеров. Это также позволит привлекать к ответственности за хулиганство в тех случаях, когда вред причинен не был, поскольку виновного нельзя привлечь к уголовной ответственности за покушение на причинение вреда здоровью вследствие сложности установления прямого умысла. Достаточно будет лишь установить, что виновный, применяя оружие или предметы, используемые в качестве оружия, сознавал, что своими действиями создает реальную угрозу для жизни или здоровья граждан, и исключить из хулиганства демонстрацию оружия. Объектом хулиганства (ст. 213 УК РФ) следует признавать не общественный порядок, а общественную безопасность.

Проблема установления границ действия нормы существует и при формулировке такого преступления, как самоуправство (ст. 330 УК РФ), суды часто трактуют эту норму расширительно. Так, Н., работая генеральным директором филиала «Липецкие семена» ЗАО НПФ «Российские семена», действуя без согласия собрания акционеров, издал приказ о выделении себе ссуды в сумме 15000 руб., а получив её, без разрешения собрания акционеров издал приказ о ее погашении, списав как убытки прошлых лет. Таким же способом 2 октября 1997 г. Н., вопреки установленному порядку, оплатил своей жене – главному эксперту филиала – стоимость путевки в санаторий в сумме 6000 руб., которые затем списал как убытки. Также Н., не имея полномочий, выдал ссуды сотрудникам филиала Ф. (6000 руб.) и Х. (7000 руб.). За совершение указанных действий Н. был осужден по ч. 1 ст. 330 УК РФ. Липецкий областной суд отменил это решение, прекратив уголовное дело за отсутствием состава преступле-

[1] Егоров И. Под прицелом. Первое дело хулигана, стрелявшего по автобусу, ушло в суд // Российская газета от 26 октября 2012 г.

ния. Как показал свидетель В. (первый вице-президент ЗАО НПФ «Российские семена»), сумма в 34000 руб. для их компании небольшая[1]. Представляется, что Н. совершил хищение. Возможно, он имел право принимать решение о выдаче ссуд, но вряд ли у него были полномочия списывать их на убытки.

В другом случае Ш. заключил с ЗАО договор купли-продажи, по которому он при стопроцентной предоплате товара на расчетный счет акционерного общества приобретает право собственности на два тепловых котла по цене 100000 руб. за каждый, общим весом 58 тонн, всего на сумму 200000 рублей. Не оплатив стоимость приобретаемых котлов и не получив согласия руководства ЗАО, Ш. самовольно вывез один котел, причинив тем самым ЗАО значительный ущерб в сумме 100000 рублей, за что и был осужден по ч. 1 ст. 330 УК РФ. Верховный Суд РФ в определении от 26 января 2012 г. № 41-Д11-36 прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления, указав, что бывший в употреблении котел продавался Ш. как металлолом и был впоследствии возвращен владельцу, поэтому эти действия существенный вред ЗАО не причинили. Это решение спорно. Во-первых, стоимость 29 тонн металла, из которого был сделан котел, существенна, даже если килограмм металлолома стоит 1 рубль. Во-вторых, действия Ш. следует квалифицировать как хищение в зависимости от способа завладения металлоломом, поскольку он нарушил не порядок реализации своего права, а право собственности, и при решении вопроса, является завладение имуществом хищением или нет, факт возврата имущества не учитывается. Соответственно, виновный причинил вред имущественным отношениям, а не в сфере управления.

Представляется, что подобная ситуация сложилась вследствие некорректной формулировки ст. 330 УК РФ. Указание в диспозиции ст. 330 УК РФ на совершение каких-либо действий вопреки порядку, установленному законом или иным нормативно правовым актом, позволяет квалифицировать по этой норме приобретение оружия и наркотиков, а также незаконное пересечение границы[2]. Следует вернуться к формулировке диспозиции ст. 200 УК РСФСР, согласно которой под самоуправством понимали самовольное с нарушением

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 6. С. 16-17.

[2] Малинин В., Капканов В. Уголовная ответственность за самоуправство // Уголовное право. 2006. № 6. С. 37; Орешкина Т. Самоуправство: понятие, признаки, соотношение с самозащитой гражданских прав // Уголовное право. 2008. № 2. С. 65; Филиппов П. Значение действительного или предполагаемого права для квалификации деяния виновного как самоуправство // Законность. 2017. № 12. С. 34.

установленного законом порядка осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам или организациям. Такая формулировка уголовно наказуемого самоуправства будет способствовать систематизации законодательства, так как согласно ст. 19.1 КоАП РФ самоуправство – это самовольное с нарушением установленного законом порядка осуществление своего действительного или предполагаемого права, не причинившее существенный вред гражданам или организациям.

Объем последствий преступления в рамках его состава может быть изменен использованием формулировки «те же деяния, повлекшие тяжкие последствия». Так, основным видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, выступает свобода передвижения в пространстве. Это преступление может причинить и иной вред, например спровоцировать вооруженное столкновение. Так, в Ингушетии при похищении невесты виновные по ошибке похитили вместо невесты замужнюю женщину. Это послужило причиной обострения отношений между родственниками похищенной и похитителями и едва не привело к кровной мести, создав обстановку напряженности в республике, для разрешения которой потребовалось вмешательство президента республики Р. Аушева. Поэтому действия похитителей квалифицировали по ч. 3 ст. 126 УК РФ[1]. Думается, что данный квалифицирующий признак был вменен необоснованно, так как наступившие последствия находятся за пределами видового объекта – свободы физического передвижения (личных неимущественных – первичных отношений), и «иные тяжкие последствия» не могут измеряться единицами организационного вреда[2]. Формулировка «иные тяжкие последствия» охватывает такое последствие, как например, вооруженные столкновения, только при захвате заложника (ч. 3 ст. 206 УК РФ), посягающего на обеспечивающие отношения и причиняющего организационный вред.

Вместе с тем использование оценочных признаков при описании последствий, например существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, которые характеризуют нематериальный вред (ст. 285, 286, УК РФ), порождает сложности при применении норм уголовного права. В теории под указанными последствиями понимают вмешательство в деятельность предпри-

[1] Пример взят из статьи: Дугин А.Е. Некоторые особенности похищения женщин с целью вступления в брак // Российский следователь. 2003. № 5. С. 20.

[2] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007. С. 185.

нимателя, потерпевшего убытки, ограничение конкуренции, создание серьезных помех и сбоев в работе государственных органов, органов местного самоуправления, государственных, муниципальных учреждений, подрыве авторитета органов государственной власти, сокрытие преступлений[1].

Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав, гарантированных Конституцией РФ (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.) При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им вреда и др. В УК РФ существует нормы, предусматривающие наказание за частные случаи злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, такие как получение взятки (ст. 290 УК РФ) и служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Многие из таких норм расположены в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 140, 136, ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 2 ст. 139 УК РФ) и в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» (ст. 299-303 УК РФ). При этом составы преступлений, описанные в диспозициях этих норм, сформулированы как формальные, когда достаточно установить лишь факт совершения указанных действий. Введение специальных норм конкретизирует последствия и актуализирует борьбу с определенным негативным явлением[2].

Представляется, что одним из способов устранения возможности необоснованного привлечения к уголовной ответственности должностных лиц в процессе исполнения своих полномочий являет-

[1] Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000. С. 144.

[2] Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм. Красноярск, 1998. С. 20.

ся дополнение УК РФ новыми специальными нормами, предусматривающими наказание за частные случаи злоупотребления должностными полномочиями или их превышения[1].

Противоречива практика квалификации по ст. 285 УК РФ сокрытия сотрудниками правоохранительных органов преступлений, поскольку трудно установить, в чем выразился подрыв авторитета органов власти[2]. Учитывая общественную опасность отказа в приеме информации о преступлении, сопоставимой с опасностью незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), в теории УК РФ предложено дополнить нормой, предусматривающей наказание за непринятие мер по информации о совершенном преступлении[3]. Думается, что для решения данной проблемы из диспозиции ст. 300 УК РФ следует исключить указание на подозреваемого и обвиняемого, и тогда вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела будет преступлением.

Рассмотрим вопрос установления последствий в виде реальной возможности причинения вреда (ч. 1 ст. 122, ст. 215, 217, 217.2, 247, 358 УК РФ), когда учитываются колоссальный разрушительный вред от возможных фактических последствий и высокая степень их реализации. Реальная возможность причинения вреда характеризуется как объективными, так и субъективными аспектами. В субъективном аспекте оценка возможности причинения вреда зависит от субъективных качеств оценивающего лица – его личного опыта, эмоциональной настроенности, психических переживаний. Реальную возможность причинения вреда необходимо рассматривать как объективную категорию, выражающую определенное состояние действительности, которое закономерно может повлечь фактические последствия, но их наступлению помешали случайные обстоятельства[4]. Как объективную категорию рассматривает возможность причинения вреда Верховный Суд РФ, указав в п. 6 постановления от 13 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», что создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (ч. 1

---

[1] Мирошниченко Н.В. Указ. соч. С. 180.

[2] Яни П.С. Общественно-опасные последствия укрытия преступлений сотрудниками милиции: проблемы применения уголовного закона в судебной практике // Законодательство. 2007. № 12. С. 67.

[3] Тепляшин П.В. Указ. соч. С. 26-27; Егорова Н. Управленческие преступления и злоупотребление правом // Уголовное право. 2006. № 5. С. 30.

[4] Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 134.

ст. 247 УК РФ) означает, что предусмотренные законом вредные последствия наступили, если бы не были прерваны вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и отходами. Нарушение правил безопасности, создавшее абстрактную возможность причинения вреда, которая не могла претвориться в действительность без воздействия дополнительных факторов, не является преступлением.

Следовательно, преступным будет создание опасности, устраненной лишь экстренными действиями третьих лиц или вмешательством привходящих факторов[1]. Вероятность наступления фактических последствий колеблется от 0 до 100% и определяется экспертами. Так, осужденные П. и Б., зная о наличии у них ВИЧ-инфекции, в состоянии алкогольного опьянения, отказались от требований сотрудников колонии проследовать в медсанчасть для освидетельствования. П. специально порезал себе предплечье и стал разбрасывать выступившую кровь на сотрудников. Действия П. и Б. были квалифицированы по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Их адвокаты ставили вопрос о прекращении уголовного преследования по ст. 122 УК РФ, указывая на то, что их действия не могли повлечь заражение ВИЧ-инфекцией. Но, по заключению специалистов, вероятность заражения ВИЧ-инфекцией при однократном попадании инфицированной крови на кожные покровы и слизистые составляет 1%. Поэтому приговор был оставлен без изменения[2].

В решении суда должно быть указано, в чем выразилось изменение обстановки, каковы особенности жидкостей, веществ, работы механизмов при воздействии на них, и почему совершение определенных действий может повлечь наступление фактических послед-

[1] Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 323–324.

[2] Судебная практика по уголовным делам / сост. Е.П. Кудрявцев, О.В. Науменко, С.А. Разумов. М., 2004. С. 51–52. Одной из причин редкого применения указанных составов является сложность в установлении тех изменений, которые произошли в социальной действительности. Так, природоохранной прокуратурой Нижегородской области в ноябре 1998 г. по факту причинения вреда здоровью рабочим АБЗ Навальшинского ДРСП было возбуждено уголовное дело с последующим вынесением обвинительного приговора по ч. 1 ст. 247 УК РФ. Было установлено, что в область из Татарстана было поставлено 15 000 тонн отходов химпроизводства, которые использовались в качестве печного топлива котельных городов и поселков области, хотя эти отходы не были предназначены для использования в котельной, так как содержали в себе токсичные вещества. См.: Тюрин В. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ // Законность. 2000. № 5. С. 15.

ствий. Так, Грехов был осужден по ст. 86 УК РСФСР, предусматривавшей наказание за умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава, средств связи или сигнализации, которые повлекли или могли повлечь крушение поезда, за то, что положил два тормозных башмака на пути движущегося состава. Согласно заключению судебно-технической экспертизы, неприменение экстренного торможения могло повлечь крушение состава[1]. В то время как по делу Губарева, осужденного по ч. 2 ст. 85 УК РСФСР, предусматривавшей наказание за нарушение работником железнодорожного транспорта правил безопасности, создавшее угрозу крушения, наступления тяжких последствий, суд лишь констатировал, что в результате нарушения осужденным правил безопасности была пробита цистерна и произошла утечка 59 070 кг дизельного топлива, что заведомо создавало угрозу пожара и взрыва и могло повлечь тяжкие последствия: травмирование и гибель людей[2]. В данном случае следовало указать, каким образом (из-за свойств дизельного топлива) мог произойти взрыв.

Формулировка последствий в виде угрозы причинения вреда требует конкретности, поскольку влияет на признание деяния преступлением. Поэтому пределы усмотрения правоприменителя о реальности угрозы должны быть ограничены заключением судебно-технической экспертизы[3]. При решении вопроса о том, была ли создана реальная опасность причинения вреда, необходимо выделять формальную (нарушение мер предосторожности) и материальную (невмешательство в развитие ситуации могло повлечь наступление фактических негативных последствий) стороны. Вероятность наступления последствий может быть равна 1%.

Таким образом, указание на последствия преступления, причиняющего вред значительному объему отношений, возможно посредством: формальных составов, составов «создания опасности», дополнения УК РФ специальными нормами, устанавливающими наказание за имущественные преступления и преступления против интересов государственной службы, и использованием формулировки «те же деяния, повлекшие иные тяжкие последствия».

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 6. С. 6.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 11. С. 7.

[3] Рарог А. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 41.

ГЛАВА 5
ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УКАЗАНИЕ НА ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНЕ

5.1. Признаки потерпевшего в уголовном праве

Сторонники отождествления человека с предметом преступления полагают, что «потерпевший» – это процессуальное понятие, так как во многих преступлениях, например против собственности, их предмет и потерпевший не совпадают. Кроме того, потерпевшим может быть признано лицо, не подвергшееся *непосредственному* воздействию (собственник при краже, родственники убитого), поэтому его как разновидность предмета преступления следует выделять лишь в составах, предусматривающих наказание за непосредственное воздействие на человека[1]. С этим сложно согласиться.

Признаки субъекта отношений как основного элемента их структуры, которому причинен вред (после совершения преступления – потерпевшего) позволяют установить характер правоотношений и причиняемого им вреда. Физический вред потерпевшему может быть причинен и *опосредованно*, путем нарушения правил безопасности, ответственность за которые предусмотрена в разных главах Особенной части УК РФ (ст. 143, 246, 266 УК РФ), когда вред в конечном счете причиняется здоровью человека. Так, потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, может быть только лицо, чья деятельность постоянно или временно связана с данным производством. Если вред причинен другим лицам, то это будет преступлением против государственной службы (ст. 293 УК

[1] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 107; Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С. 102-103; Попов А.Н., Аистова Л.С. Объект преступления. СПб., 2014. С. 21.

РФ), личности (ст. 109, 118, УК РФ), общественной безопасности (ст. 216 УК РФ)[1].

Согласно ч. 2 ст. 158-160 УК РФ значительный ущерб может быть причинен только гражданину (физическому лицу), а в соответствии с ч. 1 ст. 176 УК РФ потерпевшим является только банк или иной кредитор. Поэтому лицо, незаконно получившее кредит в организации, не имевшей лицензии на его выдачу, не подлежит ответственности по ст. 176 УК РФ[2]. В то же время согласно ч. 2 ст. 176 УК РФ потерпевшим при незаконном получении государственного целевого кредита являются не только кредитор, но и граждане, и общество. Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, может быть только физическое лицо. Нарушение тайны переписки между юридическими лицами не преступно[3].

Согласие потерпевшего выступает признаком, разграничивающим составы. Так, незаконное прерывание беременности с согласия женщины следует квалифицировать по ст. 123 УК РФ, а против ее воли – по ст. 111 УК РФ. Добровольное половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет, следует квалифицировать по ст. 134 УК РФ, а против его воли – по ст. 131, 132 УК РФ[4]. Введение инъекции наркотического средства лицу, не принадлежащего ему, с его согласия – как сбыт наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ), а против его воли и повлекшее заболевание наркоманией – как тяжкий вред здоровью (ст. 111 УК РФ). Объектом преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, выступает здоровье населения, а потерпевшим только лицо, не употреблявшее до этого наркотические средства. Таким образом, потерпевший как признак объекта учитывается при квалификации как при непосредственном воздействии на него, так и при опосредованном лишении его возможности реализовывать свои интересы, и его необходимо отличать от предмета преступления[5]. В теории обоснованно разграничивают преступления против несовершеннолетнего и преступления, где несовершеннолетний выступает потер-

---

[1] Тяжкова И.М. Указ. соч. С. 226-227, 234.

[2] Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 257-258.

[3] Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав человека и гражданина в России. Саратов, 2000. С. 51.

[4] Орешкина Т.Ю. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего // Уголовное право : стратегия развития : материалы II научно-практической конференции, 25-27 января 2005 г. М., 2005. С. 144.

[5] Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 30.

певшим (возраст указан как квалифицирующий признак). В любом преступлении против несовершеннолетнего он является потерпевшим, но не всякое преступление, где несовершеннолетний потерпевший, – это преступлением против него[1].

В то же время трудно согласиться с предложениями, сформулировать определение понятия «потерпевший» в УК РФ[2]. Во-первых, российское право представляет систему, где одни и те же понятия должны иметь одинаковое значение в его различных отраслях, если это не оговорено в законе. Уголовно-процессуальные отношения возникают и развиваются в связи и по поводу уголовно-правовых, реализующихся через уголовно-процессуальные отношения, а уголовно-правовые понятия «преступление» и «наказание» без процессуального механизма их действия сведутся к абстракциям. Такие единые для уголовного права и процесса категории, как «освобождение от уголовной ответственности и наказания», «потерпевший» и т.д., должны иметь одно содержание. Одним из принципов толкования закона является использование одних и тех же терминов в различных отраслях права[3]. Во-вторых, существуют и иные понятия уголовного права, используемые в УПК РФ, например «состав преступления», определение которого в УК РФ нет.

Хотя понятие потерпевшего сформулировано в УПК РФ, оно принадлежит материальному праву, поскольку вытекает из представления о вреде, причиненном кому-либо преступлением. Из определения потерпевшего, сформулированного в ст. 53 УПК РСФСР,[4]

---

[1] Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. С. 69-70.

[2] Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003. С. 13; Георгиевский Э.В. Указ. соч. С. 18-19; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 169.

[3] Савицкий В.М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 98; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 170; Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 112-113.

[4] Согласно ст. 53 УПК РСФСР потерпевшим *признается* лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред. О признании гражданина потерпевшим лицо, производящее дознание, следователь и судья выносят постановление, а суд определение. Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим *является* физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим определяется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Как разъяснил Верховный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм,

П.С. Дагель обоснованно сделал вывод: «Его первое предложение дает именно материально-правовое понятие потерпевшего, а второе предложение определяет, при каких условиях потерпевший становится участником уголовного процесса, приобретает процессуальные права и обязанности». Уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятия потерпевшего, будучи в принципе едиными, в то же время могут и не совпадать. Во-первых, лицо, которому причинен вред, могут не признать потерпевшим (факт преступления остался неизвестным), и он может не стать участником уголовного процесса. Во-вторых, потерпевшим может быть признано лицо, которому вред причинен не преступлением, а деянием невменяемого. Уголовно-правовое значение потерпевшего заключается в том, что его признаки устанавливают пределы уголовной ответственности и влияют на ее дифференциацию и индивидуализацию[1]. В уголовном процессе потерпевший – это лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного преступлением, и обязанное содействовать правосудию[2].

В уголовном праве понятие «потерпевший» характеризуется следующими признаками: 1) принадлежность субъекта к охраняемым отношениям, обеспечивающим возможность пользоваться благами; 2) непосредственное причинение фактического вреда или реальной возможности его причинения; 3) запрещенность причинения вреда той правовой нормой, за нарушение запрета или велений которой виновный привлекается к ответственности, что позволяет установить наличие необходимой причинной связи[3]. С.В. Анощенкова считает, что признаки потерпевшего должны отражать его: 1) физическую природу; 2) сущностный (социально-правовой) признак; 3) характер причиняемого вреда; 4) юридический факт, порождающий его появление; 5) отношение к причиненному вреду[4].

регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из его фактического положения, и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.

[1] Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве. В кн.: Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 17-18.

[2] Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964. С. 11.

[3] Минская В.С. , Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988. С. 9; Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение и уголовный закон. С. 20; Сумачев А.В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем). Нижневартовск, 2005. С. 57.

[4] Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2006. С. 100.

Таким образом, потерпевший в уголовном праве характеризуется следующими признаками: 1) является субъектом отношений, обеспечивающих реализацию своих интересов; 2) вред причинен преступлением (разграничивает уголовно-правовое, уголовно-процессуальное понятия потерпевшего); 3) характеризуется определенным вредом; 4) непосредственность причинения вреда, который должен охватываться диспозицией нормы Особенной части УК РФ; 5) отношение к причиненному вреду. Эти признаки влияют на квалификацию деяний и формы реализации уголовной ответственности.

В зависимости от предмета правового регулирования потерпевший может быть субъектом личных неимущественных, имущественных и отношений в сфере управления. В УК РФ признаки потерпевшего как субъекта различных правоотношений косвенно описаны указанием на пол (ст. 145 УК РФ), где женщина выступает субъектом трудовых правоотношений; авторство (ст. 146, 147 УК РФ), потерпевший выступает субъектом гражданских правоотношений; возраст (ч. 2 ст. 150-151 УК РФ), где несовершеннолетний выступает субъектом семейных отношений; наличие полномочий (ст. 318, 319 УК РФ), потерпевший выступает субъектом административно-управленческих правоотношений и т.д. Специальные признаки потерпевшего позволяют установить объект преступления, влияют на квалификацию и формы реализации уголовной ответственности: чем социально активнее человек, тем в больший объем отношений, которое нарушает преступление, он включен[1].

Юридическим фактом возникновения понятия «потерпевший» является совершение преступления, хотя А.А. Лакеев полагает, что потерпевшим является лицо, которому причинен вред и действиями невменяемого[2], отождествляя уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятия потерпевшего. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (далее – постановление № 17) вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости, когда лицо, которому причинен вред, имеет

[1] Козлов А.П. Указ. соч. С. 263.

[2] Лакеев А.А. Виды субъектов уголовного права. Рязань, 2003. С. 92. Так, в ст. 41 одного из проектов УПК РФ гражданин *признавался* потерпевшим при наличии доказательств, указывающих на причинение ему непосредственно преступлением или *деянием невменяемого* морального, физического или имущественного вреда. См.: Российская юстиция. 1994. № 11. С. 41.

право на его возмещение. Это обусловлено тем, что факт совершения преступления строго юридически может быть установлен исключительно вступившим в законную силу приговором суда, а до этого человек, которому причинен вред, должен обладать определенным статусом[1]. Вред лицу может быть причинен действиями невменяемого, лица, действующего невиновно. Но в уголовном праве он не является потерпевшим, хотя указанные действия общественно опасны, но они не преступны. Понятие, объема прав и обязанностей потерпевшего устанавливаются нормами соответствующей отрасли права[2], и оно отлично от обыденного представления о нем (пострадавшем).

5.2. Вред, причиненный потерпевшему, и его виды

Вред, причиненный потерпевшему, – это объективная категория, представляющая собой изменения, произошедшие в имущественном положении, физическом, психическом и моральном состоянии лица в результате преступления и существующие независимо от признания или непризнания лица потерпевшим[3]. Согласно ст. 42 УПК РФ вред, причиненный потерпевшему, может быть физическим (жизни и здоровью), имущественным (материальный ущерб как реальный, так и неполучение должного), моральным (причинение нравственных страданий). Учитывая, что в диспозициях норм, предусматривающих наказание за преступления против собственности и в сфере экономической деятельности, последствия определяются не как имущественный вред, а как имущественный ущерб, и одним из условий освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) является возмещение имущественного ущерба или заглаживание вреда (физический вред здоровью можно только загладить, но не возместить), имущественный вред должен быть заменен понятием «имущественный ущерб».

Для решения вопроса о том, охватывают ли перечисленные виды вреда все негативные изменения, произошедшие в положении потерпевшего, определимся с содержанием морального вреда, под которым в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодатель-

[1] Курс уголовного процесса / под ред. А.В. Головко. М., 2017. С. 336.

[2] Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 37, 45.

[3] Скрипченко Б.В. Вред как основание признания потерпевшим // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 175–176.

ства о компенсации морального вреда» понимают нравственные или физические страдания, причиненные действием (бездействием), посягающим на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), либо нарушающим его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства), либо нарушающим имущественные права граждан. Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др. Следовательно, моральный вред – это непосредственное последствие преступлений, например, предусмотренных ст. 137, 146, 297, 319 УК РФ и против общественной нравственности[1]. Кроме этого любое преступление причиняет моральный вред обществу[2]. Таким образом, моральный вред рассматривается как первичные (причинение вреда обществу) и вторичные (дискомфортное состояние личности) последствия[3].

Преступление может причинить не только моральные (нравственные) страдания, но и психический вред – негативное психическое состояние, не являющееся психическим заболеванием (эмоциональный стресс) и не нарушающее функций мозга (как физический вред здоровью)[4]. Психический вред причиняют преступления, предусмотренные ст. 119, 163 УК РФ.

---

[1] Савицкий В.М., Петеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 6-7; Рыбальская В.Я. Уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и виктимологическое понятие потерпевшего // Правоведение. 1976. № 3. С. 123.

[2] Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. С. 82.

[3] Воробьев С.М. К вопросу уголовно-правового понятия и признаках морального вреда как последствия преступного деяния // Российский следователь. 2004. № 4. С. 16; Шешуков П.П. О моральном вреде как основании признания потерпевшим // Правоведение. 1974. № 2. С. 100-103.

[4] Яни П. Моральный вред как основание для признания потерпевшим // Советская юстиция. 1993. № 8. С. 7; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 71; Шарапов Р. Психический вред в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 2. С. 79-81. В зарубежном праве также выделяют психический вред. Согласно ст. 180 УК

Кроме этого потерпевшему может быть причинен и иной, не указанный в УК РФ вред, характеризующий последствия преступления. Так, при государственной измене (ст. 275 УК РФ) последствия выражаются в причинении вреда внешней безопасности РФ, который может быть различным: политическим, экономическим и др.[1] Вред, причиненный потерпевшему, характеризующий последствие преступления, может быть и не указан в диспозиции нормы, но однозначно должен вытекать из ее толкования. Существующим легальным определением потерпевшего не охватывается нарушение трудовых, политических и других прав, охраняемых уголовным законом. Это осложняет задачу правоприменителю по принятию своевременного и обоснованного решения о признании конкретного лица потерпевшим. Так, необоснованный отказ в принятии на работу женщины (ст. 145 УК РФ) как преступление окончено с момента отказа, когда не требуется наступления для неё последствий. Но, с точки зрения ст. 42 УПК РФ, необходимо выяснить, какой вред ей был причинен, например, физический или нравственные страдания. Поэтому понятие «вред» предлагают заменить на более широкое «нарушение прав и законных интересов». Это избавит правоприменителя от обязанности выяснять, какой вред был причинен[2]. Представляется, что в ст. 42 УПК РФ все же следует оставить указание на причинение вреда, дополнив формулировкой «либо нарушение прав и законных интересов».

Рассмотрим возможность признания потерпевшими общества и государства, поскольку помимо непосредственных сторон отношений, воплощающихся в субъекте преступления и потерпевшем, которых можно допросить, есть третья сторона – государство. Преступление может не затрагивать непосредственно интересы физических или юридических лиц, нарушая установленный государством запрет[3]. Государству может быть причинен и имущественный

Швейцарии преступлением признается угроза, вызывающая у другого лица состояние страха или боязни. См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2000. С. 69.

[1] Фаргиев И.А. Указ. соч. С. 15-16; Гаджиева А.А. Понятие потерпевшего в уголовном праве: проблемы, дискуссии, обсуждения // Государство и право. 2006. № 4. С. 106; Лакеев А.А. Указ. соч. С. 88-89.

[2] Курс уголовного процесса / под ред. А.В. Головко. М., 2017. С. 335; Яни П. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. 1995. № 4. С. 40-41.

[3] Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 49; Карпушин М.П., Курляндский В.И. Указ. соч. С. 77; Апанавичус М.П. О юридической природе потерпевшего от преступления // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам : межвузовский сб. научн. тр. Калининград, 1982. Вып. 10. С. 122.

ущерб, например при уклонении от уплаты налогов (ст. 198-199 УК РФ), политический – при разглашении сведений, составляющих государственную тайну (ст. 275 УК РФ). Кроме этого гибель любого человека влечет определенные издержки, связанные с оплатой расходов правоохранительной и судебной системы, компенсацией родственникам потерпевших определенных выплат[1]. В ст. 2 УК РФ к объектам уголовно-правовой охраны отнесены общественный порядок и общественная безопасность, т.е. речь идет не об отдельных физических, юридических лицах или государстве, а об обществе. При непосредственном причинении вреда государству уголовное преследование не может быть прекращено в связи с примирением с потерпевшим, так как в ст. 42 УПК РФ указания на него как на потерпевшего нет, в ней предложено указать как потерпевших общество и государство[2].

Предложения закрепить в ст. 42 УПК РФ государство и общество в качестве потерпевших логичны, но нецелесообразны. Во-первых, государство существует не для себя, а для людей, а общество состоит из людей. Преступления, совершаемые непосредственно против государства и общества (ст. 228-245, 275-284, 322-324 УК РФ), создают реальную угрозу причинения фактического вреда гражданам в будущем. Если в ст. 42 УПК РФ указать не только на фактический вред, но и угрозу его причинения, это будет охватывать все случаи отнесения лица к потерпевшим, когда фактический вред не наступил. Во-вторых, преступления против государства и общества характеризуются тяжестью последствий, значительным количеством потерпевших, сложностью подсчета имущественного ущерба и его значительностью, который виновный вряд ли сможет возместить. Многие преступления в сфере экономической деятельности причиняют вред широкому кругу потерпевших, что препятствует применению к лицам, их совершившим, ст. 76 УК РФ[3]. Поэтому нельзя говорить о несправедливом отношении к обвиняемым в преступлениях против государства.

Лицо является потерпевшим также и при угрозе причинения ему вреда, что характерно для неоконченной преступной деятельности и преступлений, которые описаны посредством составов созда-

[1] Мартыненко Н.А. Уголовно-правовая охрана потерпевшего. М., 2015. С. 48.

[2] Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М., 2006. С. 204-205; Никитин А.С. Понятие «потерпевший» в материальном праве // Государство и право. 2007. № 11. С. 127-128.

[3] Клепицкий И.А. Указ. соч. С. 52.

ния опасности. Согласно ч. 4 п. 2 постановления № 17, если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению), суд должен установить, в чем выразился причиненный потерпевшему вред. Не исключается возможность причинения такому лицу морального вреда, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица. Это связано с тем, что лицо сознает, что могло быть лишено возможности жить, обладать здоровьем, имуществом и т.д., что является основанием для возникновения ответной эмоциональной реакции, выражающейся в чувстве тревоги, страха и т.д.[1] Лицо является потерпевшим и тогда, когда оно и не осознавало факта совершения против него преступления. Например, при покушении на убийство жертва не выпила жидкость с ядом и фактический вред (смерть) не наступил, но человеку причинен психический вред. Поэтому потерпевшим является лицо, которому не только фактически причинен физический, психический, моральный вред и имущественный ущерб, а также нарушены политические, личные права и свободы или была создана угроза причинения такого вреда. Так, при необходимой обороне потерпевшим часто признается посягающий, хотя он создавал реальную угрозу причинения вреда обороняющемуся, в то время как обороняющийся таковым не признается, поскольку фактический вред ему на момент отражения посягательства причинен не был[2].

Закрепление в законе такого признака, как угроза причинения вреда, позволит относить к потерпевшим лицо при покушении на него, когда фактический вред ему причинен не был, косвенно признать потерпевшими от преступления государство и общество и повысить эффективность институтов необходимой обороны.

5.3. Непосредственность причинения вреда потерпевшему: конструирование норм и квалификация деяний

Вред, причиненный потерпевшему, должен охватываться диспозицией нормы, т.е. быть непосредственно причинен носителю интереса, охраняемого ею[3]. Это позволяет отграничить уголовно-правовое понятие потерпевшего от его уголовно-процессуального и

[1] Сумачев А.В. Указ. соч. С. 58; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 169.

[2] Юшков Ю.Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. 1992. № 4. С. 62.

[3] Таубер Л.Я. Понятие потерпевшего в уголовном праве // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1907. № 5. С. 1-3.

бытового понимания и установить необходимую причинную связь между деянием и последствиями. Так, Верховный Суд РФ признал правомерным освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) – женой убитого – при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 УК РФ)[1]. В данном случае речь идет о потерпевшем в уголовно-процессуальном аспекте, поскольку вред жене убитого был причинен опосредованно. К близким родственникам потерпевшего согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ переходят только права. Обоснованно мнение именовать родственников погибшего человека правопреемниками потерпевшего, а потерпевшим является лицо, которому вред причинен непосредственно[2].

В теории полагают считать потерпевшими в уголовно-правовом смысле родственников умершего, в отношении которого распространяют заведомо ложные сведения, задевающие честь и достоинство живущих[3]. Поскольку вред потерпевшему должен быть причинен непосредственно, Н.И. Коржанский предложил в диспозиции нормы о клевете указать на распространение заведомо ложных порочащих сведений, позорящих не только определенное лицо, а также его родных и близких[4]. Другие авторы предлагают установить в УК РФ наказание за клевету, диффамацию или оскорбление в отношении умершего[5].

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 3. С. 17-18.

[2] Божьев В., Коомбаев А. Процессуальный статус гражданина, потерпевшего от преступления по законодательству России и Казахстана // Уголовное право. 2006. № 5. С. 97-98.

[3] Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 75.

[4] Коржанский Н.И. О недостатках уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности / Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 3. Волгоград, С. 45. В ст. 1535 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. была предусмотрена ответственность за клевету не только в отношении какого либо лица, но и в отношении жены и членов его семьи. См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. СПб., 1912. С. 891.

[5] Поезжалов В.Б. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 16; Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006. С. 79. Блинникова Д.В. Некоторые актуальные вопросы уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 5. С. 96. Согласно параграфу 189 УК ФРГ Оскорбивший память умершего наказывается лишением свободы до двух лет или денежным штрафом. Уголовный кодекс ФРГ / под ред. А.В. Серебрянниковой. С. 120.

Сложно установить и конкретизировать вред, причиняемый распространением ложных слухов о деятельности коммерческих организаций. В доктрине обоснованно предложено установить в гл. 22 УК РФ наказание за распространение заведомо ложных сведений, подрывающих деловую репутацию юридического лица. Это обеспечит уголовно-правовую охрану деловой репутации юридических лиц, поскольку гражданско-правовые средства ее защиты малоэффективны[1].

От формулировки диспозиции нормы зависит квалификация преступлений по совокупности или поглощении составов, при применении насилия к двум и более лицам. Так, ч. 1 ст. 117 УК РСФСР предусматривала наказание за половое сношение с применением насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Поэтому применение насилия к иным лицам следовало квалифицировать по совокупности преступлений. В ч. 1 ст. 131 УК РФ предусмотрена ответственность за половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам. По мнению Т.В. Кондрашовой, насилие, применяемое к третьим лицам как с целью сломить сопротивление женщины, так и с целью устранения очевидцев и лиц, препятствующих изнасилованию, следует квалифицировать дополнительно как причинение вреда здоровью, побои и истязания, так как эти лица не являются потерпевшими от изнасилования[2]. Это положение закреплено в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» согласно которому, если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в целях преодоления сопротивления потерпевшего применялось насилие или выражалась угроза его применения в отношении других лиц (например, родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ. Однако более обоснованна позиция, что насилие, применяемое при изнасиловании к другим лицам, с целью подавления воли потерпевшей полностью охватывается ст. 131 УК РФ[3], а его применение для устранения очевидцев,

[1] Тараненко А.С. Перспективы уголовно-правовой охраны деловой репутации коммерческих организаций // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 103-104; Сабитов Р.А. Указ. соч. С. 268; Мартыненко Н.А. Указ. соч. С. 53.

[2] Российское уголовное право : курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 362.

[3] Попов А. О новеллах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 73.

защитников потерпевшей следует дополнительно квалифицировать по статьям, предусматривающим наказание за причинение вреда здоровью.

В зависимости от того, какие последствия указаны в диспозиции, изменяется объем интересов граждан, являющихся потерпевшими. Так, первоначально ст. 196 УК РФ предусматривала наказание не только за причинение имущественного ущерба, но и иных тяжких последствий (массовое увольнение, самоубийство кредитора)[1], поэтому потерпевшими являлись лица, которым был причинен не только имущественный ущерб, но и иной вред. Это решение обоснованно, поскольку вред причиняется имущественным (первичным) отношениям.

Указание на вред, причиненный потерпевшему, как последствие преступления не только расширяет сферу действия уголовно-правовых норм, но и гарантирует от их необоснованно широкого применения. Так, при нарушении специальных правил, повлекшем причинение вреда здоровью человека, что впоследствии из-за особенностей его организма приводит к смерти, виновному следует вменять лишь ту часть статьи (например, ст. 264 УК РФ), которая предусматривает наказание за вред, причиненный потерпевшему непосредственно при нарушении правил.

Признак непосредственности причинения вреда должен учитываться для установления потерпевшего при мошенничестве, когда виновный, используя документы других лиц, приобретает с рассрочкой оплаты на их имя телефон либо получает кредит, уверяя владельцев документов, что он оплатит покупку или вернет кредит банку, но своих обещаний не выполняет. Возникает вопрос, кто является потерпевшим: продавец телефона, банк или владелец документов, на чье имя был приобретен в рассрочку телефон или получен кредит? Обоснованно мнение, что потерпевшим является банк или продавец, так как непосредственно ущерб был причинен им, несмотря на то, что они, имея возможность взыскать задолженность по кредитному договору (тогда ущерб будет причинен владельцу документов), могут её и не получить[2].

Рассмотрим вопрос о признании лица потерпевшим при нарушении специальных правил безопасности, когда последствия отда-

[1] Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 1996. С. 180.

[2] Хилюта В. Кому причиняется ущерб в результате хищения // Законность. 2014. № 5. С. 58; Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 71.

лены по времени и обусловлены привходящими факторами. Это необходимо для установления причинной связи и вины, поскольку субъект был обязан предвидеть наступление последствий, и зависит от того, урегулирована нормативно или нет конкретная деятельность. Нарушение правовых обязанностей, изложенных в правилах, выступает причиной тех последствий, для предупреждения которых установлена норма, даже если непосредственной причиной наступления последствий послужили привходящие факторы, на основании чего случайная причинная связь приобретает характер необходимой. Главное в нарушении специальных правил – не одноразовое действие, а урегулированная нормативным актом программа поведения (прошедшая через сознание вследствие неоднократного повторения), и отклонение от неё влечет последствия, предупреждение которых заложено в программу, и поэтому вред всегда причиняется виновно[1].

Лицо, нарушившее запрет, сформулированный в нормативно изложенных правилах, привлекают к уголовной ответственности по специальной норме, предусматривающей наказание за нарушение правил безопасности, либо по общей – за причинение вреда по неосторожности, трактуемой расширительно. Так, Х. взял в магазине несколько бутылок водки и, поместив их в коробку, положил в багажник автомобиля, где у водителя Мурадова в закупоренной бутылке из-под шампанского находилась серная кислота. При переносе коробки с водкой в дом бутылка с серной кислотой оказалась в этой же коробке. Пьяный Х. достал из коробки с водкой бутылку из-под шампанского и, думая, что в ней шампанское, разлил серную кислоту по пиалам. Присутствующий в доме М., выпив из пиалы, почувствовал себя плохо и был доставлен в больницу, где скончался. Х. был оправдан за убийство по неосторожности, так как нарушение правил безопасности допустил водитель Мурадов, хранивший кислоту в бутылке из-под вина в кабине, куда имели доступ другие люди[2]. По мнению А.А. Тер-Акопова, водитель, безусловно, виновен в убийстве по неосторожности по ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ), однако содеянное не отражает всей опасности совершенного им преступления, так как образует нарушение специальных правил предосторожности с сильнодействующим веществом[3]. Такого состава преступления в УК РСФСР на момент совершения указанных действий не было. Поэтому запрет, сформулированный в ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ), трактовался расширительно. Вменять води-

[1] Тер-Акопов А.А. Указ. соч. С. 112-116.
[2] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 5. С. 27-30.
[3] Тер-Акопов А.А. Указ. соч. С. 23.

телю наступившие последствия можно было бы лишь в том случае, если на момент совершения указанных действий в Уголовном кодексе имелся бы состав, предусматривавший ответственность за нарушение правил обращения с сильнодействующими веществами, повлекшее по неосторожности смерть. Тогда между нарушением этих правил и последствиями в виде смерти имелась бы причинная связь. В УК РФ наказание за подобные действия предусмотрено в ст. 234, где последствиями нарушения соответствующих правил является хищение сильнодействующих и ядовитых веществ или причинение иного существенного вреда. Представляется, что эту норму следует дополнить таким квалифицирующим признаком, как причинение смерти по неосторожности.

В повседневной жизни часто нарушают меры безопасности, которые нигде не регламентированы, вследствие чего причиняется вред человеку, например падающим с крыши льдом[1]. Распространены нападения на людей и причинения им вреда собаками, имеющими хозяев, деяния которых, если они нарушили правила содержания собак, квалифицируют по ст. 109 УК РФ, что основано на расширительном толковании. Сложно установить необходимую причинную связь и вину без специальной нормы. Так, в параграфе 81 УК Австрии «Неосторожное убийство при особо отягчающих обстоятельства» установлено наказание за причинение смерти по неосторожности при содержании, хранении или провозе опасного животного, вопреки правовому предписанию или официальному поручению[2].

В уголовном законодательстве ряда стран предусмотрена ответственность за нарушение общих правил безопасности. Так, в ст. 630 УК Испании установлено наказание за оставление шприцов или других опасных инструментов таким образом или при таких обстоятельствах, что они могут причинить вред людям или заразить

[1] В г. Новосибирске по факту причинения тяжкого вреда здоровью человека льдом, упавшим с крыши, в отношении работников ЖЭКа, не являющихся должностными лицами, было возбуждено уголовное дело по ст. 293 УК РФ, а к ответственности по ч. 2 ст. 118 УК РФ можно привлечь лишь рабочих, обязанных чистить крышу от снега по инструкции или указанию руководителей ЖЭКа. См.: Рузанова Н. Лед падал вопреки Уголовному кодексу // Российская газета. 15 марта 2005 г. (приложение «Вся Сибирь»). В г. Санкт-Петербурге в результате падения льда с козырька балкона, установленного жильцами, погиб прохожий. Согласно договору по обслуживанию дома обязанность очищать козырьки балконов на управляющую компанию не возлагалась. Туманова И. В Питере зима продолжает убивать // Известия. 2011. 14 марта. В г. Самаре автомобиль, двигавшийся по проезжей части, провалился в огромную яму с водой, водителя спасти не удалось // Российская газета. 2011. 24 августа.

[2] Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. С. 132.

болезнями, либо в местах, часто посещаемых несовершеннолетними. В ст. 631 предусмотрено наказание для лиц, отвечающих за присмотр за кровожадными или вредоносными животными, оставленными без привязи либо покинутыми в обстоятельствах, когда они способны причинить зло[1]. Согласно ст. 223-1 УК Франции преступлением признается прямое поставление другого человека в непосредственную опасность смерти или причинение телесных повреждений, способных повлечь увечье или хроническое заболевание, совершенное путем явного, умышленного невыполнения определенной обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом или регламентом[2].

Поскольку предусмотреть все правила, нарушение которых может повлечь причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью, невозможно, УК РФ целесообразно дополнить нормой, предусматривающей наказание за нарушение правил безопасности, которая бы выступала общей нормой по отношению к нормам, устанавливающим ответственность за нарушение специальных правил безопасности. Так, ст. 1466 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. предусматривала наказание за действия, «противные ограждающим личную безопасность и общественный порядок постановлениям, вследствие чего причинится кому-либо смерть», т.е. охватывала действия, когда лицо не приняло мер предосторожности, которые предписывались или были возложены на него по его особому положению. Например, неустановление домовладельцем на лестнице перил, падение вывески из-за ее ненадлежащего прикрепления, что привело к наступлению смерти человека[3]. Представляется, что в гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» следует установить наказание за причинение смерти и тяжкого вреда здоровью по неосторожности неограниченного круга лиц, вследствие нарушения общих правил безопасности.

Обязанность соблюдать правила безопасности, регламентируемые различными отраслями права, определяет границы объекта преступления и позволяет вменять последствия, для предотвращения которых были созданы правила, так как их издание и ознакомление с ними, налагает на субъектов обязанность предвидеть как на-

---

[1] Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 192.

[2] Уголовный кодекс Франции / научн. ред. Л.В. Головко, Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 213.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. С. 836-837.

ступление таких последствий, так и развитие причинной связи, которая из случайной приобретает характер необходимой.

Таким образом, для признания лица потерпевшим в уголовном праве обязательно наличие необходимой причинной связи между деянием и последствиями преступления, указанными в диспозиции нормы Особенной части УК РФ или определяемыми ее толкованием. В противном случае, во-первых, расширяется круг лиц, которых можно признать потерпевшими: родственников и близких лиц, а также очевидцев, присутствовавших на месте преступления, которым преступлением причинен моральный вред; во-вторых, в размер имущественного ущерба, влияющего на квалификацию, следовало бы тогда включать и расходы, связанные с лечением, дополнительным питанием и т.д.

Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением *непосредственно* причинен физический, психический и моральный вред, имущественный ущерб, характеризующие последствия преступления, предусмотренные нормой Особенной части УК РФ, либо *непосредственно* была создана реальная угроза причинения такого вреда.

Юридическое лицо является потерпевшим, если преступлением *непосредственно* был причинен вред его деловой репутации или нанесен имущественный ущерб.

5.4. Отношение к причиненному потерпевшему вреду

Поведение людей регулируется предоставлением им субъективных прав, в том числе право требовать определенного поведения от обязанных лиц, принадлежащее не государству непосредственно, а лицам, наделенными субъективными правами[1]. В то же время общество – это совокупность социальных взаимосвязанных и взаимозависимых связей, и причинение вреда отдельному индивиду (даже с его согласия) причиняет вред обществу в целом и является преступным[2]. Как писал Н.С. Таганцев: «… когда посягательство на частное право заключает в себе нарушение интересов общественных и государственных, согласие уничтожает преступность деяния только как нарушение частных прав, но не имеет никакого значения для его

[1] Никифоров Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву // Советское государство право. 1956. № 6. С. 65.

[2] Дагель П.С. Имеет ли согласие потерпевшего уголовно-правовое значение? // Советская юстиция. 1972. № 3. С. 26.

общественных и государственных моментов. Брань, с согласия на таковую обруганного, не составляет преступной обиды, но обругавший может быть привлечен к ответственности за нарушение тишины и спокойствия, как скоро в учиненном им деянии находятся необходимые для этого элементы»[1].

Сложно согласиться с предложением указать в ст. 76 УК РФ, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности не за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а за преступления, причинившие вред благам, находящимся в полном распоряжении лица, которому причинен вред и с его согласия[2]. Предоставлять лицу право решать вопрос о том, кому причиняет вред преступление – только ему, обществу или государству, нельзя. Человек как субъект входит в систему общественных отношений, и непосредственное причинение вреда ему неизбежно влечет негативные последствия для общества. Так, при побоях или причинении легкого вреда здоровью человека для его подчинения требованиям руководителей религиозного объединения (ст. 239 УК РФ) вопрос об уголовном преследовании не может быть отдан на усмотрение потерпевшего.

Возникает вопрос: когда человек может самостоятельно распоряжаться своей жизнью, здоровьем, честью, свободой и имуществом, охраняемыми не сами по себе, а ради их носителей. Согласие лица в уголовном праве – это разрешение на определенные уголовно-значимые действия со стороны третьих лиц в отношении собственных благ, добровольно выраженное дееспособным лицом до начала их совершения и влекущее уголовно-правовое последствие[3]. Поскольку причинение вреда человеком самому себе не преступно при отсутствии цели уклонения от возложенных обязанностей (ст. 328, 339 УК РФ), не является потерпевшим дееспособное лицо, которому был причинен вред с его согласия[4]. Такое лицо является пострадавшим. Определим критерии непреступности причинения вреда с согласия пострадавшего.

По мнению А.В. Сумачева, пределы возможного отчуждения собственных благ личности определяются субъективно-объективной

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая: в 2 т. Т.1. М., 1994. С. 185.

[2] Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1998. С. 20.

[3] Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М., 2003. С. 115.

[4] Дагель П.С. Имеет ли согласие потерпевшего уголовно-правовое значение? // Советская юстиция. 1972. № 3. С. 27.

значимостью отчуждаемого блага и общественной значимостью способа его нарушения[1]. Закон предоставляет человеку право определять, прибегать к защите своих прав уголовно-правовыми средствами или нет, только при причинении ему морального вреда при распространении заведомо ложных сведений (ст. 128.1 УК РФ), физическом воздействии (ст. 115-116 УК РФ), нарушении половой свободы (ч. 1 ст. 131, 132 УК РФ), вторжении в частную жизнь (ст. 137, 138, 139 УК РФ), нарушении права на труд (ст. 145 УК РФ), авторских, смежных, изобретательских и патентных прав (ст. 146, 147 УК РФ) и причинении имущественного ущерба при определенных условиях (ст. 159-160, 165 УК РФ). Основанием для отнесения указанных преступлений к делам частного и частно-публичного обвинения является то, что, исходя из особенностей отношений, которым преступление причинило вред, государство предоставляет потерпевшему право самому выбрать способы защиты своих прав. При причинении морального вреда, например при разглашении сведений, составляющих личную тайну (ст. 137-139 УК РФ), человек сам решает, причинен ему вред или нет. Кроме того, поскольку самоуправство (ст. 330 УК РФ) как самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативно-правовым актом порядку совершение каких-либо действий, *правомерность которых оспаривается организацией или гражданином*, причинило существенный вред, посягает на процедуру реализации прав, правомерность которых оспаривается, человек, в отношении которого совершают самоуправные действия, должен сам решать вопрос – нарушены его интересы или нет. Соответственно, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 330 УК РФ, должно быть отнесено к делам частного обвинения[2]. Во всех остальных случаях преступность или непреступность причинения вреда другим благам человека определяется исключительно государством. Трудно согласиться с тем, что наличие или отсутствие объекта преступления определяется волеизъявлением лица, которому причинен вред[3].

Иногда причинение вреда человеку с его согласия хотя и создает угрозу обществу, но признание его преступлением нецелесообразно. Так, общественно опасным является поставление человеком

---

[1] Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. С. 115.

[2] Соколова О.В. О приемах и правилах законодательной техники современной России: состояние, проблемы совершенствования : сб. статей. Н.Новгород, 2005. Т. II. С. 262.

[3] Мотин О.А. Указ. соч. С. 18.

себя в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1-2 ст. 122 УК РФ), поскольку пострадавший, вследствие неизбежности своей смерти, по сути, соглашается на причинение вреда собственному здоровью. При этом общество должно изыскивать средства для его лечения, пытаясь отдалить его смерть и минимизировать опасность заражения других[1]. Возможно, это примечание введено для выявления источника заражения ВИЧ-инфекцией. ВИЧ-инфицированный, будучи свидетелем, не может отказаться от дачи показаний.

Нецелесообразно признавать преступлением и прерывание беременности с согласия женщины (ст. 123 УК РФ). Несмотря на опасность аборта, причиняющего вред здоровью женщины, и умерщвление плода, что негативно скажется на обществе, абсолютная криминализация абортов увеличит количество смертей или причинение тяжкого вреда здоровью женщины при подпольных абортах[2]. Таким образом, заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, если оно своевременно было предупреждено о наличии у другого лица этого заболевания, а также производство аборта не исключают общественную опасность, но государство относит их к правомерным вследствие нецелесообразности признания их преступными.

Непреступным при соблюдении ряда условий следует признавать и причинение вреда здоровью человека с его же согласия при трансплантации органов или тканей; причинение вреда при проведении научного эксперимента в отношении здорового человека, поскольку государство признает за личностью право распоряжаться своим здоровьем во имя общественно полезных целей. При трансплантации и проведении эксперимента правомерным следует признавать только причинение вреда здоровью, но не смерти[3].

На достижение общественно полезной цели – оздоровление нации – направлено и занятие спортом. Трудно согласиться с предложением криминализировать нарушение правил спортивных состязаний, повлекшее причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, если до этого к участнику соревнований применяли дис-

---

[1] Лобанова Л.В., Каменев Р.Г. Уголовно-правовое значение возможного заражения ВИЧ-инфекцией // Российская юстиция. 2008. № 3. С. 30; Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 165-166; Щерба С. Социальные опасность и уголовно-правовые последствия заражения ВИЧ-инфекцией // Уголовное право. 1998. № 3. С. 37.

[2] Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости. С. 70.

[3] Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. С. 153-155.

квалификацию[1], либо если грубое нарушение этих правил повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть[2]. Причинение вреда здоровью и даже смерти участнику соревнования нельзя признавать преступным[3]. Смысл спортивных единоборств заключается в нанесении ударов. В то же время умышленный удар ногой в голову лежащего соперника следует квалифицировать как преступление против здоровья. Таким образом, причинение вреда человеку с его согласия во время трансплантации тканей или органов, эксперимента или спортивных соревнований при соблюдении определенных условий, непреступно. Эти действия общественно полезны либо социально нейтральны.

Обществу может быть причинен вред и при причинении имущественного ущерба лицу с его согласия, если имущество имеет общественное (хозяйственное, эстетическое и т.д.) значение[4]. Согласно ст. 240 ГК РФ, если собственник культурных ценностей содержит их бесхозяйственно, что грозит утратой ими своего значения, то они по решению суда могут быть выкуплены у него с публичных торгов. Так, в г. Москве по факту разрушения фронтонов и карнизов и установления мансарды из гофрированного железа, изменивших первоначальный вид здания XVIII века, против его владельца было возбуждено уголовное дело по ст. 243 УК РФ[5]. Хотя экономическая стоимость здания увеличилась вследствие расширения его площади, но как памятник архитектуры оно было повреждено. Уничтожение и повреждение имущества с согласия его собственника преступно, если оно принадлежало не только ему, но и другим лицам, например близким), либо относится к историческим, культурным и другим памятникам, или если лицо стремилось к достижению преступной цели, (например, уничтожению застрахованного имущества для получения страховки)[6].

---

[1] Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 69-120.

[2] Скворцов А.А. Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом: проблемы уголовно-правовой квалификации. М., 2006. С. 81.

[3] Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. С. 153-155.

[4] Курс Советского уголовного права. ЛГУ, 1968. Т.1. С. 517-518.

[5] Козлов Н. Памятник – себе // Российская газета. 24 июля 2008 г.

[6] Уголовное право Российской Федерации (Общая часть): Учебник / под ред. А.И. Марцева. Омск, 1998. С. 175.

ГЛАВА 6
ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УКАЗАНИЯ НА ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ДИСПОЗИЦИЯХ НОРМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

6.1. Признаки предмета преступления, его место и значение в системе состава преступления

Одним из доводов непризнания общественных отношений объектом преступлений является их абстрактность и неосязаемость. С целью конкретизации в теории уголовного права их рассматривают через предметы материального мира[1]. К предмету относят все, что обладает свойствами и находится в отношениях с другими вещами, характеризующимися целостностью, самостоятельностью существования, устойчивостью, границами (пространственными, временными, качественными) и являющихся носителем свойств и отношений[2]. Сторонники широкого понимания предмета преступления относят к нему все то, что подвергается непосредственному воздействию при посягательстве на общественные отношения: физических лиц и их действия, юридические лица (учреждения, организации и т.п.), а также вещи или процессы, служащие условием или предпосылкой возникновения, или формой выражения конкретных общественных отношений. Такое представление о предмете преступления определяется структурой отношений, элементами которой являются субъекты отношений и их деятельность. «Беспред-

---

[1] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 219; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 86. Это положение базируется на том, что отношения всегда связаны как вещи и проявляются как вещи. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 13. М., 1959. С. 498.

[2] Кириллов В.И. Указ. соч. С. 54; Баруллин В.С. Соотношение материального и идеального в обществе (Методологические аспекты проблемы). М., 1977. С. 18-19.

метных» преступлений не существует, так как невозможно совершить посягательство на отношения без воздействия на его элементы, т.е. предмет посягательства[1].

Таким образом, понятие «предмет преступления» необоснованно отождествлялось с элементами структуры общественных отношений[2]. Признание предметом преступления деятельности участников не позволит отграничить её от предметов материального мира. Отождествление предмета преступления с субъектом отношений затрудняет установление предмета преступления, поскольку он поглощает понятие «потерпевший». К предмету преступления традиционно относили лишь материальные образования объективного мира, на которые непосредственно воздействует виновный[3].

Не относится к предмету преступления тело живого человека[4], хотя оно и поддается чувственному восприятию. Человек как субъект отношений – это всегда социальная категория, воплощающая в себе те или иные социальные связи. Вещи, выражающей общественные отношения, может и не быть, но отношения существуют, а без субъекта их нет. Предмет преступления как правовое понятие выделяют, потому что он, будучи вовлеченным в общественную жизнь, приобретает социальный характер[5]. К предмету преступления можно относить лишь тело мертвого человека (ст. 244 УК РФ).

---

[1] Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. № 1. С. 123; Курс советского уголовного права (часть Общая). Л. 1968. С. 303-307; Панченко П.Н. Указ. соч. С. 163.

[2] В теории также выделяют «предмет отношения» как структурный элемент общественного отношения, «предмет преступления» – вещи материального мира, со свойствами которых связано наличие в действиях лица состава преступления, и «предмет преступного воздействия» – элемент охраняемого уголовным законом отношения, подвергающийся непосредственному воздействию. См.: Таций В.Я. Указ. соч. С. 32-58. Это предложение обоснованно критикуют, так как понятия «преступление», «преступное воздействие» и «преступное посягательство» синонимы. См.: Кругликов Л.Л. Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 180-181.

[3] Панов Н.И. Понятие предмета преступления по советскому уголовному праву // Проблемы правоведения. Вып. 45. Киев, 1984. С. 68–72; Кравцов С.Ф. Предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 7-8.

[4] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 100–104. Нельзя относить к предмету преступления человека при совершении в отношении него сделки (ст. 127.1 УК РФ), как это предложено в теории. Кауфман М.А., Юшенкова С.Ю. О предмете преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» // Российская юстиция. 2008. № 10.

[5] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 218.

В теории советского уголовного права выделяли следующие признаки предмета преступления: физический – это вещь материального мира; социальный – характеризующий его связь с общественными отношениями; юридический – предмет преступления обозначен в диспозиции статьи Особенной части как признак объекта[1]. Физический признак выражается в том, что он «материализует» общественные отношения. Изменения, произошедшие в предмете, фиксируют фактические последствия. Значение социального признака состоит в том, что свойства предмета преступления выражают характер отношений[2]. Юридический признак формализует социальный. Преступление, воздействуя на предмет, посягает на возможность субъекта реализовывать свои интересы в определенной сфере, а законодатель, описывая в диспозиции статьи Особенной части наиболее важные, по его мнению, свойства предмета преступления, указывает правоотношения, выступающие объектом преступления, как элемент его состава.

В то же время к предмету преступления относят и блага (материальные и идеальные), по поводу которых существуют охраняемые отношения и на которые воздействует виновный, причиняя либо создавая угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям. В.Д. Филимонов к благам и, следовательно, к предмету преступления относит проведение религиозных обрядов, собраний, митингов, осуществление предпринимательской деятельности. Поскольку общественное отношение как объект преступления имеет своим предметом социальные блага – предмет преступления, то нельзя допустить существования беспредметных преступлений, а разграничение объекта и предмета преступления устарело[3]. Такой подход обусловлен неверным отождествлением понятий «предмет отношения» – нематериальные явления, по поводу которых существуют общественные отношения, и «предмет преступления» как формы их выражения. О предмете преступления как признаке состава следует говорить только при посягательстве на общественные отношения, выражающиеся в материальных предметах[4].

Отождествление предмета отношений с предметом преступления произошло из-за широкого понимания физического и социаль-

---

[1] Гельфер М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Ученые записки ВЮЗИ. М., 1955. С. 57-58; Кравцов С. Ф. Указ. соч. С. 8-9; Панов Н.И. Указ. соч. С. 68-72.

[2] Глистин В.К. Указ. соч. С. 48.

[3] Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 101, 103.

[4] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 221; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 98.

ного признаков предмета преступления, заключающихся в способности подвергаться непосредственному воздействию и удовлетворять потребности людей. Трудно согласиться с отнесением к предмету преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ, правил охраны окружающей среды; ст. 315 УК РФ – вступивших в законную силу приговора или решения суда; ст. 171 УК РФ – деятельности, направленной на получение прибыли; установленного законом порядка служебной деятельности должностных лиц[1]. Решение суда лишь подтверждает возникновение правоотношений, а правила охраны окружающей среды, деятельность, направленная на получение прибыли, порядок служебной деятельности должностных лиц непосредственному воздействию не подвергаются и не изменяются. В приведенных высказываниях речь идет не *о предмете преступления*, а о *предмете отношения* как нематериальном явлении, по поводу которого существуют отношения.

Вместе с тем в современных условиях материальность как признак предмета преступления изменился. Материю следует рассматривать как объективную реальность. С этой позиции, как отмечает некоторые авторы энергия и интеллектуальные ценности реальны, т.е. материальны, они существуют здесь и сейчас в реальном мире. В широком смысле электрическую энергию, атмосферный воздух, почву, воду можно назвать предметами материального мира, поскольку они удовлетворяют потребности человека, доступны для восприятия, подвергаются изменениям, поддаются фиксации[2].

Выделяют и символ – предмет преступления, характеризующийся знаковой материальностью, обособленностью от субъекта, в котором объективируются свойства объекта[3]. Так, информация как

---

[1] Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны окружающей природной среды // Законность. 2001. № 8. С. 6; Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Преступления против правосудия. Настольная книга судьи. М., 2008. С. 479; Фабричный А.И. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 17; Семернева Н.К. Указ. соч. С. 46-47.

[2] Калмыков Д.А. К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления» // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы : материалы Российского конгресса уголовного права. М., 2008. С. 42-44; Баландюк В.Н. Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений. М., 2000. С. 6; Кругликов Л.Л. Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 183.

[3] Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 11; Карабанова Е.Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10.

товар и объект права различается по статусу, способна поддаваться воздействию и изменению и быть предметом различных преступлений[1]. Согласно ст. 2 Федерального закона от 2 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Лист бумаги как носитель информации не представляет ценности и преступному воздействию не подвергается. Изменяют или уничтожают именно информацию, например об имуществе, изложенную на бумаге. Следует отличать информацию как предмет преступления от носителя информации, на котором она закреплена[2]. В УК РФ наряду с понятием «информация» используют термины «данные» и «сведения». Согласно правилам законодательной техники следует использовать термин «информация», поскольку он встречается в нормативных актах иных отраслей права, составляющих бланкетное содержание уголовно-правовых норм[3].

---

[1] Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 118-119; Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 48-54;

[2] Яшков С. А. Информация как предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 21; Шульга А.В. Хищение в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров. М., 2016. С. 99. Как отмечено в определении Верховного Суда РФ от 7 мая 2013 г. № 56-Д13-25С, предметом преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, являются не документы, а содержащиеся в них сведения, отнесенные к государственной тайне, независимо от формы их изложения и оформления. Поэтому сложно согласиться с тем, что информация не является предметом преступления. См.: Попов А.Н., Аистова Л.С. Указ. соч. С. 20.

[3] Коняхин В.П., Асланян Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности // Российский следователь. 2016. № 8. В связи с увеличением роли информации в обществе в теории предложено объединить все нормы, предусматривающие наказание, за разглашение различной информации, в одну главу УК РФ, поскольку она как предмет преступления всегда имеет определенное содержание, в зависимости от чего различаются объекты посягательства. Однако степень общественной опасности посягательства на охраняемую законом информацию, кроме посягательства на государственную тайну, принципиально не отличается. Например, разглашение данных предварительного следствия и сведений о частной жизни по общественной опасности схожи. Кроме этого информация дублируется, так, одни и те же сведения могут составлять тайну частной жизни и налоговую тайну. Поэтому разные объекты посягательства не должны помешать объединению норм об охране сведений конфиденциального характера, поскольку не совпадающие объекты не помешали законодателю объединить все преступления, касающиеся компьютерной информации, в одну главу в зависимости от того, на каком носителе эта информация закреплена, без учета ее содержания. См.: Юрченко И.А. Налоговая тайна как предмет уголовно-правовой охраны /

Предметом преступления является только конфиденциальная информация, т.е. ограниченная в пользовании. Разглашение общедоступной информации не причиняет никому вреда. К предмету имущественных преступлений относится только достоверная информация, включенная в легальный экономический оборот, оглашение которой причиняет имущественный ущерб ее обладателю[1]. Предметом преступлений в сфере экономики выступает информация, представляющая коммерческую, банковскую, налоговую тайну (ст. 183 УК РФ), о юридических лицах, владельцах ценных бумаг (ст. 170.1 УК РФ), а также содержащаяся в единых государственных реестрах (ст. 285.3 УК РФ).

Учитывая, что предметом преступления часто выступает имущество, рассмотрим способы его закрепления в нормах Особенной части УК РФ. Как предмет преступления законодатель описал его такими терминами, как «имущество» (объект вещного права как вещь), которое можно изъять (ст. 158, 160 УК РФ); «право на имущество», которое можно приобрести (ст. 159, 163 УК РФ), и «имущественное право» (ст. 195, 196 УК РФ) (объект обязательственного права), которое, как правило, изъять нельзя.

Поскольку имущество часто имеет информационное выражение, рассмотрим возможность признания предметом преступления права на имущество применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 159, 163 УК РФ[2]. Одни ученые полагают, что термин «право на имущество» должен соответствовать смыслу гражданско-правового понятия «имущественные права»[3], вторые – связывают

Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сборник материалов III Международной научно-практ. конференции. М., 2006. С. 214-215. С этим предложением трудно согласиться. Объектом преступления тогда следует признать отношения в сфере обеспечения конфиденциальности информации, в то время как УК РФ охраняет не неприкосновенность информации, а тайну частной жизни, разглашение которой причиняет вред человеку в сфере реализации его личных прав (ст. 137 УК РФ), тайну усыновления, разглашение которой причиняет вред субъекту семейных отношений (ст. 155 УК РФ), коммерческую, налоговую, банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), что причиняет вред человеку как субъекту экономической деятельности.

[1] Шульга А.В. Указ. соч. С. 66-67.

[2] Поскольку стать правообладателем посредством обмана нельзя, «право на имущество», характеризующееся наличием у собственника или владельца правомочий владеть, пользоваться или распоряжаться предметами материального мира – понятие условное. См.: Ляпунов Ю. Ответственность за вымогательство // Законность. 1997. № 4. С. 5.

[3] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. С. 127; Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 128.

его с приобретением незаконным путем не только отдельных правомочий собственника на чужое имущество, но и права требования имущества (вклад в банке, заложенное имущество)[1]; третьи – что это исключительно вещное право, включающее такие правомочия как владение, пользование и распоряжение;[2] четвертые – что это ограниченные вещные права – доверительного управления, право владения имуществом (ордер на квартиру, доверенность на управление автомобилем)[3].

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – постановление № 48) мошенничество в форме приобретения права на имущество окончено с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; заключения договора, совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; вступления в силу решения суда, которым за лицом признается право на имущество, или принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенным в заблуждение относительно наличия у виновного или других лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом). Таким образом, Верховный Суд РФ отождествляет право на имущество как вещное право с имущественными правами как объектами обязательственных правоотношений, что обусловлено необходимостью уголовно-правовой охраны обязательственных отношений[4]. Так, между банком и вкладчиком возникают обязательственные отношения, когда вкладчик имеет право требовать выдать ему деньги, перевести на другой счет и т.д., и завладение безналичными денежными средствами путем обмана или злоупотребления доверием предложено квалифицировать как мошенничество, но не в

[1] Волженкин Б.В. Мошенничество. СПб., 1998. С. 23.

[2] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 193.

[3] Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 209-210.

[4] Яни С.А., Яни П.С., Яни Д.П. Понимание права на имущество как предмет мошенничества в теории и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3. С14.

форме хищения, а в форме завладения «имущественным правом»[1]. Но в УК РФ нет нормы, предусматривающей наказание за приобретение путем обмана имущественного права. Поэтому такие действия квалифицируют как оконченное мошенничество в виде завладения имуществом, а не приобретение права на имущество, поскольку виновный, переведя деньги с одного счета на другой, получает реальную возможность распоряжаться ими по своему усмотрению[2].

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под правом на имущество понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества, т.е. речь идет исключительно о вещных правоотношениях. Определимся с тем, приобретает ли виновный право собственности в полном объеме или только отдельные правомочия на него. К праву на имущество относят лишь те вещные права, которые дают возможность обращать имущество в пользу виновного или третьих лиц, что причиняет ущерб собственнику в виде утраты имущества[3].

Не является мошенничеством в форме приобретения права на имущество получение имущества в залог, поскольку залогодержатель не может распорядиться заложенным имуществом, а также приобретение завещания о наследстве, поскольку основанием для вступления в наследство является выдача по истечении шести месяцев нотариусом свидетельства о праве на наследство, которое и будет документом, предоставляющим лицу возможность распоряжаться имуществом, фактически им не обладая. Получение только права пользоваться и владеть имуществом не является мошенничеством в форме приобретения права на имущество, поскольку не причиняет реальный имущественный ущерб собственнику или иному владельцу[4]. Приобретение указанных правомочий может влечь ущерб в ви-

---

[1] Яни П.С. Безналичные средства – предмет хищения? // Законность. 2002. № 1. С. 47; Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 74.

[2] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 174; Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4. С. 16.

[3] Вишнякова Н.В. Указ. соч. С. 103.

[4] Так, Симановский межмуниципальный суд г. Москвы необоснованно признал М. виновным по ч. 1 ст. 147 УК РСФСР (ст. 159 УК РФ) за то, что он путем обмана приобрел право на жилую площадь А. в г. Москве, оставив без внимания то, что А. не являлись ни собственниками, ни владельцами кварти-

де неполучения должного, что следует квалифицировать по ст. 165 УК РФ.

Право на имущество должно быть закреплено в документе. В связи с чем, выделяют такой признак документа, предоставляющего право на имущество, как *гарантированность* его получения, относя к таким документам оплаченный кассовый чек, квитанцию на получение вещей в камере хранения, страховой полис, доверенность на получение имущества, сберкнижку на предъявителя, приобретение которых, независимо от того, удалось ли виновному реализовать зафиксированное в нем право, признают оконченным мошенничеством[1]. Документ *гарантирует* получение по его предъявлению имущества, только если в нем указаны персональные данные о человеке, обладающемм этим документом (фамилия, имя, отчество, данные паспорта), а также идентификационные данные имуществ (номер, серия), право на которое, получает виновный.

Гарантированность как признак документа, по которому можно приобрести имущество, обеспечивается также регистрацией права на него. Соответственно, приобретение права на квартиру является оконченным мошенничеством в форме приобретения права на имущество, когда виновный получит свидетельство о праве собственности на неё, т.е. с момента возникновения юридически закрепленной возможности распорядиться квартирой[2]. Подделку документов о праве собственности на квартиру без внесения соответствующих изменений в реестре либо подделку доверенности без изменения записи в регистрирующих документах следует квалифицировать как приготовление к мошенничеству в форме завладения имуществом.

При мошенничестве в форме приобретения права на имущество виновный обманывает не только потерпевшего, но и органы вла-

---

ры, находившейся в собственности департамента муниципального жилья правительства г. Москвы, и смена нанимателей квартиры не причинила ущерба ее собственнику, а при мошенничестве собственнику или владельцу причиняется ущерб. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 11. С. 17.

[1] Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С.209-210; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 128.

[2] Как указано в определении Верховного Суда РФ от 6 июля 2013 г. № 75-Д13-10 мошенничество, выразившееся в приобретении права на имущество, подлежащего государственной регистрации, считается оконченным с момента возникновения у виновного юридической возможности распоряжаться имуществом как своим собственным, с момента регистрации права собственности. С этого момента должны исчисляться сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

сти, например, вводит сфальсифицированными доказательствами в заблуждение суд, который принимает решение об обращении имущества в его пользу, а судебные приставы это решение исполняют. Потерпевший может и не знать о решении суда вплоть до обращения взыскания на его имущество и вынужден передавать его не под воздействием обмана[1]. Следовательно, мошенничество в форме приобретения права на имущество – это приобретение путем обмана или злоупотребления доверием или подделки документа, предоставляющего правомочие распоряжаться имуществом, содержащего в себе персональные данные о человеке, получившем такое право, а также идентификационные данные об этом имуществе. Такая форма мошенничества не свидетельствует об отсутствии признака материальности, так как это юридическое выражение предмета материального мира, определяющее специфику хищения определенного имущества, когда законом предусмотрен специальный порядок оформления права собственности на конкретное имущество[2]. Получение виновным путем обмана документов, предоставляющих ему право распоряжаться имуществом, которое можно оспорить, следует квалифицировать как приготовление или покушение на мошенничество в форме приобретения права на имущество[3].

Мошенничество в форме приобретения права на имущество ущерб может и не причинить, так как имущество не выбывает из владения и пользования потерпевшего, который, продолжая фактически им обладать и обратившись в правоохранительные органы, может восстановить это право[4]. Поэтому ответственность за мошенничество в форме приобретения права на имущество следует преду-

---

[1] Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4. С. 16.

[2] Скляров С. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 53; Суслина Е.В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 8; Тюнин В.И., Огарь Т.А. Право на имущество в составе мошенничества // Уголовный процесс. 2006. № 9. С. 22..

[3] Так, Н. и Ф. были осуждены по ч. 1 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ за то, что, сфальсифицировав доказательства по гражданскому делу, обманом получили исполнительные листы и судебные решения о восстановлении «подставных» лиц в должности руководителей ОАО, которые никогда на предприятии не работали. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 11. С. 14.

[4] Бакрадзе А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершенных путем обмана или злоупотреблением доверия. М., 2011. С. 84.

смотреть в отдельной норме, установив менее строгое наказание, чем за мошенничество в форме завладения имуществом[1].

В то же время не любым имуществом можно завладеть, приобретя на него права обманным путем. Так, действия Б., директора ООО «Ломбард Е», предоставившей в налоговую инспекцию при его перерегистрации на свое имя подложные документы, незаконно завладевшей принадлежащей Лоскутову долей в 100 % ООО «Ломбард Е» в сумме 10 000 рублей, что позволило ей стать единственным учредителем и собственником предприятия, были квалифицированы как мошенничество в форме приобретения права на имущество[2]. Зарегистрировав на свое имя предприятие и имея соответствующий документ, она получила возможность распоряжаться им (продать его). По обоснованному мнению Г.К. Смирнова, доля в имуществе таковым не является, а право на неё не относится к вещно-правовым, и, учитывая, что потерпевшему при лишении его права на долю причиняется имущественный ущерб, такие действия следует квалифицировать по ст. 165 УК РФ[3]. С целью адекватной и полной защиты имущественных прав (безналичных денежных средств) от преступных посягательств УК РФ следует дополнить нормой, устанавливающей наказание за незаконное приобретение имущественных прав[4], либо сформулировать диспозицию ст. 159 УК РФ как причинение имущественного ущерба путем обмана с корыстной целью[5].

Имущественными правами можно завладеть и при хищении ценных бумаг на предъявителя. Учитывая, что ценность акции выражается не только в эквиваленте имуществу, когда ее можно продать, но и что в ней закреплены имущественные права, например право на получение прибыли, на часть имущества, остающегося после его ликвидации, а также неимущественное право (участие в управлении акционерного общества), в теории обоснованно пред-

---

[1] Лимонов В.Н. Уголовно-правовая оценка мошенничества // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 80.

[2] Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 9 сентября 2004 г.

[3] Смирнов Г.К. Особенности уголовно-правовой оценки незаконного приобретения имущественного права на ценные бумаги // Законодательство. 2011. № 1. С. 87.

[4] См.: Векленко С. В., Петров С. А. Резервы повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с хищениями, совершаемыми путем обмана / Актуальные проблемы уголовного права : материалы международной научно-практ. конф. / отв. за выпуск М.В. Бавсун, К.Д. Николаев. Омск, 2010. С. 78.

[5] Суслина Е.В. Указ. соч. С. 22.

ложено дополнить УК РФ нормой, устанавливающей наказание за хищение акций вне зависимости от способа завладения[1]. Это упростит установление стоимости ценных бумаг и размера причиненного ущерба.

Рассмотрим возможность признания предметом преступления имущества как предмета обязательственных отношений («имущественное право»), указание на действия имущественного характера (ст. 163 УК РФ), причинение имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ), когда его, как правило, нельзя изъять, поскольку это имущественная обязанность других лиц[2]. Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации, при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» хищение абонементных книжек, проездных и единых билетов на право проезда в метро и на других видах городского транспорта, находящихся в обращении в качестве документов, удостоверяющих оплату транспортных услуг (имущественное право – *прим. авт.*), независимо от использования похищенных знаков по назначению или сбыта их другим лицам, следует квалифицировать как оконченное преступление. Но, как обоснованно отмечает В. Хилюта, завладение документами, предоставляющими право на удовлетворение материальных и духовных потребностей (право на проезд, на просмотр спектакля), не причиняет прямого ущерба собственнику – транспортной организации, театру, поскольку имущество как вещь у них не изымают, а безвозмездное пользование их услугами причиняет им вред в виде неполучения должного, и такие действия следовало квалифицировать как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ)[3]. Приведенную ситуацию следует рассматривать дифференцированно. Если эти документы были похищены у организации, оказывающей услуги имущественного характера по их предъявлению, например билет в театр, то это не преступление, поскольку приобретение указанных документов является приготовлением к преступлению, предусмотренному ст. 165 УК РФ.

---

[1] Ветошкина М.М. Ценные бумаги как предмет хищений : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 16–21.

[2] Гражданское право : учебник / под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1998. Часть I. С. 326; Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003. С. 157.

[3] Хилюта В. Носители имущественных прав в системе объектов уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2007. № 6. С. 63.

Рассмотрим вопрос о предмете преступления, когда виновный причиняет вред, не выполняя обязанности передать имущество. Так, А.И. Панов полагает, что предметом причинения имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ) при незаконном использовании имущества (автомобиля, электроэнергии) выступает имущество в размере стоимости изношенного или потребленного, а при неуплате обязательных платежей – материальные блага, которые должны были поступить от граждан государству[1]. Имущество как предмет преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, по овеществленности можно подразделить: на овеществленное (транспорт) и на не овеществленное (электроэнергия); по правовой природе выражающее вещные и обязательственные правоотношения[2].

Другие авторы полагают, что при уклонении от уплаты должного не произведенные платежи не являются предметом преступления. Во-первых, имеющиеся у виновного денежные средства, из которых следует произвести соответствующие выплаты, сами по себе не могут именоваться заработной платой (ст. 145.1 УК РФ), алиментами (ст. 157 УК РФ), таможенными платежами (ст. 194 УК РФ), налогами (ст. 198-199.1 УК РФ). Таковыми они становятся с момента их фактической уплаты, но тогда отсутствует событие преступления. Во-вторых, при уклонении от выплат вышеперечисленных платежей денежные средства у виновного могут вообще отсутствовать. Поэтому указанные преступления являются беспредметными[3]. В то же время к предметам преступления в составах, предусмотренных ст. 176, 193 УК РФ, относят кредит и средства в иностранной валюте[4]. Учитывая, что предметом хищения выступает не изымаемое, а все имущество потерпевшего, вследствие чего оно уменьшается и вред, причиненный предмету преступления, характеризует причиненный ущерб[5], предметом преступлений, предусмотренных ст. 165, 176, 198, 199 УК РФ, являются не переданное государству имущество и не кредит как таковой, а все имущество организации или кредитора, так как изменения в предмете показывают степень нарушения объекта преступления.

---

[1] Панов А.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1977. С. 18–19.

[2] Логинова Н.Г. Указ. соч. С. 14.

[3] Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 158; Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. С. 450.

[4] Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 157-158; Козаченко И., Васильева Я. Незаконное получение кредита // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 40; Сапожков А.А. Указ. соч. С. 48.

[5] Благов Е.В. Применение уголовного права. СПб., С. 108-109.

Определение предмета преступления при уклонении от обязанности уплаты денежных средств влияет на квалификацию. Признавая предметом преступления бюджет соответствующего уровня, необходимо разграничивать преступное уклонение от уплаты налогов и нарушение налогового законодательства, не являющееся преступлением, так как если какой-либо фонд не входит в бюджетную систему России, то неуплата денежных средств в него не является преступлением[1]. Так, Л. первоначально был осужден за нецелевое расходование бюджетных средств в крупном размере (ст. 285.1 УК РФ), подписав платежное поручение о перечислении 1700 000 руб., пожертвованных ЗАО «Тургаз» Главному управлению МЧС для приобретения пожарной техники, на инвестирование строительства квартиры в строящемся доме с последующей передачей ее в собственность для своего подчиненного. Но так как указанная сумма поступила на счет по внебюджетным средствам, Верховный Суд РФ отменил приговор ввиду отсутствия состава преступления[2].

Сложность представляет применение ч. 2 ст. 176 УК РФ, где в качестве предмета преступления указан государственный кредит. Под ним большинство ученых понимают исключительно средства федерального бюджета, вследствие чего уголовные дела, возбужденные по факту получения либо использования не по прямому назначению кредита из других источников, прекращают. Поэтому обоснованным является предложение расширить объем предмета преступления, указав в ст. 176 УК РФ не государственный, а бюджетный кредит[3].

Определим место предмета в системе элементов состава в зависимости от характера действий, совершаемых с ним. В теории отмечают, что предмет преступления – это предметы или вещи, служащие материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования общественных отношений, посредством изъятия, уничтожения, *создания* либо *видоизменения* которых причиняется вред объекту преступления[4]. Эти идеи пересекаются с

[1] Мамилов К.В. Указ. соч. С. 14.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 8. С. 26.

[3] Потапов А.В. Государственный целевой кредит как предмет преступного посягательства, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. В.Д. Филимонова. Часть II. Томск, 2002. С. 63-68.

[4] Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 222; Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 60. Такое понимание предмета преступления основано на его неверном отождествлении с предметом отношения, когда под предметом преступления понимают те вещи, *по поводу которых или*

взглядами на предмет преступления как вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление, но в отличие от объекта ему вред не причиняется, так как посягательства на предмет преступления не происходит, и он относится к объективной стороне состава преступления[1]. Хотя, учитывая связь предмета преступления с объектом и способностью предмета выражать общественные отношения, предмет должен рассматриваться как признак объекта преступления[2].

Следовательно, возникает двойственность предмета в системе признаков состава. Во-первых, предметы преступления – это предметы материального мира, информация, существующие до преступления и выражающие объект преступления, которому причиняет вред воздействие на эти предметы. Во-вторых, к предметам преступления относят также предметы материального мира и информацию, получаемые в результате преступления (ст. 185, 186, 187, 222, 228, 238, 327 УК РФ), либо перемещение которых в пространстве (ст. 174, 174.1, 200.1, 204, 290 УК РФ) характеризует объективную сторону преступления[3]. Такая двойственность предмета (в одном случае – это то, *на что происходит воздействие*, а в других – *то, чем воздействуют)* и вызвала сомнение в изучении предмета в рамках объекта преступления[4].

И в первом, и во втором случаях предметы материального мира конкретизируют общественные отношения как объект преступления. Но в первом случае они существуют до преступления и подвергаются непосредственному воздействию, и изменения в них показывают степень воздействия на объект преступления, а во втором – их

в связи с которыми совершается преступление. Сахаров В.И. Средства и орудия совершения преступления // Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / под ред. А.В. Наумова и С. И. Никулина. М., 1995. С. 105.

[1] Так, к объекту взяточничества относили нормальную работу государственного аппарата, а к его предмету – материальные ценности; к объекту контрабанды – монополию внешней торговли государства, а к предмету – ценности, незаконно перевозимые через границу, к объекту незаконного приобретения наркотических средств – здоровье граждан, а к предмету – одурманивающие вещества. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 205-206; Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. М., 1970. С. 119.

[2] Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962. С. 104; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1964. С. 88–89.

[3] Петухов Б.В., Кузнецов И.В. Отличие предмета от орудий и средств совершения преступления // Российский следователь. 2004. № 4. С. 20–22.

[4] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 129.

изготовление и перемещение в пространстве характеризует объективную сторону преступления. Предмет преступления традиционно относят к признакам, характеризующим объект уголовно-правовой охраны, и предметы материального мира, изготовление которых характеризует процесс совершения преступления, не могут являться его частью. По мнению В.К. Глистина, предметы, находящиеся вне охраняемого отношения, не относятся к объекту, являясь орудием воздействия на него, характеризуют объективную сторону, и имущество, перемещаемое через таможенную границу с нарушением требований, относится не к объекту, а к объективной стороне[1]. В.Я. Таций, соглашаясь с этим доводом, считает нецелесообразным отделять от объекта предметы, не входящие в охраняемое отношение, поскольку одни предметы преступления относились бы к признакам объекта преступления, а другие – к признакам объективной стороны, что недопустимо, учитывая, что предмет преступления – это любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления[2].

В широком смысле рассматривает понятие предмета преступления и Верховный Суд РФ. Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» отмечается: «Предметом взяточничества и коммерческого подкупа наряду с деньгами, ценными бумагам или иным имуществом могут быть незаконные оказания услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав». Н.К. Семернева полагает, что деньги в этом случае вступают средством совершения преступления[3]. По мнению Н.И. Коржанского, при взяточничестве имущество не может быть предметом преступления, оно является средством воздействия на лицо и ничем не отличается от орудия преступления. В то же время указанный автор непоследовательно к предмету преступления относит оружие при его изготовлении[4]. Такой же позиции придерживается и Верховный Суд РФ. Так, в постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» отмечается: «При решении вопроса о наличии в действиях лица признаков составов пре-

[1] Глистин В.К. Указ. соч. С. 50–51.
[2] Таций В.Я. Указ. соч. С. 47.
[3] Семернева Н.К. Указ. соч. С. 46-47.
[4] Коржанский Н.И. Предмет преступления. Волгоград, 1976. С. 34, 36.

ступлений, предусмотренных статьями 222-226 УК РФ, судам необходимо устанавливать, являются ли изъятые у него *предметы* оружием, его основными частями или комплектующими деталями … ». Действительно, применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 226 УК РФ, оружие выступает предметом преступления, но в составе, предусмотренном ст. 222 УК РФ, оружие не является предметом преступления – признаком объекта. К концепции предмета преступления как признака объекта преступления не относятся и ситуации, указанные в ст. 186 УК РФ, поскольку поддельные деньги не входят в предмет охраняемых законом отношений[1]. Учитывая, что орудия и средства преступления – это то, при помощи чего виновный воздействует *непосредственно* на предмет преступления или потерпевшего[2], наркотические средства (ст. 228 УК РФ), оружие (ст. 223 УК РФ), поддельные деньги (ст. 186 УК РФ) следует именовать *предметами совершения преступления*.

Отличие предмета преступления как признака, характеризующего объект, от предмета его совершения как признака объективной стороны четко просматривается при анализе механизма причинения вреда в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. Преступления совершают в материальной и нематериальной сферах жизнедеятельности общества. В *материальной сфере* преступление непосредственно воздействует на материальные блага в процессе их производства, распределения или потребления либо выражается в *создании, распространении, хранении* опасных и вредных для общества продуктов, предметов, вещей, когда его последствия материализованы и имеют стоимостную оценку. В *нематериальной сфере* преступления посягают на овеществленные духовные блага (ценности), символы и приводят к их незаконному изъятию, уничтожению, повреждению либо выражаются *в производстве, распространении*

[1] Ролик А.И. Предмет наркопреступлений: подходы к его определению // Lex russica. 2016. № 12.

[2] Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 65; Сахаров В.И. Указ. соч. С. 105; Малинин Б.В., Парфенов А.Ф. Указ. соч. С. 238. В теории полагают, что предметы, указанные в ст. 204 и 223 УК РФ, характеризуют объективную сторону, предлагая именовать их *предметами – поводами действования,* не относящимися ни к орудиям, ни к средствам преступления. См.: Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация. Красноярск. 2007. С. 147. Другие предлагают именовать предметы, получающиеся в результате совершения преступления, продуктами преступной деятельности. См.: Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступления в уголовном праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 16.

вредных для общественного и индивидуального сознания продуктов духовной деятельности (сбыт порнографических материалов, призывы к террористической деятельности). Если вредные результаты (продукты) преступлений в сфере производства материальных благ представляют непосредственную опасность для материальных благ, телесной неприкосновенности человека, то вредные продукты, результаты нематериальной преступной деятельности, представляют опасность для духовной сферы человека[1].

Разграничение предмета преступления как признака объекта преступления от иных предметов материального мира, совершение действий с которыми свидетельствует о совершении преступления, имеет практическое значение. Так, Ф. был осужден по ч. 1 ст. 188 УК РФ (ст. 200.1 УК РФ), а вещественные доказательства – 6 тыс. долларов США – постановлено конфисковать в доход государства. Верховный Суд РФ, признав правильной квалификацию действий Ф. по ч. 1 ст. 188 УК РФ, в то же время указал на незаконность конфискации в доход государства 6 тыс. долларов, так как умысел осужденного был направлен не на незаконное завладение денежными средствами (валютой), а на нарушение порядка их перемещения через таможенную границу, и в деле нет материалов, свидетельствующих о том, что изъятая валюта была добыта преступным путем, денежные средства (валюта) не являются предметом преступления, поэтому не подлежат конфискации в соответствии с п. 1 ст. 86 УК РСФСР.[2] В данном случае речь идет не о предмете преступления или орудиях его совершения, а о предмете совершения преступления, который, если не изъят из гражданского оборота, не подлежит конфискации.

Выделение предмета совершения преступления условно. Так, при полном изготовлении официального документа (ст. 327 УК РФ) он является предметом совершения преступления, поскольку не существовал до момента преступления, в то время как при внесении изменений в уже существующий официальный документ исправлений его следует признавать предметом преступления, существовавшего до совершения преступления.

Таким образом, предмет преступления – это предметы внешнего мира, информация, энергия и объекты экологии, существующие до преступления, выражающие общественные отношения, удовлетворяющие потребности людей, доступные для восприятия, способ-

[1] Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. С. 73-77.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 6. С. 3-4.

ны подвергаться воздействию и фиксации произошедших в них изменений. Посредством указания в законе социальных свойств предмета преступления законодатель указывает на характер отношений, выступающих объектом преступления. Социальные свойства предмета преступления характеризуют общественные отношения (объект преступления), а физические – способность поддаваться изменениям – последствия преступления как признак его объективной стороны. Предмет преступления не тождественен предмету отношений – социальным явлениям, по поводу которых складываются отношения.

От предмета преступления, существующего до совершения преступления, признака объекта как элемента состава, следует отличать предметы материального мира и информацию, создание и перемещение которых в пространстве характеризует объективную сторону преступления. Их следует именовать *предметом совершения преступления,* поскольку они, в отличие от орудий и средств совершения преступления, *непосредственно не воздействуют* на потерпевшего и до совершения преступления не существовали.

6.2. Значение отграничения предмета преступления от предмета совершения преступления

Как отмечено выше, разграничение предмета преступления и предмета совершения преступления происходит по механизму воздействия на объект и характеру последствий, которые при воздействии на предмет преступления поддаются измерению, а при деянии с предметами совершения преступления – нет, и деяние может быть малозначительным. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие) хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Несмотря на указанное определение, установление на практике малозначительности деяния вызывает сложности в связи с его субъективным пониманием правоприменителем. Ни наука, ни Верховный Суд РФ не выработали четких критериев определения малозначительности, которые носят сугубо оценочный характер. В каждом конкретном случае вопрос о малозначительности решается судом в каждом конкретном случае[1].

[1] Цепелев В., Мартынюк Н. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. 2012. № 3. С. 71.

Это приводит к разнобою в судебной практике. Так, определением Верховного Суда РФ от 3 мая 2012 г. № 25-Д12-9 оставлен без изменения приговор в части квалификации действий Каширского по п.п. «а» и «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, совершившего кражу по предварительному сговору с Беловым из помещения летней кухни сетки лука массой 35 кг.

Однако действия Силина, руководителя МУП «УК ПЖЭТ», который с целью погасить штраф в сумме 2000 руб., наложенный на него, дал указание главному бухгалтера руководимого им предприятия, оплатить его из средств предприятия, что последняя и сделала, были квалифицированны по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Но Верховный Суд РФ в определении от 22 апреля 2015 г № 51-УД15-1 указал, что сам по себе способ совершения Силиным присвоения с использованием служебного положения, являющимся квалифицирующим признаком вмененного ему в вину деяния, без учета конкретных обстоятельств дела, не может быть основанием, свидетельствующим о невозможности признания деяния малозначительным. Учитывая, что деяние Силина не причинило существенный вред интересам предприятия, а также не повлекло каких либо иных общественно опасных последствий, оно в силу малозначительности не является преступлением. Вряд ли такое решение Верховного суда РФ можно признать обоснованным, поскольку если присвоение имущества на сумму 2000 рублей совершит лицо, не занимающее служебное положение, то оно будет подлежать ответственности по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ. Получается что лицо, занимая определенную должность, что облегчает хищения, вообще не будет подлежать никакой ответственности.

Поэтому в доктрине предложено отказаться от нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 14 УК РФ. Это основано на том, что законодатель, признав деяние формально содержащим признаки состава преступления, тем не менее говорит об отсутствии преступления. Общественная опасность и противоправность – два обязательных признака преступления, и если законодатель отнес деяние к преступлению, значит оно общественно опасно. Соответственно предложено исключить ч. 2 ст. 14 УК РФ, а гл. 11 УК РФ дополнить статьей «Освобождение от уголовной ответственности в связи с малозначительностью деяния», ограничив круг таких деяний только преступлениями небольшой тяжести, совершенными впервые[1].

[1] Рагозина И.Г., Бражников В.В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 43.

А.П. Козлов предлагает следующие способы реакции суда на деяния, не представляющие общественную опасность: назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ), применение условного осуждения (ст. 73 УК РФ) либо освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ)[1].

Действительно часто суды очень широко применяют положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, даже когда уголовное преследование можно прекратить на основании ст. 75-76 УК РФ. Так, Р., будучи осведомленной о необходимости в 5-дневный срок известить орган, осуществляющий выплату пенсии, о наличии обстоятельств, влекущих прекращение компенсационных выплат, не исполнила данную обязанность, продолжая их получать, необоснованно получив 3871 рубль, за что мировым судом осуждена по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. Постановлением Президиума Ивановского областного суда от 6 октября 2017 г. № 44у-25/17 уголовное дело в отношении Р. было прекращено в силу малозначительности деяния. Такой вывод Президиум сделал на основании небольшого размера ущерба, его возмещения в полном объеме после выявления факта переплаты компенсационных выплат до возбуждения уголовного дела, заявления потерпевшей стороны о прекращении уголовного дела. В приведенном примере речь должна идти не о малозначительности деяния, а о прекращении уголовного преследования на основании ст. 76 УК РФ. При решении вопроса о малозначительности следует учитывать мотив и цель деяния, т.е. обстоятельства, проявившиеся в действии, в то время как поведение лица до и после деяния (раскаяние, добровольное возмещение ущерба, образ жизни, семейное положение и т.д.) учитываться не должно.

Однако на практике встречаются ситуации, когда лицо совершает деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, которое относится к преступлениям средней тяжести или тяжкому, но его действия вряд ли можно признать общественно опасными. Так, у Б. при пересечении таможенной границы в аэропорту «Шереметьево», на дне кармана её рюкзака обнаружили гашиш массой 0,06 грамма (значительный размер гашиша при его хранении (ч. 1 ст. 228 УК РФ), сбыте (ч. 3 ст. 228.1 УК РФ) и контрабанде (ч. 2 ст. 229.1 УК РФ) свыше 2 грамм), при этом административной ответственности за контрабанду наркотических средств нет. Учитывая массу гашиша, отсутствие вредных последствий и признания Б. своей вины, Московский городской суд опреде-

[1] Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 769-770.

лением от 18 февраля 2011 г. по делу № 44у-33/11 прекратил уголовное дело о контрабанде. Действия Б., хотя и содержали признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188 УК РФ (ч. 1 ст. 229.1 УК РФ), являющегося тяжким, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности.

Не любое деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ может быть общественно опасным. Общественная опасность – это свойство преступления, а не состава, который лишь отражает это свойство, но не обладает им[1]. Положения ч. 2 ст. 14 УК РФ свидетельствуют о коллизии между отсутствием общественной опасности деяния и его запрещенностью под угрозой наказания, что не позволяет признать деяние преступным. Пределы судебного усмотрения при определении малозначительности деяния должны быть ограничены.

По мнению Н.М. Якименко, норма о малозначительности должна быть изложена следующим образом: «Не является преступлением деяние, не представляющее общественной опасности в силу малозначительности, определяемой с учетом объекта посягательства, его характера, способа, последствий, содержания мотива, цели, степени вины нарушителя»[2]. Т.Д. Устинова с целью конкретизации предлагает при определении малозначительности деяния учитывать сумму причиненного ущерба, размеры иного вреда, формы вины, направленности умысла, мотивов и целей совершенного деяния[3]. Представляется, что данные определения не способны устранить или хотя бы снизить роль субъективного фактора при установлении малозначительности деяния в процессе правоприменения.

Не вносит ясности в решение проблемы и определение Конституционного Суда РФ от 16 июня 2013 г. № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса РФ» согласно которому о малозначительности деяния может свидетельствовать размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в совершении преступления, совершенном в соучастии. При этом лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит

[1] Курс Советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1968. С. 259.

[2] Якименко Н.М. Малозначительность деяния в советском уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1982. С. 17.

[3] Устинова Т.Д. Общественная опасность и её влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex russica. 2015. № 3. С. 67.

уголовной ответственности, но при наличии к тому оснований может быть привлечено к другому виду юридической ответственности (например, административной, дисциплинарной).

Малозначительность деяния характеризуется объективным и субъективным критериями. Объективный критерий свидетельствует о незначительной степени выраженности признаков деяний и последствий. Субъективный критерий характеризуется прямым конкретизированным умыслом. Лицо желало совершить именно малозначительное деяние, для наличия которого необходима совокупность двух критериев[1].

В доктрине выделяют два вида малозначительности деяния. Первый: действие (бездействие) формально содержит признаки состава преступления, но не представляет общественной опасности. Это случаи похищения коробка спичек, карандаша и т.п., когда нет общественной опасности и деяние не нарушает общественных отношений, урегулированных другими отраслями права. Второй вид прямо не предусмотрен уголовным законом, но логически из него вытекает. Это случаи, когда деяние обладает общественной опасностью, но она не превышает гражданско-правового, административного или дисциплинарного проступка. Этот вид малозначительности распространен и труден для понимания[2]. Как видим, предложенная классификация малозначительности не позволяет конкретизировать исследуемое явление.

Представляется, что отнесение к малозначительному деянию административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов необоснованно. Малозначительным следует признавать только деяние, совершение которого не влечёт административной и гражданско-правовой ответственности[3]. Это обосновывается следующим. Раз за деяние предусмотрена административная ответственность, то оно не содержит всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ. Так, уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ)

---

[1] Уголовное право России : учебник для вузов. Том 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2005. С. 83; Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 150-151.

[2] Мальцев В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 1. С. 17.

[3] Ковалев М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву. Свердловск, 1987. С. 136; Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 10; Шарапов Р.Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом // Законность. 2013. № 7. С. 29-35.

признается преступлением, только если налоги были не уплачены в крупном размере. При уклонении от уплаты налогов в меньшем размере, чем предусмотрено в примечании к ст. 198 УК РФ, речь идет не о малозначительности деяния, а об отсутствии состава преступления, поскольку нет одного из признаков его объективной стороны – последствий[1]. Кроме этого раз деяние причиняет вред, то, соответственно, этот вред подлежит возмещению, а при малозначительности лицо ничего не возмещает, поскольку вред не причиняет.

Следовательно, деяние может быть признанно малозначительным только в том случае, если за его совершение не предусмотрена административная ответственность, и оно не причиняет вред, который надо возмещать. Поэтому состав деяния, которое может быть признано малозначительным, должен быть сконструирован по типу формального. До 7 декабря 2011 г. в ст. 191 УК РФ отсутствовало указание на стоимость драгоценных металлов и драгоценных камней, и незаконные действия с ними рассматривались как преступление в каждом конкретном случае. Так, Верховный Суд РФ прекратил уголовное преследование в отношении Г., задержанного в сентябре 1997 г. за сбыт сплава металлов, с долей серебра равной 60%, цена которого, при стоимости одного грамма серебра 1,142 руб., равнялась 164 руб., что составляло менее двух минимальных оплат труда на момент преступления, в силу малозначительности деяния[2]. В настоящее время такие действия не могут быть признанны малозначительными. Во-первых, преступлением признаются только действия, указанные в ст. 191 УК РФ, если стоимость драгоценных металлов и камней превышает два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, во-вторых, в ст. 19.14 КоАП РФ установлено наказание за нарушение установленных правил извлечения, производства, использования, обращения драгоценных камней и драгоценных металлов. Следовательно, если стоимость указанных предметов не превышает два миллиона двести пятьдесят тысяч, то лицо подлежит административной ответственности по ст. 19.14 КоАП РФ.

Учитывая, что в диспозиции ст. 291 УК РФ нет указания на размер взятки и в КоАП РФ нет нормы, устанавливающей наказание за дачу взятки, малозначительность деяния возможна, если сумма вознаграждения незначительна, его получение не было оговорено заранее, и оно было передано после и за совершение законных действий должностного лица. В то же время, как обоснованно указал Вер-

[1] Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. С. 150-151.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 17.

ховный Суд РФ в определении от 5 февраля 2013 г., № 4-О13-5 не может быть признано малозначительным покушение на дачу взятки вследствие того, что должностное лицо отказалось получить вознаграждение, так как виновный передавал вознаграждение за незаконные действия, и такое деяние относится к тяжким преступлениям.

Поскольку в ст. 7.27 КоАП РФ указаны формальные критерии отграничения уголовно наказуемых хищений от административных правонарушений, то совершение кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 1 ст. 158 УК РФ), присвоении и растраты (ч. 1 ст. 160 УК РФ) на сумму менее 1000 рублей следует квалифицировать не как малозначительное деяние, а как административное правонарушение, поскольку они причиняют вред. Это обусловлено тем, что малозначительность относится к оценочным понятиям, содержание которых не указано в законе, а раскрывается в процессе правоприменения, а при хищении последствия формализованы.

Нет малозначительности деяния и при хищении малоценного имущества из помещения или жилища, поскольку действие статьи ст. 7.27 КоАП РФ, согласно примечанию к ней, не распространяется на хищения, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 158 УК РФ. По мнению В.Н. Боркова ситуации, когда два подростка в возрасте 15 лет похищают в торговом зале супермаркета продукты питания на сумму 150 рублей и их в соответствии с примечанием к статье 7.27 КоАП РФ привлекают к уголовной, а не административной ответственности, несправедливы. В таких ситуация он предлагает применять ч. 2 ст. 14 УК РФ, поскольку эти действия не подпадают под признаки административного правонарушения и в то же время не обладают общественной опасностью, присущей преступлению[1]. Думается, что в приведенном примере подростков следует привлекать к уголовной ответственности, поскольку вред в виде имущественного ущерба они причинили. Суд может назначить им наказание в виде штрафа в размере тысячи рублей либо сорока часов обязательных работ, что меньше двух недель и сопоставимо с тяжестью совершенного ими деяния. Также суд может освободить их от уголовной ответственности, применив принудительные меры воспитательного воздействия. Нереагирование со стороны государства на деяния, влекущие незначительные негативные последствия, порождает чувство безнаказанности у лиц, их совершающих. В дальнейшем это выразится в совершении ими более тяжких преступлений.

[1] Борков В. Признание деяния в силу малозначительности непреступным // Уголовное право. 2017. № 1. С. 19-20.

Сторонники возможности признания кражи на сумму менее 1000 рублей из жилища малозначительным деянием (ч. 3 ст. 158 УК РФ)[1] в качестве примера приводят определение Верховного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 35-О11-14, когда кража бутылки пива из жилища Елисеевым была признана малозначительной. Однако изучение указанного определения позволяет сделать вывод, что Елиссев первоначально проник в жилище, после чего у него возник умысел на кражу бутылки пива. Это исключает квалификацию таких действий по ч. 3 ст. 158 УК РФ, а только по совокупности по ч. 1 ст. 139 и ч. 1 ст. 158 УК РФ. Поскольку стоимость похищенного незначительна, не преступность завладения имуществом в этом случае определяется не малозначительностью, а отсутствием состава преступления – предмета хищения, в силу его малой ценности[2]. Так, человек, проникнув в квартиру бывшей жены, похищает альбом с семейными фотографиями, или поклонник, пройдя в гримерную, похищает на память малоценную вещь известного артиста, например его платок.

На основании изложенного сложно согласиться с решениями Верховного Суда РФ, указавшего, что действия граждан, выловивших рыбу лососевых пород во время нереста (в одном случае – 8 штук на сумму 4640 рублей, в другом – 6 штук на сумму 3480 рублей), хотя и содержат все признаки состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности. Эти деяния не причинили крупного ущерба, при его совершении не применялись средства истребления рыбы, свидетельствующие о высокой степени общественной опасности деяния[3]. В данном случае виновный воздействует на предмет преступления, последствия его действий формализованы и при наличии обстоятельств, предусмотренных п.п. «б» и «г» ст. 256 УК РФ, их следует признавать преступлением[4], учитывая при назначении наказания размер причиненного ущерба.

---

[1] Лобанова Л., Рожнов А. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правовой реализации // Законность. 2016. № 6. С. 50.

[2] Шарапов Р.Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом // Законность. 2013. № 7. С. 29-35.

[3] Определения Верховного Суда РФ от 3 августа 2006 г. № 64-Дп06-11; от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-14; от 8 августа 2006 г. № 64-Дп06-12.

[4] Рогова Е.В., Забавко Р.А. Проблемы определения общественной опасности и малозначительности деяний, посягающих на порядок добычи природных ресурсов // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2. С. 8.

Учитывая, что малозначительность деяния является оценочным понятием и совершение такого деяния не влечет уголовной, административной и материальной ответственности, при совершении кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ), мошенничества (ч. 1 ст. 158 УК РФ), присвоения и растраты (ч. 1 ст. 160 УК РФ) на сумму менее 2500 рублей лицо подлежит административной ответственности. При хищении имущества на сумму менее 1000 рублей при наличии квалифицирующих признаков, описанных в иных частях указанных статей, либо при совершении грабежа лицо подлежит уголовной ответственности. Действия лица, совершившего изъятие и или обращение малоценного имущества (карандаша, кружки) способами, предусмотренными в частях 2 и 3 указанных статей, следует признавать непреступными вследствие отсутствия предмета хищения как признака состава преступления, характеризующего объект.

Действующая редакция ст. 7.27 КоАП РФ порождает ситуацию, противоречащую основам квалификации преступлений, когда квалифицированный состав не содержит всех признаков основного состава, например, совершение кражи группой лиц по предварительному сговору. В теории обоснованно предложено указать во вторых частях ст. 158, 159, 160 УК РФ: «хищение чужого имущества, вне зависимости от его стоимости, совершенная …» и далее по тексту[1] либо в первых частях ст. 158-160 УК РФ – «при отсутствии признаков мелкого хищения»[2].

Наиболее типичными ситуациями малозначительности являются случаи, когда деяние характеризуется не воздействием на предметы материального мира (их повреждением, изъятием), а совершением с этими предметами действий (хранение, перемещение в пространстве), поскольку в УК РФ не указаны их размер и количество, и в КоАП РФ нет нормы, предусматривающей наказание за их совершение. Поэтому за совершение этих деяний невозможно применить положения ст. 75-76 УК РФ, поскольку виновный причиняет вред неосязаемый, вследствие чего составы сформулированы по типу формальных. Это обусловлено тем, что малозначительность относится к оценочным понятиям, содержание которых не указано в законе и раскрывается в процессе правоприменения, и посредством малозначительности деяния дифференцируются уровни общественной опасности[3]. Поэтому не будет малозначительности при совер-

[1] Вишнякова Н.В. Указ.соч. С. 219.

[2] Шарапов Р.Д. Указ. соч. С. 29-35.

[3] Питецкий В.В. Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве). Красноярск, 1993.

шении преступлений, отнесенных к делам частного и частно-публичного обвинения (ст. 128.1, 137, 138, 139, 146, 147 УК РФ), где вопрос о том, причинен вред или нет, и о способах защиты нарушенных прав решает потерпевший, а не правоприменитель.

Так, в определениях от 13 июля 2007 г. № 243П07 и от 10 февраля 2011 г. № 55-Д10-23 Верховный Суд РФ признал малозначительным деянием хранение одного патрона калибра 7,62, поскольку осужденные никакого оружия не имели, приобрели патрон случайно, не придавая значения нахождению его в своей квартире, и такие действия не являются общественно опасными. Это обусловлено тем, что в диспозиции ст. 222 УК РФ не указаны количественные характеристики последствий хранения боеприпасов. Соответственно, лицо причиняет вред неосязаемый, который возмещению не подлежит, а в КоАП РФ не предусмотрено наказание за незаконное хранение боеприпасов.

Ряд авторов полагают, что о малозначительности можно говорить, только если лицо нашло патроны, а не приобрело их у кого-либо[1]. Однако Верховный Суд РФ в определении от 7 февраля 2017 г. № 5-УД17-1 обоснованно указал, что патрон с налетом ржавчины осужденный получил от друга, занимавшегося перезахоронением воинов, погибших во время войны, и его действия следует рассматривать как малозначительные. В то же время хранение приобретенных правомерно боеприпасов с нарушением сроков действия лицензии либо условий их хранения не является малозначительным, и лицо подлежит ответственности по ч. 1 ст. 20.8 КоАП РФ.

Общественная опасность деяния определяется не только размером причиненного вреда, но и поведением лица, предшествующим деянию. Поэтому сложно согласиться с определением Верховного Суда РФ от 28 февраля 2005 г. № 76-004-12, где указано, что действия Князева, незаконно перевозившего, хранившего и носившего в кармане один патрон калибра 7,62 мм, хотя и содержат признаки состава преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, но не представляют общественной опасности вследствие малозначительности. Однако при этом не было учтено, что Князев в то же время был осужден за преступления, предусмотренные ст. 317 и ч. 1

С. 57; Кобзева Е.В. Теория оценочных признаков в уголовном законе. М., 2009. С. 98.

[1] Харламова А., Белик Ю. К вопросу о малозначительности деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 222, 222.1 УК РФ // Уголовное право. 2016. № 5. С. 80.

ст. 226 УК РФ, и поэтому хранение им одного патрона калибра 7,62 мм вряд ли можно признать малозначительным.

Малозначительность деяния возможна при подделке документов, поскольку вред, за подобные действия неосязаем, последствия не формализованы и в КоАП РФ ответственность за подобные действия не предусмотрена. Так, первоначально С. была осуждена по ч. 1 ст. 327 УК РФ за то, что, внеся изменение в медицинскую справку, продлила ее действие на 20 дней (до 24 июля 2009 года). В судебном заседании С. пояснила, что 24 июля 2009 года она приехала в ГИБДД, чтобы поменять водительское удостоверение. На стенде информации прочитала, что для замены водительского удостоверения нужна еще и медицинская справка. Вернулась домой, где обнаружила, что имевшаяся у нее медицинская справка выдана 4 июля 2006 года. Опасаясь, что справку не примут, дописала в дате ее выдачи цифру «2», отдав справку вместе с другими документами сотруднику ГИБДД. До возбуждения уголовного дела 4 августа 2009 года С. прошла медицинское освидетельствование, и была признана годной к управлению автомобилем, получив 7 августа 2009 года водительское удостоверение. Президиум Ярославского областного суда постановлением от 16 марта 2011 г. № 44-у-23 признал действия С. , осужденной по ч. 1 ст. 327 УК РФ, малозначительными. В данном случае в действиях С. вообще никакой опасности для общества не было. За месяц, который она управляла автомобилем, её психическое состояние никак не могло ухудшиться столь резко, чтобы при управлении автомобилем она представляла опасность для общества.

Деяние может быть признано малозначительным и при использовании документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ). Так, Р., подделав ходатайство от имени руководства университета о его допуске к архивам, первоначально был осужден по ст. 196 УК РСФСР (ст. 327 УК РФ), а затем освобожден от уголовной ответственности ввиду отсутствия состава преступления, поскольку ходатайство о допуске в архив не относится к официальным, так как право пользования архивом предоставляется только на основании пропуска для работы в архивах, выписываемого после разрешения начальника архива[1]. Представляется, что в ч. 3 ст. 327 УК РФ предусмотрено наказание за использование не только официального, а любого документа, и действия Р. не преступны не из-за отсутствия состава преступления, а из-за малозначительности деяния (подделка и использование хода-

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 5. С. 14.

тайства о допуске в архив не представляет общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ)[1].

Таким образом, разграничение понятия «предмет совершения преступления», действия с которым посягают на обеспечивающие отношения, и понятия «предмет преступления» учитывается при квалификации малозначительности деяния. Для ограничения применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к малозначительным следует относить ситуации, когда лицо не воздействует на предметы материального мира (повреждая, изымая их), причиняя тем самым вред, который можно точно установить, а совершает с этими предметами действия (хранит, перемещает в пространстве), причиняя неосязаемый вред, поскольку в УК РФ не указаны их размер и количество, а в КоАП РФ отсутствует норма, предусматривающая наказание за их совершение.

6.3. Классификация предметов преступления. Квалификация деяний и конструирование норм Особенной части УК РФ

Учитывая, что предметы преступления выступают формой выражения общественных отношений, их классификация создает основу для дальнейшего исследования общественных отношений, выступающих объектом преступления.

Так, С. Ф. Кравцов все предметы преступления по их социально-экономическим свойствам делит на группы. Первую группу составляют предметы, которые можно объединить одним словом «имущество», выражающим экономические отношения. Вторую – природные богатства, находящиеся в естественно-природном состоянии и отличающиеся от имущества тем, что они не произведены и не обособлены человеком из естественной природной среды. Третью – предметы, ограниченные в свободном обороте для обеспечения общественной безопасности и здоровья населения (оружие, наркотические средства). Четвертую – выражающие научное, литературное, музыкальное, художественное творчество, изобретения, содержащие в себе государственную тайну, и официальные документы. Пятую – символы государственной власти (флаг, герб), памятники культуры, могилы и иные предметы, охраняемые государством[2].

[1] Федин А. Некоторые особенности квалификации преступления, предусмотренного частью 3 статьи 327 УК РФ // Уголовное право. 2008. № 3. С. 59.

[2] Кравцов С. Ф. Указ. соч. С. 11-17.

Н.И. Коржанский по социальному назначению, особенностям и ценности все предметы преступления делит на три группы: человек, у которого можно выделить тело и психику; растения и животные, подразделяющиеся на животных, выращенных человеком, диких животных и растения; вещи – на имущество, деньги, документы, оружие и иное[1]. М.П. Бикмурзин, обоснованно указывая, что в этой классификации социальные свойства предмета преступления используются как основание деления лишь одной группы вещей и в основном она основана на формах существования предметов, сам в зависимости от социальных свойств все предметы преступления делит на представляющие экономическую ценность, особую общественную значимость, повышенную опасность и ограниченные в обороте по иным причинам[2].

И.В. Кузнецов, в зависимости от социально-экономической природы, выделяет следующие группы предметов преступления: имущество; объекты интеллектуальной собственности (объекты авторских и смежных прав, компьютерная информация, сведения, составляющие тайну частной жизни, государственная, коммерческая, налоговая и банковская тайна); природные объекты; предметы, овеществляющие порядок ведения официальной документации; предметы, противоправное воздействие на которые создает угрозу причинения вреда общественной безопасности, здоровью населения и общественной нравственности[3].

Классификация предметов преступления должна основываться на их социальных свойствах в зависимости от того, какие отношения они, по мнению законодателя, характеризует. Поэтому предметы преступлений можно объединить в группы, выражающие следующие отношения: 1) личные неимущественные; 2) имущественные; 3) комплексные, включающие в себя отношения в сфере: общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности; 4) управленческие, включающие в себя отношения в сфере: безопасности государства, правосудия и порядка управления. Поскольку значительный объем отношений складывается по поводу личных (неимущественных) неотчуждаемых благ и неимущественных прав, таких как неприкосновенность личности, а также имущества, имеющего стоимость, воздействие на которые причиняет вред также обществу и государству, рассмотрим квалификацию деяний,

[1] Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 105-106.

[2] Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 106-109.

[3] Кузнецов И.В. Указ. соч. С. 15-22.

конструирование норм и обоснованность их нахождения в определенных главах Особенной части УК РФ.

Первую группу составляют предметы, выражающие личные неимущественные отношения, реализующиеся посредством предоставления соответствующих прав, неразрывно связанных с личностью, неотчуждаемых, непередаваемых и нетоварных[1]. К ним следует относить информацию, составляющую тайну личности, посредством разглашения которой ей причиняется вред: личную и семейную тайну (ст. 137 УК РФ), тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 138 УК РФ), тайну голосования (ст. 141 УК РФ), тайну изобретения (ст. 147 УК РФ), тайну усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ). Так, предметом преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, являются сведения, составляющие личную или семейную тайну, содержащиеся в письме, телеграмме или иных сообщениях. Личная тайна подразделяется на сугубо личную (никому не доверенную) и тайну профессиональную, т.е. доверенную адвокатам, медицинским работникам, нотариусам и т.д.[2] Понятия «личная тайна» и «семейная тайна» не охватывают всех сведений, составляющих частную жизнь, и предметом указанного преступления следует признавать всю информацию, составляющую тайну частной жизни[3].

К предметам, выражающим имущественные отношения, относится имущество как объект вещных и обязательственных отношений, где указана его стоимость, воздействие на которые причиняет имущественный ущерб субъектам (гл.21-22 УК РФ). Согласно доктрине имущество как предмет хищения должно удовлетворять потребности человека (экономический признак); быть созданным или обособленным из естественной природной среды человеческим трудом (социальный признак); быть для субъекта чужим (юридический признак). Предметы материального мира, являющиеся объектами экологии, предложено признавать предметом хищения и тогда, когда в них не вложен человеческий труд. Соответственно, если земля

[1] Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. I. С. 314.

[2] Российское уголовное право: курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. С. 421, 429.

[3] Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами. СПб., 2003. С. 198; Галыгина И.П. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 14.

является объектом права собственности, то и завладение полезными ископаемыми, находящимися в её недрах, является хищением[1].

Проблема заключается в том, что нормативные акты, регламентирующие правила пользования недрами, отражают экономическую сущность отношений недропользования, а уголовный закон охраняет недра как явление экологическое[2]. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 года № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (в настоящее время отменено) высокая степень общественной опасности преступлений против экологии обусловлена тем, что их объектом являются стабильность окружающей среды, природно-ресурсный потенциал и гарантированное ст. 42 Конституции РФ право каждого на благоприятную окружающую среду.

Рассмотрим квалификацию незаконной добычи полезных ископаемых, когда действия виновного квалифицируют по ст. 158 УК РФ либо по совокупности ст. 158 и ст. 171 УК РФ, либо по ст. 255 УК РФ, или ч. 1 ст. 7.3 или ч. 3 ст. 8.13 КоАП РФ, либо по ст. 246, 262 УК РФ[3].

По мнению В.И. Плоховой, поскольку в природные объекты, принадлежащие всем членам общества, труд человека не вложен, их цена определяется главным образом спросом и предложением на них. В отношениях природопользования государство выступает не как собственник, пускающий в оборот свое имущество, а как управляющий природопользованием. Субъектами этих публично-властных отношений являются: управляющий и управляемый. Они, в отличие гражданско-правовых отношений собственности, не равнозначны. Воздействуя на природные объекты, виновный посягает на окружающую среду и естественные права других людей. Поэтому наказание за подобные деяния должно быть предусмотрено в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления». Но поскольку имущественное право на пользование выделенной делянкой леса или горным отводом заложено в носителе этого права (договоре, лицензии), то

---

[1] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 194–197.

[2] Арямов А.А., Шарафутдинов Е.А. Указ. соч. С. 46.

[3] Багмет А.М., Иванов А.Л. Спорные вопросы квалификации незаконной добычи полезных ископаемых и их разрешение в судебной практике // Российский судья. 2014. № 7. С. 16; Попов И.В. Некоторые противоречия судебно-следственной практики по делам о преступлениях главы 26 УК РФ // Проблемы права. 2014. № 1. С. 101-104.

при посягательстве на это право возможна его охрана нормами гл. 21 «Преступления против собственности»[1].

По мнению А.И. Бойцова, такие действия нельзя квалифицировать как хищение. Во-первых, законодатель устанавливает правовой режим объектов природной среды, обеспечивающий соблюдение интересов и общества, признавая приоритет охраны природных объектов в качестве основы жизнедеятельности. Согласно ст. 40 Земельного кодекса РФ за собственником земельного участка закрепляется лишь право *использовать* в установленном порядке для собственных нужд полезные ископаемые, поэтому неправомерное завладение полезными ископаемыми не собственником образует не хищение, а незаконное пользование чужим имуществом. Во-вторых, предоставление природных объектов хозяйствующим субъектам на праве пользования (без владения) исключает возможность возникновения у собственника земельного участка вещных прав на природные ресурсы и применение уголовно-правовых норм, предусматривающих наказание за посягательства на вещные правоотношения[2]. Таким образом, завладение полезными ископаемыми и лесом на чужом участке не является хищением, так как у владельца участка нет всех полномочий собственности на указанные объекты.

Вместе с тем критерием отнесения природных ресурсов к предмету преступлений против собственности предложено считать момент их передачи хозяйствующим субъектам, когда государство разрешает использовать экономические свойства переданных природных объектов[3]. Так, полезные ископаемые, находящиеся в пределах обособленной территории добывающего предприятия (шахты, разреза) – это уже не естественное богатство, а продукт незавершенного цикла производства, включенный в технологический и трудовой процесс добычи, и завладение этими ресурсами следует квалифицировать как хищение[4]. В данном случае вложение труда выражается в выработке штольни или снятии почвенного слоя для получения доступа к ним. Кроме того, не добытая руда, содержащая

---

[1] Плохова В. Особенности природных объектов и их отражение в правовом регулировании // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 28-30.

[2] Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 143-150.

[3] Мазуренко Е.А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 20; Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С. 13; Хилюта В.В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. М., 2016. С. 218.

[4] Бойцов А.А. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 147.

металл, может входить в имущественные фонды предприятия, разрабатывающего месторождение. На этом основании к предмету хищения следует относить и почвенный слой, определяющий стоимость земельного участка.

В соответствии с изложенным определением Алтайского краевого суда от 12 августа 2016 г. № 22- 3226/2016 обоснованно были признаны виновными в краже песка лица, проводившие на основании договора подряда дноуглубительные работы на реке и не ссыпавшие добытый речной песок, как было указано в лицензии, в определенное место, а продававшие его. Тем самым они своими действиями, которые были оплачены заказчиком работ, обособили песок из естественной природной среды, переведя его в имущество. Указанные действия причиняют и экологический вред. Так, бесконтрольная добыча галечника и песка из рек Кавказского хребта негативно влияют на формирование пляжной полосы Черноморского побережья[1].

Однако встречается и необоснованно широкое толкование включенности природных ресурсов в товарный оборот и отнесения их к имуществу, когда под обособлением природных ресурсов понимают обмеривание и межевание земельных участков[2]. В этом случае грань между преступлениями против собственности и экологии стирается. Получается, что если в тайге проложены просеки и она разбита на определенные участки, то незаконную заготовку древесины на этих участках следует квалифицировать не как незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), а как кражу (ст. 158 УК РФ). В этом случае природные ресурсы не вводятся в экономический оборот, и не являются предметом хищения[3].

Для решения указанной проблемы гл. 21 УК РФ предлагают дополнить нормой, предусматривающей наказание за самовольную разработку недр и добычу полезных ископаемых при отсутствии признаков хищения, поскольку это причиняет имущественный ущерб государству[4], либо за хищение земли и других природных ре-

---

[1] Шульга А.В. Указ. соч. С. 234.

[2] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 201; Багмет А.М., Иванов А.Л. Указ. соч. С. 17-18.

[3] Гордеев Р.Н. О меновой стоимости как признаке предмета хищения при незаконном изъятии полезных ископаемых // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории практики : материалы XX международной научно-практ. конф. (20-21 апреля 217 г.). Красноярск, 2017. С. 103-104.

[4] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. С. 182.

сурсов, включенных в легальный экономический оборот, независимо от способа хищения[1].

И. Попов действия лиц, незаконно добывающих полезные ископаемые, обоснованно предлагает квалифицировать по ст. 255 УК РФ, поскольку формулировка «не связанных с добычей полезных ископаемых» относится только к подземным сооружениям, сформулировав ее диспозицию как пользование недрами без разрешения (лицензии) либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением лицензией, повлекших причинение вреда правам и законным интересам граждан общества и государства[2]. Это придаст системность законодательству, поскольку в ст. 7.3 КоАП РФ предусмотрено наказание за пользование недрами без разрешения, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением. Наказание за подобные действия должно превышать 6 лет лишения свободы, что охватывало бы причинение вреда как экологии, так как имущественным отношениям. Так, в ч. 3 ст. 158 УК РФ за причинение ущерба в крупном размере (на сумму свыше 250 000 рублей) предусмотрено наказание до 6 лет лишения свободы. Указанные действия без соответствующей лицензии, повлекшие извлечение дохода в крупном размере, нельзя квалифицировать по ст. 171 УК РФ, так как отсутствие лицензии-квоты, например, на добычу полезных ископаемых, не охватывается ст. 171 УК РФ[3].

Укажем также на несоответствие санкций нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 167 УК РФ, устанавливающей наказание за посягательства на имущественные отношения – до двух лет лишения свободы, и ст. 254 УК РФ, устанавливающей наказание за посягательства на экологию как составную часть безопасности общества – до двух лет исправительных работ. Наказание за преступление, предусмотренное ст. 254 УК РФ, должно превышать два года лишения свободы, поскольку виновный причиняет вред как имущественным

[1] Шульга А.В. Указ. соч. С. 235.

[2] Попов И. Безлицензионная (самовольная) добыча полезных ископаемых как нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК РФ) // Уголовное право. 2012. № 4. С. 31. В теории УК РФ также предложено дополнить ст. 254.1, устанавливающей наказание за нарушение уголовно-правового режима использования земель, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба. См.: Максимова Е.В. Об уголовно-правовой охране земельных отношений // Российский юридический журнал. 2015. № 2.

[3] Кондрашова Т.В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 204.

(первичным) отношениям, так и в сфере общественной безопасности (обеспечивающим).

Перечень предметов преступлений против собственности, выражающих имущественные отношения, т.е. имеющих экономическую значимость, следует расширить, включив в него информацию, являющуюся результатом научного, художественного творчества, ответственность за посягательства на которую предусмотрена ст. 146, 147 УК РФ. В теории гражданского права информацию к имуществу не относят, так как она является благом нематериальным, непотребляемым, подвергающимся лишь моральному, но не физическому старению, не сводится к физическим объектам, выступающим ее носителями. Её можно неограниченно тиражировать и распространять, за исключением объектов интеллектуальной собственности или служебной и коммерческой тайной[1].

Однако информация все же обладает свойствами имущества. Во-первых, она может быть потребляема. Так, математические расчеты некоторых моделей конструкций или процессов осуществляются в течение длительного времени, и если этой информацией кто-либо завладел, а у автора не сохранился их второй экземпляр, то ему вновь придется затратить усилия для их повторного проведения. Во-вторых, согласно ст. 1226 ГК РФ имущественное право является одним из компонентов права на результаты интеллектуальной деятельности. В-третьих, имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности могут служить вкладом в имущество хозяйственного товарищества или общества (п. 6 ст. 66 ГК РФ)[2].

Информация, являющаяся интеллектуальной собственностью, способна доставлять автору моральное удовлетворение от осознания того, что изобретение, художественное произведение, используемое людьми, создано им и принадлежит ему, а также предоставляет возможность получить имущественное вознаграждение за пользование результатами своего труда. По мнению законодателя, при неправомерном использовании результатов интеллектуального труда потерпевшему прежде всего причиняется моральный вред, так как человек не получает морального удовлетворения от того, что все будут знать, что именно он является автором изобретения или художественного произведения. Представляется, что плагиат и контрафакт в первую очередь причиняют потерпевшему имущественный ущерб в

[1] Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Ч. I. С. 226.

[2] Гражданское право : учебник: в 2 т. Том I / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М., 2004. С. 625.

виде неполучения должного[1]. Поэтому ст. 146, 147 УК РФ предложено дополнить таким квалифицирующим признаком, как неправомерное завладение предметами носителями прав, и уравнять санкции за их совершение с санкциями за хищение имущества[2]. Такой подход не совсем оправдан. Завладение и незаконное использование информации, представляющей экономическую ценность, причинившее ущерб ее автору, следует квалифицировать как оконченное преступление, предусмотренное ст. 146 УК РФ. Если информация зафиксирована на материальном носителе, то она становится предметом хищения, и завладение им следует квалифицировать как оконченное хищение с момента получения реальной возможности распоряжаться информацией. При этом ее стоимость определяется не ценой носителя, а находящейся на нем информацией[3]. Таким образом, выбор норм, расположенных в разных главах Особенной части УК РФ, и момент окончания преступления зависят от того, как выражен его предмет, что недопустимо.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» к потерпевшим относятся и юридические лица, которым авторское право или смежные права принадлежат на основании закона или по договору, что не соответствует названию гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека гражданина» где потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, является физическое лицо.

В соответствии п. 2 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» коммерческую тайну составляют сведения научно-технического, технологического, производственного, финансово-экономического и иного характера, в том

[1] Так, 76% праоприменителей указали, что нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), а также изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ) в первую очередь причиняет имущественный ущерб в виде неполучении должного, 24% отметили, что опасность выражается в причинении морального вреда.

[2] Наумов А. Хищение интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2004. № 4. С. 40; Бикмурзин М.П. Указ. соч. С. 122.

[3] Учитывая сложность установления стоимости носителя информации, определяемой находящимися на нем сведениями, УК РФ обоснованно предложено дополнить нормой, устанавливающей наказание за изъятие носителей с находящейся на них информацией. Волженкин Б.В. Мошенничество. СПб., 1998. С. 21; Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 126-127.

числе секреты производства, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам. Поэтому информацию об открытии, изобретении, выражающуюся в художественном произведении, а также сведения, составляющие коммерческую тайну, предложено рассматривать как предмет преступлений против собственности вне зависимости от формы ее фиксации. Это повысит эффективность охраны интеллектуальной собственности, поскольку в сознании граждан и правоприменителей преступления против личных прав менее опасны, чем против собственности[1]. Информация, как и энергия, не является вещью, и завладение ею не является хищением. Поэтому в теории обоснованно предложено установить в отдельной норме наказание за «извлечение имущественной выгоды в значительном размере в результате умышленного нарушения прав на интеллектуальную собственность»[2].

Третью группу составляют предметы, выражающие отношения в сфере общественной безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов не одного человека, а всего общества. Это объекты энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства, другие объекты жизнеобеспечения (ст. 215.2 УК РФ), нефтепроводы, газопроводы, а также объекты, связанные с ними технологически (ст. 215.3 УК РФ), транспортные средства, пути со-

---

[1] Верина Г.В. Указ. соч. С. 44; Глухова Г. Необходима самостоятельная глава в УК РФ о преступлениях против интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2003. № 2. С. 20. В Уголовном уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. нормы, предусматривающие ответственность за присвоение ученой и художественной ценности (ст. 1683-1685), были предусмотрены в разделе «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». Право отвлеченной собственности занимало особое место в ряду имущественных прав, означая юридическую возможность извлекать выгоды из продуктов умственного труда. См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 400-401. В УК РСФСР 1926 г. ответственность за оглашение изобретения до заявки без согласия изобретателя, а равно самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных и научных произведений с нарушением закона об авторском праве была предусмотрена в ст. 177, расположенной в гл. 7 «Имущественные преступления». Авторское право могло быть нарушено в форме плагиата (литературная кража) – умышленного воспроизведения под своим именем или именем других лиц чужого произведения или контрафакции – самовольного использование чьего-нибудь произведения без согласия автора. Это преступление имело два объекта: имущественные и личные права авторов и изобретателей. См.: Советское уголовное право. Часть Особенная. Л., 1959. С. 244. Следовательно, опасность плагиата и контрафакции определялась в первую очередь причинением имущественного ущерба потерпевшему.

[2] Хилюта В. «Хищение» интеллектуальной собственности // Уголовное право. 2008. № 2. С. 94.

общения, средства сигнализации, связи (ст. 267 УК РФ). Воздействие на них преступно вне зависимости от степени повреждения указанных предметов. Это не позволяет согласиться с предложением исключить из диспозиции ст. 267 УК РФ ответственность за разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для жизни состояние транспортного средства, путей сообщения и квалифицировать подобные действий по ст. 167 УК РФ[1].

Предметами преступлений против общественной безопасности являются огнестрельное оружие, комплектующие его детали, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 226 УК РФ), характеризующиеся *целевым, правовым* и *функциональным* признаками, определяющими назначение и правовой режим приобретения и хранения указанных предметов. Целевой признак характеризуется пригодностью указанных предметов для поражения живой или иной цели снарядом, приводимым в движение энергией пороховых газов, и разграничивает оконченное хищение оружия и неоконченное. Функциональный признак характеризует боевые возможности оружия, определяющие конструктивные особенности предмета, принцип действия и поражающий элемент. Пригодность предметов вооружения, их целевой и правовой признаки относятся к общим, а функциональные особенности – к специальным, что не исключает квалификацию хищения газового и пневматического оружия по ст. 226 УК РФ[2].

Качество предмета определяет момент окончания преступления. Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (далее – постановление № 5) хищение предметов, указанных в ст. 226 УК РФ, окончено с момента завладения ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом. Это обосновывается тем, что завладение оружием или боеприпасами причиняет вред в первую очередь не отношениям собственности (первичным), а общественной безопасности (комплексным отношениям), обеспечивающей функционирование других отношений.

---

[1] Шишкин Н.А. Собственность как объект уголовно-правовой охраны от преступных посягательств, связанных с уничтожение или повреждением чужого имущества : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 24.

[2] Малков В.Д. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ. М., 1971. С. 11; Мальков С. М. Указ. соч. С. 61-64.

Свойства предметов учитываются при решении вопроса о квалификации по совокупности преступлений. Так, хищение предметов, изъятых из гражданского оборота, – оружия, наркотиков и их последующее хранение, перевозка требуют дополнительной квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 229, 226 и ст. 222, 228 УК РФ, поскольку незаконное обладание оружием и наркотическими средствами создает угрозу общественной безопасности и здоровью населения (комплексным отношениям). Это положение закреплено в п. 17 постановления № 5, где указано, что хищение и последующее хранение оружия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 226 и 222 УК РФ. В то время как последующие действия с похищенным имуществом, не изъятым из свободного оборота, для уголовного права безразличны, что исключает совокупность преступлений при хранении или уничтожении похищенного имущества[1]. Как указано в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2011 г. № 57П11, общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 162 и 167 УК РФ, заключается в утрате собственником принадлежащего ему имущества.

Учитывая, что свойства предметов, указанных в диспозиции ст. 226 УК РФ, выражают отношения в сфере общественной безопасности, хищение оружия, как правило, не требует дополнительной квалификации по совокупности с преступлениями против собственности, так как санкция ст. 226 УК РФ превышает санкции ст. 158-163 УК РФ. Однако хищение оружия, имеющего историческую или культурную ценность, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 226 и 164 УК РФ, что позволит дать полную оценку содеянному, так как санкция ст. 226 УК РФ менее строгая, чем санкция ст. 164 УК РФ. Следовательно, если предмет хищения обладает двумя или более специальными свойствами, не отраженными в нормах, то посягательство на него образует идеальную совокупность[2]. По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 и ст. 226 УК РФ, следует квалифицировать и хищение оружия стоимостью свыше миллиона рублей, так как в ч. 1 ст. 226 УК РФ установлено наказание до 7 лет лишения свободы. В то время как в ч. 4 ст. 158 УК РФ – до 10 лет лишения свободы. В теории обоснованно предложено дополнить ст. 226 УК РФ квалифи-

[1] Соболев В.В., Шульга А.В. Квалификация противоправного изъятия чужого имущества с последующим уничтожением // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 21.

[2] Векленко В.В. Квалификация хищений. С. 69-70.

цирующим признаком – хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ в крупном размере, соответственно, ужесточив санкцию[1].

К рассматриваемой группе предметов относится также компьютерная информация (ст. 272 УК РФ), так как её уничтожение, блокирование, модификация либо копирование, причиняет вред отношениям, обеспечивающим функционирование иных отношений. К предмету преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, следует относить информацию в электронном виде, размещенную на сайте, например сведения о количестве и качестве производимой продукции[2]. Представляется, что предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, является не любая компьютерная информация, охраняемая законом, как отмечают в теории[3], а только та, которая позволяет функционировать компьютеру и не содержит сведений о частной жизни (ст. 137, 138, 155 УК РФ), не является объектом авторского права (ст. 146, 147 УК РФ), коммерческой, банковской, налоговой (ст. 183 УК РФ) или государственной тайной (ст. 275 УК РФ)[4]. Иначе получается, что если указанные сведения были выражены в электроном виде, то тогда действия виновного, скопировавшего ее с целью последующего разглашения или использования, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ и соответствующими статьями, а при завладении с этой же целью информацией, находящейся на материальном носителе, – только по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, следует признавать не все программы, а только программы-коды, позволяющие модифицировать ту или иную компьютерную информацию. Поэтому сложно согласиться с определением Верховного Суда РФ от 30 января 2009 г. № 89-О08-88, согласно которому С. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, за то, что он за вознаграждение удалил из поисковой системы сведения о лишении лица права управления транспортным средством. Учитывая общественную опасность сбора сведений как предмета личных неимущественных (ст. 137, 138, 155 УК РФ), иму-

[1] Дементьев С. И., Феоктистов М.В. Совершенствование законодательной конструкции двуобъектных преступлений // Защита личности в уголовном праве : Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург, 2002. С. 25-29.

[2] Рускевич Е. О проблемах квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 86-87.

[3] Хилюта В.В. Хищение с использование компьютерной техники или компьютерное мошенничество? // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 56.

[4] Филимонов С. А. Ошибки и затруднения, возникающие при квалификации киберпреступлений // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 50.

щественных отношений (ст. 165, 183 УК РФ), безопасности государства (ст. 275 УК РФ), существующих в электронной форме, указанные нормы целесообразно дополнить квалифицирующим признаком «совершение деяния с использованием компьютерной техники»[1].

Четвертую группу составляют предметы, воздействие на которые посягает на здоровье населения (комплексные отношения): наркотические средства и психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), объекты экологии (ст. 250-261 УК РФ). Хотя эти предметы и имеют стоимость, по мнению законодателя, воздействие на них в первую очередь причиняет вред не имущественным отношениям, а здоровью населения. Так, наркотическое средство как предмет преступления, предусмотренный ст. 229 УК РФ, характеризуется следующими признаками: физическим (предмет материального мира, имеющий химическую формулу и агрегатное состояние); социальным (наркотические средства употребляют значительное количество людей); медицинским (употребление приводит к психической и физической зависимости, что нарушает право на здоровье неограниченного круга лиц), поэтому они включены в определенный перечень (юридический признак). Верховный Суд РФ не указал момент окончания хищения наркотических средств. В теории, ссылаясь на судебную практику, полагают, что хищение наркотических средств в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты окончено, когда виновный получил реальную возможность распорядиться похищенным[2]. Учитывая, что хищение указанных предметов причиняет вред здоровью населения, рассматриваемое преступление следует признавать оконченным с момента завладения ими. Их можно употребить сразу после изъятия[3].

К предметам преступлений против здоровья населения относятся и природные объекты, характеризующиеся природным происхождением, собственными жизнеобеспечивающими функциями, зависимостью от окружающей природной среды и социально-

---

[1] Ефимова М.А. Уголовно-правовое обеспечение кибербезопасности: некоторые проблемы и пути их решения // Право и кибербезопасность. 2014. № 7.

[2] Мальков С. М., Токманцев Д.В. К вопросу о моменте окончания хищения наркотических средств // Наркоконтроль. 2016. № 3. С. 19-20. Так А. был осужден по ч. 3 ст. 30 ч. 3 ст. 229 УК РФ за то, что в кафе из кармана куртки похитил марихуану массой 0,98 грамма, он был задержан, когда вышел из кафе. См.: приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда от 15.05.2010 № 1-165/10.

[3] Шульга А.В. Момент окончания хищения по ст. 229 УК РФ // Российская юстиция. 2007. № 11. С. 59-60; Уланова Ю.Ю. Указ. соч. С. 274.

экономической ценностью для общества[1]. К ним относятся подземные, поверхностные и морские воды (ст. 250, 252 УК РФ), атмосфера (ст. 251 УК РФ), земля (ст. 254 УК РФ), водные биологические ресурсы (ст. 256 УК РФ), животные (ст. 258 УК РФ), лесные насаждения (ст. 260-261 УК РФ).

Рассмотрим квалификацию незаконной рубки деревьев (ст. 260-261 УК РФ), которую часто квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260-261 и ст. 158 УК РФ, поскольку лес находится в собственности государства. Но суды исключают из обвинения хищение, поскольку согласно п.21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушение в области охраны окружающей среды и природопользования» действия лица, совершившего незаконную рубку насаждений, а затем распорядившегося древесиной по своему усмотрению, не требуют дополнительной квалификации по статьям Особенной части УК РФ. Поэтому ст. 260 УК РФ предложено дополнить квалифицирующим признаком «совершение незаконной рубки, сопряженной с хищением полученной древесины»[2].

Поскольку незаконная рубка деревьев причиняет вред экологии и имущественным отношениям, представляется целесообразным заменить формулировки «в значительном размере» (ч. 1 ст. 260 УК РФ), «крупный размер» (п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ), «крупный ущерб» (ч. 2, ч. 4 ст. 261 УК РФ), характеризующие имущественный ущерб, «на причинение вреда», ужесточив санкции за совершение преступлений, предусмотренных ст. 260-261 УК РФ. Лес – это не просто совокупность деревьев и кустарников как древесного сырья, а сложная многофункциональная экосистема, и структура вреда, причиненного незаконной рубкой леса, складывается не только из ущерба от изъятия, уничтожения, повреждения до степени прекращения роста деревьев и кустарников, но и вреда экологического характера: разрушение симбиоза растений и животных, гибель или исчезновение определенных видов зверей, птиц, насекомых, видов растительности, изменение климата[3].

---

[1] Баландюк В.Н. Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений. Омск, 1995. С. 67; Забавко Р.А. Указ. соч. С. 30.

[2] Фалилеев В.А., Гармаев Ю.П. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 5. С. 31-32.

[3] Жевлков Э. Об исчислении размера ущерба, причиняемого незаконной рубкой деревьев и кустарников // Законность. 2002. № 10. С. 45-46.

Пятую группу составляют предметы, воздействие на которые посягает на общественную нравственность – памятники истории и культуры (ст. 243 УК РФ), тела умерших, надмогильные сооружения, кладбищенские здания (ст. 244 УК РФ)[1], животные (ст. 245 УК РФ). Предметом преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, выступают памятники истории, культуры, природных комплексов или объектов, а также предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность[2]. Поскольку эти предметы имеют не только экономическую стоимость, но и культурную ценность, наказание за подобные действия должно превышать пять лет лишения свободы, т.е. быть выше санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Рассмотрим квалификацию завладения предметами с могил. Одни авторы считают, что предметы, находящиеся в местах захоронения, добровольно исключаются родственниками умершего из состава принадлежащего им имущества и выходят из сферы имущественных отношений, и такие действия квалифицируют как надругательство над местами захоронения (ст. 244 УК РФ)[3]. Другие оценивают такие действия как хищение, поскольку эти предметы не выброшены за ненадобностью и являются чужими для других[4]. Третьи квалифицируют их по совокупности преступлений как хищение и надругательство над могилами (ст. 244 УК РФ)[5], поскольку родственникам умершего и обществу причиняется моральный вред, а ли-

---

[1] Р.А. Исмагилов обоснованно предложил включить в число предметов преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, не только кладбищенские, а все здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, расположенные на территории кладбища. См.: Исмагилов Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. Тюмень, 2011. С. 17.

[2] В теории предложено выделить в УК РФ отдельный раздел «Преступления против культурных ценностей», расположив в нём нормы, устанавливающие наказание за хищение, неправомерное завладение, вымогательство, контрабанду, умышленное уничтожение или повреждение, невозвращение на территорию РФ культурных ценностей. См.: Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2012. С. 14. Это вряд ли обоснованно, иначе объектом преступления пришлось бы признать порядок оборота культурных и исторических ценностей.

[3] Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 239.

[4] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. С. 214; Векленко В.В. Квалификация хищений. С. 78.

[5] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 483. Так, 32% опрошенных правоприменителей полагают, что такие действия следует квалифицировать по ст. 244 УК РФ, 42% – как хищение и 26% – по совокупности преступлений.

цам, ухаживающим за могилой, и имущественный ущерб. Четвертые предлагают диспозицию ст. 244 УК РФ изложить как: «Надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, а равно похищение находящихся на теле умершего либо в местах захоронения предметов либо надмогильных сооружений»[1]. Более обоснованно завладение имуществом с места захоронения, находящегося на могиле, квалифицировать по совокупности хищения и преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, а «из могилы» – только по ст. 244 УК РФ[2].

Шестую группу составляют предметы, воздействие на которые причиняет вред отношениям в сфере безопасности государства и, соответственно, собственности, управления, неприкосновенности личности и т.д., что отражено в размерах санкций. Это информация, составляющая государственную тайну (ст. 276 УК РФ), предприятия, сооружения, пути и средства сообщения связи, объекты жизнеобеспечения (ст. 281 УК РФ), оружие, боеприпасы, военная техника (ст. ст. 346, 347 УК РФ).

В седьмую группу входят предметы, характеризующие отношения в сфере правосудия. Это предметы и сведения, являющиеся доказательствами (ст. 303 УК РФ); составляющие тайну предварительного расследования (ст. 310 УК РФ); о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ); имущество, подвергнутое описи или аресту (ст. 312 УК РФ). Учитывая, что в ст. 312 УК РФ установлено наказание за растрату имущества, подвергнутого описи или аресту, и более строгое наказание за растрату имущества предусмотрено в ст. 160 УК РФ, хотя преступление, предусмотренное ст. 312 УК РФ, посягает как на первичные (имущественные), так и обеспечивающие (в сфере правосудия) отношения, в теории предложено исключить из диспозиции ст. 312 УК РФ указание на растрату имущества, оставив в ней ответственность за невыполнение обязанностей по сохранению имущества, подвергнутого аресту, повлекшее его утрату или порчу[3]. Более обоснованно дополнить ст. 312 УК РФ квалифицирующим

[1] Осокин Р.Б., Курсаев А.В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 58.

[2] Исмагилов Р.А. Указ. соч. С. 18.

[3] Друзин А. Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения // Законность. 2002. № 10. С. 30.

признаком: «хищение путем присвоения или растраты имущества подвергнутого аресту или описи, лицом которому это имущество вверено»[1], ужесточив наказание.

Седьмую группу составляют предметы-символы, непосредственно или косвенно указанные в законе, воздействие на которые посягает на отношения в сфере государственного управления. К ним относятся форменная одежда представителя власти (ст. 319 УК РФ); документы, штампы, печати, марки акцизного сбора, специальные марки и знаки соответствия (ст. 325 УК РФ); государственный регистрационный знак транспортного средства (ст. 325.1 УК РФ), Государственный герб РФ и Государственный флаг РФ (ст. 329 УК РФ); пограничные знаки (столбы, створные знаки), так как их изъятие, перемещение или уничтожение незаконно изменяет обозначение государственной границы на местности, но не юридически[2]. Поэтому название ст. 323 УК РФ противоречит ее содержанию. Если лицо стремится изменить государственную границу, то оно посягает уже на территориальную целостность страны, и так как санкция ч. 1 ст. 323 УК РФ равна по строгости санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 167 УК РФ, криминализация этих действий излишняя[3].

Предметом преступлений, предусмотренных ч. ч. 1, 2 ст. 325 УК РФ, являются официальные документы, а также штампы, печати, паспорт гражданина и другие личные важные документы (водительские права, диплом об образовании). Таким образом, в ст. 325 УК РФ в качестве предмета преступления указаны три вида документов: паспорт, личные важные документы и официальные документы, характеризующиеся тем, что они удостоверяют юридические факты, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей[4].

Рассмотрим соотношение официальных и личных важных документов. Согласно решению Верховного Суда РФ похищение военного билета, водительского удостоверения, доверенности на право управления автомобилем, страхового медицинского полиса, медицинской санитарной книжки охватывается ч. 2 ст. 325 УК РФ и

---

[1] Кулешов Ю.И. Указ. соч. С. 28; Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Указ. соч. С. 434.

[2] Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 197, 204-205, 262, 267-269.

[3] Якимов О.Я., Якимова С. С. Проблемы уголовно-правовой охраны государственной границы РФ // Уголовное право: проблемы развития в XXI веке : Материалы 4-й международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 503-504.

[4] Букалерова Л. Документы как предмет преступлений против порядка управления // Законность. 2006. № 6. С. 14. Источник происхождения документов будет рассмотрен в следующем параграфе.

дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 325 УК РФ не требует, так как они относятся к важными личным документам граждан, а не к официальными, указанным в ч. 1 ст. 325 УК РФ[1]. Следовательно, законодатель из всех видов официальных документов выделил именно паспорт и другие важные личные документы, установив наказание за их хищение в отдельной норме (ч. 2 ст. 325 УК РФ), являющейся специальной по отношению к норме, предусмотренной ч. 1 ст. 325 УК РФ[2]. Важные личные документы удостоверяют факты, характеризующие непосредственно личность, но не связаны с предоставлением прав и обязанностей, а официальные – непосредственно либо путем ссылки на конкретные нормативные акты указывают на права и обязанности субъекта[3].

По мнению Верховного Суда РФ, ч. 1 ст. 325 УК РФ предусматривает наказание за уничтожение *лишь* официальных документов, определяющих полномочия учреждений, организаций, к которым не относится военный билет, водительское удостоверение, свидетельство о регистрации транспортного средства, и поэтому их уничтожение не является преступлением[4]. Однако не ясно, почему уничтожение лицензии, предоставляющей право заниматься определенной деятельностью, преступно, а уничтожение паспорта – нет.

Выделение из официальных важных личных документов, например, паспорта и его исключение из официальных не позволит квалифицировать его подделку по ст. 327 УК РФ, что неразумно[5]. Представляется, что паспорт, миграционная карта, личная медицинская книжка являются официальными документами[6], как разновидность удостоверения. В теории обоснованно предложено заменить

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 8. С. 19.

[2] Устинова Т.Д., Четвертакова Е.Ю. Документ как предмет подделки // Законодательство. 2008. № 1. С. 80-82. Важные личные документы – это разновидность официальных документов и соотносятся как часть с целым. См.: Летников П.Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 17.

[3] Бриллиантов А. О понятии важного личного документа // Уголовное право. 2011. № 1. С. 11.

[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3. С. 11; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2012 № 69-П12; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 10. С. 31.

[5] Брагина А.Г., Гертель Е.В., Зайцева М.В., Иванова Е.В. Преступления против порядка управления : научно-практический комментарий. Барнаул, 2012. С. 102-103; Бриллиантов А.В. О содержании понятия «официальный документ» // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 68.

[6] Устинова Т.Д., Четвертакова Е.Ю. Указ. соч. С. 80-82.

оценочное понятие «важный личный документ» на понятие «удостоверение», которое должно охватывать такие официальные документы, как паспорт и другие важные личные документы, как это предусмотрено в ст. 327 УК РФ. Удостоверение – это официальный документ установленной формы, созданный уполномоченным органом, находящийся в системе регистрации, строгой отчетности и контроля за его обращением, удостоверяющий юридические факты, например статус личности, либо наличие прав или освобождение от обязанностей[1]. Права и обязанности, закрепленные в удостоверении, чаще всего в нем не указаны, а производны и определяются нормативными актами, регламентирующими сферу его применения[2]. Таким образом, предметами преступлений, предусмотренных ст. 325 УК РФ, следует признавать удостоверения, подтверждающие статус личности, и иные официальные документы, где указаны юридические факты, на основании которых субъекта наделяют правами или освобождают от обязанностей.

Таким образом, поскольку общественные отношения проявляются в предметах материального мира и информации, их классификация определяется характером отношений, которые они, по мнению законодателя, выражают. Поэтому предметы преступлений следует объединить в группы, выражающие такие отношения, как первичные, включающие в себя отношения: 1) личные неимущественные; 2) имущественные; и комплексные, включающие в себя в 3) сфере общественной безопасности, 4) здоровья населения; 5) общественной нравственности; управленческие, включающие в себя 6) отношения в сфере безопасности государства, 7) правосудия и 8) порядка управления.

6.4. Классификация предметов совершения преступления и квалификация деяний

Как указано ранее, предметы внешнего мира и информация, изготовление, хранение, перемещение в пространстве и сбыт которых характеризует процесс совершения преступления, относятся не к объекту, а к его объективной стороне. Все предметы совершения преступления, в зависимости от сферы правоотношений, на которую

[1] Букалерова Л. Указ. соч. С. 14-15.

[2] Постников В.С. Уголовная ответственность за подделку, изготовление, сбыт и использование подложных документов, штампов, печатей, бланков: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 14.

воздействует виновный, изготавливая, сбывая, используя и перемещая их в пространстве, можно подразделить на предметы совершения преступления, причиняющие вред в сфере таких отношений, как: 1) личные неимущественные – поддельные бюллетени (ст. 142 УК РФ); 2) имущественные – денежные средства, полученные преступным путем (ст. 174-175 УК РФ), товарный знак (ст. 180 УК РФ), проспект эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), поддельные деньги и ценные бумаги (ст. 186 УК РФ), поддельные кредитные расчетные карты или иные платежные документы (ст. 187 УК РФ), сырье, оборудование, материалы, технологии, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ст. 189 УК РФ), драгоценные металлы и драгоценные камни (ст. 191 УК РФ), древесина (ст. 191.1 УК РФ), бухгалтерские и иные учётные документы (ст. 195 УК РФ), имущество (ст. 196 УК РФ), налоговая декларация и иные документы (ст. ст. 198, 199 УК РФ); комплексные отношения, содержание которых составляет 3) общественная безопасность – оружие (ст. 222 УК РФ); вредоносные программы для ЭВМ (ст. 273 УК РФ) и 4) общественная нравственность и здоровье населения – наркотические средства и психотропные вещества, растения, содержащие наркотические вещества (ст. 228, 228.1 УК РФ), прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.3, 228.4 УК РФ), растения (ст. 231 УК РФ), рецепты и иные документы, дающие право на получение наркотических средств и психотропных веществ (ст. 233 УКРФ), поддельные документы на лекарственные средства (ст. 327.1 УК РФ), сильнодействующие и ядовитые вещества (ст. 234 УК РФ), потенциально опасные психоактивные вещества (ст. 234.1 УК РФ), лекарственные и медицинские изделия (ст. 235.1 УК РФ), товары, не отвечающие требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), лекарственные средства и медицинские изделия (ст. 238.1 УК РФ), порнографические материалы и предметы (ст. 242 УК РФ); управленческие отношения: 6) в сфере государственной службы и службы в органах местного самоуправления (имущество, передаваемое в виде взятки (ст. 290 УК РФ); 7) правосудие – доказательства (ст. 303 УК РФ), заключения экспертов (ст. 307 УК РФ); 8) собственно порядка управления – официальные документы, награды, штампы, печати, бланки (ст. 324, 327 УК РФ).

Преступление, посягающее на обеспечивающие отношения может выступать способом посягательства на первичные отношения. Так, фальсификацию доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ) с целью получения права на имущество следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 303 и ст. 159 УК РФ. В теории ст. 303 УК РФ предложено допол-

нить таким квалифицирующим признаком, как «деяние, повлекшее принятие незаконного судебного решения», ужесточив наказание за его совершение[1]. Представляется, что для решения обозначенной проблемы ст. 159 УК РФ следует дополнить таким квалифицирующим признаком, как «с использованием заведомо незаконного решения суда»[2], так как виновный стремится не обмануть суд, а приобрести право на имущество путем обмана суда.

Рассмотрим соотношение норм, предусмотренных ст. 159 и ст. 186 УК РФ, при сбыте поддельных денег и ценных бумаг. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 апреля 2001 г. № 1 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег и ценных бумаг» отмечается, что незаконное приобретение лицом чужого имущества в результате проведенных им операций с фальшивыми деньгами или ценными бумагами охватывается составом ст. 186 УК РФ и дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за хищение, не требует. По всей видимости, Верховный Суд РФ считает, что при сбыте поддельных денег и ценных бумаг виновный причиняет вред не только отношениям в сфере их эмиссии (обеспечивающим отношениям), но и собственности (первичным), о чем свидетельствует санкция, предусмотренная ст. 186 УК РФ. Эту позицию критикуют, предлагая квалифицировать сбыт указанных предметов, связанный с противоправным завладением чужим имуществом, по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 159, 186 УК РФ. Во-первых, если следовать указаниям Верховного Суда РФ, то «теряется» такой объект, как отношения собственности. Состав преступления, предусмотренный ст. 186 УК РФ, относится к формальным и не охватывает причинение имущественного ущерба лицам, которым виновный сбывает поддельные деньги. Нормы, предусмотренные ст. 186 и 159 УК РФ, нельзя рассматривать как общую и специальную. Во-вторых, сбыт поддельных денег и ценных бумаг по времени не всегда совпадает с изъятием имущества. Виновный может передать их в качестве аванса или, наоборот, позже после получения имущества. В-третьих, сбыт не всегда связан с противоправным и безвозмезд-

[1] Смолин С. Обман суда: способ мошенничества или преступление против правосудия // Уголовное право. 2015. № 1. С. 95.

[2] Ильин И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

ным завладением чужим имуществом[1]. Таким образом, сбыт поддельных денег причиняет вред не только отношениям в сфере государственного управления экономикой (обеспечивающим), но и имущественный ущерб (первичным отношениям). Эти нормы не соотносятся между собой как общая и специальная, и такие действия следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Рассмотрим вопрос о признании документа официальным и признания его предметом совершения преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Все документы, в зависимости от правоотношений, возникновение, изменение или прекращение которых они удостоверяют, можно подразделить на документы, удостоверяющие такие правоотношения, как государственно-правовые (конституционные) – избирательные бюллетени (ст. 142 УК РФ); гражданские – договоры, расписки; финансовые – налоговая декларация (ст. 198, 199 УК РФ); земельные – свидетельство о праве на землю; трудовые – между работником и работодателем – трудовая книжка (ст. 324, 327 УК РФ); семейные – свидетельство о браке (ст. 324, 327 УК РФ); в сфере судопроизводства – постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 299 УК РФ)[2].

В теории официальными предложено считать документы, регламентирующие отношения в сфере управления[3]. Одни авторы к ним относят документы, исходящие из органов государственной власти или управления либо из негосударственных организаций в пределах их компетенции, а также адресованные им[4]. Другие – и документы, исходящие от частных лиц, при условии признания государством их официального статуса (например, нотариально заве-

[1] Шишко И.В. Совокупность фальшивомонетничества и преступлений, совершаемых с использованием поддельных денег (ценных бумаг) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов научно-практической конференции. Красноярск, 2001. Ч. 1. С. 165–167; Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. С. 377; Скляров С. Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 47; Зозуля В.В. Совокупность преступлений против собственности: вопросы квалификации и назначения наказания. М., 2013. С. 97; Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектных преступлений, совершаемых посредством преступления способа // Законность. 2017. № 12. С. 36.

[2] Сабитова Е.Ю. Документы как объективный признак состава преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 14–15.

[3] Постников В.С. Указ. соч. С. 15.

[4] Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 1996. С. 445.

ренные)[1]. Как обоснованно полагает И.А. Клепицкий, если государство доверяет негосударственным организациям, предоставляя им полномочия удостоверять факты, значимые для возникновения, изменения или прекращения публичных правоотношений, то выданные ими документы могут быть признаны официальными. К ним следует относить трудовую книжку, выданную коммерческой организацией для начисления пенсии органами пенсионного обеспечения; справки банков, выдаваемые ими для вывоза за рубеж приобретенной у них иностранной валюты. В данных случаях указанные организации выступают как субъекты управленческих отношений[2].

Соответственно, относится документ к официальным или нет, определяется тем, субъектов каких отношений – частных, где они равноправны, или публичных, где субъекты не равнозначны, он наделяет правами и обязанностями. Не относится к официальным документам гражданско-правовой договор, даже заверенный нотариусом, поскольку на основании его возникают гражданско-правовые отношения. Поэтому сложно согласиться с решением Верховного Суда РФ по делу Д., подделавшей в депозитном договоре подпись своей матери, указавшего, что состав преступления, предусмотренный ст. 327 УК РФ, отсутствовал, так как Д. не приобрела для себя никаких прав и обязанностей[3]. В действиях Д. нет состава преступления не потому, что она изготовила документ, который не предоставлял ей права, а потому, что заключение депозитного договора является основанием для возникновения не административных, а гражданских правоотношений. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 5750-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» указано, что договор подряда не относится к официальным документам. В то же время заявление гражданина о признании своего отцовства (заверенное нотариусом) является официальным документом и, соответственно, предметом совершения преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, так как в нем закреплен юридический факт, наделяющий правами или обязанностями в сфере семейных правоотношений, где субъ-

[1] Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 693; Гричанин И., Щиголев Ю. Квалификация подделки и использования подложных документов // Росийская юстиция. 1997. № 11. С. 37.

[2] Клепицкий И.А. Документ как предмет подлога в уголовном праве // Государство и право. 1998. № 5. С. 71-72.

[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 3. С. 22-23.

екты не всегда равнозначны. Доказательством того, что документ является официальным, если он регламентирует не гражданские (первичные), а административные правоотношения, служат специальные нормы, предусмотренные ст. 198, 233, 238, 303 УК РФ, регулирующие отношения в сфере формирования бюджета, оборота наркотических средств, безопасности товаров и услуг, осуществления правосудия, т.е. не относящихся к гражданско-правовым.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» к официальным документам относят листки нетрудоспособности, медицинские и зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельство о регистрации автомобиля, т.е. документы, регламентирующие публичные правоотношения. Это обусловлено тем, что эти документы удостоверяют факты, имеющие юридическое значение, например, для приема на работу и допущения к работе и т.д.[1] Не относятся к официальным документам статистические карточки учета выявленных преступлений и лиц, их совершивших, поскольку внесение в них ложных сведений не устанавливает каких-либо юридических фактов и не влечёт правовых последствий[2].

Рассмотрим вопрос об отнесении к официальным документам справки о заработной плате, являющейся, по мнению А.В. Шнитенкова, таковым[3]. Верховный Суд РФ в определении от 27 октября 2006 г. № 44-оО6-111 признал справку о заработной плате, оформленную для предоставления в банк с целью получения кредита, официальным документом. Представляется, что на основании справки о размере заработной платы могут возникнуть как гражданско-правовые отношения кредитования, так и отношения, где стороны не равнозначны, например при получении социальных выплат, когда эта справка является официальным документом[4]. Предоставление справки о заработной плате следует квалифицировать как использование поддельного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ).

---

[1] Бриллиантов А. Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5. С. 6.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5. С. 15-16.

[3] Шнитенков А.В. Поддельная справка о заработной плате как предмет преступления // Российская юстиция. 2008. № 11. С. 26-27.

[4] Митрофанов Т.И. Квалификация мошенничества при получении выплат, сопряженных с подделкой документов // Российский следователь. 2015. № 6. С. 45.

Рассмотрим квалификацию хищения с использованием поддельного документа. Ряд ученых считают, что мошенничество с использованием поддельного документа следует квалифицировать по совокупности преступлений, поскольку виновный причиняет вред двум объектам – имущественным отношениям и в сфере порядка управления[1]. Другие – полагают, что использование подделывателем или другим лицом при хищении поддельного документа не образует самостоятельного состава[2]. Согласно п. 7 постановления № 48 хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием подделанного *этим лицом* официального документа квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ст. 159 УК РФ. Мошенничество с использованием поддельного официального документа, изготовленного *другим лицом*, охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ. Следовательно, необходимо выделять две ситуации. Первая – виновный завладевает имуществом при помощи документа, подделанного другим лицом. Совокупности нет, поскольку использование поддельного официального документа при мошенничестве выступает формой обмана. Вторая – виновный завладевает имуществом, используя подделанный им самим же официальный документ. Его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, так как противоправные действия, создающие условия для другого преступления, должны получить самостоятельную оценку, если они причиняют вред другому объекту и не являются обязательным признаком или составным элементом этого другого преступления[3]. В приведенном случае подделка официального документа посягает на отношения в сфере управления (обеспечивающие), а его использование при хищении – на имущественные (первичные).

---

[1] Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 387–388; Букалерова Л.А., Борзенков Г.Н. Квалификация мошенничества, сопряженного с незаконным оборотом документов, требует переосмысления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3; Лобанова Л., Мкртчян С. Позиции Пленума Верховного Суда РФ по некоторым вопросам квалификации мошенничества нуждаются изменении // Уголовное право. 2015. № 5. С. 79; Карабанова Е. Способ преступления как способ мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 46.

[2] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007. С. 291-292.

[3] Малков В.П. Указ. соч. С. 210; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 229.

По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ст. 159 УК РФ, следует квалифицировать подделку официального документа, предназначенного исключительно для получения доступа к имуществу (например, удостоверение сотрудника правоохранительного органа, используемое для производства обыска, в ходе которого виновный похищает его), поскольку он не предоставляет имущественных прав[1]. А также документа, который можно использовать многократно, когда виновный посягает не только на имущественные отношения, но и на порядок управления. Не образует совокупности преступлений использование при хищении подделанного виновным официального документа только для завладения определенным имуществом (например, сертификата на получение материнского капитала, удостоверяющего право лица только на получение этой социальной выплаты), когда обман выступает способом мошенничества[2].

С указанных позиций рассмотрим квалификацию подделки полиса ОСАГО. Согласно разъяснению Верховного Суда РФ его подделку с целью получения выплат при наступлении страхового случая следует квалифицировать как приготовление к мошенничеству и по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Представляется, что в данном случае такие действия следует квалифицировать только лишь как приготовление к мошенничеству, поскольку, полис ОСАГО можно использовать только один раз. Если же лицо подделывает страховой полис ОСАГО для приобретения права управления транспортным средством и с целью избежать административной ответственности, то тогда подделку такого полиса следует квалифицировать по ст. 327 УК РФ[3], так как это лицо приобретает права в сфере административных правоотношений и может использовать этот документ неоднократно. На основании изложенного сложно согласиться с определением Верховного Суда РФ от 29 июня 2011 г. № 4-О11-135 о том, что действия лиц, подделавших идентификационные номера, номера кузова и двигателя транспортных средств и сбывавших гражданам похищенные автомобили, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 326, 159 УК РФ, поскольку

[1] Гончаров Д. Квалификация поделки документов // Законность. 2000. № 5. С. 12.

[2] Векленко В.В. Квалификация хищений. С. 91; Митрофанов Т.И. Указ. соч. С. 45.

[3] Димитрова Е.А. К вопросу о наличии признаков официального документа в полисе обязательного страхования владельцев транспортных средств // Актуальные проблемы уголовного права : материалы междунар. научно-практ. конф. / отв. за вып. М.В. Бавсун, К.Д. Николаев. Омск, 2010. С. 232-233.

указанные преступления посягают на два разных объекта, охраняемых уголовным законом. Представляется, что в данном случае преступление, предусмотренное ст. 326 УК РФ, выступило способом мошенничества.

Таким образом, предметы совершения преступления характеризуют сферу отношений, выступающих объектом уголовно-правовой охраны, и наличие или отсутствие у них определенных признаков влияет на квалификацию деяний. Предметами совершения преступлений, предусмотренных ст. 324 и ч. 1 ст. 327 УК РФ, являются удостоверение, определяющее статус личности, и иные официальные документы, удостоверяющие юридические факты, на основании которых субъекты приобретают права и обязанности в сфере публичных правоотношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим следующее.

Причинами отказа от признания объектом преступления общественных отношений послужили следующие обстоятельства. Во-первых, при анализе конкретных составов объект преступления описывается не как общественные отношения, а как «государственный строй», «личность», «жизнь и здоровье человека», «интересы правосудия», что не является общественными отношениями. Во-вторых, в философии под общественными отношениями понимают устойчивые связи, тогда как в уголовном праве – любые связи, в том числе и индивидуальные. Понимание общественных отношений в философии и уголовном праве различно, и их сложно интерпретировать для правоприменения.

В-третьих, не понятно, что происходит с общественными отношениями после преступления, которое всегда их нарушает. Признание объектом преступления общественных отношений не позволяет объяснить, как преступление может причинить физический, моральный, материальный вред, и рассматривать потерпевшего как субъекта уголовно-правовых отношений, что исключает его влияние на возникновение и прекращение этих отношений при причинении вреда его собственным интересам.

Анализ первого довода позволил прийти к выводу о том, что отсутствие в диспозициях уголовно-правовых норм указания на объект преступления как на общественные отношения объясняется приемами законодательной техники. Если толкование нормы, в которой объект часто указан через последствия, предметы преступлений либо потерпевших, позволяют его установить, то его не упоминают.

При опровержении второго довода следует исходить из того, что общественные отношения следует рассматривать на двух уровнях. На индивидуальном уровне – непосредственный объект – это единичные обезличенные социальные связи между не персонифицированными субъектами. На обобщенном – это типизированные ус-

тойчивые социальные связи между субъектами отношений, проявляющиеся в статическом (отношении субъектов друг к другу) и динамическом (деятельности субъектов) аспектах. Для конкретизации общественные отношения следует рассматривать через их структуру, состоящую из субъектов отношений, предмета отношений (то, по поводу чего они сложились) и взаимосвязи между субъектами по поводу этого предмета. Условиями существования общественных отношений следует признавать людей (как субъектов отношений, выступающих их основными структурными элементами), природную среду, а условиями развития – правовые институты, устанавливаемые государством.

Для опровержения третьего довода необходимо выделять уровни причиненного преступлением вреда. Первый уровень характеризуется причинением фактического вреда субъектам, выражающегося в разрыве или ином воздействии на социальную связь как первичный элемент общественных отношений, в результате чего человек, их субъект, лишается возможности реализовывать свои потребности, либо реализация этих возможностей затрудняется. Второй – причинением политического вреда государству и морального вреда обществу. Политический вред выражается в том, что преступление, нарушая уголовно-правовой запрет, установленный государством, формирует у граждан чувство незащищенности. Моральный вред характеризуется тем, что совершение преступления препятствует воспроизводству социально одобряемой деятельности и формирует антиобщественные формы поведения. Преступление нарушает не сами общественные отношения, а механизм их функционирования как системы.

Следует выделять и вред, причиняемый условиям существования и развития общества, выражающийся в уничтожении среды обитания, и условиям деятельности государства как политической организации, функционирование которого обеспечивает развитие общества. Общественная опасность посягательства на природную среду – воздух, воду, почву – как жизнеобеспечивающие условия выражается в том, что их уничтожение или загрязнение причиняет вред в различных сферах, затрудняет воспроизводство социальных связей между людьми из-за гибели среды их обитания. Кроме того, вредные изменения в организме человека проявляются через определенное время. Поэтому преступления против экологии следует выделить в отдельный раздел, существенно ужесточив наказания за их совершение.

Преступление может воздействовать и на условия развития общества – государство и его институты. Это преступления, преду-

смотренные в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного устройства и безопасности государства», а также в ст. 205, 206 УК РФ.

Объект преступления представляет собой двухуровневую систему, состоящую из фактических общественных отношений (содержания) и правоотношений (формы – запрета, предусмотренного в Особенной части УК РФ). Деяние должно признаваться преступлением при наличии содержания (фактического вреда или создания реальной угрозы его причинения) и его формы (предусмотрено в УК РФ).

Понятие «интерес» рассматривают в психологическом (субъективном) – как внутреннее эмоциональное отношение субъекта к объекту и социологическом (объективном) – как отношение между субъектами по поводу определенной потребности аспектах. Поэтому интерес – это объективно-субъективная категория, выражающая *направленность* деятельности субъектов на предметы, способные удовлетворить их потребности.

Рассмотрение общественных отношений посредством интереса как направленности деятельности и возможности определенного поведения субъектов отношений позволит, во-первых, установить социальный характер последствий преступления и, соответственно, объект преступления, когда общественные отношения выражаются в деятельности субъектов (в динамическом аспекте) и последствия отдалены по времени от момента совершения деяния. Во-вторых, систематизировать нормы Особенной части УК РФ по главам на основании однородности интересов субъектов. В-третьих, конкретизировать предмет предвидения интеллектуального момента вины.

При описании умысла и неосторожности для конкретизации предмета предвидения необходимо устанавливать осознание субъектом не общественной опасности, а общественной значимости своих действий и предвидение наступления не общественно опасных последствий, а возможности причинения вреда интересам личности, общества и государства. Это избавит правоприменителя от необходимости устанавливать осознание виновным общественной опасности совершаемых действий и *осознания причинения вреда общественным отношениям* как типизированным связям, что проблематично в силу их абстрактности и сложности для восприятия.

Понимание непосредственного объекта преступления как социальной связи между неперсонифицированными субъектами либо как связи между конкретными людьми влияет на квалификацию при воздействии на «отсутствующего» потерпевшего, при ошибке в личности, развитии причинно-следственной связи и при отклонении действия. Лицо, воздействующее на тело мертвого человека, с це-

лью его убийства или причинения вреда здоровью, можно привлечь к уголовной ответственности за приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30, ст. 105, 111 УК РФ), только если оно приискивало, изготовляло или приспосабливало для совершения убийства средства или орудия преступления (например, оружие), приискивало соучастников либо умышленно создавало иные условия для причинения вреда до наступления указанных последствий.

При квалификации действий виновного, посягающего на потерпевшего, у которого отсутствуют свойства, закрепленные в УК РФ в качестве квалифицирующего признака, характеризующего дополнительный объект, в ст. 30 УК РФ следует закрепить правило о том, что действия виновного, посягнувшего на жизнь и здоровье при ошибке в личности потерпевшего, следует квалифицировать как оконченное преступление, к совершению которого он стремился.

Понятие «объект преступления» следует рассматривать в трех аспектах в динамике их перехода. Во-первых, в аксиологическом (ценностном), как объект уголовно-правовой охраны – общественные отношения, охраняемые нормами УК РФ, которые перечислены в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Перечисление объектов уголовно-правовой охраны должно определять последовательность расположения глав в структуре Особенной части УК РФ. Во-вторых, в формальном – как элемент состава преступления, когда характер отношений указан в диспозиции статьи Особенной части УК РФ посредством описания признаков, характеризующих все элементы состава преступления. В-третьих, в предметном – как определенные блага в системе общественных отношений, проявляющиеся как часть действительности, имеющие материальные или нематериальные формы, границы, состояния.

Такое рассмотрение объекта преступления разрешит споры о критериях постановки под охрану и дифференциации ответственности при посягательстве на жизнь, систематизации норм Особенной части УК РФ, а также месте предмета в структуре состава преступления и позволит сконцентрироваться на решении иных проблем учения об объекте преступления, имеющих правотворческое и правоприменительное значение.

Отказ от признания объектом преступления общественных отношений и отнесение к таковым человека обусловлен идеологическими причинами и нежеланием исследовать такое понятие, как «общественные отношения». Объектом уголовно-правовой охраны следует признавать не общественные отношения и не человека, а человека в системе общественных отношений, функционирование которых обеспечивает его развитие. Это позволит признавать пре-

ступлением причинение вреда не только полноценной личности, но и новорожденному, а также лицам, страдающим психическими расстройствами, и не рассматривать как преступление причинение вреда в состоянии необходимой обороны, поскольку виновный, посягая на потерпевшего, выходит из системы охраняемых отношений.

Учитывая, что безопасность отдельного человека невозможна без безопасности всего человечества, Особенная часть УК РФ должна начинаться с главы «Преступления против мира и безопасности человечества». Затем в отдельном разделе «Преступления против экологии» следует предусмотреть ответственность за посягательства на экологию как условие существования человека. После этого должны располагаться нормы, предусматривающие наказания за посягательства на условие развития общества – государство: «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Далее должны располагаться нормы, предусматривающие наказание за непосредственное воздействие на интересы человека в системе общественных отношений.

После этого должна быть установлена ответственность за преступления, посягающие на отношения в сфере общественной безопасности (ст. 215, 264 УК РФ) и здоровья населения, когда жизнь и здоровье выступают дополнительным объектом и вред ему причиняется опосредованно.

Для устранения конкуренции норм, устанавливающих ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, осуществляющих служебную деятельность или общественный долг, следует исключить ст. 295-297, 317-319, 321 УК РФ, дополнив ст. 115, 116, 119, 128.1 УК РФ квалифицирующим признаком – «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга» и увеличив размер наказания. Главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» необходимо дополнить нормой об ответственности за угрозу уничтожения имущества в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Это позволит привести положения УК РФ в соответствие с положениями Конституции РФ о том, что человек – это высшая ценность, упростить применение норм Особенной части УК РФ, а также исключит применение положений ст. 76 УК РФ о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим представителем власти, выполняющим свои служебные обязанности, поскольку виновный посягает не только на человека, но и на интересы государства.

Вместе с тем ст. 277 УК РФ должна остаться в соответствующей главе. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля причиняет вред основам конституционного строя как условию существования государства и развития общества.

К причинам возникновения концепции «объект преступления – общественные отношения» следует относить причину социологического характера, основанную на сложившихся еще в досоветский период представлениях о том, что человек – это член общества и любое преступление причиняет вред не только ему, а всему обществу. Во-вторых, причины методологического характера. Если на уровне общего объекта объектом преступления выступают общественные отношения, то и на уровне непосредственного объекта объектом преступления следует признавать их первичный элемент – социальную связь. В-третьих, причины законодательного характера, обусловленныей постепенным переходом законодателя от казуального изложения норм Особенной части к обобщенному описанию преступления в диспозициях норм Особенной части. При описании объективной стороны преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ необходимо руководствоваться положением, что объектом преступления выступает не человек и предметы материального мира или информация, а общественные отношения в определенной сфере, что обуславливает абстрактный способ изложения уголовно-правовых запретов. Признание объектом преступления общественных отношений и использование абстрактных формулировок позволяет избежать пробелов, которые неизбежны при казуистическом изложении уголовно-правовых запретов, и применения норм уголовного права по аналогии. В-четвертых, причины политического характера – стремление государства обосновать широкое применение норм уголовного права, когда возникала угроза причинения вреда его интересам.

Уголовное право, охраняя отношения посредством установления запретов, регулирует не только деятельность, регламентируемую другими отраслями права, но и не охватываемую их нормами. Непризнание общерегулятивных уголовных правоотношений базируется на неверном отождествлении таких моментов, как возникновение и реализация правоотношений. Предпосылкой возникновения общерегулятивных уголовных правоотношений является уголовно-правовая норма, в которой заложена формальная возможность их возникновения, а совершение преступления превращает возможность в действительность. Специфика уголовно-правового регулирования заключается в том, что уголовно-правовая норма запрещает определенные деяния, в то же время дозволяя совершать действия,

не указанные в её диспозиции, а также подкрепляя угрозой наказания, усиливает действие регулятивных отраслей права.

Доказательством того, что уголовное право обладает самостоятельным предметом уголовно-правового регулирования, определяющим границы объекта как элемента состава преступления, является признание преступным неправомерного завладения имуществом, полученным в результате преступления, а также предметами, изъятыми из гражданского оборота.

В зависимости от того, запрещено деяние только уголовно-правовой нормой или также нормами других отраслей права, в которых сформулировано содержание запрета, выделяют прямую уголовную и смешанную противоправность. Преступления с прямой противоправностью нарушают только уголовно-правовой запрет, а со специальной – и специально-отраслевой запрет. Условно можно выделить общерегулятивные уголовные правоотношения, определяющие прямую уголовную противоправность, и смешанные общерегулятивные уголовные правоотношения, определяющие смешанную противоправность.

Содержание уголовно-правового запрета и объем правоотношений, выступающих объектом преступления, корректируются нормами «регулятивных» отраслей права. От того, как в диспозиции нормы Особенной части УК РФ посредством способа, предмета и других признаков состава преступления будет обозначена сфера общественных отношений, которой преступление причиняет вред, зависит признание или непризнание определенных действий преступными.

Классификация объектов преступлений по «вертикали» основана на делении *понятий* «объект преступления». Она базируется на соотношении категорий «всеобщее», «общее», «особенное» и «единичное», характеризующих признаки индивидуальных предметов, рассматриваемых как «отдельное». Категории «всеобщее» соответствует общий объект преступления (объект уголовно-правовой охраны). Составной (типовой, надродовой) объект как основание деления Особенной части на разделы, является «общим». Родовой объект преступления, на основании которого преступления разбиты на главы, выступает «особенным». Видовой объект (элемент состава) – правоотношения в определенной сфере жизнедеятельности, закрепленный в диспозиции нормы уголовного права посредством указания на признаки состава преступления, выступает «единичным». Непосредственный объект преступления как «отдельное» – это *явление* как обезличенные не персонифицированные социальные связи между конкретными субъектами отношений, проявляющиеся в

последствиях преступления – потерпевшем и предмете преступления. Непосредственный объект – «отдельное» соотносится с общим объектом – «всеобщее», надродовым – «общее», родовым – «особенное» и видовым – «единичное» так же, как часть и целое. Это послужило основанием отождествлять предметы внешнего мира и человека с непосредственным объектом преступления.

Предмет отношения как нематериальное явление, то, по поводу чего они существуют, следует отличать от предмета преступления как признака состава преступления. Предмет отношений выступает *видовым объектом преступления* и устанавливается посредством анализа причиненного вреда или прав и обязанностей субъектов отношений – потерпевшего и субъекта преступления. Если предмет отношений – это объективная категория, указывающая сферу, в которой причинен вред, то, указывая на субъекты отношений, законодатель по своему усмотрению определяет их сферу. Так, например, основным объектом преступления, предусмотренного ст. 127.2 УК РФ, по мнению законодателя, выступает свобода передвижения. Однако автор присоединяется к мнению о том, что таковым выступает свобода выбора трудовой деятельности, и поэтому эта статья должна находиться в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Кроме того, преступление, предусмотренное ст. 263.1 УК РФ, посягает не на безопасность дорожного движения, а, исходя из анализа положений Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», на общую безопасность, и эта норма должна располагаться после ст. 217.1 УК РФ.

При описании формальных составов преступлений дифференцировано следует излагать объективную сторону преступлений, характеризующуюся совершением альтернативных действий, в зависимости от общественной опасности, которая определяется степенью воздействия на предмет отношения. Ответственность за действия, характеризующиеся различной общественной опасностью, например предусмотренные ст. 137, 186, 205, 212, 242 УК РФ, должна быть предусмотрена в различных статьях Особенной части УК РФ. Это будет способствовать, во-первых, реализации принципа справедливости, во-вторых, ужесточению наказания за совершение преступлений, объективная сторона которых сконструирована посредством описания альтернативных действий за счет квалификации их по совокупности, в-третьих, реализации сдерживающего воздействия уголовного закона.

Деление в уголовном праве общественных отношений на «материальные» и «нематериальные» в зависимости от того, проявля-

ются они в предметах материального мира или нет, малопригодно. Эта классификация общественных отношений – социальной категории, не включающей в себя ничего материального, основана на ошибочном включении в них предметов материального мира и отождествлении понятий «предмет отношений», – *по поводу чего существуют* общественные отношения и «предмет преступления» – *по поводу которого или в связи с которым* совершают преступление. Вследствие этого под предметом преступления некорректно понимают блага, *по поводу которых люди вступают в отношения.*

Отождествление предмета отношений как нематериального явления, по поводу чего существуют отношения между субъектами, и предмета преступления – предметов материального мира и информации, выражающих эти отношения, произошло вследствие неразграничения общественных отношений как типизированных устойчивых связей, сложившихся в обществе, и индивидуальных социальных связей между субъектами. Когда речь идет об индивидуальных связях между субъектами, которые в силу повторяемости в своей совокупности представляют определенный тип отношений, предметы материального мира можно относить к предмету этих отношений, поскольку субъекты вступают в индивидуальные отношения по поводу этого конкретного предмета. Но на уровне общественных отношений как типизированных устойчивых связей предметы материального мира выступают лишь формой их выражения. Следует различать предмет общественных отношений как нематериальное явление – процессы, состояния, по поводу чего они сложились, и предмет преступления как форму их выражения в реальности и закрепления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

На «материальный» или «нематериальный» следует классифицировать вред от преступления в зависимости от того, в какой их сфере он был причинен. Материальный вред – это изменения, произошедшие в материально-предметной деятельности людей в сфере производства, распределения и потребления материальных благ (состоящий в уничтожении, повреждении, утрате материальных благ) либо связанные с производством и распределением запрещенных вещей, предметов и веществ. Нематериальный вред – это изменения в политической, правовой и духовной сферах общества, связанные с уничтожением, ущемлением, ограничением нематериальных благ либо с производством и распространением антиобщественных идей, взглядов.

Общественные отношения в зависимости от их предмета и субъектов можно разделить на первичные и обеспечивающие. Первичные отношения – это отношения между физическими и юриди-

ческими лицами по поводу возможности беспрепятственно пользоваться определенными благами. Первичные отношения, в свою очередь, делятся на личные неимущественные и имущественные отношения. Личные неимущественные отношения существуют по поводу реализации личных неотчуждаемых и нетоварных нематериальных благ, неразрывно связанных с субъектом (жизнь, здоровье, достоинство). Наказание за посягательства на них как на основной объект предусмотрено нормами, расположенными в гл. 16-20 УК РФ.

К имущественным относятся отношения, возникающие по поводу создания и распределения материальных благ, оказания услуг имущественного характера, выступающие имуществом в смысле ст. 128 ГК РФ. Эти отношения выступают основным объектом преступлений, предусмотренных в гл. 21, и части норм, расположенных в гл. 22 УК РФ, устанавливающих наказание за причинение имущественного ущерба субъектам.

К обеспечивающим следует относить отношения, возникающие по поводу неприкосновенности жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества не одного человека, а многих людей, охраняемые нормами, расположенными в гл. 24-28 УК РФ. К обеспечивающим отношениям следует относить также и отношения между физическими и юридическими лицами с одной стороны и государством в лице его органов – с другой, урегулированные нормами публичных отраслей права, обеспечивающих неприкосновенность и функционирование первичных и комплексных отношений. Это отношения в сфере управления, возникающие по поводу осуществления государственно-управленческой деятельности, наказание за посягательство на которые предусмотрено нормами, расположенными в гл. 29-33 УК РФ.

Вид отношений – первичные или обеспечивающие – как объект преступления влияет на содержание и формулировку квалифицирующего признака «совершение хищения с использованием служебного положения» (ч. 3 ст. 159 ч. 3 ст. 160, п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ). В нормах, устанавливающих наказание за посягательства на обеспечивающие отношения, указанный признак должен быть сформулирован как «совершение преступления при использовании своих служебных полномочий или профессиональных функций».

Определение вида отношений должно учитываться при указании на момент окончания преступления. Так, при посягательстве на отношения в сфере управления, в том числе и экономики, причинение имущественного ущерба должно находиться за рамками состава.

Учитывая, что человек, как субъект отношений – это основной их структурный элемент, количество потерпевших должно учиты-

ваться при применении норм уголовного права. Поэтому из УК РФ следует исключить квалифицирующие признаки составов, предусматривающих наказание за умышленное причинение смерти, здоровью, свободе передвижения, чести и достоинству, квалифицируя такие действия по совокупности преступлений. Это позволит удерживать виновного от продолжения преступной деятельности, мотивировать его к минимизации количества потерпевших, устранить проблемы квалификации преступлений, когда в отношении одного потерпевшего преступление окончено, а в отношении другого – нет.

Нормы, устанавливающие наказание за посягательство на имущественные отношения, следует дополнить таким квалифицирующим признаком, как обращение к неопределенному кругу лиц либо с использованием электронных ресурсов, отражающих факт причинения виновным вреда двум и более потерпевшим.

При посягательстве на комплексные отношения причинение вреда двум и более потерпевшим выступает их типичным последствием и характеризует степень причинения вреда объекту преступления. Поэтому в качестве квалифицирующих предусмотрены такие признаки, как причинение вреда двум и более лицам, например при совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, либо количество потерпевших учитывается при решении вопроса о возможности признания вреда существенным (ст. 285 УК РФ). Данное обстоятельство должно быть учтено и при назначении наказания, так как в одном случае потерпевших может быть два, а в другом – десять. Представляется, что ч. 1 ст. 63 УК РФ следует дополнить таким обстоятельством, как «*совершение преступления в отношении двух и более потерпевших*», указав в ч. 2 ст. 63 УК РФ: «Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания, *за исключением причинения вреда двум и более потерпевшим*». Кроме этого УК РФ следует дополнить ст. 68.1, согласно которой при причинении вреда двум и более потерпевшим минимальный размер наказания не может быть менее 1/3 от максимального размера наиболее строгого наказания, предусмотренного санкцией статьи.

Перевод первичных отношений в обеспечивающие посредством наделения одного из их субъектов властно-публичными полномочиями увеличивает объем охраняемых уголовным законом отношений, повышая его эффективность.

По мнению автора, основным видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 141, 141-2, 142, 142.1 УК РФ, являются отношения в сфере формирования органов власти и органов местно-

го самоуправления, поскольку одним из их субъектов выступает государство. Опасность этих преступлений выражается не в нарушении избирательных прав граждан, а в возможности захвата власти «легитимным» путем. Эти нормы следует объединить в главе «Преступления против порядка проведения выборов и референдумов» в разделе X «Преступления против государственной власти».

Также основным видовым объектом преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ, являются не отношения в сфере реализации свободы вероисповедания как одного из личных прав граждан (первичные отношения), а общественная нравственность (обеспечивающие отношения), и наказание за его совершение должно быть предусмотрено в главе 25 УК РФ.

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, являются отношения в сфере государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории РФ. Его опасность выражается не в причинении имущественного ущерба государству в виде неполучения денег от налогов от игровой деятельности, а вреда обществу, выражающегося в деградации личности игроков, распаде их семей и т.д. Это преступление посягает не на первичные (имущественные), а на обеспечивающие (комплексные) отношения, и норма должна располагаться в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Вследствие проблем реализации нормы, предусмотренной ст. 177 УК РФ, в ч. 1 ст. 315 УК РФ следует установить наказания за неисполнение решения суда физическим лицом, а в части второй – за неисполнение решения суда представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, служащим государственного муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

Принуждение к совершению сделки возможно не только в сфере экономики, когда действия лица можно квалифицировать по ст. 179 УК РФ, которой не охватываются ситуации принуждения к отказу от иска в споре о том, с кем после развода останутся дети, а также к отказу от заключения трудового договора, представляющих общественную опасность. Обоснованным является установление наказания за принуждение к совершению либо отказу от любых действий, расположив эту гл. 32 УК РФ, поскольку виновный в этом случае посягает на порядок управления.

Легализацией имущества (ст. 174 УК РФ) следует признавать не только совершение сделок и финансовых операций, но содействие лицу в создании препятствий по выявлению, происхождению,

обнаружению, изъятию, аресту или конфискации имущества, составляющих доход или иную выгоду от преступления (например, оформление документов на похищенный автомобиль). Наказание за указанные действия должно быть предусмотрено в гл. 31 «Преступления против правосудия».

Преступления, предусмотренные ст. 186, 189, 191, 191.1, 192, 193, 198-199-2, 200.1, 200.2 УК РФ, посягают не на отношения равноправных субъектов по поводу производства материальных благ, а на государственное управление экономикой. Ответственность за их совершение должна быть предусмотрена в разделе X «Преступления против государственной власти», в созданной для этого главе «Преступления против экономической безопасности государства». Это позволит обосновать жесткую реакцию государства в отношении лиц, совершающих эти преступления, поскольку они посягают на основы существования государства.

Указание в диспозиции статьи на признаки субъектов отношений – потерпевшего и (или) субъекта преступления, описание их правового положения (правовая включенность) или совершаемых ими действий (фактическая включенность) позволяет установить границы объекта преступления.

Границы первичных отношений как объекта преступления определены, как правило, описанием правового положения и совершаемыми действиями потерпевшего. Указание в диспозициях норм Особенной части УК РФ на деятельность потерпевшего повысит эффективность уголовно-правовой охраны его прав. Признаки субъекта не подлежат расширительному толкованию, но для увеличения объема обеспечивающих отношений в сфере общественной безопасности субъект преступления может быть указан и путем описания совершаемых им действий. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается лицо, не имеющее права управление транспортным средством, предусмотренного ст. 238 УК РФ – производящее или сбывающее товары, оказывающее услуги или производящее работы, не отвечающие требованиям безопасности, предусмотренного ст. 216 УК РФ – осуществляющее строительные работы (ст. 216 УК РФ).

При неправомерном возложении обязанностей субъект не может быть привлечен к ответственности, за исключением случаев занятия соответствующей должности обманом.

Увеличение объема обеспечивающих отношений, выступающих объектом преступления, возможно и посредством указания на фактическое положение и других лиц, не являющихся субъектом или потерпевшим. Так, незаконное освобождение от уголовной от-

ветственности (ст. 300 УК РФ) возможно только после возбуждения уголовного дела, когда появляются *подозреваемые* и *обвиняемые*. Обоснованным является предложение сформулировать диспозицию данной нормы как «освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, при отсутствии оснований и условий, указанных в законе» либо указать на заведомо незаконный отказ прокурора, следователя, дознавателя от уголовного преследования или его прекращение. Тем самым норма, предусмотренная ст. 300 УК РФ, будет охватывать случаи, когда совершение преступления определенным лицом известно сотрудникам правоохранительных органов, но они не принимают мер для привлечения виновного к уголовной ответственности, что аналогично прямому освобождению от неё путем вынесения постановления о прекращении уголовного преследования.

Характер правоотношений, выступающих объектом преступления, влияет на признаки специального субъекта преступления. Положения ч. 4 ст. 34 УК РФ неприменимы, когда признаки специального субъекта определяются его личностными свойствами, а также когда фактически совершить действия, составляющие объективную сторону специальных составов, может и общий субъект. Если объективная сторона состоит в действиях, которые можно совершить, только обладая определенными полномочиями, исполнителем преступления может быть только специальный субъект.

Исполнителем преступления следует признавать любое лицо хотя и не обладающее признаками специального субъекта, указанного в соответствующей статье Особенной части УК РФ, но представляющее интересы юридического лица, обязанное или фактически действующее в интересах другого лица. Учитывая, что юридически значимые действия от имени юридического лица может совершать и субъект, не являющийся сотрудником организации, исполнителем преступлений, предусмотренных ст. 195, 196 199-2, 142, 315 УК РФ, может быть привлечено любое лицо.

Следует отличать такие понятия, как «преступный вред», являющийся неотъемлемым свойством любого преступления, и «последствия» как признак объективной стороны его состава. Вред от совершения преступления – это весь спектр негативных изменений в различных сферах общества: политической, моральной, психологической. Последствия преступления как признак его объективной стороны – это указанный в диспозиции или подразумеваемый при её толковании определенный вред, причиненный общественным отношениям, для предотвращения которого посредством угрозы применения наказания она создана. Последствия преступления являются

способом указания на объект преступления в диспозиции нормы Особенной части УК РФ и должны быть выделены из преступного вреда.

Обоснованно предложение установить в УК РФ наказание за умышленное противоправное временное пользование чужим имуществом в значительном размере с целью извлечения имущественной выгоды, При определении размера ущерба, причиненного при незаконном получении кредита (ст. 176, 195 УК РФ), криминообразующим признаком следует считать не ущерб, причиненный кредитору (кредиторам), а сумму полученного кредита (задолженности).

Исключение из последствий хищения незаконного обогащения виновного позволит считать его оконченным с момента выхода имущества из обладания собственника или владельца (за исключением завладения имуществом с охраняемых территорий), устранить проблемы квалификации временного позаимствования имущества и исключить ст. 166 УК РФ. Выведение последствий преступления в виде незаконного обогащения за рамки состава позволит декриминализировать незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), где извлечение дохода в крупном размере является криминообразующим признаком. Такой конструктивный признак, как причинение крупного ущерба, практически не встречается, а при извлечении дохода в крупном размере виновного следует привлекать к административной или финансовой ответственности.

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия при хулиганстве, следует понимать не только причинение с помощью указанных предметов вреда здоровью, но и создание реальной угрозы для жизни или здоровья граждан. Это позволит четко разграничивать уголовно наказуемое хулиганство и административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.13 КоАП РФ, устанавливающей наказание за стрельбу из оружия в не отведенных для этого местах, а также квалифицировать как уголовно наказуемое хулиганство стрельбу из травматического оружия в людей, и бросание петард и файеров в их сторону даже при отсутствии вреда здоровью человека. Объектом хулиганства (ст. 213 УК РФ) следует признавать не общественный порядок, а общественную безопасность.

Грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, посягает на основы конституционного строя и безопасность государства. Указание на место грубого нарушения общественного порядка – транспорт общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ) – создало трудности его отграничения от мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ), из-

лишне. На основании этого диспозиция, описывающая основной состав хулиганства, должна быть изложена как «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопряженное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия».

Указание в диспозиции ст. 330 УК РФ на совершение каких-либо действий, вопреки установленному законом или иным нормативно правовым актам позволяет квалифицировать по этой норме приобретение оружия и наркотиков, а также незаконное пересечение границы. Следует вернуться к формулировке диспозиции ст. 200 УК РФ, согласно которой под самоуправством понимали самовольное с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившие существенный вред гражданам или организациям.

Основными способами указания на последствия преступления, когда оно причиняет вред значительному объему отношений, являются установление запретов посредством формальных составов, составов «создания опасности», дополнение УК РФ специальными нормами, устанавливающими наказание за имущественные и преступления против интересов государственной службы, используя формулировку «те же деяния, повлекшие иные тяжкие последствия».

При решении вопроса о том, была ли создана реальная опасность причинения вреда, необходимо выделять формальную (нарушение мер предосторожности) и материальную (невмешательство может повлечь наступление фактических негативных последствий) стороны. Вероятность наступления последствий может быть равна 1%.

В ст. 42 УПК РФ закреплены основные признаки потерпевшего. Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением *непосредственно* причинены физический, психический и моральный вред, имущественный ущерб, характеризующие последствия преступления, предусмотренные нормой Особенной части УК РФ, либо *непосредственно* была создана реальная угроза причинения такого вреда. Юридическое лицо является потерпевшим, если преступлением *непосредственно* был причинен вред его деловой репутации или нанесен имущественный ущерб.

Потерпевший в уголовном праве характеризуется следующими признаками: 1) является субъектом отношений, обеспечивающих реализацию своих интересов; 2) вред причинен преступлением (разграничивает уголовно-правовое, уголовно-процессуальное понятия потерпевшего); 3) характер причиненного вреда; 4) непосредственность причинения вреда, который должен охватываться диспозицией нормы Особенной части УК РФ; 5) отношение к причиненному

вреду. Эти признаки влияют на квалификацию деяний и формы реализации уголовной ответственности.

Указание в законе на угрозу причинения вреда позволит относить к потерпевшим лицо при совершении на него покушения, без фактического причинения ему вреда, закрепит положение о том, что потерпевшими от преступления являются государство и общество, и повысит эффективность института необходимой обороны.

Описание в диспозиции нормы вреда, причиненного потерпевшему, позволяет установить причинную связь между деянием и последствиями преступления. Поскольку предусмотреть все правила, нарушение которых может повлечь причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью неограниченного круга лиц, невозможно, в гл. 21 УК РФ следует установить наказание за нарушение правил безопасности, которая бы выступала общей нормой по отношению к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение специальных правил безопасности.

Сфера прав, реализация которых затрудняется совершением преступления, определяет формы реализации уголовной ответственности. Закон предоставляет человеку право определять, прибегать к защите своих прав уголовно-правовыми средствами или нет, только при причинении ему морального вреда при распространении заведомо ложных сведений (ст. 128.1 УК РФ), физическом воздействии (ст. 115-116 УК РФ), нарушении половой свободы (ч. 1 ст. ст. 131, 132 УК РФ), вторжении в частную жизнь (ст. 137, 138, 139 УК РФ), нарушении права на труд (ст. 145 УК РФ), авторских, смежных, изобретательских и патентных прав (ст. 146, 147 УК РФ) и причинении имущественного ущерба при определенных условиях (ст. 159-160, 165 УК РФ). Основанием для отнесения некоторых из указанных преступлений к делам частного и частно-публичного обвинения является то, что, исходя из особенностей отношений, которым преступление причинило вред, государство предоставляет потерпевшему самому выбрать способы защиты своих прав. При причинении морального вреда, например при разглашении сведений, составляющих личную тайну (ст. 137-139 УК РФ), человек сам решает, причинен ему вред или нет.

Учитывая, что самоуправство (ст. 330 УК РФ) как самовольное вопреки установленному законом или иным нормативно-правовым актом порядку совершение каких-либо действий, *правомерность которых оспаривается организацией или гражданином*, если эти действия причинили существенный вред, посягает на процедуру реализации прав, правомерность которых оспаривается, что выступает конструктивным признаком, человек, в отношении которого

совершают самоуправные действия, должен сам решать, нарушены его интересы или нет.

Причинение вреда человеку с его согласия во время трансплантации тканей или органов, эксперимента или спортивных соревнований при соблюдении определенных условий непреступно вследствие общественной полезности этих действий.

Предмет преступления – это предметы внешнего мира и информация, доступные для восприятия и способные подвергаться воздействию (физический признак), удовлетворять потребности людей (социальный признак) и выражать общественные отношения. От предмета преступления как формы выражения общественных отношений следует отличать предмет отношений как нематериальное явление, по поводу которого складываются отношения. Социальный признак предмета преступления выражается в том, что его свойства определяют характер общественных отношений. Юридический признак формализует социальный, когда законодатель указывает определенные, наиболее важные, по его мнению, свойства предмета, определяя тем самым характер правоотношений как объекта преступления. Виновный, воздействуя на выделенные законодателем социальные свойства предмета преступления, посягает на возможность субъекта отношений реализовывать свои права.

Материю следует рассматривать как объективную реальность. Поэтому предметом преступлений следует признавать электрическую энергию, атмосферу, землю, воду, почву, авторские и смежные права, информацию, поскольку они удовлетворяют потребности человека, доступны для восприятия, подвергаются изменениям и поддаются фиксации.

Предмет преступления – это предметы внешнего мира, информация, энергия и объекты экологии, существуют до преступления, выражают общественные отношения, удовлетворяют потребности людей, доступны для восприятия, способны подвергаться воздействию и фиксации произошедших в них изменений. Посредством указания в законе социальных свойств предмета преступления законодатель указывает на характер отношений, выступающих объектом преступления. Социальные свойства предмета преступления характеризуют общественные отношения (объект преступления), а физические – способность поддаваться изменениям – последствия преступления, как признак его объективной стороны. Предмет преступления не тождественен предмету отношений – социальным явлениям, по поводу которых складываются отношения.

Имущество как предмет преступления законодатель описал такими терминами, как «имущество» (объект вещного права как

вещь), которое можно изъять (ст. ст. 158, 160 УК РФ); «право на имущество», которое можно приобрести (ст. 159, 163 УК РФ); и «имущественное право» (ст. ст. 195, 196 УК РФ) (объект обязательственного права), которое, как правило, изъять нельзя.

Описание имущества как предмета преступлений против собственности посредством указания «права на имущество» не свидетельствует об отсутствии признака материальности, так как это юридическое выражение предмета материального мира (вещи), право на которую приобретает виновный. Учитывая, что стать правообладателем посредством обмана нельзя, «право на имущество» – понятие условное. Приобретение права на имущество как оконченное мошенничество означает, что виновный получает возможность распорядиться имуществом, что позволяет ему, не обладая имуществом фактически, причинить реальный ущерб собственнику или владельцу. Документом, удостоверяющим право на имущество, обладание которым является оконченным мошенничеством в форме приобретения права на имущество, следует признавать документ, предоставляющий правомочие распоряжаться имуществом, содержащий в себе персональные данные о человеке, получившем такое право, а также данные об имуществе, передача прав на которое закреплено в этом документе. Кроме этого переход права на имущество должен быть зафиксирован в соответствующих реестрах, регистрирующих переход прав, поскольку это гарантирует возможность лица получить право распоряжаться имуществом. Приобретение права на имущество посредством документов, не отвечающих предъявляемым требованиям, следует рассматривать как приготовление к мошенничеству в виде завладения имуществом.

При мошенничестве в форме приобретения права на имущество имущественный ущерб может быть и не причинен, так как имущество не выбывает из владения и пользования потерпевшего, который продолжая фактически им обладать и, обратившись в правоохранительные органы, может восстановить это право. Поэтому, ответственность за мошенничество в форме приобретения права на имущество следует предусмотреть в отдельной норме, установив менее строгое наказание, чем за мошенничество в форме завладения имуществом.

Учитывая, что вред объекту причиняется посредством изъятия (удержания) предметов, предметом следует считать все имущество потерпевшего, а не только изъятое или удержанное.

Необходимо различать предмет преступления как признак, существующий до момента совершения преступления, характеризующий объект, как элемент состава, и предметы материального

мира – продукты и предметы действий, характеризующие процесс совершения преступления. Поэтому их следует относить не к *предмету преступления, а к предмету совершения преступления,* который характеризует объективную сторону состава преступления.

Отличие предмета преступления как признака, характеризующего объект, от предмета его совершения как признака объективной стороны четко просматривается при анализе механизма причинения вреда в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. Преступление может причинять вред в материальной и нематериальной сферах жизнедеятельности общества. В *материальной сфере* преступление непосредственно воздействует на материальные блага в процессе их производства, распределения или потребления либо выражается в *создании, распространении, хранении* опасных и вредных для общества продуктов, предметов, вещей, когда результаты преступления материализованы, часто имеют стоимостную оценку. В *нематериальной сфере* преступления посягают на овеществленные духовные блага (ценности), символы и приводят к их незаконному изъятию, уничтожению, повреждению либо выражаются *в производстве, распространении* вредных для общественного и индивидуального сознания продуктов духовной деятельности (сбыт порнографических материалов, призывы к террористической деятельности). Если вредные результаты (продукты) преступлений в сфере производства материальных благ представляют непосредственную опасность для материальных благ, телесной неприкосновенности человека, то вредные продукты, результаты нематериальной преступной деятельности – представляют опасность для духовной сферы человека.

Разграничение понятий «предмет совершения преступления» от «предмета преступления» учитывается при определении малозначительности деяния. Преступление может нарушать как общие запреты (установленные только в УК РФ), например убийство, изнасилование, грабеж, получение взятки (ст. 105, 131, 161, 290 УК РФ), так и запреты, предусмотренные в КоАП РФ. Например, некоторые хищения (части 1 ст. 158, 159, 160 УК РФ и ст. 7.27 КоАП РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ УК РФ и ст. 14.11 КоАП РФ), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ и ст. 12.5-12.17 КоАП РФ). Это позволяет говорить о двух ситуациях запрещенности деяния. Первая – когда есть правомерное, административно-противоправное и уголовно-противоправное поведение, где административное правонарушение выступает «буфером» между правомерным поведением и преступлением. Малозначительность возможна только во вто-

рой ситуации, когда такого «буфера» между правомерным поведением и преступлением нет, деяние преступно либо нет. При квалификации изготовления поддельных документов, например протокола допроса, следует различать информацию, являющуюся доказательствами, и протоколы следственных действий как ее носители. Если информация правдива, то нарушение процедуры составления протокола не создает опасности вынесения неправосудного приговора. Такие действия являются непреступными вследствие их малозначительности.

Функция предмета преступления заключается в выражении тех или иных общественных отношений. В зависимости от сферы общественных отношений, которые они выражают, их следует классифицировать на группы, выражающие: 1) личные неимущественные отношения; 2) имущественные отношения; 3) отношения в сфере общественной безопасности; 4) здоровья населения; 5) общественной нравственности; 6) безопасности государства; 6) порядка управления; 7) правосудия.

В первую группу входят предметы, выражающие личные неимущественные отношения, реализующиеся посредством предоставления соответствующих прав, которые неразрывно связаны с личностью, неотчуждаемы, непередаваемы и нетоварны. К ним следует относить информацию, составляющую тайну личности, посредством разглашения которой ей причиняется вред: личную и семейную тайну (ст. 137 УК РФ), тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 138 УК РФ), тайну голосования (ст. 141 УК РФ), тайну изобретения (ст. 147 УК РФ), тайну усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ).

К предметам, выражающим имущественные отношения, относится имущество как объект вещных и обязательственных отношений, где указана стоимость. Воздействие на них причиняет имущественный ущерб субъектам отношений (гл. 21-22 УК РФ).

Поскольку воздействие на объекты экологии причиняет вред всему обществу, по общему правилу посягательство на природные ресурсы, в которые не вложен человеческий труд, следует квалифицировать как преступления против экологии. Посягательства на природные объекты или ресурсы, находящиеся в естественном состоянии, при отказе государства от их охраны (вследствие чего они становятся объектами товарных отношений) и причинении имущественного ущерба их владельцу следует квалифицировать как преступления против собственности. Расширение содержания имущества как предмета преступлений против собственности, за счет вклю-

чения в него объектов экологии, повысит эффективность охраны имущественных отношений.

Информацию об открытии, изобретении, выражающуюся в произведении художественного творчества, а также сведения, составляющие коммерческую тайну, следует рассматривать как предмет преступлений против собственности вне зависимости от формы ее фиксации.

Третью группу составляют предметы, выражающие отношения в сфере общественной безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов не одного человека, а всего общества. К ним относятся объекты энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства, другие объекты жизнеобеспечения (ст. 215.2 УК РФ), нефтепроводы, газопроводы, а также технологически связанные с ними объекты (ст. 215.3 УК РФ), оружие, боеприпасы (ст. 226 УК РФ), транспортные средства, пути сообщения, средства сигнализации, связи (ст. 267 УК РФ). К рассматриваемой группе предметов относится также компьютерная информация (ст. 272 УК РФ), так как её уничтожение, блокирование, модификация либо копирование причиняет вред отношениям, обеспечивающим функционирование иных отношений.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, следует признавать не всю компьютерную информацию, охраняемую законом, а только такую, как программы-коды, позволяющие модифицировать ту или иную компьютерную информацию либо информацию, существующую в электронном виде. Учитывая общественную опасность сбора сведений как предмета личных неимущественных (ст. 137, 138, 155 УК РФ), имущественных отношений (ст. 165, 183 УК РФ), а также безопасности государства (ст. 275 УК РФ), существующих в электронной форме, указанные нормы целесообразно дополнить квалифицирующим признаком – совершение деяния с использованием компьютерной техники.

Свойства предметов определяют момент окончания преступления и учитываются при квалификации преступлений по совокупности. Хищение предметов, изъятых из гражданского оборота, – оружия, наркотиков и их последующее хранение следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 229, 226 и ст. 222, 228 УК РФ. Незаконное обладание ими создает угрозу причинения вреда общественной безопасности и здоровью населения (комплексным отношениям).

По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 158 и ст. 226 УК РФ, следует квалифицировать хищение оружия стоимостью свыше миллиона рублей, так как в ч. 1 ст. 226 УК РФ установ-

лено наказание до 7 лет лишения свободы. В то время как в ч. 4 ст. 158 УК РФ – до 10 лет лишения свободы. Обоснованным является предложение дополнить ст. 226 УК РФ квалифицирующим признаком – хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ в крупном размере, соответственно, ужесточив санкцию.

Четвертую группу составляют предметы, воздействие на которые посягает на здоровье населения (комплексные отношения): наркотические средства и психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), объекты природной среды, которые характеризуются природным происхождением, собственными жизнеобеспечивающими функциями, зависимостью от природной среды и социально-экономической ценностью для общества. К ним относятся подземные, поверхностные и морские воды (ст. 250, 252 УК РФ), атмосфера (ст. 251 УК РФ), земля (ст. 254 УК РФ) водные биологические ресурсы (ст. 256 УК РФ), животные (ст. 258 УК РФ), лесные насаждения (ст. 260-261 УК РФ).

Хищение наркотических средств следует признавать оконченным с момента завладения ими, так как это уже создает угрозу здоровью населения, поскольку их можно употребить сразу после изъятия.

Поскольку незаконная рубка деревьев причиняет вред экологии и имущественным отношениям, целесообразно ужесточить санкции за совершение преступлений, предусмотренных ст. 260-261 УК РФ, заменив формулировки «значительный размер» (ч. 1 ст. 260 УК РФ), «крупный размер» (п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ), «крупный ущерб» (ч. 2, ч. 4 ст. 261 УК РФ), характеризующие имущественный ущерб, на «причинение вреда».

Пятую группу составляют предметы, воздействие на которые причиняет вред общественной нравственности: памятники истории и культуры (ст. 243 УК РФ), тела умерших, надмогильные сооружения, кладбищенские здания (ст. 244 УК РФ), животные (ст. 245 УК РФ) и объекты экологии (ст. ст. 250-261 УК РФ). Хотя эти предметы и имеют стоимость, по мнению законодателя, воздействие на них в первую очередь причиняет вред не имущественным отношениям, а здоровью населения и общественной нравственности. Предметом преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, выступают памятники истории, культуры, природных комплексов или объектов, а также предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность. Поскольку эти предметы имеют не только экономическую стоимость, но и культурную ценность, наказание за подобные действия должно превышать пять лет лишения свободы, т.е. выше санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Шестую группу составляют предметы, воздействие на которые причиняет вред отношениям в сфере безопасности государства и,

соответственно, отношениям собственности, управления, неприкосновенности личности и т.д., что отражено в размерах санкций. Это информация, составляющая государственную тайну (ст. 276 УК РФ), предприятия, сооружения, пути и средства сообщения связи, объекты жизнеобеспечения (ст. 281 УК РФ), оружие, боеприпасы, военная техника (ст. 346, 347 УК РФ).

Седьмую группу составляют предметы, характеризующие отношения в сфере правосудия. Это предметы и сведения, являющиеся доказательствами (ст. 303 УК РФ); сведения, составляющие тайну предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), сведения о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ), имущество, подвергнутое описи или аресту (ст. 312 УК РФ).

Учитывая, что в ст. 312 УК РФ установлено наказание за растрату имущества, подвергнутого описи или аресту, и более строгое наказание за растрату имущества предусмотрено в ст. 160 УК РФ, хотя преступление, предусмотренное ст. 312 УК РФ, посягает как на первичные (имущественные), так и обеспечивающие (в сфере правосудия) отношения, целесообразно дополнить ст. 312 УК РФ квалифицирующим признаком «хищение путем присвоения или растраты имущества подвергнутого аресту или описи лицом, которому это имущество вверено», ужесточив наказание.

Восьмую группу составляют предметы-символы, непосредственно или косвенно указанные в законе, воздействие на которые посягает на отношения в сфере государственного управления. К ним относятся документы, штампы, печати, марки акцизного сбора, специальные марки и знаки соответствия (ст. 325 УК РФ), государственный регистрационный знак транспортного средства (ст. 325.1 УК РФ), Государственный герб РФ и Государственный флаг РФ (ст. 329 УК РФ), пограничные знаки (пограничные столбы, створные знаки), так как их изъятие, перемещение или уничтожение незаконно изменяет обозначение государственной границы на местности, но не юридически. Поэтому название ст. 323 УК РФ противоречит ее содержанию. Если лицо стремится изменить государственную границу, то оно уже посягает на территориальную целостность страны, и, так как санкция ч. 1 ст. 323 УК РФ равна по строгости санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 167 УК РФ, криминализация этих действий излишняя.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 325 УК РФ, следует признавать удостоверения (как официальные документы, удостоверяющие статус личности) и иные официальные документы, в которых указаны юридические факты, наделяющие субъектов пра-

вами или освобождающие от обязанностей в сфере административных (публичных) правоотношений. Оценочное понятие «важный личный документ» следует заменить на понятие «удостоверение», которое должно охватывать такие официальные документы, как паспорт и другие важные личные документы.

Все предметы совершения преступления, в зависимости от сферы правоотношений, на которую воздействует виновный, изготавливая, сбывая, используя и перемещая их в пространстве, можно подразделить на предметы совершения преступления, причиняющие вред в сфере таких отношений, как: 1) личные неимущественные – поддельные бюллетени (ст. 142 УК РФ); 2) имущественные – денежные средства, полученные преступным путем (ст. 174-175 УК РФ), товарный знак (ст. 180 УК РФ), проспект эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), поддельные деньги и ценные бумаги (ст. 186 УК РФ), поддельные кредитные расчетные карты или иные платежные документы (ст. 187 УК РФ), сырье, оборудование, материалы, технологии, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ст. 189 УК РФ), драгоценные металлы и драгоценные камни (ст. 191 УК РФ), древесина (ст. 191.1 УК РФ), бухгалтерские иные учётные документы (ст. 195 УК РФ), имущество (ст. 196 УК РФ), налоговая декларация и иные документы (ст. 198, 199 УК РФ); 3) комплексные – содержание которых составляет общественная безопасность – оружие (ст. 222 УК РФ); вредоносные программы для ЭВМ (ст. 273 УК РФ) и общественная нравственность и здоровье населения – наркотические средства и психотропные вещества, растения, содержащие наркотические вещества (ст. 228, 228.1 УК РФ), прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.3, 228.4 УК РФ), растения (ст. 231 УК РФ), рецепты и иные документы, дающие право на получение наркотических средств и психотропных веществ (ст. 233 УКРФ), поддельные документы на лекарственные средства (ст. 327.1 УК РФ), сильнодействующие и ядовитые вещества (ст. 234 УК РФ), потенциально опасные психоактивные вещества (ст. 234.1 УК РФ), лекарственные и медицинские изделия (ст. 235.1 УК РФ), товары, не отвечающие требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), лекарственные средства и медицинские изделия (ст. 238.1 УК РФ), порнографические материалы и предметы (ст. 242 УК РФ); 4) управленческие – в сфере государственной службы и службы в органах местного самоуправления (имущество, передаваемое в виде взятки (ст. 290 УК РФ); правосудие – доказательства (ст. 303 УК РФ), заключения экспертов (ст. 307 УК РФ); собственно порядка управления – офици-

альные документы, награды, штампы, печати, бланки (ст. 324, 327 УК РФ).

В зависимости от правоотношений, возникновение, изменение или прекращение которых они удостоверяют, все документы можно разделить на документы, удостоверяющие такие правоотношения, как государственно-правовые (конституционные) – избирательные бюллетени (ст. 142 УК РФ); гражданские – договоры, расписки; финансовые – налоговая декларация (ст. 198, 199 УК РФ); земельные – свидетельство о праве на землю; трудовые – трудовая книжка (ст. 324, 327 УК РФ); семейные – свидетельство о браке (ст. 324, 327 УК РФ); в сфере судопроизводства – постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 299 УК РФ).

Предметом совершения преступлений, предусмотренных ст. 324, 327 УК РФ, является официальный документ, удостоверяющий статус личности или юридические факты, наделяющие субъектов правами или обязанностями в сфере административных правоотношений. По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 и ст. 159 УК РФ, следует квалифицировать подделку официального документа, предназначенного исключительно для получения доступа к имуществу (например, удостоверение сотрудника правоохранительного органа, используемое для производства обыска, в ходе которого виновный похищает имущество), поскольку он не предоставляет имущественных прав, а также документа, который можно использовать многократно, когда виновный посягает не только на имущественные отношения, но и в сфере порядка управления. Не образует совокупности преступлений использование при хищении подделанного виновным официального документа только для завладения определенным имуществом (например, сертификата на получение материнского капитала, удостоверяющего право лица только на получение этой социальной выплаты), когда обман выступает способом мошенничества

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Монографии, учебные пособия

1. Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова. – М., 2002.
2. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1971.
3. Андреева, Л.А. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность / Л.А. Андреева, П.Ю. Константинов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
4. Андреев, Ю.П. Содержание и структура общественных отношений / Ю. П. Андреев / под ред. В.А. Демичева – Саратов, 1985.
5. Аниянц, М.К. Ответственность за преступления против жизни / М.К. Аниянц. – М. : Юрид. лит., 1964.
6. Анощенкова, С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенкова ; отв. ред. Н.А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2006.
7. Арямов, А.А. Уголовно-правовая охрана отношений недропользования / А.А. Арямов, Е.А. Шарафутдинов. – М. : Юрлитинформ, 2015.
8. Архангельский, А.М. Курс лекций по марксистко-ленинской этике / А.М. Архангельский. – М., 1974.
9. Бабаев, М.М. Социальные последствия преступности / М.М. Бабаев. – М., 1982.
10. Бабаев, М.М. Проблемы российской уголовно-правовой политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М. : Проспект, 2014.
11. Бабий, Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. М. : Юрлитинформ, 2017.
12. Бавсун, М.В. Целесообразность в уголовном праве / М.В. Бавсун. – Омск: Омская академия МВД России, 2004.
13. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск, 1985.

14. Бакрадзе, А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершенных путем обмана или злоупотреблением доверия / А.А. Бакарадзе. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.

15. Баландюк, В.Н. Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений / В.Н. Баландюк. – М., 2000.

16. Баруллин, В.С. Соотношение материального и идеального в обществе (методологические аспекты) / В.С. Баруллин. – М., 1977.

17. Баруллин В.С. Социальная философия / В.С. Баруллин. – М., 1999.

18. Безверхов, А.Г. Имущественные преступления / А.Г. Безверхов. – Самара, 2002.

19. Белик, Ю.С. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: проблемы предмета, квалификации и профилактики / Ю.С. Белик. – Екатеринбург, 2006.

20. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев-Петербург-Харьков, 1903.

21. Бикмурзин, М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ / М.П. Бикмурзин. – М. : Юрлитинформ, 2006.

22. Бимбинов, А.А. Ненасильственные половые преступления / А.А. Бимбинов. – М. : Проспект, 2017.

23. Благов, Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

24. Бойцов, А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве / А.И. Бойцов. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1995.

25. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

26. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – М. : Юрист, 2000.

27. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. – М., 1963.

28. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М., 1967.

29. Бриллиантов, А.В. Освобождение от уголовной ответственности : с учетом обобщений судебной практики / А.В. Бриллиантов. – М. : Проспект, 2017.

30. Бриллиантов, А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов, Н.Р. Косевич. – М. : Проспект, 2008.

31. Бунев, А.Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний / А.Ю. Бунев, И.Ю. Бунева. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2001.

32. Васильева, Н.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу / Н.Г. Васильева. – М. : Юрлитинформ, 2006.

33. Васильченко, А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений / А.А. Васильченко. – М. : Ось-89, 2006.

34. Векленко, В.В. Квалификация хищений / В.В. Векленко. – Омск : Омская академия МВД России, 2001.

35. Векленко, С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном прав / С.В. Векленко. – Омск : Омская академия МВД России, – Омск, 2002.

36. Верина, В.Г. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания / В.Г. Верина ; под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов : Гос. акад. права, 2001.

37. Вишнякова, Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности / Н.В. Вишнякова. – Омск : Омская академия МВД России, 2008.

38. Владимиров, В.А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М., 1986.

39. Волженкин, Б.В. Мошенничество / Б.В. Волженкин. – СПб., 1998.

40. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

41. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М., 2000.

42. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М., 2001.

43. Гаухман, Л.Д. Ответственность за преступления против собственности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М., 2001.

44. Георгиевский, Э.В. Теоретический анализ объекта преступления / Э.В. Георгиевский, А.В. Чернов. – Иркутск, 1999.

45. Глистин, В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В.К. Глистин. – Л., 1979.

46. Горелик, И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву / Горелик И.И. – Минск, 1964.

47. Горелик, А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм / А.С. Горелик. – Красноярск: Красноярский гос. университет, 1998.

48. Гражданское право. Учебник. Часть I / под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. – М. : Проспект, 1998.

49. Гревцов, Ю.И. Проблемы теории правового отношения / Ю.И. Гревцов. – Л.: ЛГУ, 1981.

50. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Статут, 2000.

51. Гринберг, М.С. Технические преступления / М.С. Гринберг. – Новосибирск, 1991.

52. Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / А.Ю. Демидов. – М. : Юрид. лит., 1975.

53. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологические и юридические аспекты) / Ю.А. Денисов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.

54. Димитрова, Е.А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающих на личность и права граждан / Е.А. Димитрова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2007.

55. Дроздов, А.В. Человек и общественные отношения / А.В. Дроздов. – Л.: ЛГУ, 1966.

56. Дубовик, О.Л. Экологические преступления. Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации / О.Л. Дубовик. – М. : Спарк, 1998.

57. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – М., 1948.

58. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – М., 1967.

59. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д Дурманов. – М. : Госюриздат, 1955.

60. Егорова, Н.А. Дифференциация и унификация уголовной ответственности за управленческие преступления (законодательный аспект) / Н.А. Егорова. – Волгоград : ВА МВД России, 2010.

61. Егорова, Н.А. Вопросы уголовно-правовой квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях / Н.А. Егорова. – Волгоград, 2014.

62. Елисеев, С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С.А. Елисеев. – Томск, 1999.

63. Есаков, Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев ; отв. ред. А.И. Рарог. – М. : Проспект, 2008.

64. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.

65. Жариков, Ю.С. Правоотношения в механизме уголовно-правового регулирования / Ю.С. Жариков. – М., 2012.

66. Жевлаков, Э.К. Экологические преступления (уголовно-правовой и криминологический аспекты) / Э.К. Жевлаков. – М., 2002.

67. Жеребкин, В.Е. Логический анализ понятий права / В.Е. Жеребкин. – Киев, 1976.

68. Жижиленко, А.А. Имущественные преступления / А.А. Жижиленко. – Ленинград, 1925.

69. Жулев, В.И. Транспортные преступления / В.И. Жулев. – М., 2001.

70. Забавко, Р.А. Уголовная ответственность за загрязнение объектов окружающей среды / А.А. Забавко. – Иркутск, 2009.

71. Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М. : Госюриздат, 1961.

72. Загородников, Н.И. Преступления против здоровья / Н.И.Загородников. – М. : Юрид. лит., 1969.

73. Здравомыслов, А.Г. Проблема интереса в социологической концепции / А.Г. Здравомыслов. – Л., 1964.

74. Землюков, С.В. Уголовно-правовые последствия преступного вреда / С.В. Землюков. – Новосибирск, 1991.

75. Зозуля, В.В. Совокупность преступлений против собственности: вопросы квалификации и назначения наказания / В.В. Зозуля. – М. : Юрлитинформ, 2013.

76. Иванчин, А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика / А.А. Иванчин ; отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М. : Проспект, 2014.

77. Иванчина, С.А. Оконченное преступление / С.А. Иванчина.. – М. : Юрлитинформ, 2013.

78. Каиржанов, Е.К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления / Е.К. Каиржанов. – Алма-Ата, 1973.

79. Караев, Т.Э. Повторность преступлений / Т.Э Караев. – М., 1983.

80. Карпушин. М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1974.

81. Кауфман, М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления / М.А. Кауфман. – М. : Юрлитинформ, 2007.

82. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части / отв. ред. А.И. Рарог. – М. : Проспект, 2017.

83. Качина, Н.В. Уголовно-правовая охрана права на труд лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите в связи с беременностью и воспитанием ребенка / Н.В. Качина. – М. : Проспект, 2011.

84. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М., 1958.

85. Кириллов, В.И. Логика познания сущности / В.И. Кириллов. – М., 1983.

86. Кириченко, В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву / В.Ф. Кириченко. – М., 1952.

87. Кистяковский, А.О. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая / А.О. Кистяковский. – Киев, 1891.

88. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана коммерческой, налоговой и банковской тайны / Л.Р. Клебанов. – М. : Юрлитинформ, 2006.

89. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М. : Статут, 2005.

90. Кобзева, Е.В. Теория оценочных признаков в уголовном законе / Е.В. Кобзева. – М. : Юрлитинформ, 2009.

91. Ковалев, М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 1. Введение в уголовное право / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1971.

92. Ковалев, М.И. Советский уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон / М.И. Ковалев.– Свердловск, 1974.

93. Ковалев, М.И. Понятие преступления по советскому уголовному праву / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1987.

94. Ковалев, М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск, 1991.

95. Козлов, А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация / А.П. Козлов. – Красноярск. 2007.

96. Козлов, А.П. Понятие преступления / А.П. Козлов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

97. Кокорев, Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе / Л.Д. Кокорев, – Воронеж, 1964.

98. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под общ. ред. С.И.Никулина. – М., 2001.

99. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева. – М., 1996.

100. Кондаков, Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М. : Наука, 1971.

101. Кондрашова, Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности / Т.В. Кондрашова. – Екатеринбург, 2000.

102. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский. – М., 1980.

103. Коржанский, Н.И. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Издание профессора Малинина, – СПб., 2005.

104. Корнеева, А.В. Теоретические основы квалификации преступления / А.В. Корнеева ; под ред. А.И. Рарога. – М. : Проспект, 2006.

105. Коробеев, А.И. Транспортные преступления / А.И. Коробеев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

106. Коробеев, А.И. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративное исследование / А.И. Коробеев, Лун Чанхай. – М. : Проспект, 2013.

107. Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – М., 1998.

108. Кочои, С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С.М. Кочои. – М., 2005.

109. Красиков, А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / А.Н. Красиков. – Саратов, 1976.

110. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. – Саратов, 2000.

111. Кривуля, А.М. Диалектика общественных отношений и человеческой деятельности / А.М. Кривуля. – Харьков, 1988.

112. Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А. Кригер. – М. : Юрид. лит., 1971.

113. Кропачев, Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н.М. Кропачев. – СПб., 1999.

114. Круглевский, А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений / А.Н. Круглевский. – СПб., 1913.

115. Кругликов, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005.

116. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960.

117. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1963.

118. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 1999.

119. Кузнецов, А.В. Уголовное право и личность / А.В. Кузнецов. – М., 1977.

120. Кузнецов, А.В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР / А.В. Кузнецов. – М., 1969.

121. Кузнецова, Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1958.

122. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1969.

123. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений / Н.Ф. Кузнецова ; науч. ред. В.Н. Кудрявцев. – М. : Городец, 2007.

124. Кулыгин, В.В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве / В.В. Кулыгин. – Хабаровск, 1996.

125. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.

126. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Общая часть / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Л., 1970.

127. Курс Советского уголовного права. Особенная часть. Том 1. – М., 1955.

128. Курс Советского уголовного права. – Л.: ЛГУ, Т. 5. 1981.

129. Курс советского уголовного права: в 6 т. Часть Общая. Преступление. Т. II. – М.: Наука, 1970.

130. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. – Л.: ЛГУ, 1968.

131. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 1999.

132. Курс уголовного процесса / под ред. А.В. Головко. – М.: Статус, 2017.

133. Кучевский, Б.В. Анализ категории «материя» / Б.В. Кучевский. – М., 1983.

134. Лавыгина, И.В. Экологические преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты / И.В. Лавыгина. – Иркутск, 2005.

135. Лакеев, А.А. Виды субъектов уголовного права / А.А. Лакеев. – Рязань, 2003.

136. Левин, Г.Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего / Г.Д. Левин. – М., 1987.

137. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 15. М., 1979.

138. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М., 1998.

139. Лобанова, Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации /Л.В. Лобанова. – Волгоград, 1999.

140. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. – М., 2005.

141. Люблинский, П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П.И. Люблинский : под ред. и с пред. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004.

142. Ляпунов, Ю.И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел / Ю.И. Ляпунов. – М., 1974.

143. Малинин, В.Б. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. – СПб., 2004.

144. Малков, В.Д. Хищение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ / В.Д. Малков. – М., 1971.

145. Малков, В.П. Совокупность преступлений / В.П. Малков. – Казань, 1974.

146. Малько, А.В. Законные интересы как правовая категория / А.В. Малько, В.В. Субочев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

147. Мальков, С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / С.М. Мальков. – Красноярск, 2002.

148. Мальков, С.М. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / С.М. Мальков, Е.А. Кац. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006.

149. Мальцев, В.В. Ответственность за преступления против собственности / В.В. Мальцев. – Волгоград, 1999.

150. Мальцев, В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно-опасных последствий/ В.В. Мальцев. – Саратов, 1989.

151. Мальцев, В.В. Учение об объекте преступления : в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы / В.В. Мальцев. – Волгоград, 2010.

152. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1954-1961. Т. 1, Т. 3, Т. 6, Т. 18, Т. 46, ч. 1.

153. Маркунцев, С.А. Уголовно-правовой запрет: теоретический аспект / С.А. Маркунцев : под науч. ред. А.Э. Жалинского. – М. : Юрлитинформ, 2007.

154. Мартыненко, Н.А. Уголовно-правовая охрана потерпевшего / Н.А. Мартыненко. – М. : Юрлитинформ, 2015.

155. Марцев, А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. – Омск: Омский юридический институт России. 2000.

156. Марцев, А.И. Развитие учения об объекте преступления / А.И. Марцев, Н.В. Вишнякова. – Омск, 2002.

157. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия (Теоретические аспекты субъективного права) / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972.

158. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1987.

159. Матышевский, П.С. Ответственность за преступления против социалистической собственности / П.С. Матышевский. – Киев, 1983.

160. Милюков, С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. – СПб. : Знание, 2000.

161. Минская, В.С. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения / В.С. Минская, Г.И. Чечель. – Иркутск, 1988.

162. Мирошниченко, Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций / Н.В. Мирошниченко. – М. : Юрлитинформ, 2014.

163. Михалев, И.Ю. Криминальное банкротство / И.Ю. Михалев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.

164. Михлин, А.С. Преступные последствия / А.С. Михлин. – М. : Юрид. лит., 1969.

165. Мицкевич, А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия / А.Ф. Мицкевич. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005.

166. Модельный Уголовный кодекс. – СПб., 1996.

167. Москаленко, А.Г. Методологические проблемы исследования общественных отношений / А.Г. Москаленко, Г.В. Мокринский. – Новосибирск, 1981.

168. Наумов, А.В. Применение уголовно-правовых норм / А.В. Наумов. – Волгоград, 1973.

169. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Издательство БЕК, 1996.

170. Неклюдов, Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том второй. Преступления и проступки против собственности / Н.А Неклюдов. – СПб., 1876.

171. Непомнящая, Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т.В. Непомнящая. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.

172. Нерсесян, В.А. Ответственность за неосторожные преступления / В.А. Нерсесян. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

173. Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М.: Госюриздат, 1960.

174. Никонов, В.А. Понятие и система Особенной части уголовного права. Процесс квалификации преступлений / В.А. Никонов. – М., 1998.

175. Никулин, С.И. Уголовный закон и частный интерес / С.И. Никулин. – М., 1994.

176. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М. : Норма, 2001.

177. Ной, И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве / И.С. Ной. – Саратов, 1959.

178. Нуркаева, Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами / Т.Н. Нуркаева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

179. Ображиев, К.В. Сложные единичные преступления / К.В. Ображиев, Д.С. Чикин. – М. : Юрлитинформ, 2016.

180. Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / Под ред. А.В. Наумова и С.И. Никулина. – М., 1995.

181. Общая теория государства и права : академический курс: в 2 т. / под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – М., 1998.

182. Общественные отношения. Вопросы общей теории / под ред. П.А. Рачкова. – М.: МГУ, 1981.

183. Объективная сторона преступления. Факультативные признаки / под ред. А.В. Наумова, С.И. Никулина. – М.: ЮИ МВД России, 1995.

184. Орымбаев Р. Специальный субъект преступления / Р. Орымбаев. – Алма-Ата, 1977.

185. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. – М. : Наука, 1982.

186. Панов, Н.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием / Н.И. Панов. – Харьков, 1977.

187. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве / К.К. Панько. – М. : Юрлитинформ, 2011.

188. Пархоменко, С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.В. Пархоменко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

189. Перфильев, М.Н. Общественные отношения. Методологические и социальные проблемы / М.Н. Перфильев. – Л.: ЛГУ, 1974.

190. Петрова, Г.О. Норма и правоотношения – средства правового регулирования / Г.О. Петрова. – Н.Новгород, 1999.

191. Пикуров, Н.И. Квалификация транспортных преступлений / Н.И. Пикуров. – М., 2011.

192. Пикуров, Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н.И. Пикуров : под ред. А.В. Наумова. – Волгоград : Волгоградский юридический институт МВД России, 1998.

193. Пинаев, А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями / А.А. Пинаев. – Харьков, 1975.

194. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.II / А.А. Пионтковский. – М., 1970.

195. Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая / А.А. Пионтовский. – М., 1924.

196. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М., 1961.

197. Питецкий, В.В. Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве) / В.В. Питецкий. – Красноярск, 1993.

198. Плаксина, Т.А. Социальные основания квалифицирующие убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления / Т.А. Плаксина : под науч. ред. В.Д. Филимонова. – Барнаул : Изд-во Алтайского унт-та, 2006.

199. Плохова, В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность / В.И. Плохова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

200. Побегайло, Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними / Э.Ф. Побегайло. – Воронеж, 1965.

201. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права. (Общая часть уголовного права) / С.В. Познышев. – М., 1912.

202. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Том III. Преступления в сфере экономики. – СПб., 2008.

203. Попов, А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. – СПб., 2003.

204. Попов, А.Н. Объект преступления / А.Н. Попов, Л.С. Аистова. – СПб., 2014.

205. Преступления против порядка управления : научно-практический комментарий / А.Г. Брагина [и др.]. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2012.

206. Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. – М. : Норма, 2005.

207. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 1999.

208. Протасов, В.Н. Правоотношения как система / В.Н. Протасов. – М., 1991.

209. Прохоров, В.С. Преступление и ответственность / В.С. Прохоров. – Л.: ЛГУ, 1984.

210. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989.

211. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

212. Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1994.

213. Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

214. Расторопов, С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств / С.В. Расторопов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.

215. Ретюнских, И.С. Уголовно-правовые отношения и их реализация / И.С. Ретюнских. – Воронеж, 1997.

216. Розин, Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву / Н.Н. Розин. – Томск, 1904.

217. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.

218. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / под ред. проф. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.

219. Российское уголовное право. Общая часть : учебник. – М. : Спарк, 1997.

220. Сабитов, Р.А. Учение о последствиях преступлений / Р.А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2015.

221. Савицкий, В.М. Потерпевший в советском уголовном процессе / В.М. Савицкий, И.И. Петеружа. – М. : Госюриздат, 1963.

222. Сапожков, А.А. Кредитные преступления: Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности / А.А. Сапожков. – СПб : Юридический центр Пресс, 2002.

223. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). – М., 1938.

224. Семернева, Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) / Н.К. Семернева. – М., 2011.

225. Семченков, И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты уголовно-правовой проблемы / И.П. Семченков. – Калининград, 2002.

226. Сергиевский, Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям / Н.Д. Сергиевский. – СПб., 1896.

227. Сидоренко, Э.Л. Отрицательное поведение потерпевших уголовный закон / Э.Л. Сидоренко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

228. Сидоренко, Э.Л. Частные начала в уголовном праве / Э.Л. Сидоренко, М.А. Карабут. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2007.

229. Скворцов, А.А. Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом: проблемы уголовно-правовой квалификации / А.А. Скворцов. – М., 2006.

230. Скляров, С.В. Вина и мотивы преступного поведения / С.В. Скляров. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

231. Смирнов, В.Г. Функции Советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / В.Г. Смирнов. – Л.: ЛГУ, 1965.

232. Смитиенко, В.Н. Объект преступлений против здоровья населения / В.Н. Смитиенко. – Омск, 1973.

233. Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1962.

234. Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1964.

235. Спасович, В. Учебник уголовного права. Том I / В. Спасович. – СПб., 1863.

236. Спиридонов, Л.И. Социология уголовного права / Л.И. Спиридонов. – М.,1986.

237. Становский, М.Н. Назначение наказания / М.Н. Становский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 1999.

238. Ступина, С.А. Вымогательство криминологическая характеристика и уголовно-правовые средства противодействия / С.А. Ступина. – Красноярск, 2005.

239. Сумачев, А.В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем) / А.В. Сумачев. – Нижневартовск, 2005.

240. Сумачев, А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве / А.В. Сумачев. – М., 2003.

241. Сурихин, П.Л. Заведомо незаконное задержание: вопросы квалификации / П.Л. Сурихин. – Красноярск, 2003.

242. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – М., 1994.

243. Таганцев, Н.С. Уложение 22 марта 1903 г / Н.С. Таганцев. – СПб., 1904.

244. Таганцев, Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву / Н.С. Таганцев. – СПб., 1873.

245. Таций, В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / В.Я. Таций. – Харьков. 1988.

246. Тенчов, Э.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности / Э.С. Тенчов. – Иваново, 1986.

247. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2001.

248. Тепляшин, П.В. Преступления против правосудия / П.В. Тепляшин. – Красноярск, 2004.

249. Тер-Акопов, А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А.А. Тер-Акопов. – М. : Юрид. лит., 1995.

250. Тимейко, Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г.В. Тимейко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977.

251. Тихий, В.П. Ответственность за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ по советскому уголовному праву / В.П. Тихий. – Харьков, 1976.

252. Тишкевич, И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость) / И.С. Тишкевич. – М. : Госюриздат, 1958.

253. Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / П.С. Тоболкин. – Свердловск, 1983.

254. Токманцев, Д.В. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена/ Д.В.Токманцев. – Красноярск, 2012.

255. Трайнин, А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой / А.Н. Трайнин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

256. Трайнин, А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А.Н. Трайнин. – М., 1951.

257. Тюнин, В.И. Преступления в сфере экономической деятельности. – М. : Юрлитинформ, 2012.

258. Тяжкова, И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / И.М. Тяжкова : под ред. В.С. Комисарова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

259. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англия, США, Франция, Германия, Япония) : сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М., 1999.

260. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания / под ред. Н.А. Беляева, В.К. Глистина, В.В. Орехова. – СПб., 1992.

261. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М., 2000.

262. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996.

263. Уголовное право Российской Федерации (Общая часть) : учебник / под ред. А.И. Марцева. – Омск, 1998.

264. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 2005.

265. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М. : Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997.

266. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. – М., 1994.

267. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 1996.

268. Уголовное Уложение 1903 г. – СПб., 1904.

269. Уголовное уложение. Объяснение к проекту редакционной комиссии (Часть Общая). – СПб., 1885.

270. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. – М.: Наука, 1987.

271. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с пред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. – М., 1998.

272. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головко. – СПб., 2002.

273. Уголовный кодекс ФРГ / пер. и предисл. А.В. Серебренниковой. – М., 2001.

274. Уголовный кодекс Швейцарии. – М.: Зерцало, 2000.

275. Уемов, А.И. Вещи, свойства, отношения / А.И. Уемов. – М., 1963.

276. Уланова Ю.Ю. Общие признаки хищения в составе кражи. – М. : Юрлитинформ, 2013.

277. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. – СПб., 1912.

278. Устименко, В.В. Специальный субъект преступления / В.В. Устименко. – Харьков, 1989.

279. Фаргиев, И.А. Потерпевший от преступления (уголовно-правовые вопросы) / И.А. Фаргиев. – Хабаровск, 2001.

280. Фефелов, П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы) / П.А. Фефелов. – М. : Наука, 1992.

281. Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов. – Томск, 1981.

282. Филимонов, В.Д. Норма уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

283. Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

284. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Дополненное и пересмотренное А.А. Жижиленко / И.Я Фойницкий. – Петроград, 1916.

285. Хилюта, В.В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве / В.В. Хилюта. – М. : Юрлитинформ, 2016.

286. Хилюта, В.В. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности: концептуальные основы моделирования объекта и системы / В.В. Хилюта. – М. : Юрлитинформ, 2012.

287. Черемнова, М.А. Уголовно-правовая характеристика вандализма / М.А. Черемнова. – Омск, 2008.

288. Шайкенов, Н.А. Правовое обеспечение интересов личности / Н.А. Шайкенов. – Свердловск, 1990.

289. Шарапов, Р.Д. Преступное насилие / Р.Д. Шарапов. – М. : Юрлитинформ, 2009.

290. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д.Шарапов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.

291. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью / А.В. Шеслер. – Красноярск, 1999.

292. Шишко, И.В. Экономические преступления: Вопросы юридической оценки и ответственности / И.В. Шишко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

293. Шнитенков, А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях / А.В. Шнитенков. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.

294. Шульга, А.В. Хищение в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров / А.В.Шульга. – М. : Юрлитинформ, 2016.

295. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Щепельков. – М. : Юрлитинформ, 2003.

296. Элькинд, П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовном процессе / П.С. Элькинд, – Л.: ЛГУ, 1976.

297. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. Т. 4. Состав преступления. Издание профессора Малинина. – СПб., 2005.

298. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А.М. Эрделевский. – М., 2000.

Статьи

299. Аветисян, С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) / С. Аветисян // Уголовное право. – 2004. – № 1.

300. Аистова, Л. Соотношение норм частного и публичного права в преступлениях в сфере экономической деятельности / Л.Аистова // Уголовное право. – 2004. – № 4.

301. Аминов, Д.И. Защита кредитно-банковских операций от преступных посягательств при электронных платежах/ Д.И. Аминов // Журнал российского права. – 1999. – № 11.

302. Аникин, В.А. Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ: анализ изменений ст. 228.2 УК РФ и некоторые перспективы законодательного описания состава / В.А. Аникин // Российский следователь. – 2011. – № 13.

303. Анисимов, А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон / А.П. Анисимов // Законность. – 2009. – № 10.

304. Антипов, В.И. Установление основного объекта преступления в составах многообъектных преступлений / В.И. Антипов // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности ОВД. – Киев, 1986.

305. Апанавичус, М.П. О юридической природе потерпевшего от преступления / М.П. Апанавичус // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам : межв. сб. научн. тр. Вып. 10.– Калининград, 1982.

306. Арутюнов, А. Проблемы ответственности соучастников преступления / А. Арутюнов // Уголовное право. – 2001. – № 3.

307. Аюева, Е.И. Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях / Е.И. Аюева // Советское государство и право. – 1969. – № 3.

308. Бавсун, М. Убийство двух и более лиц: совокупность или единое преступление? / М. Бавсун, Н. Куличенко // Уголовное право. – 2007. – № 3.

309. Бавсун, М.В. Соотношение законности и целесообразности как основных принципов отечественного уголовного законодательства / М.В. Бавсун // Правоведение. – 2010. – № 6.

310. Багмет, А.М. Спорные вопросы квалификации незаконной добычи полезных ископаемых и их разрешение в судебной практике / А.М. Багмет, А.Л. Иванов // Российский судья. – 2014. – № 7.

311. Базарова, С. Малозначительность деяния / С. Базарова // Законность. –2009. – № 1.

312. Барков, Л.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений / Л.В. Барков // Проблемы уголовного права : сборник статей / под ред. И.С. Тишкевича. – Мн.: БГУ, 1976.

313. Басова, Т. Новации в законодательном установлении уголовной ответственности за халатность / Т. Басова // Уголовное право. – 2004. – № 4.

314. Бахметьев, П.В. Об объекте и социальной направленности действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих / П.В.Бахметьев // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2.

315. Безверхов, А. Оценка изменений уголовного законодательства о служебных нарушениях и практики его применения / А. Безверхов // Уголовное право. – 2010. – № 3.

316. Безрукова, Т.И. Проблема квалификации деянии, совершенного в условиях фактической ошибки / Т.И. Безрукова // Российский юридический журнал. – 2007. – № 3.

317. Бимбинов, А.А. Качество норм об ответственности за насильственные половые преступления / А.А. Бимбинов // Библиотека уголовного права и криминологи. – 2017. – № 5.

318. Белецкий, И.А. Субъект преступного нарушения правил безопасности ведения работ и оказания услуг / И.А. Белецкий // Законодательство и практика. – 2017. – № 1.

319. Белокуров, О.В. Соучастие в преступлениях со специальным субъектом: актуальные проблемы (на примере присвоения и растраты) / О.В. Белокуров // Следователь. – 2003. – № 5.

320. Благов, Е.В. Квалификация покушения на преступление / Е.В. Благов // Журнал российского права. – 2005. – № 8.

321. Благов, Е.В. Механизм причинения вреда объекту преступления // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения / Е.В. Благов. – Красноярск, 1989.

322. Благов, Е.В. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления / Е.В. Благов // Проблемы уголовной ответственности и наказания. – Красноярск, 1995.

323. Блинникова, Д.В. Некоторые актуальные вопросы уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства /Д.В. Блинникова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 5.

324. Богатырев, Ф.О. Интерес в гражданском праве / Ф.О. Богатырев // Журнал российского права. – 2002. – № 2.

325. Божьев, В. Процессуальный статус гражданина, потерпевшего от преступления по законодательству России и Казахстана / В. Божьев, А. Коомбаев // Уголовное право. – 2006. – № 5.

326. Борзенков, Г.Н. Имущественные преступления в Уголовном уложении 1903 г / Г.Н. Борзннков // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1993. – № 5.

327. Борзенков, Г.Н. Объект преступлений против личной собственности и интересы потерпевших / Г.Н. Борзенков // Вестник МГУ. – 1983. – № 4.

328. Борзенков, Г.Н. Проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений / Г.Н. Борзенков // Законность. – 2008. – № 5.

329. Борков, В. Сложность квалификации фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) / В. Борков // Уголовное право. – 2009. – № 2.

330. Борков, В. Признание деяния в силу малозначительности непреступным / В. Борков // Уголовное право. – 2017. – № 1.

331. Бочкарев, С.А. Квазиценность современного учения об объекте преступления / С.А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3(4).

332. Матузов, Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни / Н.И. Матузов // Право и политика. – 2012. – № 12.

333. Бояров, С. Предполагаемое право в уголовном праве России / С. Бояров // Уголовное право. – 2006. – № 1.

334. Бриллиантов, А. Квалификация действий по уничтожению наркотических средств / А. Бриллиантов // Законность. – 2008. – № 6.

335. Бриллиантов, А. Критерии официального документа / А. Бриллиантов // Уголовное право. – 2010. – № 5.

336. Бриллиантов, А. Проблемы квалификации побега / А. Бриллиантов // Уголовное право. – 2005. – № 2.

337. Бриллиантов, А.В. О содержании понятия «официальный документ» / А. Бриллиантов // Журнал российского права. – 2003. – № 2.

338. Бриллиантов, А.В. Ответственность за поделку изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков / А.В. Бриллиантов // Советская юстиция. – 1982. – № 8.

339. Букалерова, Л. Документы как предмет преступлений против порядка управления / Л. Букалерова // Законность. – 2006. – № 6.

340. Букалерова, Л.А. Квалификация мошенничества, сопряженного с незаконным оборотом документов, требует переосмысления / Л.А. Букалерова, Г.Н. Борзенков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3.

341. Бушуева, Т.А. Объект уголовно-правовой охраны природы / Т.А. Бушуева // Советское государство и право. – 1977. – № 8.

342. Быкова, Е. К вопросу о признании должностным лицом руководителей коммерческих организации / Е. Быкова, С. Яшков // Уголовное право. – 2015. –№ 3.

343. Васильев, А. Объект преступления при легализации доходов от преступной деятельности / А. Васильев // Законность. – 2004. –№ 9.

344. Векленко, В.В. Объект в структуре состава преступления / В.В. Векленко // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Омск, 2006.

345. Векленко, В.В. Определение субъекта должностных преступлений нуждается в совершенствовании / В.В. Векленко, В.Н. Борков // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 3.

346. Векленко, В.В. Негативное воздействие на природу как основание юридической ответственности за экологические правонарушения / В.В. Векленко, И.В. Попов // Вопросы правовой теории и практики : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. – Омская академия МВД России, 2007.

347. Векленко, С. Отграничение незаконного получения кредита (ст.176 УК РФ) от смежных преступлений / С. Векленко, С. Гудков // Уголовное право. – 2007. – № 3.

348. Векленко, С., Рогозина С. Квалификация налоговых преступлений по признакам субъекта / С. Векленко, С. Рогозина // Уголовное право. – 2009. – № 5.

349. Векленко, С.В. Резервы повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с хищениями, совершаемыми путем обмана / С.В. Векленко, С.А. Петров / Актуальные проблемы уголовного права : мат-лы международной научн.-прак. конф. / отв. за выпуск М.В. Бавсун, К.Д. Николаев. – Омск : Омская академия МВД России, 2010.

350. Витвицкая, С.С. Уголовная ответственность за экономические преступления специальных и неспециальных субъектов (проблема фактического исполнителя) / С.С. Витвицкая // Российский следователь. – 2007. –№ 20.

351. Волженкин, Б.В. Постановление Пленума Верховного Суда О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений / Б.В. Волженкин // Уголовное право. – 2008. – № 1.

352. Воробьев, С.М. К вопросу уголовно-правового понятия и признаках морального вреда как последствия преступного деяния / С.М. Воробьев // Российский следователь. – 2004. – № 4.

353. Гаджиева, А.А. Понятие потерпевшего в уголовном праве: проблемы, дискуссии, обсуждения / А.А. Гаджиева // Государство и право. – 2006. – № 4.

354. Галахова, А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объекта) / А.В. Галахова // Российский следователь. – 2010. – № 13.

355. Гарбатович, Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2014. – № 2.

356. Гельфер, М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве / М.А. Гельфер // Ученые записки ВЮЗИ. – М., 1955.

357. Генрих, Н.В. Предмет уголовно-правового регулирования в системе правоотношений / Н.В. Генрих // Российская юстиция. – 2010. – № 8.

358. Гладилин, В. Уголовная ответственность за временное позаимствование чужого имущества / В.Гладилин // Уголовное право. – 2003. – № 4.

359. Глухова, Г. Необходима самостоятельная глава в УК РФ о преступлениях против интеллектуальной собственности / Г. Глухова // Уголовное право. – 2003. – № 2.

360. Голиков, К.Н. Пределы допустимой государственной защиты потерпевших по делам о вымогательстве / К.Н. Голиков // Юрист. – 1999. – № 8.

361. Гонтарь, Д. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда или иного судебного акта / Д. Гонтарь, Ф. Гребенкин // Уголовное право. – 2005. – № 3.

362. Гонтарь, И. Отклонение действия и ошибка в причинной связи в уголовном праве / И. Гонтарь // Уголовное право. – 2009. – № 4.

363. Гончаров, Д. Квалификация подделки документов / Д. Гончаров // Законность. – 2000. – № 5.

364. Горбуза, А.Д. Философские категории «возможность» и «действительность» в учении об уголовной ответственности / А.Д. Горбуза // Юридическая ответственность в советском обществе. Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград, 1974.

365. Горбуза, А.Д. Механизм преступного посягательства / Д.А. Горбуза, Е.А. Сухарев // Уголовное право в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1987.

366. Горбунов, Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» / Ю.С. Горбунов // Журнал российского права. – 2010. – № 2.

367. Горелов, А. Как квалифицировать незаконное предпринимательство / А. Горелов // Российская юстиция. – 2003. – № 12.

368. Гревцов, Ю.И. Правоотношения – разновидность общественных отношений / Ю.И Гревцов // Советское государство и право. – 1975. – № 2.

369. Григорьев, В.А. Общественная опасность как признак деяния, требующего уголовно-правового реагирования / В.А. Григорьев // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. науч. тр. – Рязань: Ин-т права и экономики Минюста России, 2000.

370. Гричанин, И. Квалификация подделки и использования подложных документов / И. Гричанин, Ю. Щиголев // Российская юстиция. – 1997. – № 11.

371. Грошев, А. Квалификация нарушения правил охраны труда несколькими лицами / А. Грошев, О. Смык // Уголовное право. – 2006. – № 1.

372. Дагель, П.С. Имеет ли согласие потерпевшего уголовно-правовое значение? / П.С. Дагель // Советская юстиция. – 1972. – № 3.

373. Дагель, П.С. Потерпевший в советском уголовном праве / П.С. Дагель // Потерпевший от преступления. – Владивосток, 1974.

374. Дагель, П.С. Условия установления уголовной наказуемости / П.С. Дагель // Правоведение. – 1975. – №4.

375. Дементьев, С.И. Совершенствование законодательной конструкции двуобъектных преступлений / С.И. Дементьев,

М.В. Феоктистов // Защита личности в уголовном праве: межвузовский сборник научных трудов. – Екатеринбург, 2002.

376. Димитрова, Е.А. К вопросу о наличии признаков официального документа в полисе обязательного страхования владельцев транспортных средств / Е.А. Димитрова // Актуальные проблемы уголовного права : мат-лы междунар. науч. практ. конф. / отв. за вып. М.В. Бавсун, К.Д. Николаев. – Омск : Омская академия МВД России, 2010.

377. Дрожжина, Е. Объект преступления и его влияние на квалификацию преступлений / Е. Дрожжина // Уголовное право. – 2015. – № 3.

378. Дрожжина, Е.А. Проблемы методологии исследования объекта преступления / Е. Дрожжина // Вестник МГУ. – 2013. – № 2.

379. Друзин, А. Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения /А. Друзин // Законность. – 2002. – № 10.

380. Дядюн, К.В. Регламентация объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ: вопросы совершенствования законодательного подхода и правоприменения / К.В. Дядюн // Российский юридический журнал. – 2014. – № 3.

381. Егорова, Н. Служащий как специальный субъект в уголовном праве России / Н.Егорова // Уголовное право. – 2004. – № 2.

382. Егорова, Н. Управленческие преступления и злоупотребление правом / Н. Егорова // Уголовное право. – 2006. – № 5.

383. Елинский, А. Допустимость криминализации приобретения и хранения наркотиков для личного потребления: практика зарубежных органов конституционного правосудия / А. Елинский // Уголовное право. – 2011. – № 1.

384. Елинский, А.В. Конституционные основания криминализации деяний в свете решений Конституционного суда России / А. Елинский // Российский следователь. – 2010. – № 17.

385. Елисеев, С. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации / С. Елисеев // Уголовное право. – 2008. – № 1.

386. Елисеев, С.А. Спорные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ №12 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» / С.А. Елисеев // Вестник Томского государственного университета. – Право. – 2014. – № 4.

387. Емельянов, В.П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступления / В.П. Емелъянов // Право и политика. – 2002. – № 10.

388. Ермакова, О. Соотношение понятий «реальная возможность распоряжаться похищенным имуществом» и «причинение

имущественного ущерба собственнику или иному владельцу» / О. Ермакова // Уголовное право. – 2014. – № 1.

389. Есаков, Г.А. Определение субъекта преступлений в сфере экономики в российском и немецком уголовном праве / Г.А. Есаков, У. Хельман, П.В. Головненков // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2010. – № 4.

390. Ефимова, М.А. Уголовно-правовое обеспечение кибербезопасности: некоторые проблемы и пути их решения / М.А. Ефимова // Право и кибербезопасность. – 2014. – № 7.

391. Жалинский, А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики / А.Э. Жалинский // Государство и право. – 1999. – № 12.

392. Жариков, Ю.С. К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Ю.С. Жариков // Современное право. – 2011. – № 3.

393. Жевлаков, Э. Об исчислении размера ущерба, причиняемого незаконной рубкой деревьев и кустарников / Э. Жевлаков // Законность. – 2002. – № 10.

394. Жеребцов, А.П. Квалификация преступлений, совершенных в отношении двух и более лиц / А.П. Жеребцов // Совершенствование практики применения уголовного законодательства сотрудниками органов внутренних дел : сб. статей. – Екатеринбург, УЮИ МВД России. 2005.

395. Журавлева, Е.М. Контрабанда: объект, момент окончания преступления / Е.М. Журавлева, П.С. Яни // Российская юстиция. – 2005. – № 11.

396. Загородников, Н.И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву / Н.И Загородников // Труды Военно-юридической Академии. – М., 1949.

397. Загородников, Н.И. Объект преступления и проблема совершенствования уголовного законодательства / Н.И Загородников // Актуальные проблемы уголовного права. – М., 1988.

398. Загородников, Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию / Н.И Загородников // Проблемы уголовной политики и уголовного права : межвуз. сборник научных трудов. – М., 1994.

399. Загородников, Н.И. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права / Н.И. Загородников, А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1990. – № 12.

400. Замосковцев, П.В. Некоторые вопросы системы Особенной части Советского уголовного законодательства / П.В. Замосковцев // Сибирские юридические записки. – Омск-Иркутск, 1971.

401. Замосковцев, П.В. О многообъектности преступных посягательств / П.В. Замосковцев // Проблемы борьбы с преступностью / Сборник научных трудов. – Омск, 1978.

402. Зателепин, О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. Зателепин // Уголовное право. – 2003. – № 1.

403. Зелинский, А.Ф. Корысть: опыт криминологического и психологического анализа / А.Ф. Зелинский // Государство и право. – 1993. – № 3.

404. Зелинский, А.Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности / А.Ф. Зелинский // Советское государство и право. – 1984. – № 9.

405. Землюков, С.В. Классификация объектов и последствий преступлений / С.В. Землюков // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. научн. тр. Вып. 3. – Красноярск, 2000.

406. Зенцова, С.А. Проблемы объекта неосторожных преступлений, связанных с источником повышенной опасности / С.В. Зенцова // Учение об объекте преступления: тенденции и перспективы развития : сб. научн. трудов. Омская академия МВД России. – Омск, 2005.

407. Иванов, Н.Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2009. – № 6.

408. Иванцова, Н. Перспектива хулиганства – его декриминализация / Н. Иванцова // Законность. – 2004. – № 11.

409. Иванцова, Н. Разбой насильственное хищение чужого имущества /Н. Иванцова // Уголовное право. – 2003. – № 2.

410. Иванчин, А.В. Применение абстрактного и казуистического приемов при конструировании составов преступлений / А.В. Иванчин / Уголовное право : Стратегия развития в XXI веке : материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. – Москва: Проспект, 2011.

411. Иванчин, А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об обосновании уголовной ответственности и малозначительности / А.В. Иванчин // Lex russica. – 2015. – № 6.

412. Идрисов, Н.Т. О соотношении понятий принудительного и рабского труда и некоторых проблемах квалификации использования рабского труда / Н.Т. Идрисов // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 5.

413. Изотов, С.М. Правопорядок как общий объект преступления (к истории вопроса о понятии объекта преступления) / С.М. Изотов // История государства и права. – 2010. – № 18.

414. Иногамова-Хегай, Л. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения / Л. Иногамова-Хегай, С. Черебедов // Уголовное право. – 2008. – № 4.

415. Исмагилов, И.А. О системе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность, за посягательства на личные интересы граждан / И.А. Исмагилов, П.П. Осипов // Вестник ЛГУ. – 1971. – № 23.

416. Казямов, В.В. Уголовная ответственность за фальсификацию лекарственных средств / В.В. Казямов, Ю.П. Попов // Уголовное право на рубеже тысячелетий : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А.И. Чистякова и А.В. Шеслера. – Тюмень : Тюменский юридический институт МВД России, 2006.

417. Калмыков, Д.А. К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления» / Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы / Д.А. Калмыков // Материалы Российского конгресса уголовного права. – М., 2008.

418. Капинус, О.С. Проблемы квалификации преступлений с множественностью потерпевших / О.С. Капинус // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2013. – № 6.

419. Карабанова, Е.Н. Проблемы квалификации многообъектных убийств, совершенных в связи с осуществление служебной деятельности / Е.Н. Карабанова // Законность. 2016. – № 9.

420. Карабанова, Е. Способ преступления как способ мошенничества // Уголовное право. – 2015. – № 5.

421. Карабанова, Е.Н. Квалификация многообъектного преступления по мотиву и цели / Е.Н. Карабанова // Российская юстиция. – 2018. – № 1.

422. Карабанова, Е.Н. Квалификация многообъектных преступлений, совершаемых посредством преступления способа / Е.Н. Карабанова // Законность. – 2017. – № 12.

423. Карабанова, Е.Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования / Е.Н. Карабанова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10.

424. Карабанова, Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений / Е.Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2017. – № 1.

425. Карлин, А.Б. Социальная сущность преступных последствий / А.Б. Карлин // Вестник ЛГУ. – 1982. – № 5.

426. Карпов, К. Значение толкования признака совершения преступления «в отношении двух более лиц» для квалификации и назначения наказания / К. Карпов // Уголовное право. – 2015. – № 2.

427. Кауфман, М.А. Аналогия в уголовном праве / М.А. Кауфман // Российская юстиция. – 2005. – № 12.

428. Кауфман, М.А. О предмете преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» / М.А. Кауфман, С.Ю. Юшенкова // Российская юстиция. – 2008. – №10.

429. Кибальник, А. «Экстремисткое» хулиганство – нонсенс уголовного закона / А. Кибальник, И. Соломоненко // Законность. – 2008. – № 4.

430. Кибальник, А. Понятие и виды тайны в уголовном праве / А. Кибальник, И. Соломоненко // Российская юстиция. – 2001. – № 2.

431. Кладков А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии / А. Кладков // Законность. – 1998. – № 8.

432. Клепицкий, И. А. Собственность и имущество в уголовном праве / И.А. Клепицкий // Государство и право. – 1997. – № 5.

433. Клепицкий, И.А. Документ как предмет подлога в уголовном праве / И.А. Клепицкий // Государство и право. – 1998. – № 5.

434. Князев, Д.С. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребёнка и пути их преодоления / Д.С. Князев // Российский следователь. – 2010. – № 16.

435. Ковалев, М.И. Классификация объектов преступления / М.И. Ковалев, И. Я. Козаченко, Г.П. Новоселов // Правоведение. – 1987. – № 2.

436. Коваленко, Т.С. Приоритетные направления обеспечения общественной безопасности в области борьбы с незаконным оборотом оружия / Т.С. Коваленко // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 1.

437. Козаченко, И. Незаконное получение кредита / И. Козаченко, Я. Васильева // Российская юстиция. – 1999. – № 11.

438. Козаченко, И.Я. Структура объекта в преступлениях против личности / И.Я. Козаченко / Уголовное право в борьбе с преступностью : межвуз. сб. науч тр. – Свердловск, 1987.

439. Козлов, А.П. Состав преступления и преступление / А.П. Козлов // Уголовное законодательство: состояние и перспективы развития : материалы конференции / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. – Красноярск, 2002.

440. Козун, А.В. Место нарушения требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 Уголовного кодекса Россий-

ской Федерации) в системе норм уголовного законодательства и вопросы совершенствования состава преступлении / А.В. Козун // Российский следователь. – 2016. – № 11.

441. Козун, А.В. Спорные вопросы определения объекта угона транспортного средства / А.В. Козун, М.А. Гученков // Учение об объекте преступления: тенденции перспективы развития : сб. науч. тр. – Омск, 2005.

442. Козун, А.В. Спорные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 264 и 125 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.В. Козун, И.В. Розумань // Российский следователь. – 2012. – № 4.

443. Комиссаров, В.С. Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны / С.В. Комиссаров // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления : сб. статей по итогам Международно-практической конференции 14-15 сентября 2007 г. – Н.Новгород, 2008.

444. Кондрашова, Т.В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство / Т.В. Кондрашова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1.

445. Коняхин, В. Система институтов Особенной части Российского уголовного права и возможные перспективы ее оптимизации / В. Коняхин, М. Жук // Уголовное право. – 2012. – № 1.

446. Коняхин, В.П. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности / В.П. Коняхин, Р.Г. Асланян // Российский следователь. – 2016. – № 8.

447. Коняхин, В.П. Ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты / В.П. Коняхин, П.В. Бахметьев // Российский судья. – 2017. – № 10.

448. Коржанский, Н.И. О недостатках уголовно-правовой охраны чести и достоинства личности / Н.И. Коржанский // Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 3. – Волгоград, 1970.

449. Корнеева, А.В. О квалификации преступлений, совершаемых ненадлежащим субъектом преступления / А.В. Коржанский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной научно-практической конференции (26-27 января 2012 г.). – Москва : Проспект, 2012.

450. Корнеева, А.В. О квалификации при идеальной совокупности преступлений на примере ст. 264 УК РФ / А.В. Корнеева // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XI

Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014 г.). – М., 2014.

451. Коробов, П. Разбой как типичная форма хищения / П. Коробов // Уголовное право. – 2006. – №1.

452. Кремнев, И.Н. Объект уголовно-правовой охраны (спорные вопросы теории) / И.Н. Кремнев // Деятельность юрисдикционных органов по охране прав личности : сб. науч. трудов. – М., 1994.

453. Кригер, Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве / Г.А. Кригер // Вестник Московского университета. – 1955. – № 1.

454. Крылова, Н.Е. О понятии объекта преступления / Н.Е. Крылова // Вестник МГУ. Серия Право. – 2013. – № 6.

455. Кудрявцев, В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1951. – № 8.

456. Кудрявцев, В.Н. О противоправности преступления / В.Н. Кудрявцев // Правоведение. – 1959. – № 1.

457. Кузнецова, Н. Мнение ученых о реформе УК (или QUI PRODEST) / Н. Кузнецова // Уголовное право. – 2004. – № 1.

458. Куприянов, А.А. Свобода «жарить рыбу» расширяется / А.А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2011. – № 12.

459. Курсаев, А. Объект преступления в составе использования рабского труда / А. Курсаев // Уголовное право. – 2016. – № 1.

460. Лимонов, В.Н. Уголовно-правовая оценка мошенничества / В.Н. Лимонов // Журнал российского права. – 2002. – № 12.

461. Липинский, Д.А. Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности / Д.А. Липинский, К.Н. Евдокимов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 3.

462. Лобанова, Л. Позиции Пленума Верховного Суда РФ по некоторым вопросам квалификации мошенничества, нуждаются в изменении / Л. Лобанова, С. Мкртчян // Уголовное право. – 2015. – № 5.

463. Лобанова, Л. Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правовой реализации / Л. Лобанова, А. Рожнов // Законность. – 2016. – № 6.

464. Лобанова, Л. Фальсификация доказательств по уголовному делу: вопросы квалификации и недостатки правовой регламентации / Л. Лобанова, А. Рожнов, А Синельников // Уголовное право. – 2012. – № 6.

465. Лобанова, Л.В. Уголовно-правовое значение возможного заражения ВИЧ-инфекцией / Л.В. Лобанова, Р.Г. Каменев // Российская юстиция. – 2008. – № 3.

466. Лопашенко, Н.А. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны окружающей природной среды / Н.А. Лопашенко // Законность. – 2001. – № 8.

467. Ляпунов, Ю. Ответственность за вымогательство / Ю. Ляпунов // Законность. – 1997. – № 4.

468. Ляпунов, Ю. Дискуссионные проблемы объекта преступлений против собственности / Ю. Ляпунов // Уголовное право. – 2004. – № 3.

469. Максимова, Е.В. Об уголовно-правовой охране земельных отношений Е.В. Максимова // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2.

470. Малинин, В. Уголовная ответственность за самоуправство / В. Малинин, В. Капканов // Уголовное право. – 2006. – № 6.

471. Мальков, С.М. К вопросу о моменте окончания хищения наркотических средств / С.М. Мальков, Д.В. Токманцев // Наркоконтроль. – 2016. – № 3.

472. Мальцев, В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве / В.В. Мальцев // Законность. – 1999. – № 1.

473. Мальцев, В. Понятие непосредственного индивидуального объекта преступления / В. Мальцев // Уголовное право. – 2011. – № 5.

474. Метельский, П.С. Фальсификация доказательств по уголовному делу: трудности квалификации / П.С. Метельский // Уголовный процесс. – 2012. – № 9.

475. Митрофанов, Т.И. Квалификация мошенничества при получении выплат, сопряженных с подделкой документов / Т.И. Митрофанов // Российский следователь. – 2015. – № 6.

476. Молчанов, Д.М. Умышленные преступления в отношении двух и более лиц: проблемы квалификации / Д.М. Молчанов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Восьмой международной научно-практической конференции 27-28 января 2011 г. – Москва: Проспект, 2011.

477. Мурадов, Э. Субъект незаконной банковской деятельности / Э. Мурадов // Законность. – 2009. – № 6.

478. Наумов, А. Хищение интеллектуальной собственности / А. Наумов // Уголовное право. – 2004. – № 4.

479. Наумов, А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г / А.В. Наумов // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1993. – № 5.

480. Наумов, А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права / А.В. Наумов // Законность. – 2002. – № 7.

481. Наумов, А.В. О законодательной и правоприменительной оценке социальных ценностей, охраняемых уголовным законом / А.В. Наумов // Актуальные проблемы уголовного права. – М.: ИГПАН, 1988.

482. Незнамова, З.А. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм / З.А. Незнамова // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5.

483. Необоснованный приговор по протесту прокурора отменен (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Клыкова) // Законность. – 1996. – № 6.

484. Нерсесян, В.А. Неосторожная вина: проблемы и решения /В.А. Нерсесян // Государство и право. – 2000. – № 4.

485. Никитин, А.С. Понятие «потерпевший» в материальном праве / А.С. Никитин // Государство и право. – 2007. – № 11.

486. Никифоров, Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. – 1956. – № 6.

487. Нуркаева, Т.Н. Некоторые проблемы применения уголовного закона в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / Т.Н. Нуркаева // Борьба с наркопреступностью и наркотиками на Дальнем Востоке : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2007.

488. Ображиев, К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией в системе мер предупреждения преступности / К.В. Ображиев // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М., 2016.

489. Ораздурдыев, А.М. Проблема множественности объектов и парных субъектов в понятии простого преступления / А.М. Ораздурдыев // Российский следователь. – 2013. – № 15.

490. Орешкина, Т. Самоуправство: понятие, признаки, соотношение с самозащитой гражданских прав и злоупотреблением правом / Т. Орешкина // Уголовное право. – 2008. – № 2.

491. Орешкина, Т.Ю. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего / Т.Ю. Орешкина // Уголовное право: стратегия развития : материалы второй научно-практической конференции 25–27 января 2005 г. – М., 2005.

492. Осокин, Р.Б. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения / Р.Б. Осокин, А.В. Курсаев // Государство и право. – 2012. – № 7.

493. Панов, Н.И. Понятие предмета преступления по советскому уголовному праву / Н.И. Панов // Проблемы правоведения. Вып. 45. – Киев, 1984.

494. Пермяков, Ю.А. О механизме преступного воздействия на систему общественных отношений / Ю.А. Пермяков // Уголовная ответственность и ее реализация : межвузовский сборник. – Куйбышев, 1985.

495. Петрова, Г. О совершенствовании уголовного законодательства в сфере борьбы с мошенничеством / Г. Петрова // Уголовное право. – 2015. – № 5.

496. Петухов, А.Н. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / А.Н. Петухов // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 12.

497. Петухов, Б.В. Отличие предмета от орудий и средств совершения преступления / Б.В. Петухов, И.В. Кузнецов // Российский следователь. – 2004. – № 4.

498. Пикуров, Н. Отграничение состава дорожно-транспортного преступления от смежных составов преступлений / Н. Пикуров // Уголовное право. – 2009. – № 5.

499. Пионтковский, А.А. 113-ая и 185-ая статьи Уголовного кодекса / А.А. Пионтковский // Растрата и растратчики. – М., 1926.

500. Плохова, В. Особенности природных объектов и их отражение в правовом регулировании / В. Плохова // Российская юстиция. – 2002. – № 6.

501. Плохова, В.И. Угон транспортного средства квалифицировать как хищение имущества / В. Плохова // Российская юстиция. – 2003. – № 11.

502. Погосян, Т.Ю. Уголовно-правовые аспекты защиты потребителя от контрафактной и фальсифицированной продукции / Т.Ю. Погосян // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3.

503. Попов, А. О новеллах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности» / А. Попов // Уголовное право. – 2016. – № 2.

504. Попов, И. Безлицензионная (самовольная) добыча полезных ископаемых как нарушение правил охраны и использования недр (ст.255 УК РФ) / И. Попов // Уголовное право. – 2012. – № 4.

505. Попов, И.В. Некоторые противоречия судебно-следственной практики по делам о преступлениях главы 26 УК РФ / И.В. Попов // Проблемы права. – 2014. – № 1.

506. Потапов, А.В. Государственный целевой кредит как предмет преступного посягательства, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ / А.В. Потапов // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сб. ст. / под ред. В.Д. Филимонова. Часть II. – Томск, 2002.

507. Пудовочкин, Е.Ю. Некоторые вопросы квалификации совокупности преступлений / Е.Ю. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 5.

508. Рагозина. И.Г., Бражников В.В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики / И.Г. Рагозина, В.В. Бражник // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 1.

509. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека и её оптимизация / Б.Т. Разгильдиев / Уголовно-правовая охрана личности и её оптимизация : научно-практическая конференция, посвященная памяти А.Н. Красикова (20-21 марта 2003 г.) / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов, 2003.

510. Рарог, А. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений / А. Рарог // Уголовное право. – 2000. – № 1.

511. Расторопов, С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива / С. Расторопов // Уголовное право. – 2002. – № 1.

512. Редин, М.П. Квалификация единых преступлений при частичном наступлении вреда / М.П.Редин // Следователь. – 2004. – № 2.

513. Рогова Е.В. Проблемы определения общественной опасности и малозначительности деяний, посягающих на порядок добычи природных ресурсов / Е.В. Рогова Р.А. Забавко // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2.

514. Розенберг, Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) / Д.Н. Розенберг // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 3. – Харьков, 1948.

515. Ролик, А.И. Предмет наркопреступлений: подходы к его определению / А.И. Ролик // Lex russica. – 2016. – № 12.

516. Романовский, Г.Б. Начало жизни человека в уголовном праве / Г.Б. Романовский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3.

517. Романовский, М.А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: законодательная конструкция и во-

просы правоприменения / М.А. Романовский, И.Г. Рагозина // Российская юстиция. – 2010. – № 6.

518. Рускевич, Е. О проблемах квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации / Е. Рускевич // Уголовное право. – 2017. – № 5.

519. Савинков, А.А. К вопросу о правовом регулировании деяний, связанных с применением лазерного излучения, ставящих под угрозу безопасность, жизнь и здоровье пассажиров воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта / А.А. Савинков // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3.

520. Савченко, А.Н. Установление потерпевшего и субъекта преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ / А.Н. Савченко, В.В. Колоссовский // Уголовный процесс. – 2008. – № 3.

521. Сбирунов, П.Н. Некоторые особенности наркотизма и наркотизма несовершеннолетних в Российской Федерации / П.Н. Сбирунов // Российский следователь. – 2012. – № 18.

522. Свидерский, В.И. Отношение как категория материалистической диалектики / В.И. Свидерский, Р.А. Зобов // Вопросы философии. – 1979. – № 1.

523. Святенюк, Н.И. Объект уголовно-правой охраны и материальное содержание преступления / Н.И. Святенюк // Правовые, криминологические и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Вып. 3.– М., 1992.

524. Сергеев, В.И. Оценка действий потерпевшего при квалификации вымогательства / В.И. Сергеев // Законодательство. – 2000. – № 3.

525. Сидоренко, Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Э. Сидоренко // Уголовное право. – 2011. – № 3.

526. Сидоренко, Э.Л. Квалификация совокупности преступлений, совершаемых с применением оружия / Э.Л. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 4.

527. Ситникова, А. Реальные и фиктивные покушения на преступления / А. Ситникова // Уголовное право. – 2005. – № 5.

528. Ситникова, А.И. Квалификация действий, связанных с фактическими ошибками / А.И. Ситникова // Российский судья. – 2016. – № 4.

529. Скляров, С. Как квалифицировать последствия сбыта поддельных денег или ценных бумаг / С.В. Скляров // Российская юстиция. – 2002. – № 10.

530. Скляров, С.В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ / С.В. Скляров // Государство и право. – 1997. – № 6.

531. Скрипченко, Б.В. Вред как основание признания потерпевшим / Б.В Скрипченко // Потерпевший от преступления. – Владивосток, 1974.

532. Скрипченко, Н. Существенный вред как признак должностных преступлений / Н. Скрипченко, А Ситников // Уголовное право. – 2017. – № 1.

533. Смирнов, Г.К. Особенности уголовно-правовой оценки незаконного приобретения имущественного права на ценные бумаги / Г.К. Смирнов // Законодательство. – 2011. – № 1.

534. Смирнов, М. Уголовно-правовой статус лиц, представляющих интересы государства в органах управления акционерных обществ / М. Смирнов // Законность. – 2008. – № 1.

535. Смолин, С. Обман суда: способ мошенничества или преступление против правосудия / С. Смолин // Уголовное право. – 2015. – № 1.

536. Смолин, С. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступления / С. Смолин // Уголовное право. – 2014. – № 4.

537. Смолин, С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере / С.В. Смолин // Уголовное право. – 2014. – № 6.

538. Смык, О.А. Преступные нарушения правил охраны труда в сфере незаконного предпринимательства: проблемы теории и практики / О.А. Смык // Российский следователь. – 2005. – № 8.

539. Соболев, В.В. Квалификация противоправного изъятия чужого имущества с последующим уничтожением / В.В. Соболев, А.В. Шульга // Российская юстиция. – 2007. – № 5.

540. Спиридонова, А.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки в личности потерпевшего при квалификации преступлений против жизни / А.Э. Спирдонова // Криминалистъ. – 2012. – № 2.

541. Сташис В.В. Непосредственный объект и его значение для квалификации преступлений / В.В. Сташис, Н.И. Панов // Проблемы правоведения : Республиканский межвед. научный сборник. Вып. 50. – Киев, 1989.

542. Стручков, Н.А. Объект преступного посягательства и система Особенной части УК / Н.А. Стручков // Советское государство и право. – 1987. – № 12.

543. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. – 1994. – № 6.

544. Сухарев, Е.А. Традиционные представления о механизме преступного посягательства / Е.А. Сухарев, Д.А. Горбуза // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе : межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1985.

545. Тараненко, А.С. Перспективы уголовно-правовой охраны деловой репутации коммерческих организаций / А.С. Тараненко // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2.

546. Таубер, Л.Я. Понятие потерпевшего в уголовном праве / Л.Я. Таубер // Журнал Министерства юстиции. – СПб., 1907. – № 5.

547. Токманцев, Д. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ / Д. Токманцев // Уголовное право. – 2013. – № 3.

548. Точка, А.В. Объективная сторона вандализма: направления оптимизации легального описания / А.В. Точка // Закон и право. – 2013. – № 10.

549. Тюнин, В.И. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства / В.И. Тюнин // Уголовный процесс. – 2013. – № 3.

550. Тюнин, В.И. Право на имущество в составе мошенничества / В.И. Тюнин, Т.А. Огарь // Уголовный процесс. – 2006. – № 9.

551. Тюрин, В. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ / В. Тюрин // Законность. – 2000. – № 5.

552. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект / Н.А. Лопашенко [и др.] // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – №6.

553. Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ / М. Урда, С. Шевелева // Уголовное право. – 2013. – № 6.

554. Устинова, Т. Уголовно-правовая оценка ст. 174.1 УК РФ / Т.Устинова // Уголовное право. – 2003. – № 2.

555. Устинова, Т.Д. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: вопросы правоприменения и законодательного закрепления / Т.Д. Устинова // Законы России: опыт теория и практика. – 2009. – № 3.

556. Устинова, Т.Д. Принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения / Т.Д. Устинова // Законность. – 2013. – № 2.

557. Устинова, Т.Д. Документ как предмет подделки / Т.Д. Устинова, Е.Ю. Четвертакова // Законодательство. – 2008. – № 1.

558. Фалилеев, В.А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: вопросы теории и судебной практики / В.А. Фалилеев, Ю.П. Гармаев // Российский судья. – 2013. – № 5.

559. Федин, А. Некоторые особенности квалификации преступления, предусмотренного частью 3 статьи 327 УК РФ / А. Федин // Уголовное право. – 2008. – № 3.

560. Федоров, А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ / А.В. Федоров // Наркоконтроль. – 2011. – № 2.

561. Федоров, М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву /М.И. Федоров // Ученые записки. Пермского гос. университета. Том XI. Вып.4. Кн.2. (юрид. науки). – Пермь, 1957.

562. Феофилактов, А.С. Самоуправное взыскание долгов /А.С. Феофилактов // Уголовный процесс. – 2006. – № 3.

563. Филимонов, В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления / В.Д. Филимонов // Уголовное право. – 2003. – № 2.

564. Филимонов, В.Д. Объект преступления и преступное последствие / В.Д. Филимонов // Актуальные правовые вопросы с преступностью : сб. статей / отв. ред. В.Д. Филимонов. – Томск, 1988.

565. Филимонов, С.А. Ошибки и затруднения, возникающие при квалификации киберпреступлений / С.А. Филимонов // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5.

566. Филиппов, П. Значение действительного или предполагаемого права для квалификации деяния виновного как самоуправство / П. Филиппов // Законность. – 2017. – № 12.

567. Фролов, А.Е. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность / Е.А. Фролов // Сборник ученых трудов. Вып. 8. – Свердловск, 1968.

568. Фролов, Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Е.А. Фролов / Сборник ученых трудов. Вып. 10. – Свердловск, 1969.

569. Фурса, Е. Предмет фальсификации подписей избирателей (ст.142.1 УК РФ) / Е. Фурса // Уголовное право. – 2013. – № 2.

570. Харламова, А. К вопросу о малозначительности деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст.222, 222.1 УК РФ / А. Харламова, Ю. Белик // Уголовное право. – 2016. – № 5.

571. Хатыпов, Р.Н. Спорные вопросы квалификации вымогательства / Р.Н. Хатыпов // Российский следователь. – 2003. – № 11.

572. Хилюта, В. «Хищение» интеллектуальной собственности / В. Хилюта // Уголовное право. – 2008. – № 2.

573. Хилюта, В. Всегда ли преступно принуждение к совершению сделки? / В. Хилюта // Законность. – 2013. – № 2.

574. Хилюта, В. Как разграничить разбой и бандитизм? / В. Хилюта // Законность. – 2012. – № 3.

575. Хилюта, В. Кому причиняется ущерб в результате хищения / В. Хилюта // Законность. – 2014. – № 5.

576. Хилюта, В. Носители имущественных прав в системе объектов уголовно-правовой охраны / В. Хилюта // Уголовное право. – 2007. – № 6.

577. Хилюта, В. Присвоение потерянных и забытых вещей / В. Хилюта // Уголовное право. – 2010. – № 1.

578. Хилюта, В.В. Определение размера упущенной выгоды при причинении имущественного ущерба / В. Хилюта // Уголовный процесс. – 2010. – № 8.

579. Хилюта, В.В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия / В. Хилюта // Журнал российского права. – 2016. – № 17.

580. Хилюта, В.В. Хищение с использование компьютерной техники или компьютерное мошенничество? / В. Хилюта // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5.

581. Хлупина, Г. Проблемы применения нормы об уголовной ответственности за порчу земли / Г. Хлупина, Н. Качина // Уголовное право. – 2010. – № 1.

582. Хлупина, Г.Н. Уголовно-правовая охрана отношений частной собственности на землю / Г.Н. Хлупина // Уголовное право: стратегия развития : материалы второй научно-практической конференции, 25–27 января 2005 г. – М., 2005.

583. Чекунов, Е.Г. Квалификация мошенничеств, связанных с блокированием программного обеспечения компьютеров пользователей сети Интернет / Е.Г. Чекунов // Российский следователь. – 2012. – № 5.

584. Черненко, Т.Г. Фактическая ошибка в объекте и предмете посягательства / Т.Г. Черненко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 3.

585. Чучаев, А. Фальсификация доказательств / А. Чучаев, И. Дворянсков // Уголовное право. – 2001. – № 2.

586. Шаргородский, М.Д. Рецензия на Советское уголовное право. Общая часть. М.: Госюриздат, 1952 / М.Д. Шаргородский // Советское государство и право. – 1953. – № 8.

587. Шарапов, Р. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа / Р. Шарапов // Уголовное право. – 2005. – № 1.

588. Шарапов, Р. Психический вред в уголовном праве / Р. Шарапов // Уголовное право. – 2004. – № 2.

589. Шарапов, Р.Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом / Р. Шарапов // Законность. – 2013. – № 7.

590. Шатилович, С.Н. Проблемы реализации уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, не отвечающей требованиям безопасности (по материалам юга Тюменской области) / Н.С. Шатилович // Уголовное право на рубеже тысячелетий : материалы региональной научно-практ. конф. 21 ноября 2007 г. / под ред. А.И. Числова, А.В. Шеслера. – Тюмень, 2008.

591. Шеслер, А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл / А.В. Шеслер // Уголовное право. – 2013. – № 2.

592. Шеслер, А.В. Содержание общественной опасности преступления / А.В. Шеслер // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научн. трудов. Вып. 5 – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2002.

593. Шешуков, П.П. О моральном вреде как основании признания потерпевшим / П.П. Шешуков // Правоведение. – 1974. – № 2.

594. Широков, В. Нужна ли ст. 166 УК / В. Широков // Законность. – 2009. – № 1.

595. Шишко, И.В. Квалификация «служебного долга» в условиях рыночных отношений / И.В. Шишко // Российская юстиция. – 2003. – № 4.

596. Шишко, И.В. Совокупность фальшивомонетничества и преступлений, совершаемых с использованием поддельных денег (ценных бумаг) / И.В. Шишко // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов научно-практической конференции. Ч. 1. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2001.

597. Шнитенков, А.В. Поддельная справка о заработной плате как предмет преступления / А.В. Шнитенков // Российская юстиция. – 2008. – № 11.

598. Шнитенков, А.В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики / А.В. Шнитенков // Российская юстиция. – 2014. – № 11.

599. Шнитенков, А.В. Уголовно-правовое положение представителя интересов государства в акционерных обществах / А.В. Шнитенков // Уголовное право. – 2004. – № 4.

600. Шульга, А.В. Момент окончания хищения по ст. 229 УК РФ /А.В. Щульга // Российская юстиция. – 2007. – № 11.

601. Щепельков, В. Нарушение авторских прав в организации: проблемы квалификации /В. Щепельков // Уголовное право. – 2012. – № 4.

602. Щепельков, В.Ф. Множественность потерпевших в преступлениях против личности: проблемы квалификации / В.Ф. Щепельков // Криминалистъ. – 2009. – № 2.

603. Щерба, С. Социальная опасность и уголовно-правовые последствия заражения ВИЧ-инфекцией / С. Щерба // Уголовное право. – 1998. – № 3.

604. Юркина, Т.П. Проблемы квалификации обращения фальсифицированных лекарственных средств / Т.П. Юркина // Медицинское право. – 2013. – № 1.

605. Юрченко, И.А. Налоговая тайна как предмет уголовно-правовой охраны / И.А. Юрченко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сборник материалов третьей Международной научно-практической конференции. – М., 2006.

606. Якимов, О.Я. Проблемы уголовно-правовой охраны государственной границы РФ / О.Я. Якимов, С.С. Якимова / Уголовное право: проблемы развития в XXI веке : материалы 4-й международной научно-практической конференции. – М., 2007.

607. Яни, П. Моральный вред как основание для признания потерпевшим / П. Яни // Советская юстиция. –1993. – №8.

608. Яни, П.С. Безналичные средства – предмет хищения? / П.С. Яни // Законность. –2002. – № 1.

609. Яни, П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения должностных полномочий / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 12.

610. Яни, П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления / П.С. Яни // Российская юстиция. – 1995. – № 4.

611. Яни, П.С. Квалифицированный состав служебного подлога / П.С. Яни // Законность. –2010. – № 12.

612. Яни, П.С. О значении принципа «ignorantia juris nocet» для вменения составов экономических преступлений / П.С. Яни // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ 31 мая 2001 г. – Москва, ЛексЭст, 2002.

613. Яни, П.С. Общественно опасные последствия укрытия преступлений сотрудниками милиции: проблемы применения уголовного закона в судебной практике / П.С. Яни // Законодательство. – 2007. – № 12.

614. Яни, П.С. Постановление Пленума Верховного Суда РФ о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления / П.С. Яни // Законность. – 2008. – № 4.

615. Яни, П.С. Сложности квалификации халатности / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 8.

616. Яни, П.С. Совершение должностного преступления во внерабочее время / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2009. – № 6.

617. Яни, П.С. Уголовная ответственность за нарушение трудовых прав граждан / П.С. Яни // Трудовое право. – 2000. – № 1.

618. Яни, П.С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда / П.С. Яни / Пробелы в законодательстве и пути их преодоления : сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции 14-15 сентября 2017 года / под ред. В.И. Каныгина, С.В. Изосимова, А.Ю. Чупровой. – Н.Новгород, 2008

619. Яни, П.С. Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? / П.С. Яни // Законность. – 2012. –№ 12.

620. Яни, С.А. Понимание права на имущество как предмет мошенничества в теории и судебной практике / С.А. Яни, П.С. Яни, Д.П. Яни // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3.

Авторефераты диссертаций

621. Багиров, Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ч.М. Багиров. – Тюмень, 2005.

622. Бачурин, Э.А. Специальный субъект преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Э.А. Бачурин. – Красноярск, 2005.

623. Ветошкина, М.М. Ценные бумаги как предмет хищения : автореф. дис. … канд юрид наук / М.М. Ветошкина – Екатеринбург, 2001.

624. Галыгина, И.П. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни : автореф. дис. … канд. юрид. наук / И.П. Галыгина. – Томск, 2006.

625. Георгиевский, Э.Ф. Объект преступления (Теоретический анализ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Э.Ф. Георгиевский. – СПб., 1999.

626. Дрожжина, Е.А. Общественная безопасность как объект преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.А. Дрожжина. – М., 2015.

627. Егорова, Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции : автореф. дис. … докт. юрид. наук / Н.А. Егорова. – Волгоград, 2006.

628. Журавлева, Е.Н. Криминальное банкротство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.Н. Журавлева. – Омск, 2006.

629. Замосковцев, П.В. Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистко–ленинской теории ценностей : автореф. дис. … канд. юрид. наук / П.В. Замосковцев. – М., 1973.

630. Землюков, С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : автореф. дис. … докт. юрид. наук / С.В. Землюков. – М., 1993.

631. Иващенко, Б.В. Уголовная ответственность за неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Б.В. Землюков. – М., 1998.

632. Ильин, И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. … докт. юрид. наук / И.В. Ильин. – М., 2011.

633. Исмагилов, Р.А. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р.А. Исмагилов. – Тюмень, 2011.

634. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : автореф. дис. … докт. юрид. наук / Л.Р. Клебанов. – М., 2012.

635. Комиссаров, В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (Понятие, система, общая характеристика) : автореф. дис. … докт. юрид. наук / В.С. Комиссаров. – М., 1997.

636. Коренев, А.С. Уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность : автореф. дис. … канд.юрид. наук / А.С. Коренев. – Екатеринбург, 2001.

637. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР : автореф. дис. … докт. юрид. наук / Н.И. Коржанский. – М., 1981.

638. Корякина, Е.А. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.А. Корякина. – Екатеринбург, 2011.

639. Кравцов, С.Ф. Предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.Ф. Кравцов. – Л., 1976.

640. Кудряшов, А.В. Хищение автотранспорта: вопросы квалификации, уголовно-правовые и криминологические меры противодействия : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.В. Кудряшов. – Челябинск, 2005.

641. Кузнецов, А.В. Понятие и виды предметов преступления в уголовном праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.В. Кудряшов. – Челябинск, 2007.

642. Кузнецов, А.А. Использование служебного положения при совершении преступлений в сфере экономики : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Кузнецов. – Омск, 2006.

643. Кулешов, Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории законотворчества и правоприменения : автореф. дис. … докт. юрид. наук / Ю.И. Кулешов. – Владивосток, 2007.

644. Летников, П.Ю. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков : автореф. дис. … канд. юрид. наук / П.Ю. Летников. – Красноярск, 2009.

645. Логинова, Н.Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н.Г. Логинова. – Красноярск, 2007.

646. Мазуренко, Е.А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.А. Мазуренко. – М., 2003.

647. Мазуров, В.А. Уголовно-правовая защита тайны : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.А. Мазуров. – Томск, 2001.

648. Мамилов, К.В. Уголовно-правовое основание уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов : автореф. дис. … канд. юрид. наук / К.В. Мамилов. – Ижевск, 2001.

649. Мирончик, А.С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.С. Мирончик. – Красноярск, 2009.

650. Мотин, О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.А. Мотин. – Волгоград, 2005.

651. Нуркаева, Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (Вопросы

теории и практики) : автореф. дис. … докт. юрид. наук / Т.Н. Нуркаева. – Н.Новгород, 2002.

652. Павлов, С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.Н. Павлов. – Ростов-на-Дону. 2011.

653. Поезжалов, В.Б. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.Б. Поезжалов. – Рязань, 2003.

654. Постников, В.С. Уголовная ответственность за подделку, изготовление, сбыт и использование подложных документов, штампов, печатей, бланков : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.С. Постников. – М., 1990.

655. Сабитова, Е.Ю. Документы как объективный признак состава преступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.Ю. Сабитова. – Челябинск, 2005.

656. Семенов, С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.А. Семенов. – М., 1999.

657. Сидоров, Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : автореф. дис. …. докт. юрид. наук / Б.В. Сидоров. – М., 1998.

658. Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2002.

659. Суслина, Е.В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.В. Суслина. – Екатеринбург, 2007.

660. Ткаченко, В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.С. Ткаченко. – М., 1998.

661. Ткачев, И.О. Множественность потерпевших и её значение при квалификации убийств : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009.

662. Толстикова, И.Н. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о выборах : автореф. дис. …. канд. юрид. наук / И.Н. Толстикова. – Красноярск, 2005.

663. Тягунов, О.С. Ответственность за преступные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации водного транспорта : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.С. Тягунов. – Свердловск, 1990.

664. Фабричный, А.И. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.И. Фабричный. – Красноярск, 2001.

665. Фролов, Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дис. … докт. юрид. наук / Е.А. Фролов. – Свердловск, 1971.

666. Хабаров, А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.В. Хабаров. – Тюмень, 1999.

667. Хмелева, М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество : автореф. дис. … канд. юрид. наук / М.Ю. Хмелева. – Омск, 2008.

668. Чистяков, А.А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме формирующем ее основание : автореф. дис. … докт. юрид. наук / А.А. Чистяков. – Рязань, 2003.

669. Чистяков, А.А. Элементы основания уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Чистяков. – Рязань, 1993.

670. Шишкин, Н.А. Собственность как объект уголовно-правовой охраны от преступных посягательств, связанных с уничтожение или повреждением чужого имущества : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н.А. Шишкин. – М., 2010.

671. Шульга, А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. … докт. юрид наук / А.В. Шульга. – Волгоград, 2008.

672. Яшков, С.А. Информация как предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.А. Яшков. – Екатеринбург, 2005.

План издания № 16

Виктор Николаевич Винокуров

Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система Особенной части УК РФ

Монография

ISBN 978-5-7889-0263-0

Печатается в авторской редакции.
Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать *20 сентября 2018 г.*
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. листов 16,85 (21,5 усл.печ.л.).
Тираж 300 экз. Первый завод 100 экз. Заказ 280.

Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.